Федор Васильевич ПОТЕМКИН
член-корреспондент АН СССР

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ во ФРАНЦИИ

ТОМ II

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС И СОЦИАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

М.: Наука. 1971

Второй том монографии является непосредственным продолжением тома первого. Если в первом томе тема отражена в технико-экономическом аспекте, то во втором показаны социальные изменения, сопровождавшие промышленную революцию, — пауперизация народных масс, ухудшение положения фабричных рабочих, применение детского труда и т.п. Особое внимание автор уделяет классовой борьбе трудящихся города и деревни — Лионским восстаниям, забастовкам, выступлениям против налогов и продовольственных спекуляций.

Веб-публикация: библиотека Vive Liberta и Век Просвещения, 2011

Первый том монографии Ф.В.Потемкина «От мануфактуры к фабрике» размещен в библиотеке ранее, ссылки для скачивания здесь:
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p131398226.htm

или
http://ru.calameo.com/books/0004553796c47f51c04f4

Дополнительные материалы, размещенные в нашей электронной библиотеке, которые мы рекомендуем:

Ю.Кучинский. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг.
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p79346554.htm

Е.Кожокин. История бедного капитализма. Франция XVIII - перв.пол. XIX в.
http://narod.ru/disk/20002006000/kozhokin.pdf.html

Е.Кожокин. Французская буржуазия на исходе Старого порядка
http://vive-liberta.narod.ru/journal/kozhokin.pdf

Е.Кожокин. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 г.
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57335227.htm
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p57829096.htm

Е.Тарле. Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху Великой революции
http://narod.ru/disk/11359198000/tarle_lab.pdf.html

К.Раткевич. Французские рабочие в годы Великой революции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/ratk_lab.pdf

С.Лотте. «Республиканское сословие». Из истории французского предпролетариата XVIII в.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/lotte_fe-60.pdf

С.Сытин. Рабочие организации во Франции накануне революции конца XVIII в.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/sytin_fe-74.pdf

Л.Бендрикова. Экономический кризис и рабочее движение накануне Февральской революции во Франции
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/1848_2-4.pdf

Л.Эритье. История французской революции 1848 г. и Второй республики. Выпуск 1. 1814-1848 гг.
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75800170.htm

М.Блок. Характерные черты французской аграрной истории
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p67642984.htm

А.Адо. Крестьяне и ВФР. Крестьянское движение в 1789-1794 гг.
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p80651618.htm

А.Молок. Политическая обстановка во Франции накануне Июльской революции 1830 г.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/juillet-revolution_molok1.pdf

А.Ревякин. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в.
http://vive-liberta.narod.ru/journal/revac_econm-xix.pdf

Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p69874420.htm

О.Старосельская-Никитина. Очерки по истории науки и техники в период Французской буржуазной революции (полный текст монографии)
http://vive-liberta.narod.ru/journal/strsl_science.htm

Ф.Потемкин. Июльская монархия во Франции (1830—1848 гг.) / Стенограмма лекции, прочитанной в Высшей партийной школе при ЦК ВКП(б)
http://www.diary.ru/~vive-liberta/p113481602.htm#404104256

Материалы, посвященные Парижской коммуне 1871 года
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

ОГЛАВЛЕНИЕ

23. Положение фабричных рабочих в 40-х годах XIX века
1. Вводные замечания
2. Бумагопрядильное производство
3. Шерстопрядильная и сукноделательная промышленность
4. Мелкое производство
5. Льнопрядильное и пенькопрядильное производства
6. Добывающая промышленность
7. Вязальное производство и другие отрасли промышленности, «не охраняемые законом 22 марта»
8. Прочие отрасли производства

9. Бумагоделательное производство
10. Производство шнурков

24. Труд малолетних рабочих в Париже и его окрестностях в 40-х годах XIX века

1. Вводные замечания
2. Предприятия, в которых применялся в Париже (или близ Парижа) труд детей и подростков
3. Отрасли, формально охраняемые законом. По данным инспекции в Париже, Сен-Дени и Со в 1844 году
4. Предприятия, на которые не распространялся закон 1841 г. об охране труда

25. Классовая сущность борьбы за сокращение рабочего дня. Появление закона о фабричном труде детей и подростков

1. Начало и развитие пропаганды в пользу охраны труда детей и подростков во Франции
2. Кратко о парламентской истории закона 1841 года
3. Значение материального интереса и классового положения в пропаганде законодательных ограничений детского труда
4. Материальные интересы промышленника Ле-Грана
5. Заключительные замечания

26. Пауперизация народных масс в начале промышленной революции

1. Вводные замечания
2. О причинах распространения пауперизма во Франции в первые десятилетия
XIX века
3. Положение обедневших крестьян в годы неурожаев (период Реставрации)

27. Распространение пауперизма в 30-х и 40-х годах XIX века

1. Вводные замечания
2. Северный и северо-восточный районы
3. Северо-западный и западный районы
4. Центральный район
5. Юго-восточный район

28. Война демуазелей

1. Вводные замечания
2. Некоторые особенности экономической жизни в районах выступления демуазелей
3. Первые вооруженные выступления демуазелей
4. Демуазели и июльская революция
5. К истории «лесных» волнений 1830 г. в других частях Франции
6. Заключительные замечания

29. Историческое значение рабочих восстаний в Лионе в 1831 и 1834 годах

продолжение в следующих файлах

30. Забастовочная борьба в 1836—1847 годах

1. Вводные замечания
2. Освещение истории забастовочной борьбы во французской буржуазной литературе
3. Стачки 1836—1839 годов
4. Год 1839. Отношение рабочих к тайным политическим организациям
5. Особенности условий стачечной борьбы в 40-е годы XIX века
6. Стачки в провинциальных городах в первой половине 1840 года
7. Забастовочное движение в 1840 году в Париже
8. Дело у заставы Мэн
9. Забастовки 1840 года и отношение рабочих к политической борьбе
10. Попытка восстания 7 сентября 1840 года
11. Забастовочное движение в Париже и провинции после 7 сентября 1840 года
12. Забастовочное движение 1841 года
13. Стачки 1842—1845 годов
14. Забастовочная борьба в годы складывания революционной ситуации

31. Борьба народных масс против налоговой политики Июльской монархии

1. Выступления против налогов в 1840 году
2. Волнения, связанные с переписью 1841 года
3. Прочие выступления против налогов

32. Движения против продовольственных спекуляций

1. Продовольственные цены в 20—40-х годах XIX века во Франции
2. Волнения в 1838—1839 годах в Ля-Рошели, Сомюре и в департаменте Сарт
3. Продовольственные волнения в 1840 году
4. Продовольственные волнения в последние годы Июльской монархии

33. К истории завершения земледельческой революции во Франции

1. Вводные замечания
2. Общая характеристика земледельческих особенностей в различных районах Франции в 50—60-х годах XIX века
3. Орудия пашни, жатвенные и молотильные машины в 50—60-х годах XIX века
4. Социально-политические условия развития земледелия в период Второй империи
5. Апологетика издольщины и ее реальное историческое значение в условиях завершения промышленной и земледельческой революций
6. Заключительные замечания

34. Условия труда рабочих, особенно малолетних, в период Второй империи

1. Вводные замечания
2. Продолжительность рабочего дня на фабриках в 50—60-х годах XIX века
3. Фальсификации в отчетах по вопросу о продолжительности рабочего дня и прочих условиях фабричного труда в годы Второй империи. Условия труда в отраслях производства, «не охраняемых законом».
4. Предприятия полуфабричного типа и прочие мелкие предприятия
5. Об интенсификации труда в 50—60-е годы
6. К вопросу о заработной плате промышленных рабочих во времена Второй империи
7. Несчастные «случаи» на фабриках; увечья и смертельные ранения, причинявшиеся машинами в 50—60-х годах XIX века

35. Вопросы истории античного земледелия и их освещение в литературе
1. Древнегреческое полевое хозяйство в освещении Огюста Жардэ
2. Проблемы истории древнеиталийского земледелия в освещении некоторых буржуазных и советских историков
Заключение
Библиография

23
ПОЛОЖЕНИЕ ФАБРИЧНЫХ РАБОЧИХ В 40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

1
Вводные замечания

Изучение условий труда, и особенно детского труда, в эпоху промышленной революции раскрывает бесспорно самую яркую страницу социальной истории крупного капиталистического производства. По выражению Маркса, женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин.

Однако экономическая и социальная история Франции периода капиталистического «натиска» все еще мало разработана.

Положение рабочего класса и, в частности, участь малолетних рабочих освещается почти исключительно теми данными, которые во второй трети XIX в. были собраны Вильнев де Баржемоном, доктором Виллермэ, Бюрэ и Адольфом Бланки. Один Ренье обратился к архивному материалу, но разработал его лишь в нарочито суженном плане локального исследования по истории одной отрасли производства и только в одном департаменте Франции. Что же касается постоянно повторявшихся данных Виллермэ и его современников, то следует прежде всего подчеркнуть хронологическую ограниченность всех этих показаний (например, работа Адольфа Бланки освещает положение рабочего класса в 1848 г.). Нельзя не указать и на ограниченность самого поля наблюдений. Виллермэ обследовал только часть промышленной Франции и осветил всего лишь три отрасли промышленности: хлопчатобумажное, шерстяное и шелковое производства, т. е. даже не все отрасли текстильной промышленности[1]. Бланки тоже ничего не сказал о многих видах производства и, как увидим, неточно изобразил степень распространенности губительных условий труда во Франции[2]. Вовсе не освещенными оказались те годы, которые отделяют книжку Бланки от анкеты Виллермэ.

---

[1] Villerme. Tableau de l'etat physique et moral des ouvriers. Paris, 1840, 2 vols. Том I разделен на три «секции», соответствующие трем отраслям текстильного производства.

[2] A.Blanqui. Des classes ouvrieres en France pendant l'annee 1848. Paris, 1849.

Наша задача сводится к тому, чтобы хоть до некоторой степени пополнить вопиющий пробел в освещении социальной истории французского пролетариата в 40-е годы XIX в. Читатель увидит, что изучение эксплуатации труда малолетних — это не только «сочинение о детях»; дети работали столько же часов, сколько и взрослые; дети чахли в тех же «жилищах», в каких ютились и взрослые; штрафовали и обманывали с одинаковой жестокостью как детей, так и взрослых рабочих. Таким образом, исследование о детском труде есть один из аспектов изучения социальной истории фабричного пролетариата.

Следует отметить и то обстоятельство, что фабрика займет в нашем изложении главное, но не исключительное место. Будут рассмотрены и условия детского труда в копях, и на мануфактурных предприятиях, и в механизированных мастерских.

Нашим основным фондом источников были серии документов, сохраняющихся в Национальном архиве в Париже под шифрами F[12] 4704, 4705, 4706, 4707, 4708, 4709, 4710, 4711, 4712, 4713, 4714. Три первых картона этой серии были использованы историком Гено для статьи о происхождении закона 22 марта 1841 г.

2

Бумагопрядильное производство

Начнем с *Нормандии*. Чрезвычайно интересны показания, характеризующие общие условия труда в департаменте *Нижняя Сена*. Обнаруживается, что продолжительность так называемого «действительного» рабочего дня (travail effectif) колебалась в пределах от 13½ до 18 часов, а вовсе не 13—14½, как писал Виллермэ[3] и вслед за ним все историки, включая и Е. В. Тарле. «Рабочий день взрослого чересчур долог. В самом деле, на фабриках, и именно на прядильных фабриках, действительный рабочий день [равен] — 13½, иногда 14 и даже 15 часов»[4]. Таким полупризнанием начинает свой отчет один из местных инспекторов в 1843 г. Еще более четкие очертания вырисовываются из той части отчета, в которой инспектор рассказывает о контрактах на аренду водяной двигательной силы, представлявшей тогда распространенный тип фабричного двигателя. В тексте таких контрактов предусматривалась работа в течение 300 дней в году, по 15 часов в сутки. Поэтому понятно, что фабриканты стремились к возможно полному использованию рабочей силы прежде всего в этих «нормальных» условиях: «чем больше станет перегружать своих рабочих наниматель, тем большую он получит продукцию», «не увеличивая вместе с тем своих общих издержек», как вразумительно пояснял инспектор в цитируемом отчете.

[3] *Villermé*. Op. cit., vol. I, p. 162.
[4] Arch. N. F[12] 4713. Seine-Inférieure. Отчет инспекторской комиссии 25 ноября 1843 г.

Но «нормальные» условия не утоляли жажды капиталиста: он искал и находил дополнительный источник дохода в злоупотреблениях правом удлинять продолжительность рабочего дня. В контрактах на эксплуатацию двигательной силы предусматривались возможные перебои в повседневной работе фабрики с приостановкой производственного процесса по тем или иным техническим причинам. В этих случаях не только в определенный день простоя машин, но и в течение целого ряда следующих дней фабрикант мог задержать своих рабочих де-юре соответственно с простоем, фактически же на два, на четыре и на пять часов сверх обычной суточной «нормы», и тогда даже «действительный» рабочий день вырастал до 18 часов в сутки[5]. Как бы предугадывая возможность сомнения в общераспространенности этой ужасающей эксплуатации труда, инспектор спешит подчеркнуть, что все контракты составлены по такой форме и что не только взрослые рабочие, но даже старики и дети несут непосильное бремя «столь тягостных работ». Поэтому не удивительно, что и здоровье всего «фабричного населения», по признанию инспектора, было «в прискорбном состоянии».

«Усталость детей — чрезмерна». Некоторым из них (речь идет о детях, работавших на невшательских фабриках) приходится питаться за работой, так что хлопья и пыль смешивались с их пищей[6].

Ретроспективную оценку предшествующего периода, т. е. как раз периода «первых времен машинного производства», можно найти на страницах местной периодической печати. Так, одна из руанских газет откровенно признавала, что до закона 22 марта 1841 г., т. е. «при прежнем порядке вещей, существовала тенденция видеть в детях лишь машины для связывания порванных нитей и для чесания хлопка»[7]. Улучшились ли условия труда к концу 40-х годов? Из документов мы узнаем о полной бездеятельности местной инспекции, потворствовавшей фабрикантам. «До революции 1848 г. все заседания комиссии были безрезультатны, не могли толком договориться о способах наблюдения, да и само наблюдение было совершенно иллюзорным»[8]. Окружная руанская комиссия состояла из 12 человек: один член Генерального совета, один член Окружного совета, четыре бывших негоцианта, четыре мэра кантональных городов, один служитель католического культа и один врач. Подобный же социальный состав был характерен и для других местных инспекторских комиссий. Поэтому ясно, что если обличительные данные и становятся к концу 40-х годов несколько скудными, то это еще не свидетельствует ни о малой распространенности злоупотребле-

[5] Ibidem. «Alors dans ce cas les ouvriers sont tenus de faire 15 et 18 heures de travail effectif. Tous les baux des propriétaires de force sont ainsi rédigés».
[6] Ibid., rapport sommaire, префект — министру, 12 июля 1843 г.
[7] «Mémorial de Rouen», 31 мая 1843 г.
[8] Arch. N. F[12] 4713. Seine-Inférieure, префект — министру, 10 октября 1849 г.

ний, ни о каких-либо улучшениях. Последние ограничивались только частичным выполнением той статьи закона 1841 г., которая касалась возраста работающих детей: малюток, не достигших восьми лет, фабриканты, по свидетельству наших документов, к концу 40-х годов больше не принимали на работу. Все прочие формы преступной эксплуатации сохранились вплоть до революции 1848 г.: продолжительность рабочего дня и в 1847 г. доходила до 15 часов[9], заработная плата малолетних детей в 1846 г. не превышала 30—40 сантимов в день.

Не улучшилась и санитарная охрана труда. Вот что писал в 1847 г. аптекарь Дюпюи: «Я живу в таком месте, где прядильщики составляют большинство... Сколько уж раз приходилось мне видеть несчастных рабочих — детей или отцов семейств,— прибегавших в мою лабораторию или приносимых, в слезах и в крови, с ужасными ранами, умоляющих об оказании первой помощи». «Суббота — злосчастный день для рабочих, особенно же для детей, потому что, во-первых, суббота — это день чистки (машин), возлагаемой именно на детей; во-вторых же, чистка, и особенно чистка приводных колес, обычно производится во время полного хода машин»[10]. Дюпюи указывал при этом, что несчастные рабочие теряли вместе с кровью и свою заработную плату: время отлучки с производства не оплачивалось. Пресса же, как утверждал Дюпюи, редко отмечала эти увечья, иногда делая исключение лишь для самых тяжелых случаев. С преступным легкомыслием относилась к таким ранениям и местная власть. В том же департаменте один механик из Дарнеталя придумал предохранительные приспособления и еще в 1844 г. представил местному префекту обстоятельную докладную записку; три года записка пересылалась по канцеляриям; в 1847 г. пообещали серьезно заняться этим вопросом. Но еще и 40 лет спустя проект механика из Дарнеталя не был осуществлен[11].

В департаменте *Орн* к середине 40-х годов документы устанавливают следующую картину. Подавляющее число промышленных предприятий департамента — бумагопрядильные фабрики[12], которые лишь к 50-м годам переходят к применению паровой двигательной силы. Общая продолжительность рабочего дня как взрослых рабочих, так и детей — 17 часов в сутки. В течение этого периода отдыхают три раза по получасу[13], т. е. фактически работают по $15^1/_2$. Что касается гигиенических условий производства, то сам префект признал несоблюдение установленных санитарных правил. Рабочие жили при предприятиях, причем как взрослые, так и дети были обязаны получать продовольствие в фабричных кантинах, где их обвешивали и спаивали[14]. В фабричных спальнях, по свидетельству инспектора, «больше миазмов, чем кислорода». Кровати были расставлены там с такой теснотой, что в проходах можно было лишь с трудом продвинуться одному человеку; постели взрослых и детей, мужчин и женщин были перемешаны, и местный инспектор с подлой иронией говорил о неизбежности «общности» в подобном «фаланстере»[15]. Дети же, проживавшие не при фабрике, а у родителей, были вынуждены после 17-часового рабочего дня ежедневно шагать по четыре километра, невзирая на непогоду.

В департаменте *Кальвадос,* так же как и в смежном с ним департаменте *Орн,* к 40—50-м годам XIX в. насчитывалось несколько небольших гидравлических бумагопрядильных фабрик[16] с общим числом рабочих от 18 до 112 человек (на одном предприятии). В одном лишь округе Лизье было 29 фабрик, на некоторых работало больше 1000 рабочих; среди них от 400 до 500 детей. По сообщению местного префекта, главнейшие статьи закона «почти повсюду» не соблюдались. Инспекторская же комиссия округа Лизье утверждала, что закон 22 марта 1841 г. будто бы соблюдался фабрикантами по отношению к детям французского происхождения; по отношению же к значительному числу работавших здесь малолетних бельгийцев, англичан и ирландцев фабриканты ни в чем себя не стесняли[17].

Резюмируя разрозненные показания местной инспекции, можно сказать, что главнейшие злоупотребления фабрикантов в 40-е годы сводились: 1) к несоблюдению статьи о воскресном отдыхе; 2) к нарушению воспрещения ночной работы; 3) к преступлениям против статьи о продолжительности рабочего дня.

В департаменте *Эр* были и мелкие фабрики, с общим числом рабочих по 24, по 35 человек, и крупные по тому времени предприятия, на которых числилось по 300 и 400 рабочих. В провинции *Мэн* фабричная бумагопрядильная промышленность была почти неразвита. Лишь кое-где были разбросаны прядиль-

---

[9] Arch. N. F[12] 4713. Из протокола заседания окружного совета г. Руана, 1847 г.

[10] Arch. N. F[12] 4617, Дюпюи — министру торговли, 27 января 1847 г.

[11] *L. Ovière.* Accidents causés par les machines. Rouen, 1884.

[12] Arch. N. F[12] 4712. Orne; таблица предприятий 1849 г. В это время в округе Домфрон было 33 бумагопрядильные фабрики с общим количеством 76 682 механических веретен. Число детей разного возраста — 274. Всего рабочих-прядильщиков — 1290 человек.

[13] Ibidem. Orne, префект — министру, 23 апреля 1845 г. «Toutes les filatures commencent le travail à 5 heures du matin et le finissent à 10 heures du soir; pendant le cours de 17 heures tous les ouvriers ainsi que les enfants n'ont qu'une heure et demie de repos».

[14] Ibidem. «Les filateurs font valoir leur cantine par des affidés; toutes les denrées et les boissons sont vendues clandestinement et à fausses mesures, les ouvriers sont dans l'impossibilité d'aller vivre ailleurs sous peine d'être congédiés».

[15] Ibidem.

[16] Arch. N. F[12] 4708. Calvados. Таблица предприятий, на которые распространялось действие закона 22 марта. Подписано префектом 30 сентября 1841 г.

[17] Arch. N. F[12] 4709. Calvados, при отношении префекта — министру, 12 октября 1846 г. Однако же сомнительно и показание инспекторской комиссии о соблюдении закона по отношению к детям-французам. Явно покровительственное отношение комиссии к фабрикантам засвидетельствовано в донесении супрефекта (округа Лизье), который писал, что инспекторы не в состоянии прибегать к суровым мерам по отношению «к друзьям и родным».

ные фабрики с гидравлической двигательной силой. Члены местной инспекторской комиссии — «достопочтенные» господа «hommes honorables» (!) — совершенно не выполняли своих обязанностей, контролеры же (мер и весов) не прикомандировывались к составу местных комиссий до 1853 г. И только из документов 60-х годов XIX в. мы узнаем, что и здесь при 16-часовом рабочем дне не было праздничных перерывов [18].

Мы покончим с северо-западным районом бумагопрядильного производства, если еще рассмотрим далеко не обильные, к сожалению, данные о фабриках в бывших провинциях Мэн и Анжу, департаментах Майенна, Сарта, Мэн-и-Луара и Нижняя Луара.

В *Майенне* к 1843 г. работали пять довольно крупных (по тому времени) бумагопрядилен. На одной из них, с общим количеством 131 рабочий, фабрикант даже «позаботился» об образовании своих рабочих, оборудовав школу, в которой дети обучались с 2 часов дня, предварительно отработав на фабрике с 5 часов утра! Общая картина эксплуатации детей, по-видимому, и здесь одна и та же. Инспекторская комиссия округа Лаваль еще и в 1846 г. констатировала допущение по отношению к детям различных нарушений; в округе же Майенна точно установлен был факт принуждения детей чистить машины по воскресеньям. Продолжительность рабочего дня осталась невыясненной: «il nous a été impossible de vérifier»,— писала комиссия. Сам префект отмечал слабое физическое развитие и крайне жалкий, болезненный вид детей, которых он видел на одной бумагопрядильной фабрике [19].

Сходное положение в департаменте *Сарта*, где также было несколько гидравлических бумагопрядильных фабрик (четыре фабрики в одном лишь округе Сен-Калэ). Находим прямые указания на случаи эксплуатации детей, не достигших восьмилетнего возраста. Изобличенные в нарушении закона фабриканты оправдываются совершенно «по-английски»: малютки приняты на фабрику «из милости».

В департаменте *Нижняя Луара,* в районе г. Нанта, на пяти бумагопрядильных фабриках (с паровыми двигателями) дети работали, как и взрослые рабочие, по 15 часов. Весь этот мучительно долгий рабочий день был разделен всего лишь двумя перерывами по полчаса [20]; до 1843 г. еще нигде и никто не приступил к выполнению закона 22 марта; на других бумагопрядильнях в том же департаменте, в округе Нанта, констатирован 16-часовой рабочий день. В мастерских нет вентиляции (ouvertures soigneusement fermées). Дети неграмотны. Один из мальчиков, умевший писать и читать до поступления на работу, совершенно все позабыл после трехлетнего пребывания на фабрике. Инспекторский надзор и здесь отсутствовал — факт, не скрывавшийся даже в официальной переписке префекта с министром (1847 г.).

[18] Arch. N. F[12] 4710. Eure. Tableau, 3 января 1843 г.
[19] Arch. N. F[12] 4711. Mayenne, префект — министру, 30 сентября 1843 г.
[20] Arch. N. F[12] 4711. Loire-Inférieure, отчет 7 мая 1843 г.

Перейдем теперь от северо-западного и западного районов к северо-восточному и восточному. Следовало бы в первую очередь остановиться на описании условий детского труда в Эльзасе, но некоторые документальные данные удобнее сообщить при исследовании вопроса о прославленной «филантропии» эльзасских фабрикантов, т. е. в другой главе. Поэтому начнем со смежного с Эльзасом департамента *Вож*, где хлопчатобумажное производство тоже было сильно развито, во многих отношениях весьма сходно с эльзасским. С крупными фабриками здесь конкурировали многочисленные мелкие предприятия, эксплуатировавшие в каждом отдельном случае менее 20 рабочих разного возраста и пола [21].

Понятно, что в описываемую эпоху эксплуатация рабочей силы на этих мелких фабриках была особенно жестокой. Общая характеристика условий труда бумагопрядильщика дается в отчете по округу Ремирмон (20 ноября 1846 г.): «Сравнительно с нынешней дороговизной съестных припасов рабочий-бумагопрядильщик зарабатывает мало». В бумагопрядильном производстве работает очень много детей (около 689 человек в округе). Лишь только узнаешь их поближе, сразу же убеждаешься, что эти дети не обнаруживают ни умственного развития, ни того физического здоровья, которое еще характерно для других категорий рабочего класса.

Обучение детей в фабричных школах отмечалось как редкое явление. Из цитируемого документа мы узнаем об учреждении одной частной школы, в которую дети поступали по достижении пятилетнего возраста. Изможденные ребята находят здесь известный отдых от физического труда. Этот благоприятный момент и отмечается в нашем источнике. Но ведь подобным признанием косвенно утверждается обычно скрываемый факт эксплуатации детей с пятилетнего возраста.

На пути между восточным и северным районом бумагопрядильного производства расположены департаменты *Меза* и *Марна*. В первом из них, с преобладающим числом мелких фабрик и гидравлической двигательной силой [22], документы с точностью устанавливают такую картину: к 1845 г. в районе Бар-ле-Дюк у детей прядильщиков нет ни сертификатов о возрасте, ни рабочих книжек; что касается продолжительности рабочего дня, то на некоторых предприятиях был 14-часовой рабочий день, относительно же других инспектор неопределенно сообщает, что дети работали иногда до 10 и 11 часов вечера [23]. Таким образом, и здесь уста-

[21] Arch. N. F[12] 4714. Vosges; в одном лишь округе Сен-Дье в 1846 г. было 14 бумагопрядильных фабрик с общим числом рабочих по предприятиям от 8 до 262 человек.
[22] Arch. N. F[12] 4712. Meuse, таблица предприятий, 29 декабря 1841 г. Здесь до 15 бумагопрядильных фабрик с разным количеством работающих детей (от 8 до 78 человек); в одном лишь районе Бар-ле-Дюк 8 бумагопрядильных фабрик, и именно здесь-то упорнее всего не соблюдались требования закона.
[23] Ibidem, отчет инспектора-контролера мер и весов (округ Бар-ле-Дюк), 30 декабря 1845 г.

навливается по меньшей мере 16—17 часов общего периода пребывания на фабрике с заработной платой для малолетних от 40 до 60 сантимов.

Бумагопрядильные фабрики в департаменте *Марна* в 40-х годах XIX в. были оборудованы частью паровыми, частью гидравлическими двигателями [24]. К концу этого десятилетия число малолетних в реймсском округе как будто бы несколько сократилось.

В переписке, относящейся к департаменту *Мёрт,* мы находим официальное подтверждение фактов жесткой «экономии»: в 1842 г. префект сообщал министру о вредности работы в чесальном цехе местных хлопкопрядильных и ватных фабрик; мастерские совершенно не вентилировались («герметически закупорены», по выражению префекта) [25]; констатирован случай воспаления глаз у одного из мальчиков, работавших на ватной фабрике; в ответ же на предложение принять соответствующие гигиенические меры фабриканты ссылались на их убыточность [26].

Из департаментов, примыкающих к восточному району, следует отметить и департамент *Верхняя Сона,* на бумагопрядильных фабриках которого в изучаемый период также не существовало законных перерывов для отдыха, т. е. и здесь продолжительность рабочего дня была больше официально признаваемого срока [27]. Особенно много злоупотреблений было в округе Люр, где к 1844 г. насчитывалось 30 предприятий с общим количеством 529 детей. Но местная инспекция не изобличала хищничество фабрикантов; некоторые же члены инспекторской комиссии к этому времени совершенно выбыли из ее состава из-за страха перед необходимостью взыскания [28].

В департаменте *Об* бумагопрядильное производство не было широко распространено. Например, к началу 40-х годов XIX в. в округе Арси-сюр-Об была всего одна небольшая гидравлическая бумагопрядильная фабрика [29]. Очень мало подобных же фабрик было и в других округах (например, в округах Труа, Ножан). Но тем более рельефно выступают характерные черты фабрики изучаемой эпохи. Следует заметить, что только к 1844 г. и лишь в конфиденциальной переписке инспектора службы контролеров мер и весов Фонтэна (Fontaines) [30] вскрывается картина злоупотреблений в округе Труа. Как подтверждал один из местных инспекторов-контролеров, на предприятии у некоего Фонтэн-Гри дети в возрасте от 8 до 12 лет работали по 16 часов в сутки ежедневно [31]. До 1844 г. никто не решался писать об этой преступной эксплуатации по той причине, что владелец бумагопрядильни в Барберэй Фонтэн-Гри был членом палаты депутатов, членом Торговой палаты и... членом комиссии, учрежденной для наблюдения за выполнением закона. В округе Арси-сюр-Об к 1844 г. насчитывались уже три бумагопрядильни. Общая продолжительность пребывания детей на фабрике — от 15 до 16 часов в сутки с двухчасовым перерывом в течение дня. Никто не заботился об образовании детей. Условия их физического и нравственного развития были одинаково невыносимы. Внешний вид детей выражал беспросветное страдание и крайнюю нищету («misère profonde»).

Перейдем, наконец, к собственно северному району, к материалам о положении в департаменте *Нор* и на этом закончим наше обследование бумагопрядильного производства. Из переписки префекта с министром (в самом начале 40-х годов) мы прежде всего узнаем, что в этом департаменте «бóльшая часть муниципальных и административных функций сосредоточена в руках представителей крупной промышленности» [32]. Идея законодательного ограничения детского труда здесь принималась враждебно. Сам префект «по политическим соображениям» действовал «с осторожностью и не торопясь». Таким образом, положение, существовавшее в начале 40-х годов, остается почти не вскрытым в наших архивных документах. Между тем не может быть сомнений в лживости оптимистических заверений. Вот один из примеров противоречий в показаниях самих фабрикантов. В 1837 г., когда совещательные и торговые палаты (а также советы прюдомов) отвечали на правительственную анкету о детском труде, лилльская палата в своем докладе министру торговли категорически уверяла, что в департаменте Нор дети не принимались на фабрики раньше восьмилетнего возраста. «А если же иногда и встречается несколько [ребят] более юного возраста, то только как исключение» [33]. Но не проходит и трех лет, как один из членов той же Торговой палаты, удосужившийся подсчитать число фабричных детей (в департаменте) и распределить их по возрастным категориям, огласил нижеследующие цифры. Всех детей на различных фабриках департамента было 11 114 человек. И вот в этом числе одних малюток в возрасте от 4 до 6 лет было 2800. Детей в возрасте от 6 до 12 лет — 6632; остальные были старше 12 лет [34]. Благородные фабриканты учитывали умственное разви-

[24] Arch. N. F[12] 4711. Marne. По имеющимся здесь статистическим данным (от 31 декабря 1847 г.), в районе г. Корбо было 8 бумагопрядилен с гидравлическими двигателями (число детей на одно предприятие от 11 до 60 человек) и 23 фабрики с паровой двигательной силой.

[25] Arch. N. F[12] 4712. Meurthe, префект — министру, 7 мая 1842 г.

[26] Ibidem.

[27] Arch. N. F[12] 4713. Haute-Saone, префект — министру, 17 января 1845 г.

[28] Ibidem, префект — министру, 8 января 1844 г.

[29] Arch. N. F[12] 4708. Aube.

[30] Этот контролер получил от правительства секретное поручение обследовать несколько департаментов. Нам удалось найти только три отчета Фонтэна, посетившего, кроме департамента *Об*, также департамент *Орн* и «мануфактуры» департамента *Ду*. Пока еще не удалось выяснить, обследовались ли этим добросовестным чиновником какие-либо другие департаменты.

[31] Arch. N. F[12] 4709. Aube. Фонтэн, 1 августа 1844 г.: «Cette durée étant invariable par chaque jour».

[32] Arch. N. F[12] 4712. Nord, префект — министру, 5 декабря 1842 г.

[33] «Archives de la Chambre du Commerce de Lille», t. I, p. 270.

[34] Ibid., p. 474.

тие четырехлетних малюток и называли не заработной платой, а «гратификацией» («вознаграждением») те жалкие гроши — от 50 сантимов до $1^1/_2$ франков, которые они выплачивали за целую неделю работы [35]. Даже дети в возрасте от 8 до 10 лет, работавшие совершенно так же долго, как и взрослые, получали от $1^1/_2$ до 3 франков в неделю. Через 10 лет уже открыто признавали, что статья закона, предусматривающая ограничение рабочего дня восемью часами в сутки, «никогда не выполнялась» [36].

Перейдем теперь к изучению условий труда в шерстяной промышленности.

3

Шерстопрядильная и сукноделательная промышленность

Как уже говорилось, в шерстяной промышленности резко различаются два вида производства: камвольное производство, обрабатывающее длинную шерсть, и прядение шерсти, чесанной кардами. В особом параграфе следовало бы рассмотреть и сукноделательное производство. Но, к сожалению, *социальную* историю этих отраслей промышленности дифференцировать нелегко: в источниках не всегда указывается, о каких именно «filatures de laine» идет речь. Да и нередки те случаи, когда эти различные виды производства объединялись в руках одного и того же лица.

Что касается функций, выполнявшихся детьми на шерстяных фабриках, то, как и в бумагопрядильном производстве, в 40-е и 50-е годы XIX в. операции были все те же, что и десятилетием раньше, и так как они подробно описаны Виллермэ, то мы не будем возвращаться к этому вопросу.

С этой оговоркой перейдем к изучению общих условий детского труда в шерстяном и суконном производстве, группируя наши данные по департаментам.

В департаменте *Арденны,* где находится знаменитый седанский центр сукноделательного производства, в 40-х годах XIX в. насчитывалось очень много шерстопрядильных фабрик с гидравлическими «moteurs mécaniques». Число работавших детей колебалось, смотря по величине предприятий, от 3 до 60 человек [37]. Не сразу удается восстановить подлинную картину эксплуатации. Местные инспекторы, вместо того чтобы изобличать притаившихся здесь хищников, с неизменной готовностью поставляют сведения об исключительно благоприятном районе департамента, где соблюдались все статьи закона 22 марта. Это был район Живэ. Но, как оказывается, Живэ был тогда мануфактурным, а не фабричным округом. Здесь находились две мануфактуры курительных трубок, восемь кожевенных и две клееваренные мануфактуры. Из характерных, хотя и очень скудных, данных о шерстопрядильных фабриках в данном департаменте, особый интерес представляют сведения о системе штрафов. Фабриканты из округа Ретель были так религиозны и высоконравственны, что штрафовали рабочих не только за неприличные слова, но и за божбу, и даже за «неприличные жесты». Денежные суммы, притекавшие из столь надежного источника, поступали в особую кассу по оказанию помощи пострадавшим на производстве рабочим. Так сами рабочие выполняли обязанности набожных капиталистов.

Отмечалась и недостоверность документов об образовании малолетних рабочих. Фальшивки было легко раздобыть у местных учителей, и это не считалось «неприличным жестом» [38]. В более поздней переписке находим точные сведения о спекулятивной расплате товарами. На предприятиях приобретались не только съестные продукты, но и одежда. Ни торговаться, ни спорить о добротности этих товаров рабочие не могли [39].

В департаменте *Иль-и-Вилен* в 40—50-х годах наряду с разнородными мануфактурами существовали две шерстопрядильные фабрики в округе Фужер. Отметим же, что сведения об этих фабриках резко нарушают общий тон вполне благополучных сообщений о положении на других промышленных предприятиях. Точно устанавливается, что на шерстопрядильных фабриках «несколько девочек» в возрасте от 12 до 16 лет были заняты на производстве очень долго, они работали и по ночам [40]. Заработная плата детей в 1847 г. равнялась всего 25—30 сантимам в день [41].

В департаменте *Эндра-и-Луара* шерстопрядильщикам-фабрикантам как будто бы ни с кем не приходилось «делить» местный контингент малолетних рабочих. И все же именно эта часть промышленников обнаруживала отмечаемое в документах «répugnance» по отношению к важнейшим требованиям закона об охране детского труда [42].

В соседнем с Вандеей департаменте *Де-Севр* тоже были шерстопрядильные предприятия, часть которых пользовалась паровой двигательной силой. Интересно, что, несмотря на официально признанную бездеятельность местной инспекторской комиссии,

---

[35] «Archives de la Chambre du Commerce de Lille», t. I, p. 270; «Ils n'ont pas de salaire déterminé et reçoivent une gratification qui varie de 50 centimes à 1 franc 50 c. par semaine suivant leur force (!) ou plutôt leur aptitude».

[36] Arch. N. F^{12} 4712, копия доклада вице-председателя инспекторской комиссии Лилльского округа при отношении префекта 10 октября 1850 г.

[37] Arch. N. F^{12} 4708. Ardennes. Tableau supplementaire, в переписке префекта с министром (1842—1843 гг.). В одном только Седанском округе находилось больше 50 шерстопрядильных и сукноделательных фабрик.

[38] Arch N. F^{12} 4709. Ardennes, из отчета инспектора Bodson'а при отношении префекта — министру, 4 марта 1846 г.

[39] Ibidem, префект — министру, 23 августа 1853 г., об округе Сезьер: «Un grand nombre de fabricants spéculent sur le salaire des ouvriers en fournissant à ceux-ci dans l'établissement même les objets de première nécéssité, soit pour nourriture soit pour vêtement... il n'y a pas même le droit de discuter ni le prix, ni la qualité des objets».

[40] Arch. N. F^{12} 4711. Ille-et-Vilaine, Extrait.

[41] Ibid., 8 апреля 1847.

[42] Ibid., Indre-et-Loire, префект — министру, 19 ноября 1842 г. и 3 февраля 1844 г.

и здесь при внимательном изучении документов обнаруживаются характерные черты: дети моложе 12 лет работали по 14 часов. Три перерыва (всего лишь по $^3/_4$ часа каждый) разделяли рабочий день с 5 часов утра до 8 и даже до 9 часов вечера, т. е. общая продолжительность рабочего дня была 15 и 16 часов [43]. При этом иногда работы не останавливались по воскресеньям. Как правило (en général), дети совершенно безграмотные, они не умели ни писать, ни читать. Сам префект в конце 1845 г. просил о присоединении контролеров к местной бездеятельной инспекторской комиссии, откровенно признаваясь, что при данных условиях он не располагает достаточным материалом для добросовестного, подробного отчета [44].

В дальнейшей переписке хотя и отмечается появление некоторых улучшений, но сообщения подобного рода сопровождаются характерной оговоркой, что именно предприниматели-прядильщики всего упорнее продолжают нарушать закон 22 марта.

Перейдем к южным департаментам. В департаменте *Арьеж* — «единственные предприятия, на которых только и применялся труд детей моложе 12 лет, это — шерстопрядильные фабрики» [45].

В департаменте шерстопрядильни с гидравлическими двигателями. Ценны указания на дурное обращение, которому, по свидетельству инспектора Уродона, «слишком часто подвергаются бедные дети» [46]. Уборные на некоторых шерстопрядильных предприятиях не были отделены от рабочих помещений [47].

Общая продолжительность рабочего дня детей та же, что и взрослых рабочих: 16 часов, заработная плата (около 1843 г.) — 45 сантимов в день. Дети не получали образования по вполне «уважительной» причине: «одеты в рабочие костюмы, до такой степени пропитанные маслом, что было бы невозможно собрать их для посещения школы, как невозможно найти и учителя, который согласился бы принять их в таком виде» [48].

На суконделательных фабриках практиковались ночные работы, но наши документы отмечали их как редкое явление. Дети от 8 до 12 лет работали «незаконное время»: с 5 часов утра до 8 часов вечера, т. е. общая продолжительность рабочего дня и здесь была 15 и 16 часов. В другом из южных центров шерстопрядильного производства, в департаменте *Од*, в изучаемый период бо́льшая часть фабрик — некрупные предприятия с гидравлическим двигателем и с общим количеством по 20, 40, иногда по 60 и реже по 100 рабочих [49]. Префект уверял министра торговли, что за исключением статьи 5-й, закон 22 марта полностью выполнялся. Важно подчеркнуть сомнительность подобных оптимистических сообщений. Противоречие в рапорте префекта вскрывается без труда: объясняя министру причины, затруднявшие выполнение статьи 5-й (т. е. об образовании), префект указывал на бедность родителей, вынужденных посылать своих детишек не в школу, а на фабрику, на фабрике же «все работы связаны одна с другой» и поэтому детский труд связан с трудом взрослых рабочих [50]. Таким образом, косвенно устанавливается и факт приема детей на фабрику с самого юного возраста, и факт одинаковой продолжительности рабочего дня детей и взрослых, работавших, конечно, не по 8 часов в день.

В департаменте *Нижние Альпы* — та же картина: несколько суконделательных фабрик (в табличке за 1841 г.— 7 фабрик с общим числом от 21 до 70 рабочих, в числе которых от 6 до 20 детей). Только лишь в 60-х годах местный префект откровенно признал, что «le service de l'inspection est tout à fait nul» [51]; и это признание разъясняет, почему за весь период с 1841 г.— когда префект уверял, что на местных шелковых и суконделательных фабриках детский труд — «не свыше сил» [52],— мы не обнаружили вплоть до 1864 г. никаких обличительных показаний.

В департаменте *Луар-и-Шер*, в округе Блуа, в Фужер, к 1846 г. действовала только одна шерстопрядильная фабрика. Из других промышленных предприятий местный инспектор называет горшечную мануфактуру и три кожевенных завода. Самые тяжелые условия труда — на шерстопрядильной фабрике: «работа (le travail effectif) продолжается там дольше, чем в других мастерских, где длительность рабочего дня колебалась между 10 и 12 часами» [53]. На шерстопрядильной же фабрике работали до 9 часов вечера, т. е. больше 13 часов.

В департаменте *Эр* шерстопрядильное производство было особенно развито в округе Лувье, где в начале 40-х годов насчитывалось кроме мелких и средних предприятий около 16 крупных по тому времени фабрик с общим числом от 100 до 400 человек на одно предприятие [54]. Однако все эти фабрики пользовались еще гидравлической двигательной силой. Здесь даже к 1843 г. (т. е. уже после того, как закон о детском труде был опубликован) не только не сократилась продолжительность рабочего дня, но, как явствует из официальной переписки, после целого дня ра-

---

[43] Arch. N. F^{12} 4713. Deux-Sèvres, префект — министру, 6 октября 1842 г.
[44] Ibidem, префект — министру, 20 декабря 1845 г.
[45] Arch. N. F^{12} 4709, префект — министру, 15 июня 1847 г. Развитие шерстяного производства в департаменте Арьеж определяется статистической табличкой за 1841 г., из которой явствует, что в округе Руа было 8 шерстопрядильных и суконделательных фабрик, занимавших от 15 до 44 рабочих; в округе Палье — 10 фабрик с числом рабочих от 13 до 100 на одно предприятие.— Arch. N. F^{12} 4708. Ariège. Tableau, 4 октября 1841 г.
[46] Arch. N. F^{12} 4714, инспектор — супрефекту, 1 декабря 1842 г.
[47] Ibidem. «Nous observâmes seulement que les lieux lieux d'aisance n'étaient point séparés des salles du travail».
[48] Ibidem, мэр — супрефекту Кастра, 1 июня 1843 г.
[49] Arch. N. F^{12} 4708. Aude. Tableau, 29 сентября 1842 г.
[50] Arch. N. F^{12} 4709, Aude, префект — министру, 10 апреля 1845 г.
[51] Arch. N. F^{12} 4709. Basses-Alpes, префект — министру, 5 апреля 1846 г.
[52] Arch. N. F^{12} 4708. Basses-Alpes. Tableau, 6 октября 1841 г.
[53] Arch. N. F^{12} 4711. Loir-et-Cher, 11 марта 1846 г.
[54] Arch. N. F^{12} 4710. Eure. Tableau, 3 января 1843 г.

боты как взрослые, так и малолетние прядильщики иногда оставались еще и на ночь[55]. Злоупотребления долго сохранялись.

В департаменте *Эна* фабриканты-шерстяники, как и некоторые хлопкопрядильщики, с особенным упорством противодействовали попыткам инспекторов-контролеров регламентировать работу детей согласно закону 22 марта 1841 г. Так, например, еще и к 1844 г. у детей не было документов о возрасте. Дети работали столько же часов, сколько и взрослые. Часто рабочие-прядильщики сами подыскивали себе помощников-детей и выплачивали им около 40 сантимов в день из своей сдельной заработной платы[56]. Наконец, в департаменте *Сена-и-Уаза* на шерстопрядильных фабриках в округе Корбейль был официально констатирован 14-часовой рабочий день, причем дети моложе 12 лет работали и по ночам; в одних случаях говорят, что эти ночные работы «временные», в других показывают, что «ночной труд по нескольку часов применяется один раз в неделю»[57]. Так было в начале 40-х годов; позднее появляется оптимистическая переписка префекта с министром, доверие к которой совершенно рассеивается случайным документом: мэр корбейльской коммуны, 20 лет выполнявший эту службу, в 1851 г. обращается непосредственно к министру с конфиденциальным письмом, в котором просит об обследовании условий детского труда, уверяя, что анкетою будет доказан факт эксплуатации детей, не достигших даже и 8 лет, но работавших по 12 часов в сутки. А в 1857 г. сам префект признает, что «продолжительность рабочего дня» может быть проконтролирована лишь очень несовершенно.

4

Мелкое производство

Из четырех крупнейших отраслей текстильной промышленности теперь рассмотрены две: бумажное и шерстяное производство. Своевременно теперь перейти к изучению *шелкового* производства[58].

Обширный район (департаменты *Ардеш, Дрома, Луара, Верхняя Луара, Изер, Рона*) был почти совершенно не обследован современниками изучаемой эпохи. Как уже сказано выше, лишь один Ренье написал документированную историю шелкопрядильного производства, но осветил всего только один из перечисленных департаментов. Между тем ведь во всем названном районе, в забытой провинциальной глуши, на всех шелкомотальных и шелкокрутильных фабриках существовала система жесточайшей эксплуатации детей и подростков. Посредством систематических обманов с фабричными часами продолжительность рабочего дня доводилась до 18 часов в сутки; девочки-подростки часто составляли главный контингент рабочей силы на фабрике; нищенская оплата труда, отвратительное, антисанитарное состояние общежитий — вот условия труда в этой промышленности.

Для нас немалое значение имеет вопрос, улучшилось ли положение рабочих в 40-х годах XIX в. Бесспорно, были и оптимистические сведения, принадлежавшие инспекторам или иным лицам — современникам изучаемого периода. Так, например, инспектор Паршэ утверждал в своем третьем отчете, что фабричные часы уже не переводились на столько времени (как это было прежде) и что сами рабочие не жалуются на чрезмерность работы. Но далее Паршэ очень неудачно сопоставлял свои более ранние наблюдения с последующими. В третьем отчете он писал уже не о ежегодной смене тюфяков в рабочих спальнях, а о смене по одному разу в два года. Писал он и о трехмесячном сроке смены постельного белья. Следовательно, положение изменилось «к лучшему» лишь в том смысле, что стало более точно соответствовать мрачной характеристике, изложенной в первых отчетах, копии которых были, вероятно, утеряны Паршэ. Этот наш вывод подтверждает переписка префекта департамента *Ардеш*. В начале декабря 1850 г. новый префект сообщал министру, что положение на шелкопрядильных фабриках еще оставляло желать лучшего и что, в частности, фабричные часы переводились произвольно и в такой мере, что продолжительность работы детей увеличивалась на час, а иногда и на два часа. Работа на шелковых фабриках начиналась с 2—3 часов утра[59].

Также и в департаменте *Дрома* закон о детском труде не изменил условий эксплуатации. Префект сообщал в Париж в марте 1844 г., что большинство фабрик пользуется трудом детей моложе 12 лет по 12 часов в день[60].

Сведения о шелкопрядильных фабриках в департаменте *Верхняя Луара* интересны тем, что их можно сопоставить с данными о положении рабочих в других отраслях производства в том же районе. Ко времени первых инспекций в департаменте Верхняя Луара было 12 шелкокрутильных фабрик, три бумажные мануфактуры, одна мануфактура зеркал и еще мануфактуры, производившие косы. Сравнивая все эти предприятия, инспекторы констатировали неодинаковость продолжительности рабочего дня: на «фабрике» кос так называемая действительная работа не превышала 10—11 часов, между тем как шелкопрядильные фабрики функционировали с 5 часов утра до 9 часов вечера. Инспекторы отметили и особую утомительность труда девочек, вынужденных работать стоя в течение 14 часов[61]. Каков был возраст этих малюток?

---

[55] Arch. N. F[12] 4710, префект — министру, 2 мая 1843 г.
[56] Arch. N. F[12] 4709. Aisne.
[57] Arch. N. F[12] 4713. Seine-et-Oise, 24 февраля 1843 г.
[58] Ср. «Историк-марксист», т. XII, стр. 141 и сл.

[59] Arch. N. F[12] 4709, префект — министру, 4 декабря 1850 г.
[60] Arch. N. F[12] 4710, префект — министру, 16 марта 1844 г.
[61] Arch. N. F[12] 4711. Haute-Loire, отчет инспектора Варнэ от 16 апреля 1847 г.

Никто не сможет ответить: сертификатов о возрасте, вопреки закону 22 марта 1841 г., дети не имели.

Несколько слов о положении в департаменте *Эро*. В окрестностях Монпелье в 1847 г. малолетние «рабочие» были крепко связаны с фабрикой. Они и ночевали на шелкокрутильных предприятиях. Инспектор Боннэ откровенно писал о трудностях ревизии этих фабрик; сообщал он и о местном обычае прятать детей от приезжающих инспекторов. Но этому замечательно честному инспектору удалось констатировать мошеннические махинации с фабричными часами. Боннэ приехал на фабрику в 3 часа утра и лично убедился в достоверности сведений об этих обманах.

В заключение приведем справку о санитарных условиях шелкопрядильного производства. Губительная профессиональная вредность была отмечена еще Виллермэ [62]. У крутильщиц шелка, работавших целый день на ногах, с наклоненным и вытянутым вперед корпусом (для связывания рвущихся нитей), появляются легочные болезни и деформации грудной клетки.

5

Льнопрядильное и пенькопрядильное производства

В департаменте *Сомма* к 1843 г., по свидетельству самого префекта, картина была такая: в течение круглого года льнопрядильные фабрики работали с 6 часов утра до 8 $^3/_4$ часов вечера, т. е. почти полные 15 часов. Что касается продолжительности дневного отдыха, то показание о нем выражено уклончиво: отдыхают «не более часа» за целый день [63]. Размеры заработной платы детей колеблются в пределах от $2^1/_2$ франков до $3^1/_2$ франков в неделю. В серии документов несколько более позднего происхождения мы находим мемуар некоего Henriot (?). Автор мемуара описывает мучения фабричных детей, вскрывая при этом и социально-экономическую основу тяжелых условий: «Благодаря машинам целое преждевременно истощенное поколение мучается на потребу фабрики (aux besoins de la manufacture)», и вследствие этого рабочая масса становится «лишь более покорной и более прирученной». Жертвы же чудовищной эксплуатации (de cet abus monstrueux) кончают свою жизнь в госпиталях и богадельнях.

Соседний с департаментом Сомма департамент *Нор* был не только районом хлопчатобумажного производства, но также и крупнейшим центром льнопрядильной промышленности. К сожалению, отчеты первого (во Франции) оплачиваемого фабричного инспектора Дюпона очень бледны. «Умеренный», архиосторожный инспектор предпочитал заполнять страницы своих отчетов общими фразами и подробностями об образовании фабричных детей. Интересны лишь сообщаемые им данные о несчастных случаях на производстве, но эти сведения относятся к более позднему времени. Потрясающие, хотя и не проверенные, данные о детской смертности в Лилле около 1848 г. сообщались Бланки [64]. Что улучшений не было и в 50-х годах, видно из статистических подсчетов доктора Крэтьена [65].

Пенькопрядильное производство частично было развито в департаменте *Орн*. Так, например, в Алансонском округе, кроме пяти железоделательных заводов, одной фаянсовой мануфактуры, одного стеклоделательного завода, двух ткацких мануфактур, существовала в 40-е годы XIX в. и сравнительно крупная пенькопрядильная фабрика. Разнообразие перечисленных предприятий, подавляющее большинство которых — не фабрики, а мануфактуры, дает возможность установить сравнительную характеристику фабричной эксплуатации. Как явствует из конфиденциального отчета командированного в департамент *Орн* ревизора службы контролеров мер и весов, именно на пенькопрядильной фабрике дети-рабочие отличались особенно несчастным, болезненным видом. Заработная плата некоторых из них не превышала 25 сантимов. Но и эта жалкая сумма еще сокращалась посредством характерной для эпохи промышленного переворота жесточайшей системы штрафов: за каждые 15 минут опоздания взималось по 15 сантимов, т. е. потеря 1 — 2% дневной работы каралась штрафом в размере 60% дневной заработной платы! Как выясняется из цитируемого секретного отчета, собственником пенькопрядильной фабрики оказался член палаты депутатов, некий Мерсие [66].

Вот почему вплоть до секретного обследования данного района инспектором службы контролеров в официальной переписке не было и намека на злоупотребления подобного рода.

6

Добывающая промышленность

Переходя к характеристике положения детского труда в каменноугольной промышленности, постараемся прежде всего определить функции малолетных рабочих. Из инспекторских отчетов по департаменту Мэн-и-Луара мы узнаем, что работа самых маленьких детей чаще всего состояла в том, что они «открывают и закрывают вентиляционные двери, чтобы пропустить каретки» [67],

---

[62] *Villermé*. Tableau, vol. I, p. 345, 347.

[63] Arch. N. F^{12} 4713. Somme, префект — министру, 28 сентября 1843 г.

[64] *A. Blanqui*. Op. cit., p. 101—102.

[65] *Chrestien*. Notes statistiques sur la mortalité de la ville de Lille. К этой работе мы еще вернемся далее, в другой главе.

[66] Arch. N. F^{12} 4712. Orne, Фонтэн — министру, 21 декабря 1844 г.

[67] Arch. N. F^{12} 4711. Maine-et-Loire, отчет инспекторской комиссии — префекту, 1846 г.

т. е. выполняют буквально такую же работу, как и в копях Англии. Малолетние дети из числа не работающих под землей выполняли вспомогательные работы. Как видно из переписки по департаменту Майенна, дети моложе 12 лет подносили питьевую воду, кипятили ее для умывания и т. п.

Подростки от 15 до 18 лет были заняты физически тяжелым трудом: они перетаскивали уголь.

Послушаем теперь показания источников о продолжительности труда в каменноугольных копях. Префект департамента *Мэн-и-Луара* в своих первых отчетах писал о восьми часах работы. И только из статистической сводки за 1843 г. (документ, подписанный тремя инспекторами) явствует, что эту «восьмерку» нужно понимать «по-английски»: каждый рабочий день разделялся на три чередующиеся «восьмерки» труда и отдыха. Таким образом, продолжительность рабочего дня в одни сутки достигала 16 часов, в следующие — 8 часов, на третьи сутки снова 16, а затем опять 8 часов и т. д. Заработная плата (в 1843 г.) — 50 сантимов[68]. Определить возраст у всех детей инспекторам не удалось.

В департаменте *Майенна* сам префект в 1843 г. констатировал систему чередования «восьмерок», причем особенно ценно его точное указание на несоблюдение воскресного отдыха в местных каменноугольных копях[69]. Сообщались и данные о возрасте детей, но ввиду официального признания, что не у всех имелись сертификаты о возрасте, вопрос о незаконном пользовании трудом детей, не достигших восьми лет, нельзя признать точно освещенным в наших документах.

Чрезвычайно скудны данные о департаменте *Финистер*, где констатируется 10—12-часовой рабочий день и здоровый вид работающих детей. Но эти сведения исходят от одного из местных супрефектов[70].

В департаменте *Нижняя Луара* рабочие «восьмерки» часто сдваивали; таким образом, малолетние дети даже в копях, под землею, работали по 16 часов подряд[71]. Возраст работающих детей и здесь инспекторам не удалось точно установить. Дети неграмотны.

В департаменте *Устья Роны* — та же система чередующихся «восьмерок». Тем самым устанавливается факт ночной работы. Отмечалась непосильность работ подростков от 15 до 18 лет, таскавших на своих еще не окрепших спинах грузы с углем по $1^1/_2$ и даже $2^1/_2$ пуда весом (от 20 до 40 *кг*)[72]. И взрослые и дети работали почти совершенно голыми.

Трудом восьмилетних детей пользовались особенно широко в годы, предшествовавшие появлению закона 22 марта[73]. В 40-е годы описываемые копи были уже настолько разработаны, что труд малолетних детей, так называемых mendits, занимавшихся расчисткой путей, перестал удовлетворять предпринимателей. «Des enfants aussi jeunes feraient trop peu de travail»,— писал рассудительный автор цитируемого документа[74].

В департаменте *Алье* нарушались 2, 3, 4, 5, 6, 9 и 10-я статьи закона о детском труде, т. е. фактически здесь имели место все наиболее тяжкие формы злоупотреблений: ночной труд, непомерная продолжительность рабочего дня и т. д.[75]

Хорошо известны каменноугольные копи в департаменте *Нор*. Они были обследованы инспектором Дюпоном, но и труд шахтеров не получил четкого освещения в его отчетах. Констатировано применение в копях труда девушек. Инспектор писал: «Развитие физических сил у этих детей парализуется, здоровье подрывается, сокращается продолжительность жизни. Они осуждены на полное и беспросветное невежество, вплоть даже до незнания азбуки своего родного языка; они обречены на полную моральную деградацию».

* * *

Из других видов добывающей промышленности отметим шиферные копи в департаменте *Мэн-и-Луара*. К 1845 г. здесь работало около 255 детей. Эксплуатация их труда ни в коей мере не изменилась после закона 22 марта. Так, в 10 копях Анжерского округа дети работали по ночам и без соблюдения воскресного и праздничного отдыха.

Интересен по характеру своего промышленного развития департамент *Сона-и-Луара*. В описываемый период здесь существовали два рудника железной руды, в четырех рудниках добывался смолистый сланец, в восьми рудниках — магнезия и, кроме того, здесь насчитывалось 14 каменноугольных копей[76]. В магнезиальных копях детских труд вовсе не применялся. Сланец добывался под открытым небом, как в простых каменоломнях, и здесь также

---

[68] Arch. N. F[12] 4711. Tableau, 4 апреля 1843 г.

[69] Ibid. Mayenne, префект — министру, 1843 г.: «Ainsi ces jeunes gens passent huit heures dans la mine, se reposent ensuite huit heures et continuent pareillement même le dimanche pendant lequel le travail est obligé, afin d'éviter des pertes énormes qui sans cela arriveraient indubitablement» (!).

[70] Arch. N. F[12] 4710. Finistère, 25 января 1842 г.

[71] Arch. N. F[12] 4711. Loire-Inférieure, отчет 7 мая 1843 г.: «La journée... dans la mine est de 8 heures, mais souvent les ouvriers redoublent de manière à travailler 16 heures sur 24».

[72] Arch. N. F[12] 4712. Bouches du Rhône, инспекторский отчет при отношении префекта — министру, 9 февраля 1843 г.

[73] Имеем в виду закон 22 марта 1841 г. Следует, однако, отметить, что еще задолго до опубликования этого первого общего закона о детском труде существовал декрет, специально регулировавший условия труда малолетних рабочих в копях. Это — наполеоновский декрет 3 января 1813 г., воспрещавший опускать в шахты детей моложе 10 лет.

[74] Ibid. Bouches de Rhône, цитированный отчет.

[75] Arch. N. F[12] 4709. Allier. Копия инспекторского отчета, 28 ноября 1848 г.

[76] Arch. N. F[12] 4713, инспекторский отчет при отношении префекта — министру, 15 января 1846 г.

не пользовались детским трудом. В железорудных копях взрослые приводили на работу своих детей, но это бывало непостоянно. Напротив, в угольных копях и в этом департаменте постоянно применялся труд малолетних детей. Официально считалось что дети достигли 12 лет, но показания о возрасте не были проверены. Рабочий день — 8 часов. После всего вышеизложенного ясно, как следует понимать эту «восьмерку».

7

Вязальное производство и другие отрасли промышленности, «не охраняемые законом 22 марта»

Одним из наиболее развитых центров вязального производства в 40—50-х годах XIX в. был департамент *Об*. Названная отрасль промышленности в эти годы еще не поднялась до такой ступени механизации, когда мануфактура превращается в совершенно законченный тип фабрики. Количество занятых рабочих в подобных вязальных мастерских чаще всего менее 20 человек; и здесь все еще не применялась система единой двигательной силы, хотя «métiers circulaires» и были механизированными «рабочими инструментами», широкое распространение которых ухудшало положение работниц, занятых в механизированных мастерских, и ремесленников, работавших «по старинке», на неусовершенствованных вязальных станках[77]. Таким образом, поскольку вязальные мастерские, как предприятия, не применявшие «moteur mécanique» и в то же время обслуживаемые менее чем 20 рабочими, не подвергались ограничениям, предусматриваемым по закону 22 марта 1841 г.,— эксплуатация детского труда здесь, как и во всех других подобных предприятиях, была совершенно свободной.

8

Прочие отрасли производства

Бумагоделательное производство

В исследованной серии архивных документов сведения о бумагоделательных фабриках эпохи чрезвычайно скудны. Но характерные данные имеются в печатных первоисточниках.

Из журнала «Анналь де ля Шарите» за 1847 г. узнаем об ужасающих фактах, наблюдавшихся доктором Дазанвилье в департаменте *Сена-и-Уаза*. «Еще совсем недавно,— речь идет о бумажной фабрике в кантоне Корбейль,— несколько детей, из которых старшему едва ли исполнилось 15 лет, а младшему было самое большое лет 10, работали по ночам и под угрозой штрафа вынуждались через каждые две недели отрабатывать *по 24 часа без перерыва*»[78] (подчеркнуто мною.— *Ф. П.*).

Производство шнурков

Вот что писал в 1842 г. один из супрефектов департамента *Сена-и-Уаза* по поводу участи детей, работавших в данном производстве: «Трудно смотреть на подобную нищету... По совести сказать, арестанты нашей скверной тюрьмы д'Этан во всех отношениях живут в 20 раз лучше»[79].

[77] Arch. N. F[12] 4709. Aube. Résultat sommaire de la 1-ère inspection générale... 1854.

[78] «Annales de la Charité», t. III, 1845, p. 116—121.

[79] Arch. N. F[12] 4713. Seine-et-Oise. Tableau, 24 février 1843.

ТРУД МАЛОЛЕТНИХ РАБОЧИХ В ПАРИЖЕ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЯХ В 40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

1

Вводные замечания

Понятный интерес имеет исследование условий труда в Париже как раз в те времена, когда создавались исторические условия революции 1848 года и ее вершины — июньского восстания пролетариата.

Также и в более узком плане некоторых вопросов истории промышленного переворота нижеследующие данные достойны внимания особенно потому, что они относятся к разным типам промышленных предприятий: к ремесленным мастерским, к мануфактурам давнего типа, т. е. чисто «ручным», к мануфактурам, механизированным частично, к вполне развитым фабрикам, хотя и некрупным.

Значение привлекаемой документации заключается еще и в том, что она полностью обнаруживает контраст между правдивыми (пусть даже частью правдивыми) сообщениями фабричных инспекторов и тем бесстыдным, ложным обобщением, которое сочинялось Кюнен-Гриденом, министром земледелия, торговли и промышленности для его доклада королю [1]. Закон 1841 г., как уверял министр, будто бы применялся во Франции с неослабляемой твердостью, причем в перечне «первых» (т. е. наиболе благополучных) районов был назван именно департамент *Сена*.

Убедиться в недобросовестности Кюнен-Гридена мог любой королевский чиновник: ведь многие из нижеуказываемых предприятий были расположены, можно сказать, «рядом» с правительственными дворцами.

[1] Этот лживый доклад получил широкую огласку и даже цитировался в «Журнале мануфактур и торговли».

2

Предприятия, на которых применялся в Париже (или близ Парижа) труд детей и подростков

Весной 1843 г. префект департамента Сена сообщил министру о частичном обследовании столичных предприятий; первоначально речь шла только о трех районах: Париж, Сен-Дени и Со [2]. В донесении префекта были указаны все отрасли, в которых применялся труд малолетних рабочих, т. е. даже такие отрасли, в которых, скажем, на одну мастерскую приходилось по одному-два человека. Например, в ювелирном деле — по два, в свечном и мыловаренном — по три и т. д. Разумеется, не следует принимать все эти цифровые данные в качестве абсолютно достоверных показателей, поскольку были хозяева мастерских, частично скрывавшие занятых у них малолетних рабочих. Но неоспоримо значение даже и этих, казалось бы, не заслуживающих внимания сообщений. Бросаются в глаза различия в численности эксплуатируемых детей в зависимости от вида перечислявшихся промышленных операций; так, например, если в фарфоровом, химическом, карандашном, спичечном, парфюмерном производствах было якобы лишь по 1—2 малолетних рабочих, то, по тем же источникам, на предприятиях, вырабатывавших крашеную бумагу, было по 30, в шалево-аппретурных — по семь, в декатировке — по девять человек (малолеток). К сожалению, лишь частично были указаны те трудовые операции, которые поручались детям [3].

Характеризуя положение в Со, префект писал, что дети отдыхали только тогда, когда и взрослые приостанавливали свою работу. Повторяем, речь идет пока о результатах частичной инспекции. Об общем количестве детей на предприятиях, обследованных к 1843 г. и находившихся в указываемых местах, свидетельствуют нижеследующие цифры:

— в возрасте от 8 до 12 лет было 1075 человек;

— от 12 до 16 лет — 829; число предприятий, обследованных в Сен-Дени и Со, было обозначено, соответственно, цифрами 29 и 12; это была, как видим, небольшая часть общего количества 202 обследованных к 15 апреля 1843 г. предприятий, считая и Париж.

Но недостаточность одной иллюстрации, относящейся к одной хронологической дате, сразу же обнаруживается при сопоставлении с последующей информацией. Эта новая информация позволяет освещать интересующие нас отрасли раздельно.

[2] Arch. N. F^{12} 4713, префект — министру, 30 апреля 1843 г.

[3] Например, в производстве крашеной бумаги — «tremper les papiers»; в ткацких мастерских — «fixer les chassis»; в ситцепечатном — «étendre les couleurs».

3

Отрасли, формально охраняемые законом. По данным инспекции в Париже, Сен-Дени и Со в 1844 году

К 1844 г. общее число рабочих на тех 329 предприятиях, которые были обследованы непосредственно в Париже, а также в Сен-Дени и Со, состояло из таких слагаемых:

7642 мужчин, 1522 женщин и 2422 детей, из которых 1361 был в возрасте от 8 до 12 лет.

Явный и быстрый прирост числа предприятий, подлежавших обследованию, был, разумеется, отмечен в служебной переписке, обращавшей внимание на тот факт, что только в районе Парижа Сен-Дени и Со в производстве цветной бумаги, шелковых тканей, в набивной и бронзовой промышленности вступили в строй 37 новых предприятий, на которых в общем было занято 759 взрослых и 518 малолетних рабочих. Заметим, что в числе этих новых предприятий были и мастерские, только что возникшие в квартале Иль Сен-Луи.

Префект департамента Сена и на этот раз характеризовал общую картину оптимистически: положение рабочих оценивалось как «очень удовлетворительное» [4].

Между тем увеличение количества предприятий, подлежащих инспектированию, продолжалось. И снова отмечался интересный для нас факт — появление именно новых механизированных предприятий. В данном случае в донесении 1847 г. было подчеркнуто, что только в местечке Жантильи начали работать 12 фабрик, по французским масштабам все — крупные, с большим количеством рабочих по сравнению с тем, какое существовало в прежних предприятиях [5].

С годами существенно изменялись показатели числа обследованных предприятий и рабочих контингентов.

К весне 1846 г. детей от 8 до 12 лет в обследованных парижских фабриках и мануфактурах было 483 мальчика и 86 девочек, а в округах Сен-Дени — 616 мальчиков и 209 девочек; в Со аналогичные данные представлены цифрами 74 и 15, а всего к весне 1846 г. в предприятиях, о которых идет речь, было уже 1173 мальчика, 310 девочек, причем все в возрасте от 8 до 12 лет, считая же и подростков (до 16 лет) — 3870 человек.

Обратимся теперь непосредственно к показанию одного из парижских инспекторов, к сообщению Денейруза. Он писал: «Я посетил предприятия, которые мне были указаны, и встретился с совсем новыми трудностями» [6]. Оказалось, что на территории Пон Се-Мартен многие мануфактуры производили шали и так называемые новинки; это были значительные предприятия с большим количеством работавших детей — помощников ткачей. Они принимали и толкали рукой челнок, который бросал им взрослый работник. Инспектор добавлял, что «само по себе» это было нетрудное дело, но работающий ребенок был «необходим» ткачу, как и его механический станок. Еще один характерный штрих: ткач сам нанимал своих помощников-детей, сам и рассчитывался с ними. Между тем закон 1841 г. требовал, чтобы работавшие дети посещали школу. Денейруз и пояснял, что в данных производственных условиях дети могли бы учиться только в вечерних школах. Но переутомление было велико, уставшие дети «боялись» такой учебы и предпочитали покидать своих нанимателей.

Конечно, любой администратор мог бы спросить: почему же не вводилась сменная система, позволяющая поочередно учиться в утренних школах. Предусматривая такой вопрос, инспектор писал: «В горячие дни усиленной работы малолетних рабочих не хватало, и сменную систему было невозможно организовать вследствие недостатка рабочей силы».

То обстоятельство, что крупные предприниматели могли использовать данную ситуацию в ущерб мелким конкурентам, не отмечалось Денейрузом. В середине 40-х годов сам префект, подразумевая столичные крупные предприятия в производстве крашеной бумаги, признавал возможность учреждения дневных школ, поскольку именно более крупные промышленники как раз и пользовались относительно более многочисленным контингентом малолеток [7]. Но и эти промышленники тогда не соблюдали закона 1841 г., школ не учреждали и даже лишали детей полного воскресного отдыха, заставляя ребят чистить машины [8]. Ясно, что речь шла о фабриках и подразумевались преимущественно бумагопрядильные предприятия.

К числу показаний, принадлежащих очевидцам, относятся и потрясающие сведения о ситцепечатных фабриках в Пюто. Взрослые рабочие и в этой отрасли сами подыскивали помощников, подготовлявших краски. Помощниками были мальчики и девочки в возрасте от 5 (пяти!) до 15 лет. Работали они с 6 часов утра до 7—8 часов вечера, взобравшись на скамеечки и простаивая на них целый день, иногда даже до 12 часов ночи, а временами по нескольку раз в неделю — всю ночь. Их обычная дневная заработная плата была 50 сантимов. Изможденные физически, они подвергались еще и нравственному убийству. Словами: «растление

---

[4] Arch. N. F[12] 4713, префект — министру, 15 января 1844 г.

[5] Arch. N. F[12] 4713. Seine, префект — министру, 8 марта 1847 г.

[6] Arch. N. F[12] 4713. «Duplicata du rapport envoyé à Monsieur le Préfet de Police, le 19 mai, 1846, par Deneirouse (ou Deneironse?)».

[7] «Toujours très élevé...». Arch. N. F[12] 4713. Seine, префект — министру, 17 июня 1844 г.

[8] Ср. текст статьи Л. Фоше в «Журнале мануфактур и торговли», 1846, часть IV, стр. 289—290; дети моложе 12 лет или вовсе не принимались на работу, или же обязывались работать как взрослые, т. е. с $6^1/_2$ часов утра до 8 часов вечера. Формально считалось, что дети имели полуторачасовой отдых; фактически же во время перерыва детей заставляли «чистить формы, подметать полы».

в 10 лет и материнство в 15 лет, бесчестие, принимаемое без стыда и раскаяния»,— завершалась характеристика условий труда на страницах журнала «Анналь де Шаритэ» в 1845 г. Представляя себе возможность сомнения в правдивости этих страшных строк, цитируемый автор добавлял, что ни одно из его утверждений «не грешит преувеличением» [9].

Присоединим и показание, взятое из такого источника, против которого не сможет возразить даже и «бизнес-хистори». Предоставляем слово предпринимателю, парижскому промышленнику Маесту. Речь шла о шлифовке кристаллов. Дети были заняты в этом производстве с 6 часов утра до 12 часов дня и с 6 часов вечера до 12 часов ночи. Как и следовало ожидать, цитируемый автор старался не сгущать мрачных красок. По его оптимистическому подсчету, «действительный» рабочий день был равен всего 11 часам. Конечно, это было скрытое нарушение закона 1841 г. Указанная цифра была не «действительна», поскольку сам же Маест указывал, что подразумеваемое производство требовало непрерывности и что малолетним рабочим предоставлялся трехразовый отдых (по 30 минут) утром, днем и вечером [10]. Все это можно понять и признать достоверным только при предположении, что тут практиковалась сменная система и что, следовательно, детский труд, вопреки закону 1841 г., применялся по ночам.

Показание же о возрасте детей противоречиво: Маест указывал цифру 12, но оговаривался: «Вышеизложенные соображения... заставляли его брать на работу также и более юных детей» [11].

4

Предприятия, на которые не распространялся закон 1841 г. об охране труда

Освещая гибельные условия труда фабричных рабочих, мы далеки от какой бы то ни было идеализации не механизированных или только частично механизированных отраслей производства.

Среди современников, ставших очевидцами жестокой эксплуатации детей в различных отраслях производства в Париже и его предместьях, был известный экономист Леон Фоше. По различным соображениям мы не стали бы опираться на показания Л. Фоше, если бы они принадлежали только единственно ему. Но в плане сопоставления разнородных источников представляют интерес и его сведения.

Так называемые ученики (т. е. помощники парижских мастеров), жили впроголодь, кормили их — иногда в течение всего

[9] «Annales de la Charité», t. I, 1845, p. 383—388.
[10] Arch. N. F[12] 4713, промышленник Маест — министру. Париж, Клиши ля Гарени, 1846.
[11] Ibidem.

года — только одним картофелем; спали они в душных комнатушках или в темных и сырых чуланах. «В особенности в Париже, где способы к пропитанию так трудны, а корыстолюбие так велико, что мастера самих себя не берегут, то уж, конечно, тем менее заботятся о молодых своих помощниках» [12]. Работа начиналась с 5 часов утра и продолжалась до поздней ночи, и если силы детей истощались раньше этого срока, то мастер «ободрял их палочными ударами».

Л. Фоше рассказал и о случае, буквально преступном, обнаруженном лишь случайно. Речь идет об обращении парижского золотых дел мастера со своими тайно эксплуатируемыми 37 учениками, набранными в воспитательных домах и в деревнях. Работа тут начиналась с 6 часов утра и кончалась в 11 часов вечера, с двумя 30-минутными перерывами. Кормили работавших детей похлебкой из овощей; спали ребята на несменяемой соломе, постепенно от сырости и нечистот превращавшейся в навоз. Тех, кто не успевал выполнить заданную работу, подвергала истязаниям женщина — «совершенная мегера». Весьма часто товарищи «виновного» сами его наказывали, разумеется, по принуждению. Некоторые мальчики получали до 130 ударов плетью и палкой; один из них был однажды брошен в чан с ледяной водой, другого держали на привязи к столбу в сыром погребе в течение всей ночи, третьего прижигали раскаленным железом [13]. Конечно, прочитав эти строки, манчестерцы, ученики проф. Эштона, сказали бы: это — патология, и в таком случае они были бы правы: широкого распространения подобный садизм, разумеется, не имел. Но и данный случай имеет значение: он характеризует возможность особенно тяжкой эксплуатации в условиях полной бесконтрольности. Заметим, что обыск в мастерской на улице Розье был произведен только «вследствие распространившегося слуха» [14].

Заслуживают внимания и сведения Л. Фоше о размерах заработной платы в тех отраслях, которые он освещал как очевидец. Однако, допуская возможность ошибок и ложных показаний, мы видим ценность сведений Л. Фоше более всего в том, что они особенно хорошо раскрывают невыразительность пресловутых средних статистических величин в данном вопросе. Поденная заработная плата мужчин равнялась, по Л. Фоше, от $3^1/_2$ до 5 франков; работницы получали от $1^1/_4$ до 2 франков, дети 12—16 лет — от 1 до $1^1/_2$ франков; моложе 12 лет — от 75 сантимов до 1 франка. Но в мастерских, производивших предметы роскоши, искусные работники зарабатывали «от 8 до 10 франков» [15].

[12] Цитирую по «Журналу мануфактур и торговли», 1846, часть IV, стр. 301—302.
[13] «Журнал мануфактур и торговли», 1846, часть IV, стр. 303—304.
[14] Описываемое дело относится к осени 1839 г.
[15] «Журнал мануфактур и торговли», 1846, часть IV (октябрь — декабрь), стр. 282. Здесь Л. Фоше счел нужным добавить: «крестьянин во Франции вообще зарабатывает меньше, чем работник в Париже, и едва столько, сколько получает там дитя старше 12 лет».

Фоше указывал и на неустойчивость производственных условий парижских предприятий, преимущественно, конечно, тех, которым приходилось считаться с изменчивостью моды. Тут наблюдались резкие нарушения продолжительности суточного труда: то целые месяцы без заработка, то вдруг горячка, работа по 15 и даже по 20 часов в сутки, а иногда день и ночь без отдыха[16]. По наивности или нарочно, для апологетики, Л. Фоше добавлял: рабочие привыкали «к этим чрезмерным усилиям» и сами просили дать им работу в ночь с субботы на воскресенье, а также еще и утром, в воскресенье, чтобы предаться праздности и посещениям трактиров до следующего вторника[17].

Сведения Л. Фоше относились как раз к тем кварталам, в которых было особенно много ремесленников и где тысячи людей ютились в грязных переулках позади кварталов Сент-Антуан, Шаронн, Монтрейль, Шарантон. Следует сделать вывод: речь идет именно о районе ручного производства и о мелких, не соединенных мастерских, в каждой из которых было менее 20 рабочих, что и освобождало эти мастерские от инспекции, установленной законом 1841 г.

Но были в Париже и предприятия, имевшие два «естества», затруднявшие их классификацию: число рабочих тут не было постоянным: летом они не подлежали инспекторским обследованиям, ибо в каждом из них насчитывалось меньше 20 человек, но «в другую половину» года число их увеличивалось. Почему же лето противопоставлялось половине года? Надо думать, что сообщение было представлено нарочно в таких сбивчивых выражениях и что в действительности дети страдали от произвола хозяев дольше, чем только в течение одного сезона.

О произволе мастеров имеются и другие показания современников-очевидцев. Так, например, парижский ремесленник, живший на территории Батиньоль, обратился осенью 1843 г. прямо к министру; он писал о тех мелких мастерских, в которых было только по 2, 3, 4 ученика-помощника у каждого из хозяев мастерских, т. е. у так называемого шеф д'ателье. Это письмо из Батиньоля было представлено от имени 200 таких же ремесленников, как и сам Воден, автор письма[18]. Речь шла о производстве крашеной бумаги. Никто из предпринимателей не заботился о нанимаемых детях, писал Воден.

Этому Водену было тогда 58 лет; из них 42 года труда в «его» отрасли, т. е. в позументном деле. В департаменте было тогда около 2000 станков. Все они находились в 8—10 лье от Парижа (станки в других департаментах Воден не учитывал). Цель обращения Водена к «господам нотаблям» была в том, чтобы обратить внимание правительства на экономические трудности, которые причиняли парижским ремесленникам именно указываемые «деревенские» станки. Конкуренция обрекала парижских ремесленников на безработицу или же на более низкие заработки: от $1^1/_4$ до $1^1/_2$ франков. Но также и количественный рост «учеников» в Париже причинял столичным ремесленникам большой убыток (un tort considérable).

Как видно, это были «ученики» только по названию: Воден добавлял, что в «его» отрасли существовали предприятия, нанимавшие по 20 и даже по 30 «учеников», которых принуждали работать на утомительных станках по 15 часов в день беспрерывно — «sans relâche»!

---

[16] «Журнал мануфактур и торговли», 1846, часть IV, стр. 288.

[17] Там же.

[18] Arch. N. F[12] 4715. Vaudin, прюдом Совета текстильного производства — господам нотаблям. Документ не датирован, но печать министерства, констатирующая получение документа, имеет дату: 29 апреля 1850 г.

25

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ БОРЬБЫ ЗА СОКРАЩЕНИЕ РАБОЧЕГО ДНЯ. ПОЯВЛЕНИЕ ЗАКОНА О ФАБРИЧНОМ ТРУДЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

1

Начало и развитие пропаганды в пользу охраны труда детей и подростков во Франции

В общих чертах и описательно история подготовки закона 22 марта 1841 г. изложена в большой статье Гено, и мы первоначально перечислим здесь только главнейшие факты, составляющие канву истории этого юридического акта.

Пропаганда в пользу охранительного закона началась, по существу, с того времени, когда эльзасский фабрикант Буркар, выступая 30 ноября 1827 г. на заседании Мюлузского промышленного общества, предложил возбудить ходатайство перед палатой пэров и палатой депутатов о принятии закона, устанавливающего возрастной лимит для детей, принимаемых на фабрику, и сокращающего продолжительность рабочего дня детей до 12 часов в сутки. Некоторое время спустя Буркар совершил поездку по промышленным городам Франции и, убедившись, что положение фабричных детей в других местах «еще хуже, чем в Эльзасе», возобновил свое предложение на заседании Мюлузского общества 26 декабря 1828 г.[1] Обе попытки Буркара не увенчались успехом: мнения мюлузских промышленников разделились или, как серьезно уверял историк Гено, «чувства филантропии даже в Мюлузе не были единодушны»[2]. Прошло несколько лет, и в 1833 г., в связи с подготовкой закона о всеобщем начальном образовании, мюлузским промышленникам представился повод высказать свои пожелания. На заседании 27 февраля 1833 г. в ответ на анкету (об организации начального образования для детей, работавших на фабриках) некоторые члены Мюлузского общества выразили взгляды, частично предвосхищавшие идеи закона 22 марта 1841 г.

В 1835 г. академики Виллермэ и Бенуастон де-Шатонеф по поручению Академии приступили к обследованию условий труда в северном и восточном районах Франции. Как известно, наиболее важную задачу обследования восточного района взял на себя Виллермэ, почетный член Мюлузского промышленного общества. Здесь, именно в данной связи, повторим, что летом 1835 г. Виллермэ посетил департамент Верхний Рейн, а в конце того же года обследовал департаменты Нор и Нижняя Сена. После вторичного посещения Верхнего Рейна в сентябре 1836 г. Виллермэ совершил поездку в Реймс и в Седан. Виллермэ побывал и на юге (Лодев, Бедарьё, Каркассон — в июле 1836 г.). К 1837 г. относятся его поездки в департамент Сомма (март — июль) и вторичные визиты в департаменты Нижняя Сена (июнь) и Нор (август). 2 мая 1837 г. состоялось публичное выступление Виллермэ в Париже, где он произнес речь «О чрезмерной продолжительности детского труда на многих фабриках».

Одновременно с поездками Виллермэ развертывалась пропагандистская деятельность Мюлузского промышленного общества. По просьбе этого общества Мюлузская торговая палата и Генеральный совет департамента Верхний Рейн обратились к министру торговли. В мае 1837 г. Мюлузское общество заслушало доклад доктора Пено, энергичного соратника промышленников-«филантропов», и одновременно эльзасские фабриканты подписали петицию, адресованную трем министрам и членам законодательных палат. В автографах, скреплявших документ, нетрудно разобрать подписи Шлёмберже, Дольфюса и других эльзасских промышленников[3].

Простое перечисление выступлений в пользу ограничения детского труда на фабриках частью поясняет значение периода 1837—1840 гг. в истории происхождения закона 22 марта 1841 г. Речь доктора Пено была напечатана и обращена в пропагандистскую брошюру. К этому времени относится появление брошюры Жилле[4], чиновника мэрии XI района в Париже. Тогда же распространялись и анонимные брошюры промышленника Ле-Грана, прославляемого в буржуазной литературе в качестве истинного «провозвестника» международного рабочего законодательства.

Заметим, что если первое выступление Ле-Грана с предложением о соблюдении воскресного отдыха и состоялось, действительно,

---

[1] «Bulletin de la Société Industrielle de Mulhouse», 1828, vol. I, y. 325 et suiv.

[2] *L. Gueneau.* La législation restrictive du travail des enfants.— «Revue d'histoire économique et sociale». Paris, 1927, p. 425—427. Конечно, французское трудовое законодательство освещалось и другими авторами, но преимущественно в работах чисто описательных, нередко компилятивных. Таковы, например, произведения Шаброля, Дюрана, де Бенното, опубликованные в 1901, 1902, 1907 гг. Серьезнее — работа Кольмара «Инспекция труда во Франции», 1899. Интересна также и статья Стефана Бауэра: «Исторические мотивы международного рабочего законодательства». Этот содержательный этюд был опубликован Стефаном Бауэром в 1908 г. О нем, как и о книге Н. Н. Кравченко, будет сказано далее.

[3] Arch. N. F[12] 4704. Pétitions, voeux, propositions, 1837—1840.

[4] *Gillet.* Quelques réfléxions sur l'emploi des enfants dans les fabriques et sur les moyens d'en prevenir les abus. Paris, 1837.

раньше, в 1832 г., то лишь в период 1837—1839 гг. у него вполне созрела идея законодательной охраны детского труда. В 1833 г. Ле-Гран опубликовал в Страсбурге свое известное «письмо» [5] и затем разослал его всем членам законодательных палат и министрам. В 1839 г. те же французские депутаты и министры получили «Новое письмо промышленника Вогезских гор», адресованное на этот раз непосредственно депутату Ф. Делессеру, «для сообщения г-ну министру торговли». Часть прессы подхватила идею «вмешательства государства» в «священную» сферу частных интересов. Из узких каналов частной инициативы агитация в пользу ограничения детского труда поднялась на политическую трибуну французской буржуазии.

Перечислим и правительственные мероприятия: 31 июля 1837 г., когда министром торговли был Мартэн, появился правительственный циркуляр, учредивший большую анкету по вопросу о детском труде. Все совещательные палаты мануфактур, торговые палаты, советы прюдомов должны были ответить, с какого возраста дети поступают на фабрику, как велика их заработная плата и продолжительность их рабочего дня; вынуждаются ли дети к ночной работе, посещают ли школы, не подвергаются ли дурному обращению и т. д. В то же время соответствующие чиновники внимательно изучали английское фабричное законодательство, отчеты фабричных английских инспекторов.

В 1840 г. агитация в пользу закона усилилась. В это время и была издана книга Виллермэ «Tableau de l'état physique». Пропагандистское значение книги Виллермэ [6] трудно переоценить: так часто она цитировалась в прессе и с трибуны палаты!

Между тем не прекращало своей агитации и Мюлузское общество; мюлузский союз промышленников выступил совместно с «Протестантским обществом содействия первоначальному образованию». В 1840 г. была переиздана вышеназванная брошюра Жилле.

2

Кратко о парламентской истории закона 1841 года

Мы подошли теперь к преддверию парламентской истории закона. 11 января 1840 г. министр торговли Кюнен-Гриден, бывший депутат от департамента Арденн, сам фабрикант, представил на обсуждение палаты пэров известный законопроект, длительное обсуждение которого в палатах и закончилось принятием закона 22 марта 1841 года. Об отношении самого Кюнена-Гридена к законодательной охране труда будет особо сказано ниже. Далее будут приведены и характерные высказывания других участников этой длительной и жаркой дискуссии. Здесь хотелось бы подчеркнуть недостаточность и методологическую порочность изучения истории закона 22 марта 1841 г. в хронологических рамках одной лишь его «предыстории» (1827—1839 гг.) и его парламентской истории (1840—1841 гг.), как это было сделано Гено.

Присмотримся еще раз (теперь уже с позиции историка-экономиста) к тем хронологическим вехам, которыми отмечен извилистый путь развития пропаганды в пользу закона, начиная от первых выступлений в Мюлузском обществе до решающего вотума в палатах.

1827, 1828, 1829 годы — совсем бесплодный этап. В 1835—1836 гг.— оживление интереса к вопросу об охране детского труда в Мюлузском обществе; в 1837 г.— готовность выступить с самостоятельной петицией; в 1839 г.— энергичная пропаганда мюлузских «филантропов» в союзе с Протестантским обществом. Период 1837—1839 годов резко выделяется по обширности пропаганды.

Наступают 1840—1841 годы; движение в пользу закона достигает своего апогея: законопроект превращается в закон! А через несколько лет, вопреки оптимистическим заверениям в правительственных отчетах, для промышленников-«филантропов» становится ясным провал их «святого» дела. Неоплачиваемость инспекторской службы, мнимое выполнение ее «друзьями торговли», терпимость правительства Июльской монархии по отношению к фабрикантам, не соблюдавшим ограничений труда,— все привело к тому, что закон 1841 г. превратился в карикатуру известного английского прецедента. И в 1846 г. поднялась новая «волна» — движение в пользу пересмотра почти бесплодного закона 22 марта 1841 г.

Но что же другое представляют в экономической истории Франции годы 1827—1829, 1837—1838, 1840—1841, 1846—1848, как не этапы промышленных кризисов и промышленных депрессий?

Характерно, что даже Гено отметил «совпадение» промышленного кризиса 1827 г. с началом агитации в пользу закона [7].

Обратимся, однако, к вопросу о том, какое значение имели торгово-промышленные кризисы для текстильного производства и, в частности, для эльзасских фабрикантов. Значительны ли были их экспортные операции? Не ограничивались ли их сделки преимущественно внутренним рынком? Ответ на эти вопросы дан в обстоятельной монографии Леви: «Начиная приблизительно с 1830 г., внешний рынок приобретал все более и более крупное

---

[5] «Lettre d'un industriel des montagnes des Vosges à M. M. Gros, Odier, Roman et Cie à Wesserling».

[6] Книга Виллермэ, обычно называемая анкетой, воспроизводила в расширенном объеме более ранние, менее известные статьи того же автора, печатавшиеся в различных органах. Гено отметил только часть этих более ранних публикаций Виллермэ.

[7] «Une crise économique avait, en effet, commencée en 1827 à l'heure même où s'ouvrait la question du travail des enfants. Elle s'aggrava en 1829 et atteinnit son paroxysme aprés Révolution de 1830».— *L. Gueneau.* Op. cit., p. 428.

значение, особенно же для дорогих сортов [тканей]»... «Многие крупные фабриканты экспортировали в 1834 г. половину своей продукции» [8].

После кризиса промышленный подъем наступил не сразу. Искусственные меры оздоровления экономической конъюнктуры, принятые в Северо-Американских Соединенных Штатах, лишь затянули продолжительность кризиса, разразившегося в 1839 г. с еще большей силой. В Англии тогда произошел так называемый «денежный кризис». Что же касается Франции, то Французский банк, «драгоценный термометр для оценки упадка и процветания торговли», еще в сентябре 1838 г. сигнализировал приближение нового шквала, а в 1839 г. бедствие достигло, по выражению Шарля Дюпена, своей вершины.

К 31 декабря 1839 г. в Париже было зарегистрировано множество банкротств. О положении эльзасской хлопчатобумажной промышленности в 1839 г. можно судить по замечанию Леви: «Внезапно рынок [сбыта] ситцепечатных товаров был ограничен почти исключительно национальным рынком» [9]. Понятно, что при таких обстоятельствах эльзасским фабрикантам было уже невмоготу сдерживать прилив своих христианских чувств: именно в эти годы (1838—1839) мюлузские «филантропы» и приступили, совместно с протестантской ассоциацией, к агитации в пользу реального законодательного ограничения детского труда.

Сравним теперь, опираясь на документы, положение хлопкопрядильного производства в Англии и Франции в 40-е годы.

— **1843 год.** В Англии только с 1843 г. началось оживление [10]. Число безработных во Франции не возрастало и даже уменьшилось «в соответствии с частичным возобновлением работ на прядильных фабриках» [11]. Сообщая эти сведения, префект департамента Верхний Рейн выражал надежду, что «катастрофа» уже миновала. К концу года цены на пряжу и ткани немного упали, но и сырье подешевело приблизительно на 10% [12].

— **1844 год.** В первые три месяца года хлопчатобумажное производство в Нижнерейнском департаменте активно развивалось, и вплоть до октября такое положение не изменялось.

— **1845 год.** Ровное течение дел сменилось более заметным расширением производства в третьем квартале. Большой спрос на коленкор для экспорта. Но в четвертом квартале 1845 г. оживление не раз приостанавливалось; причины — тревожные слухи о результатах урожая и волнения по поводу спекуляций с железнодорожными акциями.

— **1846 год.** Еще в апреле положение в хлопчатобумажном производстве было удовлетворительным, несмотря на вздорожание хлопка; затем началось падение цен. К середине года «высокие цены на хлопок не оставляли никакой прибыли прядильщикам» [13]. В третьем квартале отмечалось оживление, но все время удерживались высокие цены на сырье, до самого конца года [14].

— **1847 год.** Застой в течение всего первого квартала. Еще надеялись, что сокращение производства оздоровит конъюнктуру. К середине года — сокращение производства на всех ткацких и бумагопрядильных фабриках. Положение не улучшалось [15].

[8] *R. Lévy.* Histoire économique de l'industrie cotonnière en Alsace, p. 234.
[9] Ibid., p. 235.
[10] Энгельс писал: «Когда я в конце ноября 1842 г. прибыл в Манчестер, то застал ещё повсюду толпы безработных на перекрёстках, и многие фабрики ещё стояли; в следующие месяцы до середины 1843 г. стало меньше этих празднощающихся поневоле, и фабрики опять заработали».— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 2, стр. 323—324.
[11] Arch. N. F[12] 4467[b]. Haut-Rhin, секретное отношение местного префекта — министру торговли, 8 марта 1843 г.
[12] Arch. N. F[12] 4467[b]. Bas-Rhin, префект Нижнерейнского департамента — министру торговли, 8 февраля 1844 г., отчет за четвертый квартал.
[13] Arch. N. F[12] 4476[c]. Bas-Rhin, отчет префекта за второй квартал 1846 г.
[14] Arch. N. F[12] 4476[c]. Bas-Rhin, отчеты префекта Нижнерейнского департамента за третий и четвертый кварталы 1846 г.
[15] Отчеты префекта того же департамента за первый и второй кварталы 1847 г.
[16] «Bulletin de la Société Industrielle de Mulhouse», vol. I, p. 325.
[17] Ibid., p. 326—327.

3

Значение материального интереса и классового положения в пропаганде законодательных ограничений детского труда

Завершая обзор выступлений в пользу ограничения рабочего дня детей и подростков, следует более обстоятельно ознакомиться с содержанием соответствующих пропагандистских речей и брошюр.

«С некоторого времени промышленность нашего края развилась необычайно» [16]. Так начиналось «Предложение» Жан Жака Буркара (из Гебвиллера), доложенное в Мюлузском обществе в 1828 г. Указав на несоответствие бурного промышленного расцвета бедственному положению фабричных рабочих, Буркар сослался на пример Англии, где прядильщики в течение 12-часового рабочего дня производили столь же много и еще более, чем французские рабочие при 15-часовом дне. Аргумент был, правда, не религиозный, но достойный внимания благочестивых эльзасских фабрикантов. Буркар допускал, что в Эльзасе работники некоторых фабрик при 13—15 часах бессменного труда давали более значительную продукцию, чем рабочие, занятые по 12 часов в день. Однако, продолжал Буркар, «вследствие избыточности произведенных товаров по отношению к потреблению, фабриканты-бумагопрядильщики сами должны желать сокращения производства», лишь бы это сокращение было обязательно равномерным и в одинаковой степени касалось как одних промышленников, так и других, пояснял Буркар [17].

Через 10 лет повторился аналогичный призыв «к самоотречению». «Я хочу говорить о каторжном труде детей на некоторых фабриках»,— так многообещающе начал свою речь д-р Пено. Изучая эту речь, надеешься найти в ней подробности, характеризующие фабричную жизнь. Напрасный труд! «Филантропические» чувства сбили докладчика на другой путь: он перешел к вопросу о «могуществе страшной конкуренции, возрастающей с каждым днем», и кстати уже указал на Англию, где вслед за волнениями и бунтами, причинившими серьезный ущерб многим бумагопрядильням, «появились регулирующие продолжительность рабочего дня ордонансы Роберта Пиля» [18].

Теперь несколько уточнений о социальном положении инициаторов и пропагандистов законодательной охраны детского труда.

Необходимо установить, к какой прослойке промышленников эти пропагандисты принадлежали, т. е. были ли они владельцами крупных предприятий с наилучшими машинами и паровой двигательной силой или же это сравнительно мелкие фабриканты, пользовавшиеся водяными двигателями и устаревшей техникой; были ли они только прядильщиками или собственниками таких предприятий, в которых соединялись прядильные и ткацкие операции.

Англичанин Юр, дополнивший французский перевод своей известной «Философии мануфактур» ценными указаниями, относящимися к Франции, утверждал, что к началу 30-х годов XIX в. «в отношении тех номеров пряжи, которые составляют $^{9}/_{10}$ потребления», эльзасские фабриканты ни в чем не могли позавидовать англичанам. За исключением наивысших номеров, эльзасская пряжа была не хуже английской [19]. А эльзасский промышленник Шлемберже (из Гебвиллера) даже англичан удивлял качеством своей тонкой пряжи. Эти показания вполне сопадают с оценкой эльзасского бумагопрядильного производства Коннелем, одним из лучших английских фабрикантов тонкой пряжи. Коннель лично сообщил д-ру Юру, что в Гебвиллере имеются такие машины мюль-дженни, как и его собственные. Да и сам Юр, посетив фабрики Дольфюса и Мига, убедился в их равенстве и даже превосходстве по сравнению с обычными английскими фабриками тех же времен [20].

Кто же такие Кёклен, Шлемберже, Дольфюс и Миг? Да это и были именно те самые эльзасские фабриканты, которые подписали уже известную читателю петицию 1837 г.

А инициатор борьбы за ограничение рабочего дня детей — Буркар — был совладельцем фабрики Шлемберже. Фабрика Буркара даже с трибуны палаты депутатов была аттестована как крупнейшее из всех тогдашних французских бумагопрядильных предприятий [21].

Мюлузское промышленное общество в целом — замкнутый союз крупных (по тому времени) капиталистов. В этом убеждает простая справка из устава общества. В Мюлузское общество принимались лица, рекомендованные председателем, избранные путем тайного голосования и способные постоянно уплачивать, сверх вступительных 100 франков, по 50 франков ежегодно.

Итак, инициаторы движения — в данном случае владельцы предприятий, оборудованных по последнему слову тогдашней техники. Однако задача историка закона 22 марта не исчерпывается вопросом об инициаторах движения. Ведь первоначально среди самих мюлузских фабрикантов не было единодушия по вопросу о законодательном ограничении детского труда. Более того, крупные капиталисты бумагопрядильщики вне Эльзаса и «капитаны» других отраслей текстильной промышленности еще в 1837 г. боролись против инициативы эльзасцев. Но с определенного момента и они примкнули к эльзасцам. Попытаемся объяснить «тайну» превращения своекорыстия в «филантропию».

В 1837 г. среди текстильщиков департамента Нор — противников ограничения труда — особенно выдвигался промышленник Барруа. Чрезмерность эксплуатации детей Барруа отрицал. Болезненный вид этих детей он «объяснял» не производственными, а жилищными условиями и ложно утверждал, что смертность детей, работавших на фабриках, не превышала смертности школьников. Пространно излагая разглагольствования Барруа, благодушный Гено обронил только одно критическое замечание: Барруа сохранил «все буржуазные предрассудки своего времени» [22]. По выражению Гено, г. Лилль был «крепостью» противников законодательного ограничения труда. Но разве не изменилась впоследствии позиция лилльских промышленников? И если изменилась, то насколько, когда именно и почему? Эти проблемы не исследовались и даже не ставились в работе Гено. Нижеследующие данные должны восполнить отмечаемый пробел.

Еще до закона 22 марта, осенью 1840 г., Лилльская торговая палата обратилась к министру земледелия и торговли с «Письмом», изобиловавшим рассуждениями о росте конкуренции.

В «Письме» высказывалось пожелание о сокращении «безграничной конкуренции», однако организационный вопрос, касавшийся инспекции, решался формулировкой, способной почти полностью обесценить закон об ограничении труда: не оплачиваемый правительством инспектор английского типа, а местный совет — вот форма фабричного надзора, первоначально рекомендованного Лилльской торговой палатой [23].

---

[18] *Ure*. Philosophie des manufactures, vol. II. Additions faites par l'auteur..., p. 305.
[19] Ibidem.
[20] «La grande galerie aux cardes surtout, chez M. M. Dollfus et Mieg, est la plus automatique que l'on puisse voir en aucun endroit, et travaille avec moins de main d'oeuvre qu'aucune autre en Angleterre».— *Ure*. Op. cit., vol. II, p. 308.

[21] «Moniteur», 1840, p. 2517.
[22] *L. Gueneau*. Op. cit., p. 443.
[23] «Archives de la Chambre du Commerce de Lille», vol. I, p. 517.

Менее чем через год, в мае 1841 г., многие члены Лилльской палаты уже отвергали форму чисто добровольной, неоплачиваемой инспекции [24]; и после долгих споров Лилльская палата остановилась на компромиссе «между системой специальных, оплачиваемых инспекторов... и системой совершенно безвозмездной инспекции» [25].

На заседании 5 декабря 1845 г., после того как был обсужден жгучий вопрос «об улучшении породы скота», великодушные члены Лилльской палаты обратились и к вопросу о вымиравшей породе «фабричных детей».

Доклад комиссии, предложившей сократить продолжительность рабочего дня даже и для взрослых, вызвал оживленную дискуссию. Большинство палаты опять отклонило предлагавшиеся эффективные мероприятия по борьбе с нарушениями закона 22 марта (отвергалась, например, юрисдикция полицейского трибунала как меры пресечения рецидивов). Вместе с тем палата высказывалась по вопросу о возрасте детей, принимаемых на фабрику. Палата считала «рациональным» не принимать детей моложе 10 лет [26].

* * *

В 1847—1848 гг. в обстановке революционной ситуации, еще до возобновления парламентских прений, правительство Луи-Филиппа предложило торгово-промышленным организациям высказаться о желательных изменениях текста закона 1841 г. От имени комиссии по вопросу о детском труде выступил 7 января 1848 г. член Лилльской палаты, убежденнейший «филантроп» Бернар, вполне усвоивший фразеологию мюлузских пиетистов. И тогда, «вдруг» в крепости оппозиции появились пропагандисты такого возрастного ограничения и такого сокращения суточного детского труда, которые уже полностью соответствовали английской системе: речь шла уже о шести с половиной часах работы, т. е. о введении сменной системы, наиболее удобной для фабрик, обладающих паровой двигательной силой. Также и в организации инспекторского контроля предлагалось следовать английскому образцу.

Рассмотрим и другие примеры подобной же эволюции взглядов по вопросу о законодательном ограничении фабричного труда.

Ниже еще будет сказано о значении именно льняной промышленности как важнейшего фактора лилльской «оппозиции» в 1837 г. и уступчивости в более поздние годы. Здесь же пока обратимся к характеристике позиций шерстопрядильщиков и сукноделов. Крупным политическим деятелем, защищавшим интересы промышленников департамента Арденны, был уже хорошо знакомый нам Кюнэн-Гриден, член палаты, затем министр. Кюнэн-Гриден, повторяем, сам фабрикант, шерстопрядильщик, допускавший у себя на фабрике 14-часовой рабочий день (для малолетних детей) [27], отрицал факт хищнической эксплуатации детского труда в шерстяной промышленности. Гридена тогда не тревожили даже и лично ему адресованные упреки Ле-Грана, который писал: «Как же почтенный депутат из Седана на заседании 28 мая мог усомниться в необходимости подобного закона или считать его излишним для шерстяной промышленности, раз в одном лишь маленьком эльзасском городке, занимающемся тем же самым производством, совершилось три самоубийства в среде фабричных детей» [28].

Но в 1837 — 1842 гг. и в других районах шерстопрядильного производства еще существовало враждебное отношение к идее регламентации труда, особенно же к сменной системе, беззастенчиво называемой системой «перекладных лошадей». В департаменте Тарн шерстопрядильщики из района Бюрля считали, что введение «системы перекладных лошадей» фактически вынудит предпринимателей совершенно расстаться с детьми моложе 13 лет. Подобное отношение было и у шерстопрядильщиков в округе Кастра [29]. Однако и тут через несколько лет отношение к закону у владельцев крупных шерстяных фабрик изменилось. Чрезвычайно характерна перемена взглядов самого Кюнэн-Гридена. «Почтенный депутат из Седана» первоначально не только не содействовал «фабрикантам-филантропам», но даже саботировал борьбу с грубейшими нарушениями закона 22 марта. Кюнэн-Гриден в своем министерском циркуляре предписывал префектам ограничиваться «уговариванием» фабрикантов, отнюдь не прибегая к каким-либо карательным мерам. Министр-фабрикант напоминал о «сакральности» сферы капиталистической собственности. Тон следующих циркуляров становился иным, но это еще не мешало Кюнэн-Гридену почти игнорировать значение полезной деятельности тех инспекторов, контролеров, которые одни только и способны были тогда — при отсутствии инспекции английского типа — освещать картину «социальных убийств» во Франции. Усердие контролеров мер и весов не поощрялось; присоединение их к составу бездеятельных инспекторских комиссий не было всеобщим и производилось по департаментам в разные сроки. Кипучая энергия Фонтэна, благородного человека, честного ревизора службы контроля мер и весов, была использована совершенно недостаточно. Но в 1848 г., при обсуждении «поправок» к закону 22 марта в палате пэров, Кюнэн-Гриден уже находился в рядах защитников предложения о сменной шестичасовой продолжительности рабочего дня для детей в возрасте от 8 до 12 лет [30]. Иначе говоря, в 1848 г. Кюнэн-Гриден, подобно мюлузским «филантропам», уверовал в

[24] «Archives de la Chambre du Commerce de Lille», vol. II, p. 62.
[25] Ibid., p. 68.
[26] Ibid., vol. III, p. 37.

[27] *Villermé*. Tableau de l'etat physique et moral des ouvriers. Paris, 1840, vol. I. p. 256.
[28] «Nouvelle Lettre d'un industriel», p. 7.
[29] Arch. N. F[12] 4714. Tarn. Отчеты по району Бюрля 18 июня 1842 г.; ср. также отношение мэра — супрефекту Кастра, 1 июня 1843 г.
[30] «Moniteur», février. 1848, p. 49.

коммерческую приемлемость английской системы, предоставлявшей именно крупным фабрикантам выгодно применять трудовые «шестерки» сменной, «перекладной» системы.

Пример подобной же изменчивости отношения к вопросу об ограничении детского труда представляют и разновременные высказывания по этому вопросу лионского промышленника, известного депутата Фюльширона.

Фюльширон категорически отрицал необходимость подобного закона для Лиона. Ссылаясь на мнимое своеобразие рыночных условий шелкового производства, Фюльширон в конце 1840 г. говорил: «Пакетботы, знаете ли, не ждут; а поэтому нам и приходится пользоваться детским трудом даже по ночам,— иначе мы не преуспели бы в своем деле» [31].

Однако в феврале 1848 г., при пересмотре закона 22 марта в палате пэров, тот же Фюльширон категорически возражал против предложения депутата Жирара, советовавшего создать особые условия для предприятий, работающих не круглый год, а сезонно, лишь несколько месяцев [32]. Эти условия должны были гарантировать неограниченную эксплуатацию труда в мелких предприятиях. Казалось бы, Фюльширон, энтузиаст срочного выполнения заказов, должен был поддержать предложение Жирара: ведь «пакетботы, знаете ли, не ждут!» Но, удивительное дело,— Фюльширон вдруг позабыл о пакетботах! Все, впрочем, становится понятным, когда узнаешь, что и сам Фюльширон и родичи его имели в департаменте Дрома шелкопрядильные фабрики, т. е. предприятия, работавшие круглый год. Поэтому создание условий, выгодных для мелких, сезонных предприятий, сильно конкурировавших с крупными фабриками, противоречило личным коммерческим интересам всей семьи депутата Фюльширона.

Изучая документы 40-х годов, вполне убеждаешься в том, что если некоторые фабриканты и склонялись к выполнению требований закона 22 марта 1841 г., то они почти всегда оказывались крупными предпринимателями, владевшими паровой двигательной силой. Особенно ярким примером может служить департамент Вож, где крупные фабриканты приступили к выполнению требований закона, не дожидаясь понуждения со стороны местной власти [33].

Следует теперь объяснить, почему же северный центр хлопчатобумажного производства во Франции — департамент Нор — еще в начале 40-х годов сохранил свое значение «крепости оппозиции».

Главная причина, предопределявшая мнимую филантропию эльзасцев и явный эгоизм фабрикантов из департамента Нор, заключалась, по нашему мнению, в том, что в департаменте Нор приобретали развитие более значительное, чем раньше, шерстяная и льнопрядильная отрасли текстильного производства. Более того, можно с точностью установить, что некоторые члены Лилльской торговой палаты занимались одновременно и хлопчатобумажным и льнопрядильным производством [34].

Развитие фабричного способа производства в льнопрядильной промышленности совершилось позже, чем в хлопчатобумажной. Уместно повторить, что в 1836 г. во Франции в льнопрядильной промышленности было лишь 6 тыс. льнопрядильных механических веретен и только в 1840 г.—25 тыс.

Также и переворот в шерстопрядильной промышленности совершался менее круто, притом применение водяных двигателей сохранялось в шерстяном производстве дольше. И подобно тому, как было в Англии, тарнские предприниматели заявляли, что применение ими водяных двигателей исключает возможность тех «преобразований», за которые боролись мюлузские текстильщики.

* * *

Вопрос о пропагандистской деятельности Даниэля Ле-Грана заслуживает особого рассмотрения.

Казалось бы, личность Ле-Грана уже хорошо освещена в буржуазной литературе. Существует большая монография о Ле-Гране, написанная Р. Вейссом [35]. По мнению Альбера Тома, автора предисловия к указываемой монографии, Р. Вейсс более всего и достоин благодарности именно за то, что он сумел объяснить взгляды Ле-Грана биографическими данными.

Мы эти данные используем, но постараемся дополнить их. Прежде всего следует лучше ознакомиться с брошюрами Ле-Грана, особенно с той, которую, возможно, с удивлением находили на своих местах члены палаты депутатов. Имеем в виду «Новое письмо промышленника с Вогезских гор господину Делессеру, члену палаты депутатов, для сообщения министру торговли» [36]. В эпиграфе «Письма» был вопрос: Неужели и в предстоящую сессию закон о детском труде не будет принят? — Неужели одни только политические и чисто материальные интересы будут по-прежнему поглощать наши законодательные сессии, в то время как самые важные, моральные, будут отодвинуты на задний план?

Историки, писавшие о Ле-Гране, пользовались только печатным текстом цитируемой брошюры. Но в Национальном архиве Франции сохраняется и рукописная копия «Нового письма». Сравнивая манускрипт с печатным экземпляром брошюры, обнаруживаешь интересный штрих: различия в подчеркивании слов в одной

[31] «Moniteur», décembre 1848, p. 2498.
[32] «Moniteur», 19.II.1848.
[33] Arch. N. F[12] 4714. Vosges.

[34] В протоколах, напечатанных в «Archives de la Chambre du Commerce de Lille», vol. I—V, они фигурируют как члены палаты, а в Торговом альманахе как промышленники.
[35] *R. Weiss.* Un précurseur de la législation internationale du travail. Daniel Le Grand. Son oeuvre social et international. Paris, 1926.
[36] «Nouvelle lettre d'un industriel des montagnes des Vosges à M. F. Delessert». Strasbourg, 1839.

и той же фразе в одном случае в печатном тексте, в другом — в «копии». Вот отрывки, о которых идет речь:

Печатный экземпляр	Манускрипт
Le mal existe; il ne s'agit plus le constater, ***mais de lui porter un remède prompt et efficace***; car de mois en mois la propagation des ***tissages mécaniques***, l'agrandissement des filatures de coton et de laine et l'établissement de filature de lin, fait de nouvelles victimes et rendent la loi plus difficile.	Le mal existe; il ne s'agit plus le constater, mais ***de lui porter un remède prompt et efficace; car de mois en mois*** la propagation des tissages mécaniques, l'agrandissement des filatures de coton et de laine et l'établissement de filature de lin, fait de nouvelles victimes et rendent la loi plus difficile.

Суть, однако, не в разночтении, о котором идет речь. Суть в том, что в 1839 г. любое подчеркивание быстрой якобы ежемесячной механизации ткацкого производства «вообще» было преувеличением, которое, впрочем, будет понятным, если мы ближе познакомимся с Ле-Граном, проводив его с трибуны публициста до ворот принадлежавшего ему предприятия «в Вогезских горах».

4

Материальные интересы промышленника Ле-Грана

Даниэль Ле-Гран родился в Базеле 28 ноября 1783 г. Предки Ле-Грана жили в Пикардии, но после отмены Нантского эдикта эмигрировали из Франции. Отец Даниэля, близкий друг Песталоцци, образованный человек, был видным политическим деятелем, в течение некоторого времени — президентом недолговечной директории Гельветийской республики. Отстранившись от политической жизни, отец Даниэля Ле-Грана занялся в Базеле ленточным производством. Тем временем Даниэль, закончив образование к 17 годам, возвратился к отцу[37]. Но вскоре французская оккупация вынудила Ле-Гранов переселиться вместе с их рабочими в Арлесхейм, откуда в 1804 г. вся семья, опять вместе с работниками, переехала в эльзасскую деревню Сен-Моран, в департамент Нижний Рейн, где Ле-Граны и оставались вплоть до 1813 г. Кроме ленточного производства, Ле-Граны занимались тогда производством пряжи из шелковых оческов. Биограф Даниэля особенно подчеркивает «патриархальность» производства: рабочие столовались вместе с хозяином и членами его семьи. В 1810 г. Даниэль знакомится с семьей известного протестантского пастора Оберлена[38].

[37] *R. Weiss.* Op. cit., p. 16.

[38] Подробнее о деятельности пастора Оберлена, члена Королевского общества земледелия, инициатора многих земледельческих и культурно-просветительных товществ в глухом местечке (дистрикте) Бан-де-ла-Рош, см. в двух книгах:

И в то время как старик Ле-Гран оставался поклонником Вольтера и Руссо, Даниэль, поддавшийся влиянию Оберлена, обратился в ревностного протестанта. Через некоторое время и старик Ле-Гран навестил Оберлена. Вейсс сообщает, что «как промышленник Ле-Гран был только наполовину удовлетворен своим пребыванием в Сен-Моран»; Ле-Гран «совершенно отчаялся найти там ту дополнительную рабочую силу, которая была ему необходима для того, чтобы выдержать конкуренцию соседних предприятий». Между тем население Бан-де-ля-Рош, где жил Оберлен, уже имело навыки к промышленному труду. В двух километрах от дома Оберлена, в деревне Фудей, нашлось подходящее помещение. И вскоре семья Ле-Гранов снова переселилась, захватив с собой все свои станки и всех своих рабочих (12 семейств). Здесь, наконец, в Вогезских горах Ле-Граны и нашли прибежище на многие годы. Население окрестностей Фудей, обнищавшее вследствие быстрого развития в Эльзасе механического хлопчатобумажного производства, оправдало расчеты Ле-Гранов; местные бедняки быстро усвоили, общаясь с рабочими Ле-Грана, технику производства лент на так называемых цюрихских станках. Рабочие-швейцарцы обладали особенным умением пользоваться этими станками. Ле-Граны успешно расширяли свое производство, раздавая «цюрихские станки» по окрестным хижинам. Управление всем этим делом все больше и больше сосредоточивалось в руках Даниэля. Но значительную часть своего времени Даниэль посвящал религиозной пропаганде: в религиозном воспитании он усматривал лучшее средство устранения социального неравенства. Даниэль Ле-Гран еще более сблизился с пастором Оберленом. В период Реставрации оба они были в этом крае лидерами евангелической агитации, которая, однако, нисколько не ссорила их с католическими епископами: до какой степени Оберлен и потомок гугенотов Ле-Гран были «тактичны»!

Июльская революция 1830 г. вызвала «смятение духа» у Ле-Грана.

В новой исторической обстановке, уже после лионского восстания 1831 г., Даниэль Ле-Гран выступил со своей первой пропагандистской брошюрой, изданной анонимно и адресованной графу Монталиве, министру внутренних дел[39]. Это было в 1832 г. Период с 1832 по 1858 г. и является наиболее важным в деятельности Ле-Грана; за это время он не менее 12 раз печатал свои анонимные брошюры, начав с вопроса о воскресном и праздничном отдыхе, перейдя затем (с 1838 г.) к агитации в пользу ограничительного закона о детском труде и закончив (1840—1855) обращением к европейским правительствам с предложением о междуна-

[1] *G.-B. Depping.* Les jeunes voyageurs en France, 3-ème éd. Paris, 1830, p. 302—304. [2] [P. M.] Promenades Alsaciennes. Paris, 1824. В этой анонимной работе P. M. для нас особенно интересны стр. 17, 29, 45, 57, 61.

[39] «Mémoire adressée d'une chaumière des Vosges à M. le Ministre de l'Intérieur. Réflexions sur la sanctification du septième jour de repos». Paris, 1832.

родной законодательной охране труда[40]. Вейсс как раз об этом периоде, т. е. о времени о 1832 по 1858 г., сообщил очень мало собственно биографических данных о Даниэле Ле-Гране. Упомянув о его смерти (10 марта 1859 г.), Вейсс перешел к подробному рассказу об «идеологической» эволюции своего героя. Выступая так часто в печати, Ле-Гран не просто повторял одни и те же предложения, проекты, но видоизменял некоторые из них.

Что же дает анализ идейного наследия Ле-Грана и как в действительности взгляды Ле-Грана объясняются фактами самой биографии у Вейсса? По мнению Альбера Тома, биографу Ле-Грана удалось установить «два глубоких источника идей Ле-Грана» — «протестантский идеал и среднее производство»! Но в каком же взаимоотношении находились эти «глубокие источники», всегда ли Ле-Граны имели одно и то же производство и почему «среднее производство» не развилось в крупную фабрику? И если до 30-х годов XIX в. процветание предприятия Ле-Гранов все усиливалось, то как обстояло дело в 1832—1858 гг.? Лишь самостоятельная разведка в области экономической истории того производства, которым занимался «промышленник с Вогезских гор», может дать ответы на все эти вопросы.

«Больше, конечно, чем всякий другой, Ле-Гран должен был оплакивать упразднение прежних способов прядения и ткачества, которые позволяли работникам разделять свой труд между мастерской и полем, сохраняя преимущества семейной жизни»,— писал Вейсс, отмечая при этом, что сам Ле-Гран «энергично отказывался» применять паровую двигательную силу, «чтобы сохранить семейный характер» своей промышленности! Но мог ли Ле-Гран оборудовать настоящую фабрику, не располагая необходимыми для этой цели условиями, и прежде всего достаточным контингентом «свободных» рабочих? Может быть, он должен был вновь покинуть Фудей? Но из «самой биографии» можно понять, что и этот шаг было нелегко сделать семье, которая уже несколько раз переселялась. Биограф к тому же упомянул, что брак благочестивого промышленника был очень плодовит.

Между тем с известного времени, поразительно совпадающего с несколько поздним началом литературной деятельности Ле-Грана (в 1832 г. ему было 49 лет), стала развиваться, хотя и не «из месяца в месяц», механизация ткачества и, главное, механизация именно ленточного производства. Рассмотрим некоторые данные из экономической истории этой промышленности.

Мы уже знаем, что станки, перевезенные в Фудей и розданные Ле-Гранами по местным хижинам, были так называемые «цюрихские». Лицемерие Ле-Грана и наивность его биографа, на наш взгляд, неоспоримо проявляются в том, что в восхвалениях «старины» промышленник-филантроп превозносил простейшую ручную прялку, между тем как сам он, Даниэль Ле-Гран, пользовался механизированными станками[41]. Эти «цюрихские» станки были изобретены в Голландии и затем, между 1660 и 1670 г., ввезены в Базель. Предугадывая снижение своих заработков, базельские ткачи протестовали против их применения, но Базельский совет допустил введение новых станков. В это время в других кантонах Швейцарии, а также в Германии, в испанских Нидерландах и во Франции пользование новыми станками все еще воспрещалось. В 1726 г. в Цюрихе воспрещение было отменено; с тех пор, по-видимому, эти станки и стали называться «цюрихскими» (или иначе — «à la Bâloise»)[42].

Во Франции еще в XVII столетии некоторым мастерам удавалось сооружать подобные же станки, «на которых один работник одновременно выделывал по 10 и по 12 штук лент», но эти ленты были конфискованы, а станки разбиты. В XVIII в. некоторые мануфактуристы из Сент-Этьенна и Сен-Шамона усердно пытались развить это «швейцарское» производство у себя дома, но большим препятствием было отсутствие квалифицированной рабочей силы: рабочих приходилось выписывать, и, в общем, это производство оказывалось дорогим и невыгодным. Лишь в 70-х годах XVIII в. наступил перелом; в 1786 г. во Франции только в районе Forez Velay насчитывалось 1600 «цюрихских» станков[43]. Это и был почти единственный район «цюрихского» производства лент. Следует, однако, подчеркнуть, что почти на всех этих станках еще и при Наполеоне I производились лишь одноцветные ленты; производство «брошэ» и бархатных лент было гораздо более сложным; и тогда не французы, а немцы (из Крефельда) и швейцарцы хозяйничали во всем сент-этьеннском районе.

Итак, во Франции еще в первой трети XIX в. ленточное производство, очень рано поднявшееся на ступень некоторой механизации в области «рабочего инструмента», оставалось «мануфактурной промышленностью»; и там, где предпринимателям удавалась эксплуатация рабочих-швейцарцев, это производство оказывалось очень выгодным. Но вот как раз в той самой части Франции, где проживал Ле-Гран, в Эльзасе (в Гебвиллере), наследники Бари-Мариан впервые оборудовали настоящую ленточную фабрику[44]. Заметим, что рабочие-швейцарцы, до 1832 г. работавшие у

---

[40] Н. Н. Кравченко относил первое выступление Ле-Грана в пользу международной охраны детского труда к декабрю 1840 г.— *Н. Н. Кравченко.* Идея международноправовой регламентации фабричного труда в ее историческом развитии до Берлинской конференции. Томск, 1913 г. Две главы в книге Кравченко целиком относятся к деятельности Ле-Грана. Но следует отметить, что и Н. Н. Кравченко не осветил интересующих нас экономических факторов, влиявших на Ле-Грана.

[41] *R. Weiss.* Op. cit., p. 117; «Dans le conte «La mère de famille et le fileur»... Le Grand a décrit avec attendrissement les bienfaits de l'ancienne quenouille».

[42] *Ch. Ballot.* L'introduction du machinisme dans l'industrie française, p. 255.

[43] *Gras.* Histoire de la rubanerie et des industries de la soie à Saint-Etienne et dans la région Stéphanoise suivie d'un historique de la fabrique de lacets de St. Chamont.

[44] *Grad.* Etudes statistiques sur l'industrie de l'Alsace, vol. I, p. 218.

Бари-Мариан, не пожелали превратиться в фабричных рабочих и вернулись из Франции к себе на родину. Однако Гебвиллер был обеспечен рабочей силой; эмигрантов удалось с выгодой заменить эльзасскими рабочими. Задача превращения «мануфактуры» в фабрику была разрешена промышленником Бари отнюдь не сразу. К началу 50-х годов XIX в. уже и другие эльзасские ленточники переняли новый способ производства. Во Франции же фабричный способ ленточного производства до 1850 г. плохо распространялся. Иначе шло развитие ленточных фабрик за границей; если во Франции еще и во второй половине XIX в. держалась «домашняя» ленточная промышленность, то в Швейцарии, например в Базеле, все ленточники были фабрикантами[45]. Едва ли нужно доказывать значение этих данных в истории «идейной эволюции» Ле-Грана. Понятно, успех первого опыта организации фабричного ленточного производства в самом Эльзасе не мог не обеспокоить Ле-Грана. Но еще более тревожил его тот факт, что именно вне Франции, так сказать, на международной арене, упрочивалось фабричное производство. Разумеется, это и могло привести Ле-Грана к мысли о международном ограничении фабричного труда.

Между тем эксперименты изобретателей, стремившихся усовершенствовать ленточное производство, все учащались; одно лишь перечисление изобретательских патентов, выданных во Франции с 1809 по 1850 г., занимает $11^1/_2$ страниц убористого петита!

Но ленточное производство — не единственный вид промышленной деятельности Даниэля Ле-Грана. Точную справку о нем как о коммерсанте дает прозаический «Торговый альманах». Вот что сообщалось в нем о промышленности в местечке Фудей, Банде-ля-Рош, департамент Нижнего Рейна[46]:

1825 год. Производство лент из филозелы, шелка и бумаги: одноцветных, круазе, сатиновых и «фасоннэ»; двойной басон.

То же самое производство существовало и в 1846 г. Шелковую пряжу Ле-Граны обрабатывали, по-видимому, уже только для себя как необходимый полуфабрикат. Вопреки неточному утверждению Альбера Тома, Ле-Гран не был «шелкопрядильщиком», точнее, он перестал заниматься продажей шелковой пряжи к 30—40-м годам XIX в. Причины и этой «эволюции» вполне понятны: в 30-х и 40-х годах в шелкомотальном производстве во Франции совершилась техническая революция. Жесточайшая эксплуатация детского труда лежала в основе того успеха, с которым развивалось тогда механическое шелкопрядение. Причастность Ле-Грана к этой революции исключалась по недостатку местной рабочей силы. Поэтому без труда можно согласиться с Вейссом, что для Ле-Грана борьба за ограничение детского труда «была больше средством, чем целью», только надо вложить в эти слова совсем иной, отнюдь не идеалистический смысл!

[45] *Gras.* Op. cit., p. 364.
[46] Almanach-Bottin. Les années 1825, 1840, 1846.

Что касается производства шнурков, то выше уже приводились показания о положении детского труда в этой отрасли промышленности. Остается лишь установить, когда же и в этой отрасли промышленности появился фабричный способ производства. Прежде всего заметим, что и фабрикация шнурков, подобно производству лент, даже в системе так называемой «домашней промышленности» велась вовсе не на примитивных «патриархальных» станках типа ручной прялки: механизация «рабочего инструмента» и здесь была уже развита. Даже на старых шнурковых станках, появившихся еще в феодально-абсолютистской Франции, можно было производить сразу от 9 до 25 шнурков[47], а в 1816 г. в Лионе впервые стали применять паровую двигательную силу в этом производстве. В 1818 г. небольшая паровая машина была установлена на предприятии Розе в Сен-Шамоне. В той же области и в том же производстве еще одна паровая машина появилась в 1828 г., наконец, еще две машины — в 1833 г. С этого времени «производство шнурков... незамедлительно усваивает применение паровой машины», делаясь настоящим крупным производством[48]. Таким образом, в этой отрасли производства опасным для Ле-Грана было развитие конкуренции непосредственно на внутреннем рынке.

5

Заключительные замечания

Думается, что изложенные факты раскрывают классовое значение идеалистической легенды, созданной в буржуазной исторической литературе по вопросу о мотивах законодательной охраны труда. Эти факты приводят нас к следующим выводам:

1. В рассматриваемые времена почти все публичные выступления в пользу ограничения детского труда — речи, брошюры, статьи, постановления общественных организаций — характеризовались, в общем, своей явно не случайной периодичностью, одновременно с периодическими циклами торгово-промышленных депрессий и кризисов, т. е. с такими моментами, когда невыгоды, проистекавшие из анархии капиталистического способа производства, сознавались промышленниками отчетливее, чем в другие годы. Понятно, что тогда и становились более резкими и более настойчивыми указания на быстрые темпы индустриального роста, и, соответственно, приобретала более сильный акцент вся фразеология, выражавшая тревогу по поводу «неукротимости» перепроизводства и его грозных социально-политических последствий.

2. В текстах брошюр, статей и парламентских речах, конечно, встречались сочувственные слова об изнурении, болезнях и

[47] *Ch. Ballot.* Op. cit., p. 259.
[48] *Gras.* Op. cit., p. 710.

даже гибели работавших детей. Бесспорно и то, что появлялись тогда серьезные законодательные предложения, которые, как это могло показаться, будто бы высказывались с позиций гуманизма, филантропии, пиетизма. Однако в действительности в филантропических увещеваниях решающее значение имел материальный интерес, что с очевидностью обнаруживает представленная выше перемена отношения к идее охраны труда; перемена, вдруг превратившая «вчерашних» эгоистов в добреньких охранителей детей; перемена, в которой главную роль приобрела именно не новизна филантропической аргументации, ибо такой новизны в 40-х годах по сравнению с предшествующим десятилетием вовсе не было, но новизна технико-индустриальная, которая поставила хозяев недоразвитых фабрик в одинаковое положение с мюлузскими владельцами сравнительно крупных предприятий, применявших не водяную, а паровую силу.

3. Развивающееся рабочее движение: в Англии — чартизм, во Франции — рабочие восстания в Лионе, Париже и многих, многих других городах и местечках — ускоряло вызревание «филантропических» чувств в среде фабрикантов, а Даниэль Ле-Гран с полной откровенностью указывал на опасность социальной революции.

И в каком бы соотношении ни были английские и французские числовые показатели истребления фабрикантами своих соотечественников — малолетних рабочих, можно сказать, что и во Франции, как это было в Англии, необходимость рабочего законодательства возникла закономерно как под влиянием политических причин, так и по социально-экономическим мотивам. Распространение фабричных законов на все отрасли производства должно было ускорить окончательную, повсеместную победу фабричного производства над мануфактурой [49].

Однако изучение аналогичных объективных закономерностей в истории разных стран и, соответственно, в различные, полностью не совпадающие, времена, разумеется, не сводится лишь к констатации сходства, но требует восстановления всей картины, открывающей и весьма своеобразные черты. Пусть наши противники продолжают забавляться выдумкой, будто бы марксисты просто «повторяют Маркса» и свои исторические работы копируют с английского образца. Правда заключается в том, что наше внимание обращено не только к повторяемости, но и к неповторяемости изучаемых исторических явлений.

В данном случае своеобразными чертами отличалась пропаганда Ле-Грана: этот «провозвестник международного рабочего законодательства» хотя и не принадлежал к числу владельцев больших фабрик, но требовал охранительного закона отнюдь не менее энергично, чем, скажем, Буркар или любой другой из крупнейших фабрикантов тогдашней Франции.

[49] Именно эта связь фабричного законодательства с материальными интересами промышленников была превосходно освещена в «Капитале».— См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 486; см. также стр. 290—297, 300—310, 483—492.

26

ПАУПЕРИЗАЦИЯ НАРОДНЫХ МАСС В НАЧАЛЕ ПРОМЫШЛЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1
Вводные замечания

При изучении развития пауперизма в такой стране, как Франция, возникают затруднения, несомненно более значительные или, по меньшей мере, более разнообразные, чем те, которые, например, приходилось преодолевать историкам и экономистам, писавшим об Англии.

Затруднения порождены многими причинами. Территория Франции обширнее английской, и французская земля отличалась вследствие климатических и иных особенностей большей экономической пестротой как в формах землепользования, так и в ассортименте сельскохозяйственных товаров. Но, пожалуй, главная трудность предопределялась удивительной долговечностью безобразного состояния французских квазистатистических обследований. На такой статистической основе никто, конечно, не сможет написать о пауперизме во Франции книгу, подобную труду Чарлза Бутса, исследователя социальных бедствий в Англии.

Нельзя не отметить и значения той терминологической сбивчивости, которая столь часто встречается во французской документации, в показаниях современников-очевидцев, самих французов или иностранцев, посещавших Францию в интересующие нас времена.

Нижеследующий очерк, однако, не является общим этюдом по истории возникновения и развития пауперизма. Разорение французского трудового люда,— бесспорно, факт давний, и появление его как крупного социального бедствия относится ко временам, предшествующим не только развитию, но и возникновению крупного фабричного производства.

В этой связи и уместно здесь, на вводных страницах, констатировать, что, соответственно, давним фактом служит и зарождение во Франции литературы о распространении обнищания. Пока мы обратим внимание лишь на одну публикацию, времен

феодально-абсолютистского строя, однако публикацию своеобразную, имеющую свою особенную ценность: в ней резюмировалось содержание приблизительно сотни «меморий», представленных на конкурс, объявленный в 1777 г. шалонской Академией наук, искусств и художественной литературы, конкурс на тему о средствах искоренения нищенства во Франции.

Распространение нищенства, гласит этот используемый здесь труд, есть необходимое последствие злоупотребления феодальным правом, великого неравенства в распределении богатства, непомерной тяжести налогов в деревнях, тех чудовищных расходов, которые открывают бедняку доступ в храмы закона только ценой полного разорения; нищенство — это также и плод тех прибыльных профессий, которые порождают тысячи бедняков ради кучки богачей; оно происходит от дурного воспитания народа, от той легкости, с которой обнищавшие люди находят себе средства прожить без работы, от лености и распутства, словом, от прожигания жизни — «d'un luxe dévorant» [1].

Современники господства феодально-абсолютистских порядков понимали значение антагонизма широкой массы бедняков и «кучки» капиталистов. Но, как и следовало ожидать, главное бедствие тех времен они усматривали в феодальном праве.

2

О причинах распространения пауперизма во Франции в первые десятилетия XIX века

Великая буржуазно-демократическая революция XVIII в., уничтожив феодально-абсолютистский строй, уничтожила и один из главных источников пауперизма тех давних времен. К началу XIX в. положение народных масс, хотя и далеко не в той мере, о которой мечтали наиболее революционные группировки и их вожди, временно улучшилось. Огромное множество ремесленников и мануфактурных рабочих еще не ведали об ужасах фабричной эксплуатации и разорительной конкуренции крупных промышленных предприятий.

Крестьянские парцеллы переживали период, когда еще почти не чувствовались пагубные результаты развития этого, по выражению Маркса, «способа производства». Даже для батраков, которые еще до революции местами в дни самых экстренных сельскохозяйственных работ добивались повышения заработной платы [2], сохранялись лучшие времена, поскольку широкое применение уборочных машин было еще впереди. Батраки успешно пользовались прежними формами стачечной борьбы [3]. Более того, они стали объединяться в союзы, целью которых было сокращение рабочего дня.

* * *

Говоря о сравнительно лучших условиях жизни сельского люда во Франции после революции, мы, разумеется, далеки от какой бы то ни было попытки приукрасить суровую действительность социальных порядков во французской деревне, не исключая, конечно, и положения мелкой крестьянской собственности. Основоположники марксизма-ленинизма много писали о судьбах крестьянина — мелкого собственника. Но наиболее рельефно представлена динамика исторических судеб мелкой земельной собственности на последних страницах третьего тома «Капитала».

«Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство, есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства... Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства» [4].

Но она, эта мелкая собственность, является переходной ступенью с точки зрения развития самого земледелия... «Причины, по которым эта собственность гибнет, раскрывают ее пределы» [5].

Какие же причины подразумевал Маркс? Ответ дан тут же: «уничтожение сельской домашней промышленности, образующей нормальное дополнение к ней, вследствие развития крупной промышленности; постепенное обеднение и истощение почвы в условиях мелкого производства; узурпация крупными земельными собственниками общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот; конкуренция крупного сельского хозяйства... Ее гибели содействуют также, как это было в Англии в первой половине XVIII века, улучшения в земледелии, которые приводят, с одной стороны, к понижению цен земледельческих продуктов, а с другой стороны, требуют увеличения затрат и более значительных вещественных условий производства» [6].

«Ростовщичество и система налогов должны вести ее повсюду к гибели» [7].

---

[1] «Résumé des mémoires qui ont concouru pour le Prix accordé en l'année 1777». Châlons-sur-Marne, MDCCLXXIX, p. 2.

[2] Arch. N. F² I 1308. Mémoire présentée par les maires de 19 communes du canton Carbon-Blanc, dép. de la Gironde: «Le prix des journées est devenu exorbitant»; документ послан был министру внутренних дел в XIII году.

[3] Arch. N. F² I 1308. Dossier: Fixation de la journée de travail. Ans XIII — 1840. 8 Фрюктидора XIII года префект департамента Жиронда сообщал министру: «Dans plusieurs cantons les ouvriers s'étaient coalisés pour réduire arbitrérement la durée de la journée».

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, часть II, стр. 371—372.

[5] Там же, стр. 372.

[6] Там же.

[7] Там же.

Как видим, Маркс дал глубокое пояснение весьма различных факторов, затруднявших и даже не допускавших в исторических условиях XIX в. устойчивого сохранения мелкой земельной собственности в том ее значении, какое она имела в свои лучшие революционные и пореволюционные времена.

Именно Маркс впервые и с непревзойденной силой раскрыл значение насилия в процессе обезземеления крестьянства, насилия, составившего основу так называемого первоначального накопления. Поскольку же так называемое первоначальное накопление во Франции как особая историческая проблема еще мало исследована, уместно подчеркнуть значение нижеследующих фактов:

а) помещичья узурпация общинных прав и владений, несмотря на сопротивление крестьян, продолжалась и после революции XVIII в., притом этот грабеж совершался еще до утверждения крупного, фабричного производства;

б) конечно (не смешивая юридическую фикцию с реальным существом того или иного акта), трудно не усмотреть насилия в тех (во Франции особенно распространенных!) земельных арендах, которые даже при девятилетнем сроке обрекали бедняка-арендатора на изгнание, т. е. на переход к полунищенским условиям существования, и даже к пролетаризации в тех случаях, когда, шествуя по Франции со своим жалким сельскохозяйственным инвентарем, такой крестьянин не находил крестьянской работы. И, разумеется, еще быстрее совершалась пролетаризация в том огромном множестве случаев, когда сроки аренды сокращались до шести и трех лет;

в) насилие богатея над бедняком представляли и те, не поддающиеся широкому исследованию, тоже квазиюридические акты, посредством которых в кабаках фиксировались продажи общинных прав, навсегда утрачивавшихся местным крестьянством, которое тогда же или немного позднее неизбежно пролетаризировалось.

* * *

Теперь уместно остановиться на более известных, хотя все еще слабо иллюстрированных, прочих факторах пауперизации. Конечно, речь идет о ростовщичестве и разорительных налогах.

50 петиционеров-крестьян, жителей департамента Дордонь, уверяли Наполеона в 1807 г., что «не пройдет и двух лет, как состояние 10 тыс. граждан... будет сожрано [ростовщическим] ажиотажем». По свидетельству этих крестьян-петиционеров, ростовщики в департаменте Дордонь не краснея давали взаймы из 100%, и даже самые «умеренные» из них, этих «ужасных людей», никогда не соглашались брать менее 30%.

Жалобщики просили правительство Наполеона I об издании «акта великой справедливости», карающего лихоимство и устанавливающего «законную» норму процента [8]. Правительство издало успокоительный декрет, но закон оказался бессильным, и бедствие продолжало распространяться. Как явствует из жалобы некоего земледельца — жителя департамента Верхняя Сона, ростовщики взыскивали не по 5-процентной годовой норме, установленной правительством Наполеона, а из 30 и 40%.

Другой петиционер, земледелец Белотт, житель департамента Верхняя Сона, добавлял, что разорялся не только он сам, но и большое число жителей соседних деревень [9].

Яркую характеристику ростовщических операций одного из провинциальных «рыцарей» первоначального накопления, некоего Будускье, дают нижеследующие факты. Будускье «нищим» прибыл из департамента Авейрон в департамент Ло; тут он быстро «накопил» капитал посредством подделки правительственных бон и прочими мошенничествами. Ростовщичество давало этому Будускье ежедневно по 2—2$^1/_2$% на обращаемый в рост капитал [10].

В период Реставрации ростовщичество в деревнях, по выражению жителя департамента Вож, развивалось «с успехом», чему содействовали, как он писал, недостаток капитала и широкое распространение «d'un malaise générale» [11].

Цитированные выше высказывания современников-очевидцев как раз и иллюстрируют ту, по терминологии Маркса, вторую форму лихоимства — при помощи ссуд мелким, владеющим условиями своего труда производителям, к числу которых преимущественно принадлежали крестьяне и ремесленники.

* * *

О налогах подробнее будет сказано ниже. Пока только отметим, что каждый работник был зачислен по различным видам обложения — личного и имущественного; и особо следует отметить чудовищный, обрекающий малоимущих на нездоровые условия жизни, налог на окна и двери. Освобождение от этого обложения предоставлялось только тем, кто был зарегистрирован в благотворительных бюро как неимущий (indigent). Косвенные налоги, взимавшиеся с холостых работников — жителей

---

[8] Arch. N. F² I 1308. Dossier Dordogne. «Dans moins de Deux années l'agiotage tice» (Воспроизводим буквально текст подлинника; сохраняемая орфограsi Votre Majesté ne répare pas L'impuissance de Loi par un grand acte de justice». (Воспроизводим буквально текст подлинника; сохраняемая орфография подтверждает, что петиционеры — простые, малограмотные люди.)

[9] Arch. N. F² I 1308. Dossier: Haute Saône, 1.VIII.1809. Plainte contre des usuriers par le sieur Belotte, cultivateur.

[10] Arch. N. F² I 1308. Dossier «Usure». Текст ин-кварто. «Honoré Boudousquié... faiseur d'affaires de la ville de Cahors», p. 18 (1809).

[11] Arch. N. F² I 1308. Dossier «Usure». Rapport sur la situation du département des Vosges. Juillet 1819.

деревень, равнялись приблизительно сумме двухдневного заработка. Впрочем, более подробное освещение вопроса о налогах последует далее.

3

Положение обедневших крестьян в годы неурожаев (период Реставрации)

Французская историография уделяла внимание вышеуказанному вопросу. Но показания о положении в 1817 г., которые мы приведем далее, принадлежат современнику-очевидцу, и они заслуживают особого внимания, в частности, потому, что этот очевидец — иностранный путешественник и его нельзя заподозрить в каком-либо пристрастии к народу. Мы имеем в виду путевые записи Л. Симона, который в начале июня 1817 г., по пути в Швейцарию, проезжал по территории департамента Кот-д'Ор [12]. На пути из Дижона в Салэн хлеб продавался тогда, в начале 1817 г., дороже мяса; он стоил 12 су (за французский фунт), а мясо — 10 су.

Эта запись датирована 2 июня 1817 г. Конечно, хлебные спекулянты творили свое черное дело безнаказанно. Но, зная об этом, Симон спокойно написал «пояснительные» слова: «Если бы не было спекулянтов-скупщиков, фермеры спекулировали бы сами, придерживая спрятанный хлеб до более высоких цен» [13].

Положение крестьянина-батрака в Кот-д'Ор Симон характеризовал так: это — пожизненные инвалиды. В обычные времена, т. е. не в голодные годы, заработок батрака равнялся 20 су с питанием за хозяйский счет либо от 35 до 40 су при своем питании. Говоря иными словами,— по 200 франков в год для мужчин и по 100 франков для женщин.

Но в голодный 1817 г. — «вот уже в течение нескольких месяцев бедняки охотно (!) работают только за продовольствие» [14]

Нищенство могло спасти жизнь бедняков. Действительно, оно и распространялось очень быстро; в 1817 г. Л. Симон писал: «Нищие, очень многочисленные вчера, становятся еще более многолюдны сегодня. На каждой перепряжке лошадей толпы женщин, детей и стариков подступают к карете с надеждой получить хоть какое-нибудь вспомоществование. Их многочисленность, их возгласы, бледность и худоба лиц бросают в дрожь» [15]. Надо воздать Симону должное: он признал безвыходность описываемого бедствия: «Какая же может быть помощь (Симон подразумевал щедроты барской руки) от нескольких су для дележки среди толпы, если только один фунт хлеба стоит девять су».

В этой связи Симон и добавлял: «Уверяют, что довольно много людей, особенно женщин и детей, умирают ежедневно, если не от голода, то по меньшей мере от недостаточности и плохого качества пищи» [16]. Следует учитывать, писал Симон, и особенную тяжесть физического напряжения в данной местности — в районе виноградников, где «главным» инструментом была мотыга, которая, по замечанию Симона, была тут «чрезвычайно тяжела», а сверх того ее рукоятка была очень коротка, так что работы производились в низко склоненном положении, «до земли», по выражению Симона; поэтому позвоночник искривлялся с самых ранних лет [17].

И еще одно показание:

В департаменте Уаза, в 1816—1818 гг., а также и в 1827 г. местные бедняки в течение нескольких дней подряд вовсе не имели хлеба и питались картофелем, часто гнилым, да еще полевыми травами, что, в общем, порождало массовые заболевания; в некоторых селениях сразу заболевали более чем по 100 человек, как сообщил об этом местный префект министру внутренних дел [18]. Вареными древесными листьями кормили крестьянки свои семьи также и в 1822 г. [19]

---

[12] *L. Simond.* Voyage en Suisse, fait dans les années 1817, 1818 et 1819, t. I. Paris, 1822.
[13] Ibid., p. 10.
[14] Ibidem. Цитируемое замечание датировано: Дижон, 2 июня 1817 г.
[15] Ibid., p. 12 et suiv.
[16] *L. Simond.* Op. cit., t. I. Это замечание датировано 1 июня (1817). Мезон-Нёв.
[17] «...de très bonne heure».— Ibid., p. 16—17.
[18] Arch. N. F[12] 869. Dossier: Oise.
[19] «Archives philantropiques», t. I, p. 15.

27

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПАУПЕРИЗМА В 30-х И 40-х ГОДАХ XIX ВЕКА

1
Вводные замечания

Нижеследующий текст — прямое продолжение предшествующей главы. Но здесь главное внимание уделяется тем изменениям условий жизни широких народных масс, которые создавались сравнительно большой развитостью индустриального и земледельческого переворотов, хотя еще и не завершенных в рассматриваемый период.

Поскольку, однако, и в новые времена, т. е. в годы Июльской монархии, не прекращалось, а, напротив, только усиливалось пагубное воздействие факторов пауперизма, о которых говорилось выше, естественно, что эти факторы (ростовщичество, налоги) будут здесь освещаться.

Хронологическое ограничение указано в самом заголовке. Что же касается ограничения территориального, то оно предопределялось используемыми первоисточниками, бросающими свой свет неравномерно, частью — совсем бледно или просто «не зажигавшимися», несмотря на правительственные указы. Заметим, однако, что привлекаемые документальные материалы позволяют восполнить изъяны правительственной анкеты 1840 г.

Нижеследующее обозрение положения трудящихся масс в различных департаментах Франции представлено на основе того районирования, которое принадлежит швейцарскому агроному де Шатовье, только мы будем укрупнять его подразделения.

2
Северный и северо-восточный районы

Северный район, по классификации де Шатовье, включал более 13 департаментов, и, как уже говорилось, это был край развитой промышленности, а также относительно крупных капиталистических хозяйств в деревне.

По словам А. Сэ, северный район и был наиболее «процветавшей» областью Франции[1]. Однако, обращаясь к специальной правительственной анкете 1840 г.— анкете о пауперизме, мы узнаем, что в департаменте *Нор* к 1840 г. наблюдалось именно возрастание, распространение нищеты[2].

«Все улучшено, все, кроме человека»,— писал в 1843 г. житель Дуэ, юрист Узель, противопоставляя различия условий жизни деревенских и городских бедняков. Человек, посетивший деревню, повсюду видит перед собой «этот социальный спектр — нищенство». Заботятся об улучшении пород скота, но предают полному забвению человеческую породу. Местные власти, казалось бы, могли помочь бедневшему деревенскому люду, но «магистраты не принадлежат к числу друзей человечества»[3].

Нищенство же в другой части того же северного района, в департаменте *Нижняя Сена,* было в 1840 г. представлено как бедствие, грозящее «затопить» весь этот край. В сообщении о росте пауперизма в департаменте *Эна* официально отмечалось, что нищенство принимало ужасающие размеры, и более всего среди работников так называемой домашней промышленности, устои которой были разрушены фабричным производством во Франции и в других передовых странах Европы. В общем в департаменте Эна была «масса нищих, блуждающих по... деревням»[4].

В департаменте *Сена-и-Марна*, следовательно все в том же «процветавшем» северном крае, по показанию одного из местных мэров, двери домов по 12—15 раз в день «осаждались» нищими, которые, собираясь в большом количестве, преследовали пассажирские дилижансы, особенно на крупных станциях[5]. Сведения, относившиеся к департаменту *Уаза*, исходившие, впрочем, от местной власти, рисовали иную картину: появление к 1845 г. тенденции к постепенному уменьшению нищенства[6].

* * *

Департамент *Эр-и-Луар*. Один из жителей его, Жанро, изучавший распространение пауперизма в этой части Франции, писал (на рубеже 30—40-х годов XIX в.): «Иные объясняли нищенство неплодородностью почвы (неспособной прокормить все населе-

---

[1] *H. Sée.* La vie économique..., p. 69.
[2] Arch. N. F[15] 3916—3962. Nord. «La progression est croissante».
[3] *Houzel.* Réflexions sur le Paupérisme. Douais, 1843, p. 7, 9 et suiv.
[4] *Moret.* Misère des classes laborieuses et ses causes démontrées par les faits... Saint-Quentin, 1840, p. 71.
[5] «Essai sur la mendicité dans les campagnes, par un ancien maire du département de Seine-et-Marne».— Bibl. Nationale, Rp. 1580, p. 8, 15. Факт особенного распространения нищенства в деревнях отмечен был в анкете 1840 г. с указанием, что нищие — не местного происхождения.
[6] Arch. N. F[15] 3897, протокол заседания Генерального совета 26 августа 1845 г.

ние), но с этой точки зрения департамент Эр-и-Луар почти не должен был знать, что такое нищенство!»[7] Цитируемые слова — неплохой эпиграф к исследованию социальной истории департамента Эр-и-Луар.

В 30-х годах департамент Эр-и-Луар числился в первом десятке наиболее производительных в земледельческом отношении районов. Стоимость средней производительности одного гектара земли во Франции определялась тогда в 31 франк 48 сантимов, в Эр-и-Луар (в провинции Бос) она равнялась 48 франкам 60 сантимам.

Сельскохозяйственная развитость провинции Бос, по мнению других современников, как раз и была причиной большой распространенности нищенства: провинция Бос привлекала к себе крестьян, жителей других, менее плодородных департаментов. Однако и это объяснение не удовлетворяло очевидца, слова которого цитировались выше. Указывая, что в других департаментах — Нижняя Сена, Сена-и-Уаза, Кальвадос, Рона, Нор, Сена-и-Марна, Сомма, Уаза — земледельческий доход с одного гектара был еще выше, чем в Эр-и-Луар (соответственно, в названных девяти департаментах, во франках и сантимах: 86, 64; 86, 50; 78, 20; 77, 26; 69, 98; 61, 46; 59, 46; 59, 16; 53, 86), Жанро приводил статистические данные о нищенстве, зарегистрированном судебными властями (речь идет, следовательно, о тех нищих, которые подвергались судебным преследованиям). Из приведенной «статистической» таблички явствовало, что в некоторых департаментах, несмотря на их более высокую сельскохозяйственную доходность, число случаев нищенства было меньшим.

Сам по себе этот аргумент никакой ценности не имеет, так как организация и интенсивность судебного преследования нищенства в различных местах Франции были неодинаковы. Неоспорима, однако, мысль об ошибочности сведения проблемы роста нищенства к вопросу о «притяжении» департаментом Эр-и-Луар пришлых крестьян, жителей других департаментов.

Ранее, в начале XIX в., приток поденщиков в провинцию Бос из других департаментов был более значительным. Тогда в департаменте Эр-и-Луар, по свидетельству другого знатока местной жизни, прибывали в большом количестве жнецы из Берри, Лимузена и Нормандии, «они приходят и теперь,— писал Перрен-Дюлак,— но с тех пор, как коса заменила серп,— в гораздо меньшей пропорции»[8].

Появление поденщиков-косцов не только сократило контингенты пришлых жнецов, но будто бы привело и к уменьшению их стачек: иные жнецы больше уже и не появлялись в Бос; другая же часть жнецов, подавленных конкуренцией, будто бы стала менее требовательной[9]. Ясно, что заработки поденщиков уже в годы Реставрации понижались. И недостаток пришлых рабочих (с предложением своих услуг) вовсе не беспокоил фермеров, всегда уверенных в том, что рабочую силу можно найти в соседних деревнях. Не стесняясь расстоянием, фермеры посещают различные рынки, стараются купить дешевле, а продать дороже, так, чтобы по возможности самим получить то, чем обогащались в прежние годы только профессиональные торговцы.

Как уже говорилось выше, резкие контрасты классовой дифференциации в деревне наблюдались уже в 20-х годах XIX в.

Свидетельства двух современников, Дюлака и Жанро, отделены одно от другого немалым сроком (около 20 лет!). Изменились ли за это время показатели распространения обнищания? Не сократились ли действительно его размеры? Нижеследующие данные ясно отвечают на эти важные вопросы.

«Нищий (в провинции Бос) не то, что в других местах, не пария, которого с трудом, но все же терпят; он появляется с дерзким видом; он не просит, а приказывает. Страх, который он внушает, заставляет открывать перед ним все двери»[10]. Другой источник подтверждает эти слова. Автор заметки в лионской газете писал: «Фермеры провинции Бос и территории прежней Перш в настоящее время осаждаются днем и ночью толпами несчастных безработных, которые, нищенствуя, просят хлеба».

Отнюдь не считая удовлетворительной общефранцузскую статистику нищенства, составленную по данным о судебных преследованиях, нельзя не признать если не абсолютной, то хотя бы относительной достоверности тех цифровых данных, которые были собраны на территории одного и того же департамента мэрами, притом не только о наказуемых, но и обо всех лицах, занимавшихся нищенством, а также и обо всех неимущих.

По департаменту *Эр-и-Луар* эти данные были таковы:

Год 1813

Общее количество неимущих	17 566	человек
В том числе лиц, занимавшихся нищенством круглый год	2 814	»
Нищенствовавших только в течение части года	5 847	»
Итого всех нищенствовавших	8 661	»

Год 1839

Общее количество неимущих	(не указано)
Нищих, мужчин и женщин, неспособных работать по болезни, инвалидности	2 928 человек

[7] *Genreau.* De la Mendicité et des moyens d'y remédier, notamment dans Eure-et-Loir. Chartres, 1840, p. 25.

[8] «Mémoires d'agriculture», 1821, p. 501.

[9] «Comme ils savent que le propriétaire peut à moindre frais obtenir des faucheurs, et que s'ils insistaient, ils auraient fait inutilement une route longue, fatigante et toujours dispendieuse, ils sont plus raisonnables et plus modérés dans leurs prétentions».— Ibidem.

[10] *Genreau.* Op. cit., p. 47.

Нищенствующих детей обоего пола, моложе 15 лет	5 593	человек
Нищенствующих взрослых, трудоспособных	3 156	человек
Итого всех лиц из числа местных жителей, занимавшихся нищенством	11 677	»
Пришлых нищих из других департаментов	3 335	»
Всех лиц, занимавшихся в департаменте Эр-и-Луар нищенством	14 000	»[11]

Поистине это была, как выразился Жанро, «ужасающая быстрота развития пауперизма».

Отсутствие общего числа неимущих в 1839 г. нас не должно удивить. Кто же из батраков, беднейших крестьян департамента *Эр-и-Луар,* мог быть отнесен к «имущим», если, по свидетельству Жанро, хлебное довольствие сельскохозяйственного рабочего даже в самых богатых фермах в районе Шартра было хуже, чем в тюрьмах[12].

В департаменте *Вож* даже «приверженец системы фабричной промышленности» (так характеризовал себя докладчик местного Генерального совета) признал, что капиталистическая индустриализация Франции приносила широким трудящимся массам тяжкие страдания; он говорил: «Точно по воле провидения, как бы предопределившего, что вслед за исчезновением одного зла появилось другое,— пауперизм, источник которого должен был совершенно иссякнуть с разрушением основы прежнего общественного строя, вновь поднимает голову, опираясь на один из важнейших институтов нового общества». Фабричная промышленность стала «самым обильным источником деморализации и обнищания народа»[13].

В северо-восточном районе расположен департамент *Жюра.* Тут еще в 1840 г. местный Генеральный совет вынужден был «безотлагательно принять решительные меры для борьбы с бедствием, разрастающимся с каждым днем»[14]. Речь шла, разумеется, о массовом пауперизме.

* * *

Продолжая наш обзор северо-восточного района, мы остановимся на показаниях, хотя и относящихся формально и преимущественно к одному из департаментов Восточной Франции, но имеющих значительно более широкий интерес. Речь идет о департаменте *Мёрт-Мозелль,* положение которого в 1845 г. осветил житель города Нанси, хорошо знавший нужды деревни, но писавший, следует это подчеркнуть, не с позиций защиты бедняка, а в интересах крестьянской верхушки. Особый интерес представляет в цитируемом произведении и вопрос о сельскохозяйственных машинах.

Численность сельского населения, писал автор этого произведения, доктор Лесен, сокращается[15]. Молодые крестьяне уходят в города, одни — для пополнения своего образования, другие — «от стыда», третьи — в стремлении приобрести более высокое социальное положение. Остаются старики и дети. Наступает время жатвы, и местным жителям приходится ждать появления поденщиков из немецкой Лотарингии или же из других районов Франции. Но поденщики-пришельцы не посещают маленьких деревень. Поэтому возникают «sacrifices» «со стороны землевладельцев и фермеров, поскольку они — при данных условиях — вынуждены оплачивать местных поденщиков дороже, чем хотелось бы им, работодателям.

По этой причине и возникли попытки найти «противоядие» в машинах (разумеется — в первую очередь — молотильных). Машины были устроены Матье Домбалем. Однако эти «полезные инструменты» недостаточно распространены (год 1845!); и, кроме того, если они и заменяли труд человека, то в то же время отнимали драгоценные жизненные ресурсы у местных батраков, особенно в зимний сезон, что принуждало их искать в других местах Франции постоянную, обеспеченную работу. Отсюда и происходили бедствия периодических миграций и соответствующие экономические невзгоды.

Как же помочь землевладельцам и фермерам, если даже и машина в этих своеобразных условиях не помогала, а вредила эксплуататору «средней руки»? Стиль и самая суть изложения доктора Лесена вполне характеризуют его облик, равно как и социально-политическую направленность цитируемого сочинения. В форме риторических вопросов доктор Лесен высказывался против сохранения права общинной пастьбы скота, против продолжающегося раздробления земельной собственности, разумеется, и против налога на соль. Но эти столь часто повторяющиеся жалобы и протесты в данном источнике дополнены такими упреками и пожеланиями, которые следует воспроизвести полностью. Почему, спрашивал Лесен, отменено то, что было в 1834 г., а именно: закон, изымавший из сферы фиска акты обмена смежных земельных участков, обмены, совершавшиеся соседями, с целью округления хозяйства[16]. И далее: почему дух

---

[11] Жанро писал: «Ce qui donne un total général de 14 000 mendiants»,— но цифра, приведенная им для обозначения числа нищих родом из других департаментов,— 3335; принимая это число, следовало бы повысить общий итог на целую тысячу! Полагаем, что автор допустил опечатку.— *Genreau.* Op. cit., p. 64.

[12] Ibid., p. 51.

[13] Arch. N. F[15] 3916. Jura. Extrait du registre des délibérations du Conseil général, 4.XII.1840.

[14] Arch. N. F[15] 3961—3962. Vosges. Rapp., f[0], p. 22. Lu à la séance du Conseil général, 26.VIII.1840.

[15] *Lesaing.* De l'émigration des populations rurales dans les villes et des motifs qui doivent rattacher la jeunesse à l'agriculture. Nancy, 1845.

[16] «Les échanges conclus entre voisins pour agglomérer des champs juxte-posés».— Ibid., p. 30.

нынешней фискальной системы создает крушения условий подъема агрикультуры [17]. Наконец, последний вопрос: почему затруднена торговля хлебом?

* * *

Ниже воспроизводятся наиболее интересные сведения о положении крестьян в *Эльзасе* — сведения, которые сообщил в 1853 г. юрист Огюст Эйльманн, имевший именно в этой части Франции 15-летнюю нотариальную практику. Многие факты, освещавшиеся Эйльманном, относились к 40-м годам. Поэтому можно сказать, что указываемый источник имеет двойной интерес: он позволяет сопоставлять предреволюционные времена с позднейшими, т. е. с 1849—1853 гг. Правда, в соответствии с заголовком брошюры [18], Эйльманн главное внимание уделяет разорительному влиянию ростовщичества и налогового грабежа, т. е. вопросам, которые уже широко освещались. Но, на наш взгляд, все, что относилось к тематике Эйльманна, представлено особенно «концентрированно», с большой, глубоко впечатляющей силой. Нельзя не отметить и стремления Эйльманна к научной постановке вопроса о ростовщичестве. Обычно в работах о ростовщичестве говорилось только о ростовщиках евреях. Между тем, по справедливому замечанию Эйльманна, вопрос имел общее и более серьезное значение.

В Эльзасе земельная собственность была особенно измельчена. Крестьян, имевших достаточные участки, было мало; большинство же эльзасских крестьян — бедняки. «Эти бедняки сеют, но собирают урожай для других». После восьми месяцев упорного труда продукция этих старательных и толковых земледельцев шла на обогащение кредиторов. Вот бедствия, которые они не могли преодолеть: неурожай, общинные повинности, налоги и резко подчеркнутая Эйльманном «ненасытная жадность ростовщиков» [19]. Все это, в общем, и заставляло малоимущих крестьян либо собирать милостыню до весны, либо продавать свою последнюю землю, либо закладывать ее вместе с жильем.

Преждевременная старость, морщины на исхудалых лицах, безденежье, не позволяющее приглашать врача, впрочем, и не нужного, потому что нет денег на лекарство, предписанное врачом,— таковы были условия жизни малоимущих крестьян.

Интересны и сведения о порочности финансовых порядков в тогдашней Франции, т. е. сведения о том вреде, который причиняло именно бедным или сравнительно бедным слоям населения многопредметное и чудовищно несправедливое налоговое обложение.

---

[17] *Lesaing*. Op. cit., p. 30.
[18] *Aug. Heilmann*. Les paysans d'Alsace; l'impôt et l'usure. Strasbourg — Paris, 1853.
[19] *Aug. Heilmann*. Op. cit., p. 4.

3

Северо-западный и западный районы

Распространенность пауперизма в Северо-Западной Франции освещалась, в общем, чаще, чем в других районах Франции. Поэтому здесь можно ограничиться лишь немногими штрихами.

Вот свидетельство врача Жиго, писавшего о том, что видел он в деревнях департамента *Финистер* в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в.

Некоторые крестьянские семьи в департаменте Финистер так обеднели, что ни осенью, ни в зимнюю стужу не находили простынь или одеял, чтобы завернуть в них новорожденного. Вследствие крайне плохого и недостаточного питания у матерей пропадало молоко; а в иных семьях не было и посудины, чтобы вскипятить воду [20].

Департамент *Мэн-и-Луара*. Именно в этом департаменте Анри Сэ усматривал уменьшение нищеты. Департамент Мэн-и-Луара — бывшая провинция Анжу, территория, граничащая с двумя районами: северо-западным и западным. Частично обнищание населения отмечал даже и тот современник Июльской монархии, агроном Леклерк-Туэн, книга которого была для Сэ одним из первоисточников. Леклерк-Туэн приводил множество сведений о росте промышленности в департаменте Мэн-и-Луара, например, о развитии кожевенного, коврового, каретного, матрацного, веревочного, деревообделочного производства, о шерстопрядении, ткачестве, причем, по сообщению Леклерк-Туэна, добрая часть товаров производилась именно в деревнях. Но Леклерк сообщал и о том, что деревенские ткачи «часто вынуждены бороться с нищетой» [21].

Книга Леклерк-Туэна освещала рост товарности крестьянского хозяйства; архивные документы подтверждают тот факт, что нищета в Мэн-и-Луара не сокращалась, а возрастала. В кантоне Бопрео рост нищенства принимал тревожные размеры и волновал местное население. Нищие прибегали к угрозам и даже к насилиям. Факт возрастания нищенства к 1845 г. был признан департаментским Генеральным советом [22].

Департамент *Нижняя Луара*. Положение сельской бедноты в аррондисмане Марени в годы экономического подъема, как раз перед переломным моментом, в 1846 г., было освещено очевидцем, бывшим военным хирургом Дютокэ, который уже в качестве

---

[20] *Gigaud*. Etudes sur les effets du paupérisme à la campagne. Lauderneau, 1841, p. 6.
[21] *Leclerc-Thouin*. L'agriculture de l'Ouest de France étudiée plus spécialement dans le département de Maine-et-Loire, 1843, p. 33.
[22] Arch. N. F[15] 4916. Maine-et-Loire. Из протокола заседания Генерального совета от 3 сентября 1845 г.

деревенского врача лично ознакомился с условиями жизни земледельцев в кантоне Сент-Эньян [23].

С особенной силой Дютокэ обращал внимание на тот факт, что его современники, составлявшие образованную часть французского общества, совершенно не представляли себе размеров нужды и обнищания пролетаризированных земледельцев. Причину этого забвения доктор Дютокэ усматривал в относительном (по сравнению с городскими рабочими) «спокойствии» сельской бедноты, в ее неорганизованности. Но, по убеждению Дютокэ, при виде народных страданий честный человек не должен молчать: «Долг каждого, кто проникал в эти темные и закопченные лачуги, в эти сырые, заразные конуры, лишенные притока воздуха, солнечного света, где погрязают, скучившись, вперемежку, мужчины, женщины и дети, коченеющие от холода зимой и круглый год томящиеся смертельным голодом,— громогласно сказать об этой душераздирающей нищете» [24].

По бедности своей крестьяне, о которых идет речь, врачебной помощью пользоваться не могли; по выражению Дютокэ, все они, за редким исключением, рождались, жили и умирали, никогда не прибегая к медицинской помощи [25].

«Множеством бродяг, здоровых людей и инвалидов — не местных жителей был наводнен департамент *Нижняя Шаранта*» [26].

* * *

Обратимся к южному выступу западного района. Широко известно образное выражение, относящееся к социальной истории Англии: «Овцы съели людей». Эти слова характеризовали процесс массовой пролетаризации крестьянства в Англии. В исторической литературе пока еще не встречались слова: «Рыбы съели людей». Однако и это выражение обосновано, разумеется, как фигуральная характеристика бедствий, причиненных имущими классами трудящимся массам. Коммерческое рыбоводство, которым занимались французские землевладельцы на Юге, в департаменте *Тарн-и-Гаронна*, вытеснило с родной земли множество местных крестьян. Помещичьи водохранилища затопляли и обесценивали крестьянскую землю, и одновременно крестьяне-арендаторы помещичьей земли изгонялись. Богатый край, природные условия которого ранее не отличались резко от других районов Франции, был искусственно заболочен ради наживы. Почти вся территория Домб, находившаяся под водой в 40-х годах XIX в., в более ранние времена обрабатывалась крестьянами. Первые болота появились тут, по свидетельству современника Июльской монархии, «вследствие случайно возникшего уменьшения населения», следующие же «из жадности». По мере того, как вода искусственно приближалась к крестьянским хозяйствам, земельные цены падали, а это еще более облегчало процесс пауперизации крестьян, процесс затопления их земель: так земельные собственники Домба приносили крестьянина в жертву своим выгодам; они губили людей, доход от которых был недостаточен, по сравнению с увеличением рыбоводства, дававшего им более высокие прибыли.

[23] *H. Dutoquet*. De la condition des classes pauvres à la campagne... Paris, 1846.
[24] Ibid., p. 49—50.
[25] Ibid., p. 51.
[26] Arch. N. F[15] 3916. Charente-Inférieure, Extrait..., 25.VIII.1945.

4

Центральный район

Департамент *Канталь*. Современники в начале XIX в. разграничивали в департаменте Канталь три «класса» земледельцев. «Первый класс», по выражению д'Юмьера, состоял из тех собственников, которые сами обрабатывали свои наследственные земли; их и называли крестьянами. Среди них были люди зажиточные, с достатком, но они плохо одевались, говорили на местном диалекте, как и бедняки, от которых они, однако, отличались как хозяева, применявшие более усовершенствованные способы земледелия.

«Второй класс» состоял из мелких арендаторов и издольщиков, т. е. лиц, занятых обработкой чужой земли.

«Третий класс» — это крестьяне-поденщики, которые (как пояснял д'Юмьер) потому и назывались brassiers, что кроме своих, рабочих рук, они не имели никаких ресурсов [27]. Они жили поденщиной; сами же они сеяли не много, на заброшенных, неудобных землях либо на земле своих соседей, бравших за это половину снятого урожая.

Купить клочок земли — такова была главная цель жизни земледельца, отказывавшего себе в течение 40 лет подряд в самом необходимом. Однако и этой ценой множество крестьян не достигали своей цели. Промышленность в департаменте Канталь тогда почти вовсе не развивалась, и дополнительных заработков у земледельцев не было. «И не только никто из чужих не устраивался тут для жительства, но тысячи местных уроженцев всякого возраста ежегодно уходили отсюда и разбредались — одни по всей Франции, другие — по [провинциям] Испании. Число их превышало 12 тыс.» [28].

Крестьяне, остававшиеся дома, продолжали бороться с нуждой. Лучшие гряды и в их огородах были не под овощами, предназначенными для личного потребления, но под посевами конопли, которая превращалась впоследствии в пеньковую пряжу, а затем

[27] Эти brassiers назывались также «simples manouvriers».— «Mémoires d'agriculture», an X, t. III, p. 150—152.
[28] Ibid., p. 152.

в полотно, продававшееся для того, чтобы полученными деньгами уплатить налоги.

«Число пауперов увеличивается в городах и уменьшается в деревне», но, «к несчастью, имеется тенденция к переходу пауперизма в перманентное явление», как отвечали на правительственную анкету в департаменте *Верхняя Вьенна*, поясняя, что причины пауперизма в деревне следующие: «малая производительность почвы, подневольная система арендаторского хозяйства, слишком большая склонность земледельцев к разделам и к безуспешным поискам лучше вознагражденного труда и, наконец, непомерность налогов» [29].

Департамент *Луара*. Наиболее выразительно характеризуют положение беднейших масс населения в департаменте Луара в 40-е годы данные о неуклонном росте числа психических заболеваний среди бедняков [30].

В 1839 г.—105, 1840 г.—137, 1841 г.—140, 1842 г.—145, 1843 г.—150, 1844 г.—154, 1845 г.—160, 1846 г.—170, в 1847 г.—182 человека.

Департамент *Рона*. Тут, по выражению, встречающемуся в официальном докладе местных властей в 1840 г., были «мириады» пришлых пауперов как из числа рабочих, так и крестьян, покинувших свои деревни в поисках лучших условий жизни. У себя дома они страдали от непомерных налогов и недостатка рынков сбыта продуктов, «само обилие которых» в этих условиях «становится бедствием» [31].

5

Юго-восточный район

Департамент *Ньевр*. К 1844 г. здесь, по свидетельству председателя местной комисии, был достигнут «огромный прогресс» в земледелии [32]. Но именно в департаменте Ньевр, как сообщал в 1843 г. редактор местной газеты Дюкло, наблюдался рост бродяжничества и нищенства [33].

При ближайшем рассмотрении оказывается, что «огромный прогресс» сводился, в основном, к появлению на территории департамента Ньевр улучшенного земледелия в крупных владениях и к более многочисленным пастбищам, якобы не уступавшим «лучшим пастбищам Нормандии». Правда, и общий уровень экономического развития здесь за 20—30 лет повысился. Появление «великолепных», по отзыву де Бургуэна, металлургических предприятий, рост других отраслей промышленности, развитие путей сообщения, в частности водного транспорта, сыграли свою роль в обогащении не только торгово-промышленной буржуазии, но, соответственно, и многих земельных собственников, фермеров. Де Бургуэн принадлежал к дворянству; как председатель земледельческой комиции, он, несомненно, имел широкие связи, и его показание о том, что многие крупные земельные собственники-аристократы жили в 40-х годах в деревне и сами вели хозяйство, безусловно заслуживает внимания.

За 20 лет обогатился и «класс фермеров», как выразился де Бургуэн, отметив одновременное развитие этим «классом» сельскохозяйственной «науки» [34].

Но улучшилось ли за 20 лет положение широких крестьянских масс в департаменте Ньевр? Нижеследующие цифры дают ясный ответ на этот вопрос.

По сведениям, собранным де Бургуэном на местах, расходы (по ценам 1843—1844 гг.) были таковы:

Предметы домашнего обихода и хозяйственный инвентарь

(цены во франках)

Деревянная кровать	16	Сковорода	5
Перина	60	Коса	8
Тюфяк	6	Заступ	8
Сундук	15	Мотыга	5
Три пары простынь	60	Две кирки	6
Котел	3	Серп	9
Ведро	2,5	Два топора	9
Глиняная посуда	3		
		Итого	209,5

Расходы на одежду, продовольствие и прочие расходы

(во франках и сантимах)

Хлеб из смешанной муки (пшеница, рожь, ячмень), из расчета по 2 франка 75 сантимов за двойной декалитр, всего для двух взрослых (отца и матери) в крестьянской семье 52 двойных декалитра	143
Хлеб для троих детей, 25 двойных декалитров	68,75
Две пары верхней мужской шерстяной одежды и одна бумажная, считая с пошивкой	25,50
Обувь (башмаки и сабо)	10
Женское платье	16
Детское платье (на 3 человека)	18
Плата за наем жилого помещения (одной комнаты), за амбар, погреб и клочок земли, размером от 5 до 10 аров	50
Налог	3

[29] Arch. N. F15 3961—3962. «Extrait du procès-verbal du Conseil général de la Haute Vienne». 2.IX.1840.

[30] Arch. N. F15 3916. «Copie du Rapport du Préfet de la Loire au Conseil général, session 1847».

[31] Arch. N. F15 3961—3962. Rhône. Raport 1840.

[32] *A. de Bourgoing*. Mémoire en faveur des travailleurs et des indigents de la classe agricole des communes rurales... Nevers, 1844.

[33] *Duclos*. De l'extension de la mendicité dans la Nièvre. 1843, p. 7—8.

[34] *A. de Bourgoing*. Op. cit., p. 10. В общем, местные условия роста сельскохозяйственных богатств де Бургуэн оценивал как лучшие, чем во многих других департаментах (около 1/3 общего числа департаментов).

Трехдневная трудовая повинность, с возможностью замены денежной платой, из расчета по 80 сантимов за день	2,40
Белье исподнее и постельное (статья, для многих земледельцев не расходная, поскольку они пользовались домоткаными изделиями из своей пеньки)	30
300 мотков (?) шерстяных оческов, по 7 франков за сотню	21
Ремонт хозяйственного инвентаря	10
Итого	399,50

Расход рассчитывался, разумеется, на круглый год. Но одно дело — расход, другое — доход; в цитируемом источнике принимался доход за 250 дней, вычитались 32 дня воскресных и праздничных; сверх того еще 45 дней, отнимаемых «мертвым сезоном» и ненастьем, и 8 дней — болезнью или «вынужденным отдыхом», т. е. безработицей! Правдивее было бы не ссылаться ни на праздники, ни на ненастье, а сказать просто, что в течение значительной части года пролетаризированный земледелец был вовсе лишен заработка. В оставшиеся 250 рабочих дней означенная семья зарабатывала 387 франков 50 сантимов, по следующему расчету

80 дней летних работ, по 2 франка в день	160
60 дней летних работ, по 1,50 франка в день	90
110 прочих дней, по 1,50 франка в день	137,50
Итого	387,50

Как видим, доход не уравнивался даже с одной только второй группой расходов; между тем сам де Бургуэн подчеркивал, что из перечня издержек он совершенно исключил непосильные для бедняка расходы на вино, мясо, молоко, какие-либо приправы, освещение, плату за обучение детей или, например, расходы на пропитание стариков родителей [35].

Но ведь и беднейшие крестьяне женились, обзаводились домашним скарбом. Откуда же они брали для этого денежные средства? «Тайна» раскрывается, хотя и не до конца, в признании: «Наши крестьяне не питаются в соответствии со своими потребностями, несмотря на то, что их работы требуют основательного питания». Постоянным недоеданием и голодом крестьяне «выравнивали» свой бюджет.

Фактически крестьянин-бедняк питался ржаным хлебом (а не полупшеничным, фигурирующим в списке расходов, составленном де Бургуэном). Молоко употреблялось только для небольшой подболтки к кипятку с хлебом, что заменяло бедному земледельцу суп (им питались два раза в день).

Рабочий день притом продолжался летом 16 часов.

Кровать была одна для всей семьи, спавшей вместе [36]. Лишь у крестьянина с достатком можно было увидеть несколько тарелок, чугунный котелок, ведро, сундук, скамейки, у бедняков не хватало грубейшей, самой дешевой утвари.

Еще один корректив или, точнее, дополнение к перечню расходов крестьянина-бедняка. Налог указан там в размере 3 франков. Нижеследующие данные, представляющие и самостоятельный интерес (как документ, характеризующий расслоение крестьянства, а также и обременительность налогов в годы Июльской монархии), дополняют освещение условий жизни пролетаризированного крестьянства в департаменте Ньевр.

Категории крестьян-налогоплательщиков в департаменте Ньевр в 40-е годы XIX в. [37]

Первая категория:

Крестьяне, имеющие достаточно земли, чтобы прокормиться земледельческим доходом.

или:

Крестьяне, имеющие лишь несколько арпанов земли, но занимающиеся промыслом, извозом или имеющие тягловый скот, обрабатывающий земли соседей.

Размеры взимаемого с них налога... от 120 до 150 франков.

Примечание: лица, отнесенные к первой категории, «почти всегда» приобретают некоторый, относительный достаток. Они экономны до скупости, отказывают себе часто в самом необходимом и вообще живут «как самые бедные крестьяне». Малейшего отступления от этой «экономии» достаточно, чтобы запутаться в неоплатных долгах.

Вторая категория:

Крестьяне-парцеллярии, постоянно вынужденные работать по найму, вследствие недостаточной доходности своих земледельческих участков.

Размеры взимаемого с них налога... минимум 35 франков.

Третья категория:

Крестьяне, совершенно не имеющие собственной земли,

или:

Крестьяне, имеющие лишь несколько аров (огородной) земли или под виноградником.

Пролетарии.

Размеры взимаемого с них налога... от 3 до 18—20 франков (!).

Поскольку цитируемый автор сам указывал, что собранные им данные относятся именно к беднейшей, наиболее пролетаризированной части крестьянства, ему и следовало включить в список расходных статей именно эту сумму: «от 3 до 18—20 франков».

Жилище крестьянина-бедняка не изменилось: это были все те же сырые и темные хаты, «чаще всего лишенные окон» [38].

Визит врача стоил шесть франков, а это равнялось двухнедельному заработку.

---

[35] *A. de Bourgoing*. Op. cit., p. 15.
[36] Ibid., p. 18.

[37] *A. de Bourgoing*. Op. cit., p. 7.
[38] Ibid., p. 16.

Материальное положение французского крестьянина, писал де Бургуэн, «в тысячу раз хуже, чем крепостного в России и раба в колониях, так как русские помещики снабжают крестьян семенами, а раб работает не более 10 часов в день» [39].

Департамент *Верхние Альпы*. По свидетельству местного префекта Кюреля, этот отсталый, бедный департамент стал в 40-е годы менее бедным, чем раньше... Но... число детей-подкидышей резко увеличилось [40]. Достаточно сопоставить следующие цифры.

В трудные для Франции годы 1809, 1810, 1811 — число подкидышей в одном только пункте этой страны соответственно выражали цифры 35, 28, 68. В годы 1830, 1831, 1832, 1833 — аналогичные показатели были: 120, 109, 124, 109. С 1834 по 1837 г. число подкидышей несколько уменьшилось, но в 1838 и 1840 гг. опять возросло.

Нищета девушек-матерей, вынужденных расставаться со своим ребенком, была также признанным фактом. И, разумеется, важным средством борьбы с ростом числа подкидышей была бы именно материальная помощь бедным матерям. В бытность Кюреля префектом департамента Верхние Альпы (он вступил в эту должность в 1840 г.) удалось сократить число подкидышей, однако такими средствами, которые напоминают об унтер-пришибеевской «распорядительности». По словам самого же Кюреля, «сокращение» подкидышей с 1841 г. должно быть приписано единовременному воздействию двух причин: «закрытию яслей в г. Гап, перемещению детей в помощь девушкам-матерям».

Тенденция к установлению «перманентности бедствия» была признана в департаменте *Сона-и-Луара*. К Юго-Восточному району относился и департамент *Эн* (Ain), где к 1844 г., «особенно в деревнях..., число нищих и бродяг возросло до размеров, внушающих тревогу за общественную безопасность».

[39] *A. de Bourgoing*. Op. cit., p. 24.
[40] *Curel*. Parti à prendre sur la question des enfants trouvés. Paris, 1845.

28

ВОЙНА ДЕМУАЗЕЛЕЙ

1

Вводные замечания

Война демуазелей — вооруженная борьба крестьян в департаментах Арьеж и Верхняя Гаронна не освещалась в нашей исторической литературе и еще очень мало изучалась в самой Франции.

Ценные указания на некоторые (немногие) выступления демуазелей в 1830—1831 гг. представлены в работе Габриэля Перре [1] фрагментарно, без истории аналогичных волнений в предшествующие годы и лишь в качестве одного из примеров, наряду с характеристикой крестьянских волнений в других частях Франции.

Филипп Морер в своих исследовательских этюдах об Арьеже сообщил весьма ценные факты, характеризующие условия жизни местных крестьян до революции 1848 г. [2] Но поразительно, что и Филипп Морер обошел полным молчанием статью о демуазелях — небольшую работу юриста Дюбеда (*Dubéda*. Procés des Demoiselles.— «Bulletin périodigue de la Sociéte Ariégeoise des Scieces et Arts de la Société des Etudes du Couserans». VIIe volume. 1899—1900. Foix, 1900). Эта статья первоначально представляла доклад, прочитанный Дюбеда в тулузской Академии законодательства и напечатанный затем в Тулузе в сборнике «Recueil de l'Académie dé Législation de Toulouse, 1899—1900» т. XXXVIII, p. 158—179; текст, опубликованный в Тулузе, был просмотрен самим Дюбеда, и с некоторыми авторскими исправлениями был воспроизведен в вышеназванном арьежском «Bulletin périodique». Позднее, уже в XX в., появились исследования: *René Dupont*. Les forêts du Saint-Jironnais avant la guerre des Demoiselles (1829—1831).— «Revue géographique des Pyrénées et du Sud-Ouest», 1932, t. III, p. 355—367 и его же «La guerre des Demoiselles». К сожалению, попытки получить в Москву вторую из названных работ Р. Дюпона на увенча-

[1] *G. Perreux*. L'esprit public dans les départements au lendemain de la Révolution de 1830. In: «La Révolution de 1848», № 100, septembre — octobre 1923; № 103, mars — avril 1924 (suite et fin).
[2] *Ph. Morère*. Note sur l'Ariège avant le régime démocratique. Le Paysan.— «La Révolution de 1848». Paris, 1911—1912, p. 459—468.

лись успехом, и нам пришлось пользоваться только оттиском из указанного «Ruvue géographique». Изучением первоисточников, в основном — судебных материалов, надеемся как-либо возместить этот недостаток.

Бунт демуазелей, подобно многим другим разобщенным и чаще всего стихийным крестьянским выступлениям, не увенчался успехом. И тем не менее этот бунт заслуживает особого внимания как одна из наиболее характерных страниц социальной истории французской деревни в период утверждения капитализма.

* * *

В течение ряда столетий во Франции вспыхивали крестьянские волнения, порождавшиеся попытками владельцев лесов упразднить древние общинные права, позволявшие сельским жителям пасти в лесах свой скот и собирать сухие сучья.

Своекорыстные покушения лесовладельцев порождали, по выражению де Латура, «настоящие жакерии» [3], и беднейшие слои народных масс постоянно питали справедливую ненависть к узурпаторам-землевладельцам.

Но если «жакерии» вспыхивали постоянно, т. е. и при феодализме, и в период утверждения капитализма, и если, как отмечал Морер, только в течение первой половины XIX в. и только на территории Арьежа «лесные» бунты вспыхивали в 1814 г. [4], в 1829—1830, 1842, 1848 гг., а по свидетельству Ренэ Дюпона,— также и в сентябре 1870 г. [5], то возникает вопрос: существуют ли какие-либо отличительные черты в истории этих выступлений, изменялось ли их историческое значение и в какой мере возможна научная периодизация таких народных волнений. Поскольку эти вопросы даже и не поставлены в указанной литературе, приходится обращаться к документальным материалам.

---

[3] Латур-Сент-Ибар не был историком, но, бесспорно, ему принадлежит заслуга первого исторического освещения «лесных» волнений на Юге Франции.— *La Tour-Saint-Ybars*. La question forestière de l'Ariège, 1840.

[4] Заметим, что Ф. Морер относил это выступление к Первой империи.— *Ph. Morère*. Op. cit., p. 461. У Дюпона — «Ватерлоо».

[5] *R. Dupont*. Les forêts du Saint-Gironnais avant la guerree des Demoiselles. Пользуюсь изданием: «Travaux du laboratoire forestier de Toulouse», publiés sous la direction de M. Gaussens. Tome I. Articles divers, vol. I. Article XXII, с указанием страниц, обозначенных в самом этом издании в скобках. В данном случае цитируется страница четвертая (4) (далее — Travaux..., vol. I. *R. Dupont*. Les forêts...)

2

Некоторые особенности экономической жизни в районах выступления демуазелей

Как ни мала была в общем территория движения демуазелей, жизненные условия (даже в одном только департаменте Арьеж) крестьян к началу 30-х годов XIX в. заметно дифференцировались. Плодородная долина р. Арьеж была хорошо обработана; в районе Викдессос были большие деревни, жители которых, в отличие от бедноты в других селениях того же района, якобы пользовались материальным достатком [6]. Плодородные поля шли от истоков Арьежа до окрестностей г. Памье.

Пейзаж резко изменялся с переходом в горную часть департамента: тут и климат был холоднее и почва тощая. Обездоленные крестьяне-горцы в течение веков боролись с природой «за каждый квадратный фут земли»; они поднимали землю из долин, перетаскивая ее на своих плечах на высоту от тысячи до двух тысяч футов, но ливневые дожди снова и снова сбрасывали плодородные слои в долину. При феодализме лишь немногие дворяне-землевладельцы, по выражению М. Шевалье, «имели мужество» жить в этих логовищах [7]. И, по-видимому, нельзя не признать в некоторой мере правильным сообщение, что в период, предшествующий буржуазной революции XVIII в., арьежские горцы жили лучше, поскольку вследствие исключительных особенностей рассматриваемого района все местное население района было относительно «более свободным» [8].

С развитием капитализма, протекавшим во Франции особенно медленно и неровно, в обстановке длительного сохранения пережитков феодальной старины, как раз и формировалась поразительная пестрота социально-бытового облика арьежских деревень и городов, расположенных, можно сказать, рядом или почти рядом. Вот вполне земледельческая деревня; вот — другая, населенная преимущественно погонщиками мулов; а вот еще две: в них живут рудокопы [9]; это — рабочие, добывавшие высококачественную руду для каталонских заводов, производивших железо «прямым» способом.

Фуа, главный город департамента Арьеж, — чисто чиновничье, полицейски-бюрократическое гнездо. По выражению Шевалье, в Фуа «не осталось бы камня на камне», если бы вывести из

---

[6] *M. Chevalier*. La vallée de l'Ariège et de la République d'Andorre.— «Revue des deux Mondes», t. douzième, octobre 1837, p. 619.

[7] *M. Chevalier*. Op. cit., p. 618—619.

[8] *Ph. Morère*. Op. cit., p. 459, note 1. Это показание цитировалось Морером по материалам Анкетной комиссии, учрежденной республиканским правительством 25 мая 1848 г. для обследования условий сельскохозяйственного и промышленного труда. Приводимые слова относятся непосредственно к населению Тарасконского кантона.

[9] *M. Chevalier*. Op. cit., p. 628.

него префектуру, мэрию, судебный трибунал, тюрьму, жандармерию... и коллеж! Но на расстоянии лишь одного часа езды от Фуа возвышался маленький промышленный город Лавеланэ — «эмбрион Манчестера», похожий на предместье таких французских городов, как Руан, Седан. Трудящееся население Лавеланэ было занято шерстяным производством — чесанием, прядением и ткачеством.

Особенная разобщенность деревенского люда в Арьеже позволила Мишелю Шевалье утверждать, что каждая деревня в долинах горной территории Арьежа — «вроде как отдельное государство», обладающее и «своим» патриотизмом. С непомерным преувеличением, вряд ли уместным даже в шутке, Шевалье писал, что смежные долины в Арьеже разнились одна от другой, как Меркурий от Урана [10].

Однако всех арьежских крестьян-горцев объединяла необходимость пользования лесами всех видов: государственными, частновладельческими и общинными; лесами высокоствольными и дровяными, даже ракитами, одиноко растущими на лужайках. Многие современники описываемых событий, равно как и авторы, принадлежавшие к различным слоям общества и писавшие о крестьянстве позднее, признавали потребность в лесах для пастьбы и прогона крестьянского скота.

Нет необходимости подробно останавливаться на вопросе о том, как оценивали права пользования основоположники марксизма. Заметим лишь, что даже в те времена, когда только намечался переход Маркса к коммунизму, противопоставление демократической концепции притязаниям и юридическим взглядам дворян-землевладельцев не вызывало у Маркса никаких сомнений. Освещая дебаты рейнского ландтага по поводу закона о краже леса, Маркс, в то время — редактор «Рейнской газеты», разграничивал понятия: обычные права бедноты и так называемые обычаи, или обычные права привилегированных. Заметим, что термин «обычные права» Маркс и применял к тому, что во Франции называлось правами пользования. В статье о прениях в рейнском ландтаге речь шла о праве собирания в лесах сухих сучьев; но Маркс пояснял: «То же самое относится и к праву собирать колосья, оставшиеся на поле после жатвы, и к тому подобным обычным правам» [11]. «Корни этих обычаев,— писал Маркс,— положительны и законны» [12].

Также и некоторые ученые, не являвшиеся марксистами, признавали законность перечисляемых крестьянских прав. Максим Ковалевский писал: «Самый факт открытой защиты крестьянами своих прав важен для нас как доказательство того, что в праве въезда и выноса следует видеть не результат помещичьей милости, а снабженное судебной охраной право сельских общин» [13]. Широко освещая картину разграбления общинных земель сеньорами в XVIII в. (перед буржуазно-демократической революцией), Н. И. Кареев правильно определил результат этой экспроприации: «Беднейшие жители общин были не в состоянии существовать... скот, который пасся на общинных выгонах, был большим подспорьем для безземельного крестьянства, а тут ему приходилось нередко продавать свою скотину, так как негде было более ее пасти» [14]. Одновременно с узурпацией общинных владений французские сеньоры, особенно в последние годы абсолютизма, покушались на древние крестьянские «права пользования» и нередко уже тогда, в XVIII в., отнимали их у крестьян [15]. Другой пример — оценка Лесного устава времен Реставрации Филиппом Морером: крестьянские права отнимались без компенсации, в своекорыстных интересах крупных земельных собственников [16]. Наконец, и сам мэтр Дюбеда, не ограничиваясь признанием жизненного значения лесных крестьянских прав, констатировал, что в первые десятилетия XIX в. пользование лесами было для горцев более острой необходимостью, чем в конце того же столетия [17].

* * *

Между тем в высших слоях французского общества, и, в частности, среди мастеров художественной литературы, все более распространялось мнение, будто бы именно сервитуты, т. е. крестьянские права пользования, причиняли лесам величайший, по существу самый главный вред. По мере исчезновения больших лесов усиливалось и облекалось в различные формы осуждение подразумеваемых сервитутов.

Вспомним, как освещалось Бальзаком пользование лесными правами. Один из наиболее отвратительных персонажей романа «Крестьяне», сельский кабатчик Тонсар, негодяй, продававший своих дочерей, брал сухие сучья в помещичьем лесу для кухни и отопления. Свежие ветви, сбор которых воспрещался, подбавлялись первоначально понемногу. Но привычка к воровству разви-

[10] *M. Chevalier.* Op. cit., p. 627: «Chaque vallée y est encore un petit monde qui diffère du mondevoisin comme Mercure d'Uranus».

[11] Вопрос о роли К. Маркса как редактора «Рейнской газеты» и о значении его статей в этом органе хорошо освещен А. В. Лукашевым.— «Ученые записки по новой и новейшей истории», вып. II. М., 1956, стр. 5—90.

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 1, стр. 130.

[13] *М. М. Ковалевский.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. I. М., 1898, стр. 701; ср. также стр. 698—699: «Леопольд Делиль приводит целый ряд фактов, не позволяющих сомневаться в том, что так называемая vaine pâture была не милостью сеньора, а правом крестьянских обществ».

[14] *Н. И. Кареев.* Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII. М., 1879, стр. 75.

[15] Там же, стр. 127.

[16] *Ph. Morère.* Op. cit., p. 459.

[17] «Pour le montagnard, les bois, les forêts et les arbres de pelouse étaient alors, plus que de nos jours, une nécessité de leur existence».— *Dubéda.* Op. cit., p. 283.

валась. Началось с лесных потрав, а потом пошли злоупотребления при сборе колосьев (оставшихся на пожне), а также и при сборе опавшего винограда. «А раз уж эта семейка и все прочие местные лодыри вошли во вкус четырех прав, завоеванных деревенской бедротой, нередко превращавшей их в открытый грабеж, то ясно, что отступиться от этих обычаев могла заставить только сила, превосходящая дерзость крестьян» [18].

Как видим, мошенничество торговца и воровство крестьян, изображаемых лодырями, выдвинуты на первый план; вопрос о злоупотреблениях смешан с вопросом о нормальном пользовании древними общинными правами.

Пристальное рассмотрение арьежских «лесных» конфликтов обнаруживает вопиющую несправедливость подобного отношения к вопросу о сервитутах, и прежде всего преувеличенность самой оценки вредных экономических последствий лесных прав пользования.

Мы видим, что особенно острая необходимость пользования этими правами в Арьеже (и большая их давность) получила признание под пером буржуазного юриста; но ведь именно Арьеж и выделялся на Юге Франции в качестве «самого лесного» департамента. «Нигде в других пиренейских департаментах мы не встречаем столь же большой распространенности лесов»,— писал исследователь состояния арьежских лесов до выступления демуазелей [19].

В Арьеже под лесом было 174 306 *га*, т. е. 35,7% всей территории департамента, между тем как в других близких к нему департаментах — Од, Верхние Пиренеи, Нижние Пиренеи и Восточные Пиренеи — соответственные показатели были представлены цифрами: 12,3; 18,9; 19,3; 21%.

Поскольку, однако, почти одновременно крестьянские «лесные» волнения имели место и в департаменте Верхние Пиренеи, а также и в департаменте Верхняя Гаронна (где под лесом было тогда лишь около 14% территории), мы рассмотрим вопрос о судьбах лесных угодий во Франции также и в более широком (общегосударственном) плане.

* * *

Выдающийся знаток истории лесного хозяйства, бывший директор Петровско-Разумовской сельскохозяйственной и лесной академии Ф. К. Арнольд указывал, что еще в XVI в. французские леса страдали от чрезмерных рубок на потребности государства. Он отметил и пагубное значение несоблюдения «установленных правил пользования ими» [20]. Заметим же, что, вопреки намерениям самого Ф. К. Арнольда, могла возникнуть мысль о равенстве отрицательного значения столь различных факторов: государственных, социальных и «административно-полицейских». Но ведь в эдикте Генриха IV, изданном в 1597 г. в Руане, первое место принадлежало следующим словам: «Видя, что расстройство и разорение лесов нашего королевства, как государственных, так и данных в пользование духовенства, командорств и общин, происходит преимущественно от чрезмерных продаж, производимых вопреки установленным на то правилам... от значительного числа больших и малых чинов, получающих кроме жалованья... дровяной лес и другие выгоды от лесов... так и от значительного числа сервитутов, самовольных порубок, злоупотреблений и лихоимств... Король запретил все усиленные рубки, сократил сервитутные права и уменьшил число лесных чинов» [21].

Между тем бесхозяйственное истребление лесов продолжалось. Появлялись новые законодательные и административные строгости. По закону 1669 г. землевладельцы были почти совершенно лишены права свободно распоряжаться лесами. Однако и этот закон не достиг своей цели: к 1670 г. в Пиренеях было 124 300 *га* леса, а ко времени Революции, т. е. к 1789 г., в той же части Франции оставалось под лесом лишь около 73 тыс. *га*.

Революция XVIII в. упразднила все прежние законодательные ограничения. Но ведь это была революция буржуазная, а не социалистическая! «Внезапная свобода, предоставленная землевладельцам, имела последствием чрезвычайные опустошения лесов. Почти из всех департаментов поступали от префектов донесения об огромном истреблении лесов частными лицами» [22].

В годы Консульства и Первой империи декретировались различные (казалось бы, спасительные!) ограничения, перестраивался весь механизм лесного управления и надзора; начальствующий аппарат персонально обновлялся, хотя более по признакам политической ориентации и воинским заслугам, а не по осведомленности в лесном деле. Поэтому и результаты наполеоновских преобразований Ф. К. Арнольд оценивал, в общем, горестными словами: «Все шло хорошо бумажным путем, а в лесах продолжались беспорядки и разрастались злоупотребления» [23].

Опуская подробности истории лесоводства в начальные времена Реставрации, перейдем к тому закону, с появлением которого и были связаны выступления демуазелей. Речь идет о Code forestier 1827 г. (вслед за Ф. К. Арнольдом будем переводить: Лесной устав 1827 г.). В этом уставе впервые в истории французского лесного законодательства были дифференцированы понятия «закон» и «инструкция» [24]. В закон вносились «только те постанов-

[18] *О. Бальзак.* Человеческая комедия. Крестьяне.— Собр. соч., т. 12. М., 1954, стр. 259.
[19] Travaux..., vol. I. *René Dupont.* Les forêts..., p. (2).
[20] *Ф. К. Арнольд.* История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895, стр. 155.
[21] *Ф. К. Арнольд.* Указ. соч., стр. 155.
[22] Там же, стр. 160.
[23] Там же, стр. 162.
[24] Именно в этом противоположении Ф. К. Арнольд привел тут французский термин ordonnance (см. там же, стр. 164).

ления, которые вообще касаются до всех лесов и до предела прав, сопряженных с лесовладением»[25], в закон включались и статьи о наказаниях за «лесные преступления», а также статьи, определявшие виды лесовладений, подчиненных новому закону. Обратим же особенное внимание на тот факт, что по 219-й статье закона всем частным лесовладельцам в течение ближайших 20 лет воспрещались расчистки леса без специального разрешения, которое притом давалось только через шесть месяцев со времени представления ходатайства о порубке. Самовольная рубка каралась штрафами до 1500 франков, с обязательством (лесовладельца) восстановить вырубленный лес в течение трех лет. Закон был утвержден в мае 1827 г. и вскоре же (в июле) опубликован. А в августе 1827 г. появилась инструкция, в которой перечислялись административные мероприятия, возлагавшиеся на чиновников лесного управления. Инструкция предусматривала различия в лесных порядках в зависимости от местных условий.

Обычно отмечалось, что для департамента Арьеж и были допущены «смягчения» нового Лесного устава.

Естественно, возникает вопрос, упорядочил ли устав 1827 г. лесное хозяйство и в каком положении оказались в департаментах Арьеж и Верхняя Гаронна лесовладельцы и крестьянская беднота?

Разумеется, лесное ведомство надеялось, что порядок установился прочно. «Но, увы, революция 1830 года разметала эти надежды как дым»[26]. Возобновилась «неурядица», т. е. нарушения устава 1827 г. В те времена число так называемых каталонских заводов, пользовавшихся не минеральным, а древесным углем, не сокращалось: в конце XVII в. в арьежском районе были только 44 каталонские кузницы, а в середине XIX в.— «более 60»[27].

Несомненно, что и цены на лес в эти времена не падали. Можно сказать с уверенностью, что нарушения закона буржуазными дельцами возобновились: ясный намек на мошеннические махинации мы находим в материалах тогдашней судебной газеты[28].

Совсем иное положение создавалось новым Лесным уставом для крестьянской бедноты. Как правило, пастьба коз и овец запрещалась уставом 1827 г., и это запрещение распространялось даже на тех «пользователей» (usagers), права которых были подтверждены древними грамотами. Только прогон овец через леса допускался в некоторых местностях Франции[29].

[25] *Ф. К. Арнольд.* Указ. соч., см. стр. 164.
[26] Там же, стр. 166.
[27] «Journal de l'industriel et du capitaliste», 1836, avril.
[28] «Gazette des Tribunaux», 24.II.1831. Lettre du général Laffite. «L'ordre actuel est-il désirable? Non, car il se continue une dévastation sourde, particulièrement dans les forêts royales, qui nuit aux propriétaires des montagnes, qui nuit au gouvernement, qui menace notre avenir de ne pouvoir plus fondre nos riches mines et qui n'est utile qu'à quelque maîtres de forge acheteurs des charbons faits en fraude».
[29] Travaux..., vol. I. *R. Dupont.* Les forêts..., p. (2).

Мы не исключаем значения тех законодательных «смягчений», которые относились к департаменту Арьеж; но, обращаясь к документальным материалам, все-таки убеждаемся в том, что Лесной устав 1827 г. резко ухудшил и в Арьеже условия жизни крестьянской бедноты.

Порядки, учрежденные новым Лесным уставом, приводили к тому, что иным арьежским крестьянам нельзя было отойти даже и на 20 шагов от дома для пастьбы своего скота, не подвергаясь тут же самым беспощадным преследованиям. Правда, крестьянин мог пригласить лесного сторожа в кабачок, угостить его на свои последние гроши и получить тайное разрешение на порубку нескольких сучьев. Но как только крестьянин вступал в лес, тотчас появлялся перед ним другой лесной сторож; первый, угощавшийся за счет горца, успевал предать этого доверчивого бедняка!

Бывали и такие случаи: крестьянин нес на плечах законно приобретенную связку дров, чтобы продать их в городе и взамен купить там абсолютно необходимую для него соль. Но у лесничих была непреодолимая презумпция кражи, и даже невиновный горец, не умевший и говорить иначе, как только на своем, непонятном для суда, диалекте, подвергался взысканию[30].

* * *

Мы подошли к самому существу конфликта: основной вопрос заключался не в том, будут ли сохраняться древние права пользования в качестве той или иной временной милости. Крестьяне не намерены были уступать свои завоевания времен буржуазной революции конца XVIII в., частью и состоявшие в том, что во многих районах Франции общины восстановили ранее утраченную коллективную земельную собственность.

Поэтому в данных исторических условиях покушение на крестьянские права пользования приобретало двойственное значение: это был тяжкий материальный ущерб и, более того, победа реакционно-буржуазного законодательства. И, конечно, в Арьеже, где государственный лес занимал особенно большую площадь[31], скорее, чем в других частях Франции, усугубилась острая ненависть к «саламандрам» — к лесным сторожам, получившим это свое прозвище в связи с черно-желтой расцветкой их мундиров[32].

Новый Лесной устав должен был вступить в силу только в 1829 г.; впредь до этого времени общины могли еще пользоваться лесными правами (конечно, там, где они сохранились).

[30] «Gazette des Tribunaux», 21.III.1930.
[31] Только в одном департаменте Арьеж было, как отмечал Р. Дюпон, около $^2/_3$ всех казенных лесов района «Пиренеев».
[32] *Dubéda.* Op. cit., p. 284; «Le peuple les appelait des salamandres, parce qu'ils portaient un habit noir bordé de jaune et qu'ils vivaient cachés dans les broussailles».

Между тем еще до истечения переходного срока на территории Арьежа и в департаменте Верхние Пиренеи начались волнения, принявшие вскоре форму народного бунта.

В начале ноября 1828 г. в Париже стало известно о «серьезных беспорядках» в лесу д'Эспарр в районе Баньер департамента Верхние Пиренеи. Лесовладелец пожаловался в баньерский трибунал; тогда на территорию леса д'Эспарр, которым пользовались крестьяне, были посланы эксперты для установления размеров убытка, причиненного лесовладельцу. Но крестьяне с масками на лицах и с ружьями в руках оказали сопротивление, обстреляли экспертов и жандармов и временно одержали победу: эксперты «решили» удалиться [33].

4 сентября 1828 г. волнения произошли и в департаменте Арьеж. У одной из церквей кантона Кастийоннэ внезапно появилось множество крестьян, уверенных в том, что в церкви хранятся древние грамоты об их правах на лесные угодья. Исследованием Дюпона подтверждена обоснованность крестьянских прав. В этой части Франции, писал Дюпон, каждая долина, если только не каждая деревня, имела закрепленные хартиями широкие права на лес, на пастбища. Брожение продолжалось около шести месяцев и, казалось, уже стало стихать, как вдруг — в апреле 1829 г.— поднялись с оружием в руках крестьяне-горцы, обитавшие в районах Кастийоннэ и Сен-Жироннэ.

Так начался бунт демуазелей.

3

Первые вооруженные выступления демуазелей

Свое странное наименование — «демуазели» (т. е. девицы) повстанцы получили из-за своеобразной маскировки. Не ограничиваясь зачернением лица, намазыванием желтых и красных полос или масками на лицах — куском холста с отверстиями для глаз — возмутившиеся горцы, сверх обычной одежды, надевали длинные белые рубахи [34].

В нашем рассказе о начальном этапе движения демуазелей мы будем пользоваться в основном прокурорской версией, но, поскольку в этой версии (как и в статье юриста Дюбеда) не вполне точно воспроизведены или вовсе не освещены некоторые важные детали, здесь будут приведены и другие показания современников.

[33] «Gazette des Tribunaux», 2.XI.1828. Chronique judiciaire. Départements.

[34] *Dubèda*. Op. cit., p. 284. Во времена крестьянских восстаний и раньше практиковались различные приемы маскировки. Но в маскировке, о которой идет речь здесь, как видно, более резко выступало сходство с женской одеждой: «Ces êtres mystérieux sont déguisés en femmes».— «Les Brigands-Demoiselles».— «Gazette des Tribunaux», 24.VI.1829.

Первое, что нам хотелось бы сразу же подчеркнуть, — это неоправданность сужения арены «лесных волнений» территорией Арьежа; второе — нападения демуазелей на угольщиков; и третье — то обстоятельство, что уже в начале движения совершались нападения и на стражу, притом не только в королевских владениях.

Сам прокурор, говоря о первом значительном выступлении демуазелей в Арьеже, констатировал тот факт, что характер движения и его цели обнаружились в ночь с 10 на 11 апреля 1829 г., когда демуазели появились в лесу некоего Марро близ деревни Мули [35].

Нападая на угольщиков, сжигая их хижины и изгоняя их из леса (который рубили с целью превращения в уголь), демуазели боролись, следовательно, за сохранение, а не за уничтожение лесов! Обвинители демуазелей видели в каталонских кузницах «богатство края». Но ведь выгоды железозаводчиков и лесовладельцев ложно характеризовались как всеобщий интерес! Поскольку речь идет о буржуазных предпринимателях — владельцах каталонских кузниц, некоторые указания Перре приобретают, на наш взгляд, свою особую ценность: отряд демуазелей (численностью около 600 человек) напал в 1830 г. на усадьбу некоего де Лорда, разгромил его дом, мельницу и сжег его железоделательный завод [36].

* * *

По свидетельству прокурора, разбиравшего в 1830 г. дело арьежских демуазелей, возмутившиеся горцы уже весной 1829 г. стали приближаться к франко-испанской границе. Стремились ли демуазели только к обеспечению своего тыла или у них были другие, более широкие цели? Связь с испанскими горцами — соседями демуазелей — вряд ли можно подвергать сомнению [37]. Как бы то ни было, организованность демуазелей, их удивительная оперативность, пользование сигнализацией (посредством пастушьего рожка, трубы или горных костров), а также и помощью окрестного населения — все это общепризнанные факты.

После того, как в лесу близ деревни Мули демуазели сожгли в знак своего возмущения около двух гектаров частновладельческого леса, они появились на территории королевского леса Сен-Ларри, но первоначально ограничились только угрозами, обращенными к саламандрам [38]. Сдержанность повстанцев не смягчила

[35] «Gazette des Tribunaux», 14.III.1930. Justice criminelle. Cours d'assises de l'Ariège... audience de 6 mars.

[36] *G. Perreux*. L'esprit public dans les départements au lendemain de la Révolution de 1830.— «La Révolution de 1848», № 103, mars — avril 1924, p. 12.

[37] Прочие прокурорские предположения и намеки, например о денежном субсидировании демуазелей, о роли иезуитов, представляли, по-видимому, обычный прием сгущения черных красок обвинительного акта.

[38] «Gazette des Tribunaux», 24.VI.1829. Les Brigands-Demoiselles.

их противников; поэтому демуазели были вынуждены активизироваться и расширить арену борьбы. В том же 1829 г. волнения в районе Мули возобновлялись 25 апреля, 2 и 4 мая и 3 августа; демуазели будто бы даже стреляли в Марро, в его сторожей и угольщиков, хотя никто из последних не был ранен [39].

Вопреки новому Лесному уставу демуазели пускали крестьянские стада в леса района Кастийоннэ; инспекторов, «саламандр» и угольщиков из этих лесов изгоняли. Наиболее строптивых «саламандр» обстреливали; подвергались нападению и дома покровителей лесной стражи, т. е. таких лиц, как, например, мэр Перрис в Илларене и владелец гостиницы Дедье в деревне Окюссэн. Описываемые нарушения Лесного устава в Кастийоннэ относятся к маю — августу 1829 г. Изгнания угольщиков и поджоги их хижин были совершены в королевских лесах района Кастийоннэ 22 июня, 9, 10 и 15 июля [40].

В это же время, т. е. летом 1829 г., аналогичные выступления произошли в соседнем департаменте Верхняя Гаронна [41]. 26 июня и 12 июля вооруженные и замаскированные крестьяне сжигали хижины угольщиков и избивали сторожей.

С августа 1829 г. в движении демуазелей появились особые черты или, по выражению прокурора, «faits speciaux»; частью они выразились в усилении предшествующих выступлений. Заметно возросла решительность демуазелей. Участившиеся схватки с защитниками «порядка» (теперь уже с воинскими отрядами!) свидетельствовали о боевой стойкости демуазелей.

В общем осенью 1829 г. движение демуазелей приняло гораздо более широкий размах. Иногда уже не по сигналу пастушьего рожка, а под звон церковного колокола, как это было, например, близ королевского леса, в деревне Бюзан, сбегалось множество повстанцев [42].

Случалось, что демуазели отбивали у вооруженных солдат своих арестованных товарищей.

В августе 1829 г. на страницах судебной прессы демуазели характеризовались как «ловкие тактики», которые в предвидении опасностей, грозивших им в случае отступления на территорию, граничившую с департаментом Верхняя Гаронна, придерживались «облического порядка», выдвигая свой левый фланг к границам Испании. Между тем правительственные силы готовились к подавлению демуазелей с помощью артиллерийского огня. Осенью 1829 г. были уже подготовлены две пушки, о которых с наглой

[39] По утверждению прокурора, две пули пробили одежду угольщика.— «Gazette des Tribunaux», 14.III.1830.

[40] Леса Santein, Buzan, Augirem, Ostou.— Ibidem.

[41] Ibidem. «Les communes du département de la Haute Garonne voisines de celles du département de l'Ariège, furent aussi un moment le théâtre des désordres semblables».

[42] Понадобилось, говорил прокурор, несколько залпов, чтобы прикрыть отступление стражников.

откровенностью говорилось как о «превосходных орудиях для войны в горах» [43]. Впрочем, оперативность защитников «порядка» не удовлетворяла правительство. И действия одного из отрядов, возглавленного, кстати сказать, самим «господином королевским прокурором» из Сен-Годана, сопоставлялись судебной газетой с военными ошибками французов... при Ватерлоо [44].

К концу 1829 г. были уже арестованы несколько повстанцев: одни были схвачены в районе Сен-Жироннэ, другие же — на территории района Сен-Годан [45], т. е. в департаменте Верхняя Гаронна.

Между тем война демуазелей продолжалась, и с началом 1830 г. даже усилилась. Допустим, что прокурор преувеличивал, говоря, что в конце января 1830 г., когда демуазели вторгались в частновладельческие леса, казалось, «поднялось все население» Буссенака, чтобы срубить лес, расположенный на вершине горы Пегюр [46]. Один из сторожей получил тогда серьезное ранение, а заместитель мэра, прибывший в сопровождении жандармов, был окружен вооруженными демуазелями и лишь с трудом спасся. Демуазели захватили и разгромили замок Каплон на вершине горы.

25 января 1830 г. около 300 или 400 вооруженных демуазелей демонстративно прошли по улицам кантонального городка Масса и подошли к дому Фурнье, лесного сторожа на службе у лесовладельца Дельпла. Демуазели не тронули прибывших в этот момент мэра и полицейского комиссара, но твердо заявили о своем требовании: пусть лесная стража навсегда покинет леса и будет восстановлен свободный доступ для крестьянских стад. По версии, принятой Дюбеда, в это время, в конце января 1830 г., в восстании участвовало чуть ли не 10 тыс. крестьян [47].

Вывесив на церковных вратах объявление, предупреждавшее от имени демуазелей, что каждый, кто будет повиноваться приказам Фурнье, подвергнется расправе, демуазели покинули Масса.

Важно отметить непосредственные причины волнений в районе Масса. Во времена абсолютизма вся эта горная местность принадлежала де Сабро. Тогда крестьяне свободно пользовались общинными пастбищами. И будто бы де Сабро, предвосхищая волю потомков, пообещал крестьянам, что в будущие времена никто из владельцев этого леса не допустит на своей земле воинских

[43] «Gazette des Tribunaux», 9.VIII.1829. Expédition contre les Demoiselles.

[44] Ibidem. Expédition contre les Demoiselles: «...mais pour un mouvement semblable à celui, auquel nous devons la perte de Waterloo, M. le procureur du Roi, en mettant la partie la plus boisée de la forêt entre lui et les demoiselles, a donné à ces dernières le temps de se replier sur leur gauche, et de déboucher par la Portet et Couledous, où elles auraient pu, si leurs armes eussent été offensives, faire un mauvais parti à la colonne Commingeoise».

[45] «Gazette des Tribunaux», 6.XII.1829. Chronique judiciaire. Départements.

[46] «Gazette des Tribunaux», 14.III.1830.

[47] *Dubèda.* Op. cit., p. 287. «Le nombre des insurgés paraissait se lever alors à dix mille».

постоев для борьбы с местным населением. Но в годы революции Сабро эмигрировал. И владельцами леса в рассматриваемые времена стали другие лица: арьежец Дельпла, живший в Париже, и Сен-Серен де Рокморель, полковник наполеоновской армии; они-то и вызвали карательные воинские части для расквартирования их в той местности, о которой идет речь [48].

Весной 1830 г. в деревне Сантенак (кантон Лабастид де Сэру, департамент Арьеж) 60 демуазелей напали на несколько издольмых ферм — «метерий». Демуазели разгромил дома, срубили тополи, ясени, фруктовые деревья и разрушили ульи [49]. Ясно, что врагами демуазелей были не крестьяне-издольщики, а землевладельцы, хозяева тех ферм, о которых идет речь. Крестьянам — работникам ферм — было приказано под страхом смерти немедленно покинуть территорию. Жандармам удалось арестовать лишь одного из участников нападения, имевшего обычную маскировку: сверх одежды была одета длинная рубаха. Но на плече висело ружье, за спиной — мешок с дробью и порохом.

* * *

Здесь уместно сказать несколько слов о тех судебных заседаниях, на которых (заметим, еще до июльской революции 1830 г.) рассматривались дела 14 арестованных демуазелей (из них девять бежали в Испанию) [50]. Судебные заседания происходили в конце марта 1830 г. Следствие велось одновременно в двух департаментах, т. е. в Верхней Гаронне и Арьеже.

В Тулузе должны были предстать перед судом Доминик Галей (Galay), Жан Берне (Berné), Жан-Батист Лаффорг (Lafforgue) и Жан Борд (Bord), лица которых, как это не преминул отметить Дюбеда, отличались «суровостью, надменностью и лукавством». На втором заседании суда, которое почему-то долго не открывалось, было замечено странное волнение судейских чиновников. Возможно, причина волнения заключалась в том, что полученный утром очередной номер «Журналь де Тулуз» извещал о деталях аналогичного судебного процесса в Фуа (департамент Арьеж), а именно о том, по-видимому, неожиданном факте, что вождю арьежских демуазелей Бертрану Куэнтру был вынесен очень суровый приговор: 10 лет тюрьмы. Кроме того, его должны были выставить у позорного столба в железном ошейнике. Возможно, что сообщение о суровости арьежского приговора

[48] Эти факты были сообщены в том частном письме, полученном из Сен-Жирона, которое не полностью огласили на судебном заседании в Тулузе.
[49] «Gazette des Tribunaux», 28.III.1830. Chronique judiciaire. Départements.
[50] «Huit des plus ardents et des plus compromis étaient passé en Espagne»,— писал Дюбеда; но как будто бы более правильный счет девять, а не восемь!

и привело к попытке тулузской прокуратуры воздействовать на присяжных заседателей в Тулузе [51].

Перед каждым присяжным ставился вопрос о виновности каждого из обвиняемых, присутствующих или бежавших, но все присяжные — честные, гуманные люди — твердо отвечали: «Нет, обвиняемый не виновен» [52].

Мужество и независимость, ярко выражавшиеся в осанке и поведении подсудимых, производили глубокое впечатление в Фуа и Тулузе. Особенно выделялся своим видом Бертран Куэнтр (по прозвищу Фало). В глазах его сверкала ненависть и «дикий гнев» [53]. Его загорелое лицо было испещрено шрамами; в нем видели одного из наиболее бесстрашных и опасных вожаков.

Попытки генерального прокурора продолжать следствие по делу демуазелей (возможно, в связи с тем, что вскоре новые волнения возникли в горах Акс) не имели успеха: 5 июня 1830 г. тулузский суд не разрешил возобновить дело. По выражению Дюбеда, это было «последнее слово» процесса демуазелей.

Но нас интересует не только судебное дело демуазелей. В действительности (что и следует подчеркнуть!) ко времени июльской революции 1830 г. закончился лишь особый этап войны демуазелей. Итогом этого этапа не было поражение их главных сил; в руках демуазелей сохранилось оружие!

4

Демуазели и июльская революция

Влияние буржуазной революции 1830 г. на условия классовой борьбы в деревне еще недостаточно исследовано. И характерно, что историки, касавшиеся движения демуазелей, не выделяют установление Июльской монархии в качестве особого момента борьбы арьежских крестьян и крестьян других департаментов за сохранение своих древних общинных прав.

«Письмо генерала Лаффита к своим согражданам», опубликованное в феврале 1831 г., представляет для нас в этой связи особый интерес: ведь именно генерал Лаффит возглавил (добровольно!) экспедицию против демуазелей в июле 1830 г.

63-й линейный полк был послан в район владений Лафон д'Эстаниэля. Этот полк был командирован по настоянию префекта Мортарье, ультрароялиста, опозорившего себя прокламацией, провозглашавшей революцию 1830 г. незначительным бунтом, который, как обещал Мортарье, будет незамедлительно подавлен. Тогда генерал Лаффит, разгневанный политической

[51] Заместитель прокурора «предостерегал» присяжных против снисходительности, нежелательной для правящих кругов.
[52] «Gazette des Tribunaux», 21.III.1830.
[53] *Dubèda.* Op. cit., p. 289.

близорукостью Мортарье и взволнованный мыслью о возможности гражданской войны, сместил Мортарье и возглавил префектуру комиссией, составленной из пяти «почтенных граждан» — сторонников Луи-Филиппа [54]. Сам генерал Лаффит вскоре же стал командующим вооруженными силами департамента Арьеж. Но не о защите Франции думал в эти дни воинственный Лаффит. Шпага буржуазии обратилась прежде всего... против демуазелей! Лозунг «Свобода, Равенство и Братство» олицетворили в 1830 г. в арьежских лесах штыки и пушки.

200 пехотинцев и два орудия Лаффит оставил в г. Фуа, а сам с отрядом из 300 человек отправился в Тараскон — узловой пункт дорог, соединявших различные долины (Викдессос, Раба, Арнав, Астон, Акс, д'Оржейкс, Лавеланэ и Белеста), охваченные восстанием [55].

По словам Лаффита в этом восстании участвовало более 1200 человек; они громили усадьбы и дома, принадлежавшие различным владельцам — собственникам лесов (д'Оржейкс, д'Астрие де Гюдан, де Вандемуа и др.). Одновременно большим опустошениям подверглись и леса. Генерал Лаффит разделил свое «маленькое войско» на шесть колонн (каждая по 50 человек), быстро обследовавших всю эту горную местность. Лаффит запретил открывать огонь, пока не начнут стрельбу сами повстанцы. Старикам, детям и женщинам было приказано связаться с демуазелями и отзывать их домой. Однако, по свидетельству самого Лаффита, спокойствие восстановилось только через шесть или семь дней [56].

Одним из наиболее примечательных показаний Лаффита является признание, что не только стражники, но и «просвещенные» землевладельцы требовали кровопролитных репрессий. «Каждый земельный собственник хотел, чтобы солдаты стреляли по собравшимся, которые громили усадьбы или требовали уступок» [57]. Но генерал был осторожен: он понимал, что от огня по демуазелям вспыхнет гражданская война, возможно во всем Арьеже.

Обвиненный в мягкости, генерал Лаффит пожелал уйти в отставку. «Почтенные граждане» устроили подписку в его пользу и преподнесли ему шпагу! И Лаффит, ранее осуждавший Лесной устав, коррупцию лесной стражи и своекорыстие лесовладельцев, Лаффит, отметивший и тот факт, что владельцы железоделательных заводов, приобретавшие древесный уголь, прибегали к мошенническим сделкам [58], восторженно принял подарок — символ победы буржуазии над обездоленными арьежскими горцами.

[54] «Gazette des Tribunaux», 23.II.1831.

[55] Ibidem. «Vallées de Vicdessos, Rabat, Arnave, Aston, Ax, d'Orgeix, Lavelanet et Belesta toutes insurgées».—«Lettre du général Laffite à ses concitoyens».

[56] Ibidem.

[57] Ibidem.

[58] Среди других сообщений Лаффита особого внимания заслуживает беглое указание, относящееся к «лесным» волнениям 1814 г.; по свидетельству Лаффита, поводом к этим волнениям была первая Реставрация.— Ibidem.

5

К истории «лесных» волнений 1830 г. в других частях Франции

Особенности рассмотренного этапа борьбы демуазелей выступят еще более отчетливо, если мы обратимся к картине аналогичных по своей социальной сути крестьянских волнений в других частях Франции.

Думается, что даже и те немногие факты, которые будут представлены ниже, подтвердят необходимость указываемой «внутренней» периодизации крестьянских движений в хронологических рамках первых десятилетий XIX в.

На территории бывшей провинции Шампань, в частности в районе Бар-сюр-Сен (департамент Об), как и в других частях Франции, исстари велись споры между владельцами лесов и крестьянами окрестных деревень. Землевладельцы, жившие в замке Во, наследники дворянского рода Монмор, подобно лесовладельцам Арьежа, решили, что после июльской революции, т. е. в новых исторических условиях, можно положить конец древним спорам. Осенью 1830 г. были объявлены торги на 100 арпанов леса, расположенных между замком Во и долиной Эшанж.

Узнав о намерении лесовладельцев, крестьяне — жители деревень Жюилльи, Вильмориен, Виллье-су-Праслен — стали готовиться к вооруженному сопротивлению. Было решено собрать чуть ли не тысячу человек, вторгнуться ночью в лес Эшанж и под охраною 200—300 вооруженных сторожей, ставших на сторону крестьян, срубить весь этот лес [59]. Крестьяне названных деревень побывали также в селениях Фушер и Шапп, чтобы и их вовлечь в борьбу. Выступление началось в ночь на 3 ноября 1830 г. под барабанный бой, сопровождавшийся по временам ружейными выстрелами. По судебной версии, жители Фушера и Шаппа будто бы не пожелали присоединиться к «мятежникам». Как бы то ни было характерное значение имеет тот факт, что против крестьян выступила организованная вооруженная сила господствующих классов. «Молодой и богатый» землевладелец Гийом — капитан местной национальной гвардии, взобравшись на скамейку, обратился к взбунтовавшимся крестьянам с успокоительной речью. Весьма вероятно, что Гийом стремился выиграть время, чтобы точнее установить силы и намерения «мятежников» [60]. Гийом знал, что национальная гвардия в районном городке Бар-сюр-Сен была плохо организована, и он обратился в главный город департамента, в Труа, находившийся в 5 лье от Шаппа.

[59] «Gazette des Tribunaux», 8—9.XI.1830. Troubles dans... les communes. Correspondance particulière... Troyes (Aube), 6 novembre.

[60] «Le résultat de son courage... fut de maintenir la tranquillité dans sa commune... et de connaître les forces et les espérances des séditieux».

3 ноября в 6 часов утра 400 пехотинцев и конный отряд национальной гвардии сосредоточились у одной из застав в Труа. Сам префект, «господин барон Сен-Дидье», возглавил кавалерию. Как ни преувеличена была эта шумиха, нельзя не подчеркнуть, что силы «порядка» действительно готовились к беспощадному кровопролитию: «четырех бочонков боевых припасов хватило бы для того, чтобы в случае необходимости вести бой в течение нескольких дней»,— писал стрелок первого батальона Батайар (Bataillard), подробное показание которого и было воспроизведено на страницах судебной газеты [61].

План, намеченный на 4 ноября 1830 г. (по выражению Батайара, это был «великий день»), состоял в том, чтобы, получив подкрепление из Бар-сюр-Сен, мгновенно появиться на территории взбунтовавшихся деревень, окружить их внезапно, одну за другой, и тем самым сразу парализовать повстанческие силы. «Порядок» был восстановлен, но какой ценой! Широкую известность приобрел существенно важный и, казалось бы, совсем невозможный факт: национальная гвардия в деревнях Виллье, Вильмориен и Жюилльи оказалась на стороне крестьян. И правительственным войскам пришлось разоружать национальных гвардейцев! Последовали многочисленные аресты; был арестован и капитан национальной гвардии селения Виллье.

5 ноября «маленькая армия» вернулась в Труа. Арестованные (Батайар назвал их «пленниками»!) шли в середине авангарда; арьергард увозил в Труа конфискованные барабаны и ружья повстанцев [62].

6

Заключительные замечания

1. Оценка движения демуазелей как изолированного эпизода в границах одного департамента не оправдывается рассмотренными фактами.

2. Несомненно, существовала связь между демуазелями и теми жителями департаментов Верхняя Гаронна и Верхние Пиренеи, которые по своим политическим взглядам были врагами Реставрации. Следовательно, первые выступления демуазелей вместе с прочими крестьянскими волнениями конца 20-х годов XIX в. имели значение для складывания революционной ситуации 1829—1830 гг.

3. С падением правительства Реставрации война демуазелей не прекратилась. Поэтому следует в более широком плане и более пристально присмотреться к историческим условиям выступлений демуазелей и аналогичных крестьянских движений тех же времен. Конечно, и раньше, например в 1789 г., отряды буржуазной милиции подавляли восстания деревенской бедноты, находившей местами поддержку со стороны городских рабочих [63]. Однако в 1789 г., особенно во времена, когда Генеральные штаты превращались в Учредительное собрание, либеральная буржуазия играла прогрессивную историческую роль.

Совсем иная роль выполнялась либералами времен Реставрации, превратившимися в консерваторов уже в июле 1830 г.; в своей борьбе против крестьянских и рабочих восстаний они выступали в качестве активнейшей, притом именно реакционной силы. И они совершили то, на что не решалось даже правительство Реставрации: разоружая крестьян, они стали отнимать оружие и у тех национальных гвардейцев, которые были на стороне трудового деревенского люда.

4. Неумение (или нежелание) разглядеть в «арьежском эпизоде» политическое значение нельзя приписывать всем его современникам; «эскадрон демуазелей — не что иное, как [отряд] делегатов огромного, страдающего и несчастного населения» [64]. Эти слова мог найти в 1830 г. на страницах центральной судебной газеты каждый ее читатель, француз или иностранец.

5. Война демуазелей имела свое значение и как звено в той великой цепи крестьянских бунтарских движений, которая, на наш взгляд, позволяет думать, что известное указание Ф. Энгельса о зависимости рабочих от свойственной французскому пролетариату революционной традиции [65] можно распространить и на беднейшие слои французского крестьянства. Когда К. Маркс анализировал причины успеха Луи Бонапарта на президентских выборах в декабре 1848 г., он вскрыл значение бонапартистской ориентации миллионов французских крестьян, вместе с тем заметив: «Но прошу меня понять. Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина... представительницей... не его современных Севеннов, а его современной Вандеи» [66].

Одну из страниц истории подразумевавшихся «современных Севеннов» и представляла война демуазелей наряду с другими, более или менее аналогичными крестьянскими бунтами первой половины XIX в. Весьма характерно, что даже Дюбеда, приступая к рассказу о движении демуазелей, напомнил, что в той же части Франции, в районе Фуа, в XII в. вассалы поднялись против своих сеньоров, а в XVI столетии в горах и в долинах Акс бунтовали бандульеры. Описывая маскировку демуазелей, Дюбеда вспомнил и о белых рубахах севеннских камизаров, и о масках крестьян —

---

[61] «Gazette des Tribunaux», 8—9.XI.1830. Correspondance particulière... Troyes (Aube), 6 novembre.

[62] Ibidem.

[63] *В. Адо.* Крестьянские восстания в начале Французской революции, в 1789 г.— «Из истории общественных движений в международных отношениях. Сборник в память академика Е. В. Тарле». М., 1957, стр. 164, 167, 168.

[64] «Gazette des Tribunaux», 21.III.1830 (Письмо из Сен-Жирона).

[65] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 19, стр. 139.

[66] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 208—209.

участников вооруженных выступлений в Жеводане и Виваре. Также и современник демуазелей Мишель Шевалье, характеризуя особенности территории рассмотренных столкновений, отметил, что гроты горной части района Викдессос служили убежищем альбигойцев. В этой связи добавим еще один штрих. Невелик рисунок социальных контрастов и столкновений, представленный писателем Эженом ле Руа в его книге «Жаку ле Крокан»; но и тут, наряду с точным изображением крайней нужды перигорской бедноты, замечательно выражена идейная связь между отчаянно смелыми поступками юноши Жаку, прозванного «кроканом», и теми рассказами о восстаниях перигорских крестьян, которые он, Жаку, слушал в годы своего детства и в юности, в начале XIX в.[67] Более поздние крестьянские волнения на территории департамента Арьеж будут рассмотрены далее.

Здесь же, в заключение, отметим только, что одним из наиболее замечательных крестьянских выступлений в 1840 г. были волнения тысяч арьежских горцев (по одним сведениям — около 2, по другим около 6 тыс.!), которые внезапно появились на улицах г. Фуа и ушли из него, потеряв несколько человек убитыми. Характеризуя политические настроения во Франции в 1841 г., Габриэль Перре цитатой из архивного документа подтвердил тот факт, что для пропаганды социалистических идей в южных департаментах была благоприятная почва[68]. Словом, общее революционизирующее влияние народных волнений «в Пиренеях» не вызывает сомнений; комиссаром Временного правительства в 1848 г. был Виктор Пиль — «арьежский ученик Прудона и Бланки», как назван он в одной из работ Ф. Морера[69].

6. Некоторые современники демуазелей подчеркивали, что на интересующей нас территории частновладельческие леса составляли лишь небольшую, как бы и не заслуживающую внимания часть. Но, во-первых, мы убедились в том, что характерные вооруженные стычки происходили и в частновладельческих лесах; во-вторых, в истории движения демуазелей отнюдь не маловажное значение имеет вопрос о покупателях леса, о тех буржуазных дельцах, которые были владельцами так называемых каталонских кузниц.

Нападения на угольщиков в разных местах «театра войны» демуазелей объясняются тем, что лес, принадлежал ли он казне или частным лицам, пережигался для каталонских горнов, которые отнюдь не являлись показателями технического прогресса: каталонский способ был «вчерашним днем» в развитии металлургического производства XIX в.

7. Демуазели отличались большой смелостью, общепризнанной боевой стойкостью, имели способных вожаков. Тем не менее движение потерпело поражение. Это и не удивительно: мы видим, что в рассматриваемые времена даже на одной только территории Арьежа экономические условия жизни широких масс были дифференцированы, да и крестьянские селения разобщены. Кроме того заметим, что пользование сервитутами имело совсем неодинаковое значение для различных слоев крестьянства и территориально — для тех или иных районов Франции. Хорошо охарактеризовал профессор Альбер Собуль различное отношение крестьян к коллективным правам во времена буржуазно-демократической революции XVIII в.: «Там, где преобладают крестьяне-бедняки, они [крестьянские общины] стремятся удержать коллективные права»[70] внутри самих общин — «разбогатевшие крестьяне враждебны к этим коллективным правам... бедняки, напротив, очень привержены к ним: ведь благодаря им они существуют»[71].

Понятно, какое развитие приобретало отмечаемое явление в последующие времена, т. е. уже в первые десятилетия XIX в. До выступления демуазелей в некоторых департаментах вовсе не находили применения главные права пользования либо они сохранялись лишь частично, причем были районы или кантоны, в которых «пользования» совершались мирно, без злоупотреблений, не вызывая осуждений со стороны местных властей.

В истории крестьянских волнений начала XIX в. имеет громадное значение и другой факт — повсюду во Франции еще не было достаточных условий для сближения и организационного сплочения крестьян и рабочих, и сами рабочие были только на пути к познанию теоретических и практических уроков лионских восстаний 1831—1834 гг., пролетарского восстания в июне 1848 г., Парижской коммуны 1871 г.

* * *

И последнее замечание.

Не подлежат никакому сомнению великие заслуги О. Бальзака как создателя грандиозной художественно-реалистической истории французского общества в период с 1816 по 1848 г. Ф. Энгельс, по собственному его признанию, «даже в смысле экономических деталей» почерпнул в «Человеческой комедии» больше, «чем из книг всех специалистов — историков, экономистов, статистиков этого периода, вместе взятых»[72]. Энгельс, разумеется, знал о симпатиях Бальзака к аристократам, но, по его мнению, Бальзак

---

[67] *E. le Roy.* Jacquou le Croquant. Paris, [s. a.], p. 224—226.

[68] *G. Perreux.* Situation exacte actuelle des partis et notamment du communisme dans le Midi.— «La Révolution de 1848», janvier — février, 1924, p. 412.

[69] Указание на эту работу дано профессором А. Собулем: *A. Soboul.* Quarante huit. Paris, [s. a.], p. 7—8; *Ph. Morère.* Un disciple de Proudhon et de Blanqui. Victor Pilhes (1924). Крупное научное значение имеют исследования по вопросам истории крестьянства, принадлежащие самому проф. А. Собулю.

[70] *A. Soboul.* La Révolution française. 1789—1799. Paris, [1948], p. 27.

[71] Ibid., p. 28.

[72] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 37, стр. 36 (письмо Ф. Энгельса к Маргарите Гаркнесс, начало апреля 1888 г.).

описывал их как людей, заслуживших свою участь, т. е. утрату своего прежнего господства. Высокая оценка творчества Бальзака, в частности его «Крестьян», дана и в трудах Маркса [73].

И все же следует сказать: не в романе «Крестьяне» надо искать всю правду об условиях жизни и борьбы широких крестьянских масс.

В конце 1964 г. в Париже состоялась интереснейшая конференция «За круглым столом» на тему: «Кто Вы, Оноре Бальзак?» [74] Кажущаяся странность и неожиданность вопроса (в ответ на который хочется крикнуть: «Бальзак — национальная гордость Франции!») не должны нас смущать. Сами инициаторы конференции о Бальзаке глубоко уважают его изумительный гений. Но уважение — не культ! И ведь историк вправе констатировать тот факт, что в «Человеческой комедии» нет рабочих и нет промышленной буржуазии. Нет и широкого освещения жизни крестьян.

Позволим же себе добавить: в жизненно важном вопросе о правах пользования и в истории борьбы за их сохранение вся суть дела получила под пером Бальзака превратное освещение: в своем обращении «К Господину П.—С.— Б. Гаво», предпосланном роману «Крестьяне», Бальзак приписал им, крестьянам, превращение земельной собственности в нечто такое, что «существует и не существует» [75]. В действительности же не крестьяне, а ростовщики и обуржуазившиеся помещики превращали множество крестьянских парцелл в чисто номинальную собственность. И главные лесные богатства уничтожались не крестьянами, а лесовладельцами и буржуазными дельцами, умевшими преступно, но безнаказанно нарушать священный «Кодекс».

---

[73] «В своем последнем романе «Крестьяне» Бальзак, вообще отличающийся глубоким пониманием реальных отношений, метко показывает, как мелкий крестьянин даром совершает всевозможные работы на своего ростовщика, чтобы сохранить его благоволение, и при этом полагает, что ничего не дарит ростовщику, так как для него самого его собственный труд не стоит никаких денежных затрат».— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. I, стр. 46.

[74] «L'Humanité», 12.XI.1964. «Qui êtes-vous, Honoré de Balzac?» Une table ronde dirigée par René Andrieu, rédacteur en chef de «l'Humanité», avec les écrivains Pierre Abraham, Jean-Louis Bory et André Wurmser.

[75] *H. Balzac*. La Comédie humaine. Etudes de moeurs. Les paysans. Bibliothèque de la Pléiade. Paris, 1937, vol. 29, p. 11: «Au milieu du vertige démocratique... n'est-il pas urgent de peindre enfin ce paysan qui rend le Code inapplicable en faisant arriver la propriété à quelque chose qui est et qui n'est pas?» Как видим, смысл намерений Бальзака как автора «Крестьян» не может вызывать сомнений. Но, разумеется, одной из причин такого отношения к крестьянам было именно то обстоятельство, что, по словам Марка Бланшара, Бальзак «знал деревню не совершенно».— *M. Blanchard*. La Campagne et ses habitants dans l'oeuvre de Honoré de Balzac. Thèse. Paris, 1931. Préface.

29

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РАБОЧИХ ВОССТАНИЙ В ЛИОНЕ В 1831 И 1834 ГОДАХ

В период с 1815 по 1831 г. промышленная революция еще не достигла своего решающего этапа. Но переворот, формирующий новые общественные классы, уже привел Францию к значительным переменам. В промышленных городах появились зачатки крупнопромышленной буржуазии и крупнопромышленного пролетариата. Положение широких крестьянских масс и рабочего класса ухудшилось. Самый состав рабочего класса изменялся. Появились настоящие, хотя и немногочисленные фабрики с развитой «системой машин».

Рост свободной конкуренции изменил относительные размеры и значение ряда отраслей местной промышленности и торговли. В некоторых мануфактурах, не исключая и шелкоткацкого производства, более значительную роль, чем раньше, стал играть женский труд.

Но по сравнению с прочими отраслями текстильной промышленности шелкоткацкое производство все еще отличалось своей организационно-технической отсталостью. Став капиталистической мануфактурой, шелкоткацкое производство в Лионе долго не выходило из первичной формы, которая предшествует появлению предприятий, внутри которых разделение труда достигает высокой степени развития.

Конъюнктурные условия шелкоткацкого производства в годы, предшествующие лионскому восстанию, характеризуются, отчасти, и общими чертами, например, зигзагообразной кривой его роста, означающей, что годы подъема чередовались с кратковременными периодами застоя и даже упадка производства, а это предопределялось узостью внутреннего рынка, отрицательными результатами непризнания южноамериканских республик, усилением внутренней конкуренции и т. д. И все же шелкоткацкое производство, связанное преимущественно с внешним рынком, временно находилось в лучшем положении. Иностранная конкуренция в рассматриваемый период еще не представляла серьезной опасности. Цены на сырье не повышались. Качество шелковой пряжи улучшилось и количество ее увеличилось. В 1830 и в первой поло-

вине 1831 г. шелкоткацкое производство, подобно всем другим отраслям промышленности, страдало от затяжной экономической депрессии. Но осенью 1831 г. для шелкоткацкого производства создались сравнительно благоприятные условия, и в то самое время, когда в Париже десятки тысяч рабочих страдали от безработицы, многотысячная пестрая масса лионских ткачей и прочих работников шелкоткацкой мануфактуры более страдала не от недостатка работы, а от недостаточной заработной платы. Все же в последние годы Реставрации и при Июльской монархии положение широкой массы лионских шелкоткачей ухудшилось. Налоги, старые и новые, создавшие и новый контингент налогоплательщиков, возмущали ткачей-хозяев. Еще сильнее возмущались ткачи-подмастерья и вся масса подсобных работников, страдавших от общего ухудшения условий труда.

Изучение рабочего движения в период первых месяцев Июльской монархии, особенно парижских волнений зимой, летом и осенью 1831 г., анализ таких документов, как лионские прокламации, написанные весной и летом 1831 г., убеждают нас в том, что политическая, республиканская ориентация, равно как и идея свержения господства крупного капитала, начала появляться еще до восстания 1831 г. Революция 1830 г. изменила соотношение классов французского общества. Установилась буржуазная монархия. И в этой новой исторической обстановке антиправительственные выступления французских пролетариев, их вожаков и литературных представителей против существующей политической системы приобретали значение подлинно революционных выступлений.

Лионское восстание 1831 г. было первым великим революционным рабочим восстанием в условиях буржуазной монархии. Маркс называл лионских повстанцев солдатами социализма [1].

Широкое определение исторического значения лионских событий 1831 и 1834 гг., определение, освещающее и последующую динамику классовой борьбы во Франции, принадлежит Энгельсу. Он писал: «В 1831 г. в Лионе произошло первое рабочее восстание; ... с 1838 по 1842 г. первое национальное рабочее движение, движение английских чартистов, достигло своей высшей точки, Классовая борьба между пролетариатом и буржуазией выступала на первый план в истории наиболее развитых стран Европы, по мере того, как там развивались, с одной стороны, крупная промышленность, а с другой — недавно завоеванное политическое господство буржуазии» [2].

Сопоставляя высказывания Маркса и Энгельса, мы ясно видим не только единство их идей, но и то, как именно эти идеи взаимно дополнялись и все более обогащали марксистскую, стро-

[1] «Лионские рабочие полагали, что преследуют только политические цели, что они только солдаты республики, тогда как на самом деле они были солдатами социализма».— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 446.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 20, стр. 25.

го научную концепцию закономерностей рабочего движения на его различных этапах. Разумеется, Маркс отлично знал, что лионские восстания были, первоначально, лишь отдельными вспышками. Но, по выражению Маркса, «как бы ни было *частично* восстание *промышленных рабочих*, оно заключает в себе *универсальную* душу» [3].

Характерно, что именно к этой стороне вопроса — вопроса о широте значения лионских восстаний близко подходил и Оноре Бальзак. Вот его слова: «Фальшивый блеск Парижа явился причиною нищеты в провинции и в пригородах. В Лионе уже имеются жертвы, их зовут лионскими ткачами. В любой промышленности имеются собственные лионские ткачи» [4].

Конечно, даже и это глубокое замечание Бальзака — не более как один только штрих в величественной картине: «Лион 1831 — 1834 гг. и современники первых рабочих восстаний». Интерес к «Лиону» обнаруживали, непосредственно в дни борьбы или позднее, самые различные представители творческой интеллигенции, различные по национальности, по своим взглядам, возрасту и общественному положению. Это были, например, Николай Гаврилович Чернышевский [5] и автор композиции «Лион», гордость Венгрии — Ференц Лист. Было время, когда восстанием и лицами его участников интересовался замечательный голландский художник Винцент Ван-Гог. Мы с радостью присоединили бы к этому блистательному перечню также и имя Гектора Берлиоза. Ведь Берлиоз писал из Италии 8 декабря 1831 г.: «Пятьсот тысяч проклятий! — Надо же было мне замуроваться здесь, в этой мрачной и антимузыкальной стране, в то время, как в Париже исполняют симфонию с хором ... и Роберта (Роберта-Дьявола) в то время, как лионские рабочие забавляются как дьяволы. Я, может быть, тоже был бы в Лионе и принял бы участие» [6]. Увы, последующие письма не подтверждали какой-либо устойчивости политических симпатий Берлиоза, а через несколько лет Берлиоз стал автором «Реквиема», посвященного памяти жертв известного покушения Фиески, покушения на жизнь французского короля.

* * *

Всеобщность души «Лиона» обнаруживается и в том, особенно важном факте, о котором можно сказать так: *возникновение и развитие традиции* революционных восстаний. Творец «Капитала»,

[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 1, стр. 447.

[4] *О. Бальзак*. Собрание сочинений, т. 15, стр. 189.

[5] См. Введение А. И. Молока к брошюре П. Фромана: «Лионское рабочее восстание 1831 г.» М.— Л., 1933. П. Фроман продолжал изучать историю лионских восстаний и написал большой труд, но все еще ограниченный темой первого восстания. Наше отношение к этой книге будет более уместно осветить по окончании Фроманом всего труда, включая тему: второе восстание в Лионе.

[6] *H. Berlioz*. Correspondance inédite. Paris, 1879, p. 89.

отмечая массовое вхождение лионских рабочих и работниц в I Интернационал, напомнил четвертому конгрессу Международного Товарищества Рабочих, что героическое население Лиона более тридцати лет тому назад написало «на своем знамени лозунг современного пролетариата: «Vivre en travaillant ou mourir en combattant!»» [7].

Борьба в Лионе не была забыта и III Интернационалом.

Во Введении к «Программе и Уставу Коммунистического Интернационала» сказано, что Ленинский Интернационал «продолжает славные героические традиции международного рабочего движения», к которым относятся и традиции «французских повстанцев 1831 г.» [8]

Вскоре же — в апреле 1834 г.— в Лионе вспыхнуло второе восстание, и это обязывает нас, хотя бы кратко и, преимущественно, все с той же целью характеристики значения рассматриваемых восстаний, рассказать о внутренних взаимоотношениях различных группировок в лагере повстанцев, притом еще в начальные времена — в ноябре 1831 г.

* * *

Как известно, в первые же дни волнений 1831 г. руководством в борьбе за тариф сдельных расценок овладела аполитичная группировка Буври — Фальконэ; взгляды этой групировки были различны и неустойчивы. Однако к Буври — Фальконэ примыкала значительная прослойка ткачей-полупролетариев, т. е. ткачей — хозяев мастерских. Незадолго до первого восстания беднейшая часть ткачей-хозяев стала отделяться от этой аполитичной группировки.

* * *

В дни гражданской войны — 21 и 22 ноября 1831 г.— руководящую роль играли преимущественно ткачи-полупролетарии. Но на второй день восстание приняло всеобщий характер; поднялись рабочие всех профессий. Тогда выдвинулись и другие вожди, разделившие боевое руководство с ткачами. К восстанию примкнули и мелкобуржуазные республиканцы, не принадлежавшие к какой-либо отрасли лионских мануфактур и ремесел. Республиканское направление восстания обнаружилось явно и кристаллизовалось в организации временного главного штаба, в известной прокламации и последующем появлении волонтеров Роны в ратуше в ночь с 23 по 24 ноября. Но вскоре же группа Буври — Фальконэ (т. е. в основном центральная комиссия) расколола боевой блок полупролетариев с широкой массой лионского пролетариата и всей городской бедноты.

Так очень быстро сменились три первых фазиса борьбы:

1) восстание ткачей в предместье Круа-Рус (21 ноября);

2) всеобщее восстание лионских рабочих (22 ноября);

3) свержение местной власти, возникновение революционного муниципалитета, сначала в форме временного главного штаба, затем — руководящего ядра батальона волонтеров Роны (23 ноября и в ночь с 23 на 24 ноября).

Четвертый фазис — с 24 по 29 ноября — характеризуется победой соглашательской группы Бюиссона, группы, ограничившей движение борьбой за тариф, а свою власть — функциями временного главного штаба лионской национальной гвардии. В течение пятого фазиса — с 29 ноября по 7—8 декабря — орлеанистская власть была полностью восстановлена в Лионе, а тариф, дважды обещанный ткачам, был отменен. Замечательной чертой этого последнего этапа является упорное сопротивление рабочих приказам о сдаче оружия; характерна и тактика военного командования, удовлетворявшегося, по крайней мере вплоть до отъезда герцога Орлеанского из Лиона, полупобедой.

* * *

Рабочее движение, усвоившее в той или иной мере уроки первого лионского восстания и «июньских дней» 1832 г., поднялось во второй половине 1833 г. на новую, более высокую ступень. Стремление множества пролетарских и полупролетарских корпораций к прочной организации своих сил для борьбы за социальную и политическую эмансипацию, переход от спорадических стачек и преобладающего распространения «луддитских» выступлений к широкому повсеместному и преимущественно наступательному стачечному движению — вот характерные черты периода, отделявшего второе лионское восстание от первого, поскольку речь идет о формах рабочего движения. Что же касается буржуазии, то период, предшествующий второму лионскому восстанию, характеризуется более четким оформлением политических группировок, враждебных правительству. Габриэль Перре правильно заметил, что республиканская пропаганда резко усиливалась в эти годы; ее форма становилась более гибкой и применялась к обстоятельствам. Но принимая эти обобщающие замечания Габриэля Перре, мы не можем согласиться со всей цитируемой характеристикой периода 1832—1835 гг.

Исходный момент нового периода в истории республиканской «партии» — не «июньские дни» 1832 г., а ноябрьское восстание 1831 г. И не «апрельский процесс» является следующим после «июньских дней» поворотным моментом, а второе лионское восстание и прочие апрельские выступления 1834 г. Указание, что «доктрина» республиканской пропаганды «очищается» после парижского восстания 1832 г., совершенно недостаточно, неточно. Превратившись из конституционных монархистов в буржуазных республиканцев, Арман Каррель и Ансельм Пететен заняли в основных

---

[7] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 16, стр. 395.

[8] «Программа и Устав Коммунистического Интернационала». М., 1935, стр. 7.

социально-политических вопросах одни позиции, а «старые» мелкобуржуазные республиканцы — Распайль, Лягранж, Коссидьер — отстаивали другие позиции. Ассоциация в защиту свободы печати сложилась в основном как организация буржуазных республиканцев; «Общество прав человека и гражданина» — как якобинская, но не чисто робеспьеристская организация. Арман Каррель, редактор «Насионаля», осуждал «коммунистические тенденции» социальных реформ, о которых шла речь в среде республиканских обществ. Годфруа Кавеньяк, председатель «Общества прав человека и гражданина», возглавлял примиренческое течение, и он допускал развитие фурьеристской пропаганды в брошюрах и прочих изданиях «Общества». Отношение республиканцев к вопросу о революции еще более четко определяет их различные классово-политические позиции.

«Неужели марксисту позволительно забывать, что капиталисты тоже неоднократно бывали в истории всех стран, и в 1649 г. в Англии, и в 1789 г. во Франции, и в 1830 г., и в 1848 г., и в 1870 г. в той же стране, и в феврале 1917 г. в России «революционными демократами»?

Неужели,— писал В. И. Ленин,— вы забыли в самом деле, что надо различать одну от другой революционную демократию капиталистов, мелкой буржуазии, пролетариата? Неужели *вся* история *всех* названных мной сейчас революций не сводится к различию классов *внутри* «революционной демократии?»» [9].

Эти очень глубокие замечания Ленина проливают яркий свет не только на историю названных революций, но и на межреволюционные периоды. «Революционная демократия», отделившаяся от либерализма со времени июльской революции, характеризуется в 1832—1833 гг. усилением классово-политического размежевания. Внутренняя борьба в лагере «революционной демократии» особенно резко проявляется в организации, наиболее пестрой по своему социальному составу,— в «Обществе прав человека и гражданина». История этого «Общества» лишний раз подтверждает справедливость указания Ленина, что бывают «якобинцы» и «якобинцы» [10]. Расхождения между Распайлем — Кавеньяком — Лебоном — Керсози, борьба течений, о которых шла речь в брошюре лионца Дюфетеля, раскол среди марсельских республиканцев, совершенно неодинаковое отношение лионских республиканцев (даже из среды «Общества прав человека и гражданина») к всеобщей февральской стачке и прочие факты представляют не что иное, как продукт разнородных социальных влияний со стороны тех классов и классовых прослоек, интересы которых выражали различные политические деятели. Сама мелкая буржуазия, представлявшая неоднородную массу, по-разному относилась к революционному движению. Среди республиканцев воспроизвелось

[9] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 248.
[10] См. там же, стр. 216.

соотношение «Горы» и «Жиронды» и даже соотношение внутри якобинских течений, от соглашательского (но явно мелкобуржуазного, т. е. не жирондистского) направления до подлинно революционного течения. Повторяем, что речь идет отнюдь не об отождествлении «якобинства» и «жирондизма» 30-х годов с одноименными направлениями XVIII в.

На крайних позициях левого фланга «якобинства» 1832—1834 гг. появился фабричный пролетариат и пролетариат мануфактур, испытавший влияние сен-симонизма и фурьеризма, изведавший последствия буржуазной революции 1830 г. Руководители же «Общества прав человека и гражданина» и других республиканских организаций либо не могли, либо не хотели понять глубоких исторических перемен, выдвинувших в начале 30-х годов новые задачи, новые программы. «Подражание хорошему образцу не есть копирование»,— писал В. И. Ленин [11]. Между тем «якобинцы» 30-х годов, очень сильные в организационном отношении и очень слабые теоретически, не столько развивали идеи своих предшественников, сколько просто копировали их. По французской пословице — «кто останавливается на месте, тот идет назад». Широкая политическая платформа — Декларация Робеспьера — была очень подходящей основой для объединения различных прослоек демократов-республиканцев. Она также сыграла свою роль, как средство проверки политических взглядов многих политических деятелей, маскировавшихся революционно-демократической фразеологией. Но в ней не могли найти своего прямого отражения классовые интересы решающей революционной силы: пролетариата и беднейшего крестьянства.

В этих условиях ведущая роль промышленной буржуазии прекращалась. Вся история рассматриваемого периода подтверждает справедливость указания Энгельса, писавшего, что начиная со времени июльской революции, французские рабочие толкали вперед буржуазию «вопреки ее воле» [12].

Мелкобуржузные руководители «Общества прав человека и гражданина», рядившиеся в жилеты Робеспьера, не понимали, да и не хотели понять, в какое фальшивое положение ставило их копирование хороших образцов. Появление же законопроекта о воспрещении ассоциаций привело их к тактике «слияний» с буржуазными республиканцами. И в результате этих «слияний» воз-

[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 307.
[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 77: «Тогда у рабочих остаются два пути!

Либо толкать вперед буржуазию вопреки ее воле, насколько возможно принуждать ее расширить избирательное право, обеспечить свободу печати, союзов и собраний и таким образом создать пролетариату условия, при которых он получит свободу движения и организации. Так поступали английские рабочие со времени парламентской реформы 1832 г., французские рабочие со времени июльской революции 1830 г., и именно посредством и с помощью этого движения, ближайшие цели которого были чисто буржуазного характера, они способствовали своему собственному развитию и организации больше, чем каким-либо иным путем».

ник союз, который Руссо назвал бы «агломерацией», а не ассоциацией.

Лучшие представители руководящего аппарата «Общества прав человека и гражданина», во главе с Керсози, осознали ошибки Центрального комитета, поняли опасность оппортунизма вождей карбонариев. Они организационно обособились и еще до апрельских восстаний создали союз, структура которого имеет больше сходства с настоящими тайными обществами второй половины 30-х годов и последующего периода, чем с организациями 1830—1833 гг. Но Керсози успел собрать вокруг себя лишь ничтожное меньшинство парижских республиканцев. Что касается рабочих, то хотя их профессиональные организации умножились и хотя политическое развитие пролетариата резко усилилось со времени первого лионского восстания и «июньских дней» 1832 г.,— участие рабочих в собственно политических организациях было все еще слабым. Вообще говоря, «Общество прав человека и гражданина» отличалось от «Общества друзей народа» гораздо более заметным участием работников различных мануфактур и ремесел. Не все филиалы «Общества прав человека и гражданина» следовали примеру парижской и лионской организаций. Местами даже и полупролетарская прослойка была слабо связана с «Обществом».

В таких неблагоприятных для победы революции условиях вспыхнуло второе лионское восстание. О конъюнктуре шелкоткацкого производства весной 1834 г. сказано выше; что касается строя производства, то в 1832—1834 гг. он в основном не изменился. Но эти годы бесспорно характеризуются такими техническими нововведениями, которые ухудшили положение широкой массы подсобных работников мануфактуры и снизили заработки ткачей, работавших на так называемых жаккардовых станках. Политическую жизнь Лиона 1832—1833 гг. характеризуют в сущности те общие черты, о которых мы только что говорили: внутренняя борьба местных республиканцев-демократов, неодинаковое отношение мелкобуржуазных республиканцев к чисто рабочим требованиям и выступлениям, слабая организационная связь местного филиала «Общества прав человека и гражданина» с рабочей массой. Но одновременно наблюдался значительный рост профессиональных организаций, общее политическое развитие широкой массы трудящегося населения и превращение некоторых соглашателей и врагов «политики» в последовательных республиканцев-революционеров.

Во втором лионском восстании рабочие потерпели тяжелое поражение. Но, как писал Энгельс, «поражение после упорного боя — факт не меньшего революционного значения, чем легко выигранная победа» [13]. Условия гражданской войны в 1834 г. были очень неблагоприятны для инсургентов. С самого начала борьбы силы контрреволюции были хорошо организованы. К генералу Эймару подходили все новые и новые подкрепления. Но даже и в этих неравных условиях борьбы лионские инсургенты одержали несколько существенных, но кратковременных побед. Продолжительность и ожесточенность борьбы, изумительное мужество, организованность и упорство инсургентов — вот что особенно характерно для апрельского восстания 1834 г.

Основоположники научного социализма отметили исключительное величие этой героической борьбы. Говоря об июньском восстании 1848 г., они указывали, что в прошлом во всей истории человечества были только два движения, подобные движению парижских инсургентов 1848 г.,— восстание рабов в древнем мире и лионское восстание 1834 г.

Политическая окраска этого второго лионского восстания была выражена гораздо ярче, чем в первом восстании 1831 г. Но ни победа течения, боровшегося за тариф в первом восстании, ни открыто республиканский характер второго восстания не должны затемнять в наших глазах главного факта: в обоих восстаниях рабочие стремились к свержению классового господства буржуазии. В обоих восстаниях они были «солдатами социализма» в том смысле, которое подразумевал Маркс.

Замечательной чертой второго лионского восстания, равно как и некоторых других апрельских движений 1834 г., была попытка связаться с крестьянством. Вопреки тенденции официальных орлеанистских источников, пытавшихся затушевать эту чрезвычайно важную страницу истории апрельских восстаний, можно утверждать, что попытка, о которой идет речь, увенчалась некоторым успехом.

Второй особенностью является интернациональное лицо руководителей апрельской гражданской войны в Лионе; в числе вождей и видных участников были поляки, немцы, англичане, португальцы, итальянцы.

В отличие от восстания 1831 г., апрельская гражданская война в Лионе возбудила сильные и продолжительные волнения в других частях Франции. Факты, рассмотренные выше, позволяют «классифицировать» вне-лионские волнения. В различных частях Франции происходили следующие события:

1) победоносные революционные выступления;
2) продолжительные волнения с частичным успехом;
3) более или менее продолжительные волнения без каких-либо, даже частичных, успехов;
4) совсем слабые отклики;
5) неудавшиеся заговоры;
6) героические, кровопролитные бои, но частично спровоцированные правительством и его полицией.

В каждом из этих движений имеются частью своеобразные, частью общие значительные и поучительные черты. И многие страницы истории собственно лионских событий, слабо освещенные тем

[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 8, стр. 80.

исследовательским материалом, которым нам приходится оперировать, выступают отчетливее в свете изучения вне-лионских волнений.

Отчетливо вырисовывается неорганизованность пролетариата, не имеющего своей партии и своего вождя. Становится очевидным пагубный результат тактики слияний с буржуазными республиканцами.

Ясно выступают оппортунизм и измена делу революции со стороны значительной части мелкобуржуазных руководителей «Общества прав человека» и карбонарских организаций.

Значение организационной подготовки вооруженного восстания, тщательной проверки людей, пропаганды в армии, расширения и укрепления организационных связей с широкой массой рабочих и крестьян, равно как и значение революционной теории,— все это подтверждается опытом рассматриваемых движений.

Многие уроки апрельских событий были хорошо усвоены современниками. Лионские восстания наглядно представили французскому и европейскому обществу такую грандиозную галерею «обнаженных масок», в сравнении с которой весь психологически-бытовой театр Пиранделло выглядит, как игрушечный ящик марионеток. Внезапно изменились не только взгляды отдельных политических деятелей, но и целых политических направлений. У марсельских буржуазных и мелкобуржуазных «революционеров», которые в страхе перед красным колпаком схватились за древко трехцветного знамени, не могло быть — по крайней мере в течение ряда лет — ничего общего с революционными демократами типа арбуаских инсургентов, которые сжигали «славное знамя Аустерлица, знамя Маренго». И если еще в 1832 г. роль династической оппозиции в парижском республиканском восстании первоначально казалась неясной, то в ее резко враждебном отношении к революционной демократии в 1834 г. уже не могло быть никаких сомнений. Чрезвычайно характерно, что в дни второго лионского восстания промышленник Фюльширон, лионский депутат, беседуя с доктринерами в палате депутатов, «громогласно требовал диктатуры», разумеется, буржуазной диктатуры. Некоторые провинциальные республиканские организации, состоявшие преимущественно из буржуазных и мелкобуржуазных элементов, поспешили публично заявить о своем полном подчинении апрельскому закону, отнимавшему у французского народа обещанное в конституции право союзов. Вскоре же после апрельских событий, на майских выборах национальной гвардии и на июньских выборах в палату депутатов все лица, подозреваемые в симпатиях к республиканским идеям, были забаллотированы буржуазными избирателями. И еще значительно раньше пресловутых сентябрьских законов 1835 г., изданных после покушения Фиески, появилась целая серия реакционных майских законов 1834 г.: о хранении и производстве оружия, о ношении оружия в дни восстания, о сооружении баррикад, о вторжении в частные дома, о разгроме оружейных складов и магазинов, о производстве пороха, о пользовании оружием во время восстания и т. д.

Изменилось и положение короля. После апрельских восстаний 1834 г. «король баррикад» июльской революции Луи-Филипп стал королем баррикад контрреволюции. Новая историческая обстановка создала возможность усиления личной власти короля. Либералы из газеты «Насиональ» пустили в ход формулу: «король царствует, но не управляет», и вплоть до второго лионского восстания эта формула отвечала действительности, вопреки личным желаниям Луи-Филиппа, всегда «любившего управлять единолично», как еще в 1833 г. писал генерал Кастеллан. Подавив республиканскую революцию, Луи-Филипп, по меткому выражению Поццо ди Борго, получил возможность «монархизироваться».

Апрельские восстания, точнее сказать, восстания и их разгром, привели к крутому перелому внутренней политики и всей внутри политической конъюнктуры. Изучая внешнюю политику 1830—1834 гг., мы убедились, что в полном и каузальном соответствии с внутренней политической конъюнктурой изменилась и внешняя политика Франции. Прохладное отношение австрийского и особенно русского правительства к проискам Луи-Филиппа помешало выявиться этому повороту в более заметных актах. Но хотя Луи-Филипп и ошибся в некоторых своих расчетах, поворот внешней политики привел в 1834 г. к весьма значительным реальным результатам (на Пиренейском полуострове, в Швейцарии, в сфере франко-английских взаимоотношений и т. д.).

Рассматривая в целом влияние второго лионского восстания (и возбужденных им прочих апрельских движений) на внутреннюю и внешнюю политику Франции, мы убеждаемся, что время с апреля 1834 до осени 1835 г. представляет заметную демаркационную черту, отделяющую два разных периода Июльской монархии.

Громадное значение второго лионского восстания становится еще яснее при обзоре материалов, освещающих отношение различных классов европейского общества к апрельским событиям и их урокам. Сами современники изучаемого периода отмечали влияние французского опыта социальных движений на развитие «народных обществ» в Англии; иностранная пресса и прочие материалы приоткрыли картину воздействия апрельских восстаний на Италию, Швейцарию и на интернациональное движение политической эмиграции.

ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА В 1836—1847 ГОДАХ

1

Вводные замечания

Велико значение стачек в политическом развитии пролетариата. По выражению Энгельса, стачки «являются военной школой, в которой рабочие подготовляются к великой борьбе, ставшей уже неизбежной; они являются манифестацией отдельных отрядов рабочего класса, возвещающих о своём присоединении к великому рабочему движению» [1].

Именно стачечная борьба в огромной мере содействовала развитию классового самосознания рабочих и их общего политического развития, ибо стачка открывает глаза рабочим не только на капиталистов, а также и на правительство и на законы.

В нашу задачу не входит рассмотрение начальной стадии стачечной борьбы во Франции. Начальная стадия рабочего движения освещена академиком Е. В. Тарле [2], братьями Буржен в трехтомном сборнике документов [3], в книгах О. Фести [4], в докторской диссертации проф. А. И. Молока [5], в новейшей широко задуманной работе талантливого историка-марксиста Жана Брюа [6] и частично в других, менее крупных работах [7]. На нижеследующих страницах освещается преимущественно тот период, который наступил после лионских восстаний 1831 и 1834 гг., имевших значение поворотного момента в развитии пролетариата, в истории классовой борьбы.

Правда, еще и в эти времена борьба пролетариата проявлялась в форме «отдельных вспышек», да и сам пролетариат лишь едва начинал выделяться «из общей массы мелкобуржуазного «народа»» [8].

Очерк, не ограничивающийся картиной рабочего движения, но включающий и крестьянские выступления, возможно, будет содействовать освещению процесса «выделения» пролетариата из широких народных масс, а также и решению вопроса об историческом значении стачечной борьбы пролетариата в рассматриваемый период.

2

Освещение истории забастовочной борьбы во французской буржуазной литературе

Французские буржуазные историки не раз обращались к документальному материалу, освещающему забастовочное движение в период Июльской монархии.

Несколько страниц посвящено вопросу о стачках 30—40-х годов в труде Э. Левассера [9], но почти половину этого текста занимает описание двух забастовок плотников (в 1833 и 1845 гг.) и двух стачек углекопов в районе Сент-Этьенна; всем «другим стачкам» уделено лишь несколько строк. И на этой-то «основе» была построена концепция, сыгравшая большую роль в буржуазной историографии! Вот ее наиболее характерные черты:

1) полупризнание тех социальных бедствий, которые принесла пролетариату промышленная революция;

2) утверждение, что период ухудшения условий жизни пролетариата был непродолжителен и что поэтому история стачек не представляет большого значения, так как по мере роста «благосостояния» рабочих забастовочное движение ослаблялось, между тем как последовательная смена все более и более сильных правительств привела, наконец, к созданию «вечного» буржуазного порядка;

3) утверждение, что если стачки и представляют интерес, то почти исключительно как факты экономической борьбы рабочего класса;

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 2, стр. 448.

[2] *Е. В. Тарле*. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928.

[3] «Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830. Les patrons et les ouvriers». Recueil des textes, publiés par G. Bourgin et H. Bourgin, vol. I. Paris, 1920, 1921; «Les patrons, les ouvriers et l'Etat. Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830». Recueil de textes, publiés par G. Bourgin et H. Bourgin, vol. III. Paris, 1942.

[4] *O. Festy*. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de juillet (1830—1834). Paris, 1908. Тому же автору принадлежит рассматриваемый ниже «Очерк истории стачек 1840 г.»

[5] *А. И. Молок*. Революция 1830 г. во Франции. Неопубликованная докторская диссертация; хранится в архиве Института истории АН СССР. Москва.

[6] *L. Bruhat*. Histoire du mouvement ouvrier français (préface de Gaston Monmousseau), t. I. Des origines à la révolte des canuts. Paris, 1952 (русск. перевод: *Ж. Брюа*. История рабочего движения во Франции. М., 1953).

[7] См., например, *A. Zévaès*. L'émeute des Quatre Sous à Anzin.— «La Révolution de 1848», décembre 1937 — janvier, février 1938, № 163.

[8] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 363.

[9] *E. Levasseur*. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, t. II. 2-ème éd. Paris, 1904.

4) игнорирование крестьянских движений при освещении стачечной борьбы, несмотря на то, что крестьянство составляло значительное большинство населения Франции.

Порочная концепция Левассера воспроизводилась другими историками и с ростом империализма, с усилением реакции в новейшее время, «канонизировалась».

Характерно, что еще в начале XX в. появился серьезный исследовательский труд, автор которого безоговорочно подтвердил правильность данного Марксом освещения одной из важнейших страниц истории Франции — революции 1848 г. Мы имеем в виду книгу Госсэ, опубликованную в 1904 г.— «Департамент Нор во время Второй республики» [10]. В списке литературы, использованной Госсэ, указываются бессмертные произведения Маркса: «Классовая борьба во Франции» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». Госсэ признал, что работа Маркса «Классовая борьба во Франции» не была опровергнута ни одним из тех фактов, которые он в процессе своего добросовестного исследования проверял или впервые обнаруживал. Госсэ принял определение классовой сущности Июльской монархии как господства финансовой аристократии [11]. Рабочие волнения, происходившие в 1847 г. на территории Нор, Госсе связывал не только с экономическими причинами; он писал: «Неравенство в избирательном праве стало поводом к бунту. Мятежи 1847 г.— предисловие к революции 1848 г.» [12]

С начала XX в. и особенно после Великой Октябрьской социалистической революции многие буржуазные историки стали настойчиво пропагандировать взгляды, политический смысл которых заключается именно в том, что они направлены против марксизма.

Особенно отчетливо определил свои расхождения с выводами Госсэ реймсский историк Жорж Буссинеск, выступивший одновременно и против обобщений Манту, «виновного» в том же стремлении рассматривать революцию 1848 г. как закономерный результат предшествующего исторического развития. Вот что писал Буссинеск: «Убежденный в том, что политический кризис 1848 г. был предопределен коммерческим упадком... г-н Госсэ в результате краткого исследования департамента Нор во время голода [1847 г.]... пришел к выводу, что в этом районе в конце Июльской монархии конституционное правительство насчитывало мало сторонников... и что для избавления от своих бедствий рабочий надеялся на всеобщее голосование. А г-н Манту,— иронизировал Буссинеск,— тотчас же построил ... поспешное обобщение». Буссинеск подразумевал один из главных выводов Манту, а именно, признание, что революция 1848 г.— «это не изобретение нескольких столичных журналистов, не статья, посланная в совершенно готовом виде в департаменты» [13].

Буссинеск противопоставил обобщениям Госсэ — Манту два результата изучения других районов Франции:

1) выводы историка Дьедоннэ, утверждавшего, что в департаменте Луарэ в отличие от департамента Нор «никто не думал о возможности свержения Луи-Филиппа»;

2) собственные выводы, будто бы обоснованные исследованием истории Реймса.

В Реймсе Буссинеск обнаружил перед революцией 1848 г. экономическую просперитию (!), верноподданическую буржуазию и... смиренный рабочий класс, вовсе не думавший о перенесении на монархию Луи-Филиппа ответственности за свою нищету. «В Реймс революция была, несомненно, импортирована в готовом виде (toute faite)»,— утверждал Буссинеск в предисловии к своей работе.

Автор другого локального исследования, Брейу, писавший о департаменте Коррез, склонялся к подобному же освещению классовых взаимоотношений накануне и в начале революции 1848 г., хотя, казалось бы, он должен был заметить противоречия приводимых им показаний [14].

Антитезу взглядам Госсэ представляли и выводы Пьера Брона, автора работы о департаменте Мёрт. По уверению Брона, в те времена, о которых идет речь, недовольство в департаменте Мёрт никогда «не принимало истинно политического аллюра». В сентябре 1846 г. «один бродяга» (!) кричал: «Долой Луи-Филиппа, долой виновника голода». А в феврале 1847 г. в Нанси, на площади Лафайетт, появилось, правда, рукописное воззвание к расправе с тиранами, да вот еще два рабочих, Доше и Фор, были арестованы и осуждены, каждый на год тюремного заключения; но «эти факты, изолированные и незначительные, не были даже признаками новой ситуации; подобные факты случались и в период полного спокойствия» [15].

Еще пример — департамент Дордонь, представленный монографией Рокаля; в Дордони, «как и в Париже», писал Рокаль, ни-

---

[10] *A. M. Gossez.* Le département du Nord sous la Deuxième République. 1848—1852. Lille, 1904.

[11] Ibid., p. 55.

[12] Ibid., p. 58. Ниже будет отмечено и значение другой публикации Госсэ — «L'ouvrier lillois du textile et sa situation sociale autour de 1840».— «La Révolution de 1848», décembre 1937 — janvier 1938, № 163.

[13] *G. Boussinesq.* Reims à la fin de la Monarchie de juillet et pendant la période révolutionnaire de 1848. Жорж Буссинеск, историк и библиотекарь г. Реймса, был убит на войне 30 октября 1914 г. Известный журнал «La Révolution de 1848» публиковал вышеназванную работу посмертно, с декабря 1921 по 1923 г. Приведенная выше цитата — из «Предисловия» Буссинеска, датированного 1908 г.,— «La Révolution de 1848», décembre 1921 — janvier, février 1922, № 90, p. 156.

[14] Capitaine Breillout. La Révolution de 1848 en Corrèze.— «La Révolution de 1848», décembre 1920 — janvier, février 1921, № 86, p. 209—211.

[15] *P. Braun.* Le département de la Meurthe à la fin de la Monarchie de juillet.— «La Révolution de 1848», décembre 1919 — janvier, février 1920, № 82, p. 169. Формулируя свои выводы, Пьер Брон, подобно Брейу, был мало озабочен тем, что факты, опровергавшие его выводы, приводились в его же собственной работе, например, на стр. 155—166, где сообщалось: «До июля Нанси был точно в осадном положении».

кто не подозревал, что совершится революция; «аморфная толпа рабочих и крестьян» совершенно не занималась политикой, потому что не имела права голосования [16]. Мысль, что именно поэтому народные массы и должны были, наконец, заняться политикой, была чужда Рокалю.

Как уже отмечалось, территории департамента Буш-дю-Рон посвящена многотомная энциклопедия; особый (десятый) том должен был осветить «социальное движение» [17]. Однако Пеллиссье-Гюи, автор главы «Рабочие группировки и конфликты», ограничился фрагментарными сведениями. Картины стачечной борьбы и прочих массовых движений тут нет. Вопрос о связи стачек с политической борьбой не поставлен; и поэтому ничем не объясним остается факт бурного участия марсельских рабочих в создании политических клубов сразу после февральской революции 1848 г. [18]

Реакционная фикция «возрастающей» силы буржуазного государства при «ослабевающем» натиске трудящихся масс особенно ясно выражена в работе Гарми, изданной во Франции во время немецко-фашистской оккупации в 1943 г. Это монография о Рансье — своеобразном районе добычи железа и каменного угля. Страницы, которые должны были осветить массовые движения интересующего нас периода (1836—1847 гг.), написаны нарочито сжато; например, Гарми ограничивается лишь одной фразой о волнениях в Фуа в 1840 г. Характерен заключительный тезис Гарми: «Анархию прошлого современное государство заменило порядком и авторитетом» [19].

В том же 1843 г. в Париже защищалась диссертация А. Коломеса «Текстильные рабочие в труаской части Шампани. 1730—1852 гг.» Как видим, диссертант избрал район, смежный с территорией, о которой писал Буссинеск. Поле наблюдения расширилось, но выводы оказались те же: «Рабочего движения, в политическом смысле слова, в это время [в период Июльской монархии] в Об не существовало. Как и при старом режиме, волнения... были порождены прямо или косвенно неурожаем и недостатком продовольствия» [20]. И эти волнения, иногда возникавшие «при открытии рынков», были, по мнению Коломеса, несерьезны. В общем, «несмотря на многочисленные кризисы, чередовавшиеся один за другим до 1848 г., население всегда сохраняло очень достойное спокойствие» [21].

---

[16] *G. Rocal.* 1848 en Dordogne, t. I. Paris, 1934, 2-ème éd., p. 3.
[17] «Les Bouches-du-Rhône». Encyclopédie départementale. Deuxième partie: Le Bilan du XIX siècle, t. X. *H. Pellissier-Guys.* Le mouvement social. Paris — Marseille, 1923.
[18] Ibid., p. 29.
[19] *R. Garmy.* La «Mine aux mineurs» de Rancié. Paris, 1943, p. 253.
[20] *A. Colomès.* Les ouvriers du textile dans la Champagne troyenne. 1730—1852. Paris, 1943, p. 433.
[21] Ibid., p. 134.

Остановимся еще на двух исследованиях.

Ж. Видаланк, автор большой монографии о департаменте Эр, пришел к заключению, что рабочие в промышленных центрах «были, может быть, наименее несчастными; и... они очень редко выступали против тягот своей участи». Притом эти «редкие рабочие манифестации были независимы от какой бы то ни было политической направленности» [22].

Швейцарский историк А. Лассер через 50 лет после Госсэ обратился к району, историей которого как раз и занимался автор монографии о департаменте Нор. Только Лассер ограничился районом г. Лилля и еще более сузил рамки исследования, озаглавив его: «Положение рабочих текстильной промышленности в Лильском районе во время Июльской монархии». Доказать, что тишь и гладь царили там, где Госсэ, опираясь на факты, находил бурю, было нелегко. Но бравый Лассер не смутился; прежде всего для упрощения дела он представил Госсэ только историком Второй империи; своей же монографии он предоставлял роль «полезного предисловия» к вышеназванному исследованию Госсэ [23]. Эту «полезность» реакционная историография должна высоко оценить: ловким маневром Лассер приводил читателя к совершенно иной оценке роли народных волнений, чем та, которую дал Госсэ. Под многообещающим заголовком «Мятежи и стачки» читаем: «Несмотря на постоянную нищету, рабочее население оставалось между 1830 и 1848 гг. замечательно спокойным. Когда нужда обострялась чрезмерно, тогда гнев рабочих проявлялся в кратковременных стачках» [24]. Продовольственные волнения происходили, например, в 30-х годах; но власти, умудренные опытом, считал Лассер, стали принимать предупредительные меры, и «ничего не произошло ни в 1839, ни в 1840 гг.» Как оказывается, «понадобилось ждать 1845, 1846 и 1847 гг., чтобы продовольственные мятежи возобновились» [25]. По мнению Лассера, стачки в Лилльском районе в общем не были серьезны, и, как правило, все они обнаруживали отсутствие организованности. Итог: «Ни в одной из рассмотренных рабочих манифестаций не видно, чтобы мотивы политического порядка играли какую-либо роль: голод, нищета, низкая заработная плата всегда были единственными причинами. Мятежные возгласы? Но они раздавались всегда, и они менее всего на счете характеризуют политическую позицию пролетариата» [26].

Приведенные примеры заслуживают внимания как показатели реакционного направления современной историографии, и

---

[22] *J. Vidalenc.* Le département de l'Eure sous la monarchie constitutionelle. 1814—1848. Paris, 1952, p. 683. Заметим, что цитируемая глава названа «Le bilan du régime».
[23] *A. Lasserre.* La situation des ouvriers de l'industrie textile dans la région lilloise sous la Monarchie de juillet. Lausanne, 1952, p. 12.
[24] Ibid., p. 217.
[25] Ibid., p. 216.
[26] Ibid., p. 224.

количество аналогичных примеров можно значительно увеличить[27].

Следует, однако, отметить и то обстоятельство, что локальные исследования, представляющие направление, близкое к прогрессивной позиции Госсэ, продолжают появляться под пером буржуазных историков; но, во-первых, количественно они явно уступают реакционному течению; во-вторых, в своих обобщающих формулировках и некоторые лучшие представители современной французской буржуазной историографии идут в теоретическом отношении не вперед, а назад, по сравнению с Госсэ.

Так, например, Ф. Понтейль, автор многочисленных и весьма ценных локальных исследований[28], в том числе — монументальной монографии об оппозиции в Страсбурге в 1830—1848 гг.[29], правильно усматривал в революции 1848 г. «логический» результат предшествующей социальной и политической борьбы[30]; но суть классовых противоречий, развивавшихся со времени буржуазной революции XVIII в., до 1848 г., Понтейль выражал в терминах: борьба «коллективизма» с «индивидуализмом», причем и самое обострение этой борьбы в 40-е годы он объяснял... влиянием Луи Блана![31]

Каан-Рабек, исследовательница департамента Верхний Рейн, осветила важную страницу истории Эльзаса — дороговизну 1846—1847 гг. и рабочие волнения в департаменте Верхний Рейн перед революцией 1884 г. В этих событиях она не отказывалась видеть один из решающих факторов февральской революции[32]; но только кровопролитный «праздник булочников» 26 июля 1847 г. она считает «началом новой эры в истории эльзасского рабочего

[27] Например, к этому же реакционному направлению следует отнести диссертацию Е. Делессаль о женском труде в Лилльском районе.— *E. Delessalle.* Le travail de la femme dans l'industrie textile et du vêtement de l'arrondissement de Lille. Loos, 1951. Диссертантка нашла уместным упомянуть о «благодеяниях» плана Маршалла, но она буквально ни слова не сказала о стачечном движении в Лилльском районе и о роли женщин в различных рабочих волнениях в этом промышленном центре.

Неправильное представление о стачках дает и статья Ж. Кревейля, исследователи условий труда в г. Нанте. Он писал: «Закон, воспрещавший стачки, применялся в Нанте с такой суровостью, что при Июльской монархии стачки не были тут ни многочисленны, ни продолжительны и, за исключением одного мятежного дня — 15 сентября 1836 г., никогда не имели серьезного характера».— *G. Créveuil.* La condition ouvrière et la crise en 1847 à Nantes.— «1848 et les révolutions du XIX siècle», juin 1848, № 180, p. 51.

[28] *F. Ponteil.* L'agitation ouvrière dans la Haut-Rhin en juin — juillet 1847.— «La Révolution de 1848», septembre — novembre 1931, № 138. Une page ardente de l'histoire économique de Strasbourg. L'émeute des Boeufs (26 sept. 1831). Extrait de la «Revue d'Alsace», 1929. Об исследовании Понтейлем антиналоговых волнений 1841 г. будет сказано ниже.

[29] *F. Ponteil.* L'opposition politique à Strasbourg sous la Monarchie de juillet. [Nogent-le-Rotrou]. 1932.

[30] Ibidem. L'Introduction, p. XII.

[31] Ibid., p. 897—898.

[32] *M. M. Kahan-Rabecq.* La crise des subsistances dans le Haut-Rhin.— «La Révolution de 1848», mars — avril 1937, p. 9.

класса»[33], ошибочно характеризуя весь трудящийся люд Верхнего Рейна как всегда покорный, смиренный по самой своей природе[34].

Несколько слов об обобщающих трудах.

В 1924 г. появилась статья Анри Сэ, резюмировавшая итоги предшествующих исследований буржуазных историков. Вот выводы Сэ: с 1835 по 1840 г. движение пролетариата не ознаменовалось какими-либо крупными организационными успехами[35], но с 1840 г. можно отметить «могущественное пробуждение», вызванное кризисом 1839—1840 гг., породившим безработицу и почти всеобщую стачку в Париже. Однако, по мнению Сэ, революция 1848 г. больше похожа на революцию 1830 г.; «это — триумф парижского бунта, это — результат удара, нанесенного народными массами Парижа... Масса нации к этому не была подготовлена, у нее было еще мало политического воспитания. Никто не мечтал о потрясении режима собственности»[36]. Организационные связи рабочих укреплялись, но почти исключительно в больших городах, где, впрочем, как утверждал Сэ, еще господствовал (!) «режим мелкой промышленности» и где сама организация рабочего класса порождалась не промышленной концентрацией, а «идеологическими факторами». И в этом отношении, по мнению Сэ, была особенно значительна роль известной представительницы утопического социализма — Флоры Тристан, выразившей в начале 40-х годов идею общей ассоциации (т. е. всеобщего объединения) французских рабочих[37].

Как видим, Сэ почти ни в чем не отступил от необоснованной концепции Левассера.

В «Социалистической истории» Франции, изданной под общей редакцией Ж. Жореса, том, посвященный периоду Июльской монархии, был написан Фурньером; и в этом томе дан широкий обзор стачечной борьбы в Париже в 1840 г. Фурньер подчеркнул развитие классовой солидарности рабочих в результате забастовочного движения 1840 г. Парижские забастовщики, писал он, «продолжая отстаивать соответствующие интересы портных, слесарей или плотников..., научились защищать в то же самое время интересы рабочего класса в целом»[38].

Многие другие указания Фурньера существенно дополняют беглую характеристику парижских стачек 1840 г. в книге Реньо «История восьми лет»[39], представлявшей продолжение «Истории десяти лет», написанной Луи Бланом. Например, Фурньер отметил тот важный факт, что в разгар забастовочного движения 1840 г.

[33] Ibid., p. 42.

[34] Ibid., p. 10.

[35] *H. Sée.* Quelques aperçus sur la classe ouvrière et sur le mouvement ouvrier en France de 1815 à 1848.— «Revue d'histoire économique et sociale», 1924, p. 516.

[36] Ibid., p. 521.

[37] Ibid., p. 519.

[38] «Histoire socialiste». Sous la direction de Jean Jaurès, vol. 7. *E. Fournière.* Le régne de Louis-Philippe. Paris, 1906, p. 363—365.

[39] *E. Regnault.* Histoire du huit ans. Paris, 1882, p. 86—88.

среди руководителей стачек (в составе рабочих делегатов) были коммунисты. Было бы, однако, ошибкой преувеличивать научное значение работы Фурньера. Отмечавшиеся Фурньером стачки чаще всего не датированы; научный аппарат, как и в монументальной работе самого Жореса, отсутствует. Движения, происходившие в том же 1840 г. в провинции, вовсе не освещены.

Книга Фурньера появилась более 60 лет назад, и, естественно, возникает вопрос, не восполнены ли пробелы Фурньера в последующих сводных работах тех авторов, которые, не будучи марксистами, заявляли о своих симпатиях к рабочему классу, специализировались по истории рабочего движения и приобрели в определенных кругах французской интеллигенции руководящую роль? Позднейшую разновидность такого рода мнимо-пролетарской литературы представляет труд неопрудониста Доллеана, уделившего парижским стачкам 1840 г. около шести страниц в своей книге «История рабочего движения во Франции (1830—1871)». Но история стачек в книге Доллеана представлена неправильно. Доллеан утверждал, что участие «некоторого количества» рабочих в банкетах, организованных республиканцами, имело лишь второстепенное значение [40]. По мнению Доллеана, стачечная борьба 1840 г. была «чисто корпоративным движением» [41]. Указание Фурньера, что делегаты рабочих на массовых сходках в Бютт-Шомон были коммунистами, замалчивалось Доллеаном. Далее, Доллеан уже не останавливался ни на одной (!) стачке 1841—1847 гг. и только повторял замечание Сэ о Флоре Тристан, доводя до абсурда преувеличение ее роли [42].

Задачу целостного исследования Доллеан подменил освещением искусственно изолированного участка, причем и на этом участке он оставил в тени существенно важные факты. Обобщения Доллеана, как видим, играют, объективно, не прогрессивную, а реакционную роль.

3

Стачки 1836—1839 годов

Бесспорно, в большинстве стачек 1836—1838 гг. главную роль играли экономические требования: стачечники боролись против снижения заработной платы и часто — за сокращение рабочего дня.

[40] *E. Dolléans.* Histoire du mouvement ouvrier. 1830—1871. Paris, 1947, p. 180—181.
[41] Ibid., p. 184.
[42] Доллеан не постеснялся сравнить произведения Ф. Тристан с великим революционным шедевром Маркса и Энгельса. Тристан, оказывается, «за четыре года до «Коммунистического манифеста» набросала проект организации рабочих без различия пола и национальности».— *E. Dolleans.* Op. cit., p. 193.
О понимании самими рабочими утопизма Тристан (например, шахтерами Рив-де-Жье в 1844 г.) будет сказано ниже. В нашей исторической литературе критическое освещение утопических идей Ф. Тристан дано академиком В. П. Волгиным в статье «Idées socialistes et communistes dans les sociétés secrètes (1835—1840)».— «Questions d'histoire», t. 2. Paris, 1954, p. 34—36.

Такова, например, была стачка столяров парижского предместья Сен-Дени, выступивших в мае 1836 г. с требованием сокращения 12-часового рабочего дня на один час. Заметим, однако, что даже стачки 1836—1838 гг. далеко не всегда были «узкопрофессиональными» выступлениями в рамках данных отраслей производства, абсолютно «мирными» и только локальными движениями.

Осенью 1836 г. в г. Ниме в течение четырех дней — с 24 по 28 сентября — происходила стачка мануфактурных ткачей, производивших тафту. Целью стачки была борьба за единый, более высокий, обязательный для всех предпринимателей тариф сдельных расценок. Широких волнений стачка не вызвала, но и это выступление отличалось замечательной особенностью: стачечники поднимали вопрос о прекращении мошеннических махинаций предпринимателей, прибегавших к тайному ухудшению качества тафты, а также к обмериванию покупателей при сбыте товара. Так сами рабочие вступали в борьбу за сохранение коммерческой репутации своего промышленного центра! Депутация ткачей была принята мэром, но успеха она не имела [43].

Как показатель новых мотивов, порожденных именно развитием капитализма, характерна забастовка парижских печатников в сентябре 1836 г. Владелец одной парижской литографии ввел в регламент предприятия новый пункт — о штрафах за опоздание на работу. Печатники попытались предотвратить эту систему, уже широко применявшуюся на текстильных фабриках. Рабочие — братья Пети и Паррен — были арестованы как организаторы стачки [44].

Не все стачки в 1836 г. протекали мирно. В сентябре 1836 г. вспыхнули «довольно серьезные волнения» в торгово-промышленном и портовом городе Нанте. В этих волнениях участвовали мужчины, женщины и подростки. Все они, рабочие различных профессий, выступили в знак протеста против судебной расправы с каменщиками, осужденными за стачку [45]. Сентябрьские волнения 1836 г. в Нанте были, следовательно, демонстрацией пролетарской солидарности, и эта демонстрация окончилась столкновением с полицией и воинскими частями, встреченными градом камней.

Забастовочное движение 1837 г. началось, по-видимому, с январской стачки парижских плотников: по делу об этой стачке было арестовано 20 рабочих [46].

Восемь человек были арестованы в Париже летом 1837 г. по делу о стачке каменщиков [47].

Опуская подробности, относящиеся к февральской стачке анжерских портных, отметим только, что как раз в 1837 г. в прессе получил огласку факт существования у портных широко развет-

[43] «Gazette des Tribunaux», 29.IX.1836.
[44] «Gazette des Tribunaux», 18.IX.1836.
[45] «Gazette des Tribunaux», 19, 20, 22.IX.1836.
[46] «Gazette des Tribunaux», 22.I.1837.
[47] «Gazette des Tribunaux», 5.X.1837.

вленной, охватывающей несколько городов, тайной профессиональной организации[48].

На севере Франции значительным фактом была июльская стачка углекопов, в которой участвовали сотни рабочих анзенских копей и других шахт, расположенных неподалеку от Анзена. Волнения в Анзене начались 10 июля[49]. Углекопы требовали повышения заработной платы. Когда «Анзенская акционерная компания» отвергла скромные притязания рабочих, углекопы погасили топки котлов и остановили паровые машины, извлекавшие уголь. В шахты полетели камни, уголь, поленья. 11 и 12 июля к стачке анзенских углекопов присоединились шахтеры, работавшие в местечках Френ, Денен и Абскон.

Правительственная пресса торопливо печатала успокоительные сообщения, уверяя, что эти волнения «не имеют никакого политического характера»[50]. Но факты говорили о другом: во всем районе шахтеры выступали как организованная сила, и для подавления забастовки правительство перебросило из Дуэ артиллерийскую батарею.

Арест 19 слесарей в Лионе в дни волнений анзенских углекопов — тоже характерный факт: усиление репрессий доказывало, что правительство видело в этих выступлениях не только «чисто экономическую борьбу».

В 1838 г. рабочие выступления были немногочисленны[51]. Однако по меньшей мере два факта должны были привлечь внимание трудящихся масс французской столицы в 1838 г.

1. Июльская политическая демонстрация подмастерьев-портных. Собравшись на кладбище, у могил жертв июльской революции, портные произносили «зажигательные речи», а когда полицейский комиссар вмешался, его тут же избили. Шесть участников демонстрации были арестованы[52].

2. В сентябре того же, 1838 г. восемь парижских рабочих: Мишель, Покэ, Понсэ, Норманден, Ракари, Ривьер, Редмон и Гальмон, были арестованы по обвинению «в мятеже» и насильственных актах. Все эти рабочие участвовали в демонстрации, которая была устроена 9 сентября группой молодежи (по официальным данным — около 50 человек), в связи с высылкой из Парижа братьев Шаво, ранее арестованных по политическому обвинению, а в сентябре высылавшихся в Дижон под надзор полиции. Демонстранты-рабочие провожали братьев Шаво; вместе с ними они вышли далеко за черту города. Возвращаясь в Париж, участники демонстрации повстречались с кабриолетом предпринимателя, лично известного парижским каменщикам. Один из демонстрантов был болен, и рабочие, подойдя к кабриолету, попросили предоставить их заболевшему товарищу место в экипаже. Ударив рабочего хлыстом, предприниматель грубо отказал в этой просьбе, что и было причиной «насильственных актов» со стороны рабочих и последующей ожесточенной схватки с жандармами[53].

[48] «Gazette des Tribunaux», 1.IV.1837.
[49] «Gazette des Tribunaux», 14, 29, 31.VII, 4.VIII, 3.IX.1837.
[50] «Gazette des Tribunaux», 14, 16.VII.1837.
[51] В марте отмечена стачка зонтичников в Париже; в июле — столяров; в ноябре — попытка организовать стачку мостильщиков. По этому делу трое рабочих — Дюшен, Жуалье и Ошраль — были арестованы в качестве зачинщиков и приговорены: Дюшен к трем месяцам, двое других — к одному месяцу тюремного заключения.— «Gazette des Tribunaux», 8.XI.1838.
[52] «Gazette des Tribunaux», 29.VII.1838.

4

Год 1839. Отношение рабочих к тайным политическим организациям

Все, что сообщал Доллеан по вопросу о деятельности тайных обществ, подтверждает давно отмеченную основоположниками марксизма связь публицистов — пропагандистов коммунистических идей — с рабочими, а также участие именно рабочих в тех тайных обществах, которые возникали во Франции в период между лионскими восстаниями и революцией 1848 г.

Обновленные карбонарские ложи в Лионе состояли из портных, столяров, шелкоткачей. По существу это были скрытые республиканские организации рабочих. Тайные общества в Лионе прикрывались формой просветительных клубов-читален.

«Общество семей», утверждал Доллеан, основываясь на неопубликованной рукописи Бланки, состояло из рабочих, студентов и «большого количества военных». Бланки писал: «Общество глубоко проникло в армию, оно насчитывало в своей среде некоторое количество унтер-офицеров, с нетерпением ожидавших сигнала к выступлению»[54]. Судебное преследование 24 участников «Общества семей» по делу о тайном пороховом складе свидетельствовало, однако, о преобладании пролетарских элементов в составе активистов этой организации: из 24 человек, осужденных по делу о пороховом складе, 20 были типографскими рабочими.

«Общество времен года» имело более развитые связи с провинцией и состояло преимущественно из рабочих.

Весьма важный вопрос об идеологическом вооружении членов «Общества времен года» не раз освещался различными исследователями.

[53] «Gazette des Tribunaux», 10.XI.1838. Chronique. Paris, 8 novembre. Мишель был приговорен судом к двум месяцам тюрьмы, Покэ — к одному месяцу, прочие названные выше демонстранты — к пяти дням ареста и к денежному штрафу, с оплатой судебных издержек.
[54] Цит. по кн.: *E. Dolléans*. Op. cit., p. 174. В 1837 г. те члены организации, которых Доллеан невразумительно называет «les membres les plus violents», сформировали новый революционный союз — «Демократические фаланги».

В сентябре 1837 г.[55], в царствование Луи-Филиппа, был создан первый коммунистический орган. Это был «Л'Энтеллижанс», руководимый Лапоннерэ, Лаотьером и Шароном. Четыре номера «Л'Энтеллижанс» были найдены при аресте одного из участников восстания 12 мая 1839 г.[56]

Лапоннерэ был активным, влиятельным членом «Общества времен года». Переоценивая влияние Лапоннерэ на рабочих, Бланки включил его в список членов временного правительства, намеревавшегося захватить власть в результате восстания 12 мая 1839 г. Однако Лапоннерэ отнюдь не был революционером.

Лаотьер был еще слабее в теоретическом отношении, чем Лапоннерэ. Очень ценные замечания, характеризующие взгляды Лапоннерэ и Лаотьера, высказаны академиком В. П. Волгиным, убедительно показавшим теоретическую беспомощность Лаотьера[57].

Пийо, тоже член «Общества времен года», организовал издание необабувистской «Трибуны народа» (первый номер появился в начале февраля 1839 г.)[58].

Другие члены «Общества времен года», например отец и сын Фомберто и Жуаньо, с ноября 1837 г. издавали подпольный «Монитер Репюбликен». Учитывая отношение этого органа к вопросу о собственности, Моранж считал его более робеспьеристским, чем бабувистским[59]. Но многочисленные цитаты из «Монитер Репюбликен», приводившиеся в 1839 г. членом следственной комиссии Мерилу, свидетельствуют скорее не о «робеспьеризме» этого органа, а о его симпатиях к Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенну[60]. Следует, однако, отметить и тот факт, что «Монитер Репюбликен» сочувственно относился к идее восстановления цеховой системы[61]. Издание «Монитер Репюбликен» прервалось на восьмом номере. Но уже в августе 1838 г. появился другой подпольный орган — «Омм либр», с первых же номеров ознаменовавшийся «тенденцией к системе Бабефа», по выражению Мерилу[62].

Здесь нет необходимости излагать взгляды Бланки, широкое марксистское освещение сущности бланкизма в рассматриваемые

---

[55] *G. Morange.* Les idées communistes dans les sociétés secrètes et dans la presse sous la Monarchie de juillet. Paris, 1905.

[56] Ibid., p. 43.

[57] *V. Volguine.* Idées socialistes et communistes dans les sociétés secrètes (1835—1840).— «Questions d'histoire», t. 2. Paris, 1954, p. 27—28. В. П. Волгин приводит, например, следующее изречение Лаотьера: «Non, Robespierre n'infirme point Rousseau; non, Babeuf ne contredit ni Rousseau, ni Robespierre».

[58] *G. Morange.* Op. cit., p. 57.

[59] Ibid., p. 56.

[60] «Cour des pairs. Rapport fait... par Mérilhou». Paris, 1839, p. 32. Изложение содержания четвертого номера «Монитер Репюбликен» (февраль 1838 г.).

[61] Ibid., p. 31. Статья, напечатанная во втором номере, включала «le texte imaginaire d'un prétendu projet de rétablissement des maîtrises et de jurandes».

[62] Так, например, передовая статья в № 4 «Омм либр», озаглавленная «Об общности» («De la Communauté»), гласила: «Мы требуем общности такой или приблизительно такой, какую подразумевал Бабеф».— «Cour des pairs. Rapport fait... par Mérilhou», p. 38.

годы дано в статье академика В. П. Волгина, представляющей введение к опубликованному у нас в СССР сборнику избранных сочинений Огюста Бланки[63].

Остается сказать несколько слов о Дезами. В теоретическом отношении Дезами (тоже член «Общества времен года») стоял значительно выше других участников этой тайной организации. К вопросу о взглядах Дезами в 40-х годах нам еще придется возвращаться. Поскольку же речь идет о периоде, который предшествовал восстанию 12 мая 1839 г., следует, во-первых, отметить недостаточность существующего освещения взглядов Дезами именно до восстания 12 мая 1839 г.; во-вторых, что Дезами ни до, ни после восстания 1839 г. не мог прийти к правильному пониманию классовой природы пролетариата, к пониманию его особой исторической роли. Поэтому Дезами не мог, конечно, создать основы научной теории освободительной борьбы пролетариата.

Подводя итог, можно сказать: по сравнению с началом 30-х годов, когда так называемые рабочие газеты того времени «Журналь дез Уврие», «Ле Пепль», «Л'Артизан» были «боязливы», не могли твердо потребовать легализации стачек и лишь «с умеренностью говорили о политических реформах»[64],— все вышеназванные издания 1838—1839 гг., т. е. органы и брошюры «Общества времен года», представляли большой шаг вперед! В этих изданиях были запечатлены опыт и уроки замечательных восстаний 1831, 1832, 1834 гг. в Лионе и Париже. В новых условиях весьма важное значение имело то обстоятельство, что грамотные, передовые рабочие были не только читателями, но и пропагандистами революционной литературы. Различные свидетельства подтверждают столь противоречащий «концепции» Доллеана факт — приобщение рабочих к политической деятельности! Об этом говорят, например, и мемуары Леонарда, бывшего каменщика[65], и судебная пресса. Еще в начале 1839 г. парижская полиция, производившая обыски у рабочих, находила у них номера «Монитер Репюбликен», революционные брошюры и прокламации с призывами к свержению монархии. По делу о распространении прокламаций были арестованы наборщик Гамбен, сапожник Буден, вязальщик Сен-Бержан, столяр Обертен[66].

Но теоретическое развитие руководителей «Общества времен года», не соответствовало быстро созревавшим и обострявшимся на рубеже 30—40-х годов XIX в. великим задачам идеологического и политического руководства пролетарскими и крестьянскими массами.

---

[63] *В. П. Волгин.* Политические и социальные идеи Бланки (статья в кн.: *Л. О. Бланки.* Избранные произведения. М., стр. 5—59).

[64] *G. Weill.* Les journaux ouvriers à Paris (1830—1870).— «Revue d'histoire moderne et contemporaine», octobre 1907 — février 1908, t. IX—X, p. 91—92.

[65] *M. Nadaud.* Mémoires de Léonard, ancien garçon maçon. Bourganeuf, 1895, p. 107: «Je ne manquai de me procurer chez le libraire Rouanet... les plus révolutionnaires [journaux socialistes et brochures] et d'en faire la lecture à mes élèves».

[66] «Gazette des Tribunaux», 26.V.1839.

Ошибки узкозаговорщической тактики, отсутствие широких связей с трудящимся людом — все это уже давно вошло в перечень важнейших пороков бланкизма. Не останавливаясь более на этой стороне майского выступления бланкистов, мы только подчеркнем значение вопроса о выборе момента восстания. Существовала ли во Франции весной 1839 г. революционная ситуация?

Несомненно, что именно в первые месяцы 1839 г. один из объективных признаков революционной ситуации был налицо: резкое усиление нужды трудящихся масс. 25 марта 1839 г. в дневнике маршала Кастеллана появилась запись: «Величайший застой в делах, рабочие — без работы» [67].

Но наблюдалось ли весной 1839 г. резкое повышение активности рабочего класса?

Как ни рискованно строить обобщения, относящиеся к количественной характеристике стачек (поскольку наши источники не дают исчерпывающего перечня стачек), можно с уверенностью сказать, что восстанию 1839 г. не предшествовала резкая активизация трудящихся масс. Из немногочисленных стачек, возникавших в Париже в первой половине 1839 г., отметим февральскую стачку сталелитейщиков завода в Нейи и особенно мартовскую стачку шляпников.

Судебный процесс по делу о забастовке шляпников широко осветил классовую сущность конфликта между работниками и предпринимателями в парижском шляпном производстве, представлявшем одну из очень важных отраслей капиталистической мануфактуры.

Объединения капиталистов закон не преследовал, и предприниматели в шляпном производстве безнаказанно организовали свою «стачку» [68].

Первые две категории парижских мастеров-шляпников назывались «гранд бурс» и «петит бурс». Члены этих корпораций были связаны обязательством соблюдать установленный (согласованный с предпринимателями) тариф сдельных расценок. Обе корпорации имели в точном смысле слова профессиональную организацию, главной целью которой было оказание материальной помощи работникам, уволенным вследствие конфликта с предпринимателями. Но наряду с «гранд бурс» и «петит бурс» была группа шляпников, именовавшаяся «банднуар» (буквально: «черная банда»), не считавшая обязательным соблюдение установленного тарифа.

Корпорация «гранд бурс» состояла, как видно, из наиболее квалифицированных мастеров, производивших шелковый и фетровый товар; в хороших сортах работала и «петит бурс», но это была корпорация менее опытных мастеров. «Банд нуар» состояла из рабочих, производивших дешевые сорта.

---

[67] «Journal du maréchal de Castellane», t. III. Paris, 1896, p. 189.

[68] По выражению «Gazette des Tribunaux» (5.V.1889). «Une espèce de coalition».

Устав организации шляпников был отпечатан типографским способом. Число членов организации не было ограничено. Каждый ученик, вступая в корпорацию, вносил 50 франков. Пережитки цеховой структуры сохранялись: количество учеников строго ограничивалось.

Заслуживает внимания текст 56-й статьи: «Всякий член Общества, которого уволит босс за отказ от работы по ставкам ниже, чем в тарифе, будет иметь право на получение в течение трех месяцев вспомоществования» (в размере 10 франков в течение первых четырех недель, а в остальное время — по 7 франков).

57-я статья обязывала организовывать стачку каждый раз, когда босс заявит о снижении заработной платы [69].

Оживление в шляпном производстве в Париже наступило в марте 1839 г. И тогда обе корпорации — «гранд бурс» и «петит бурс» — объявили стачку с целью увеличения расценок на 5—10 сантимов [70]. Обязанность участвовать в стачке была распространена тогда и на «банд нуар».

Стачка, начавшаяся 18 марта, была скоро подавлена: она продолжалась около пяти дней. Руководители стачки Эруар и Каррель были приговорены к тюремному заключению (первый — на три, второй — на два месяца). Политический урок забастовки был поучителен: по суду виновной оказалась только одна сторона: рабочие, а не хозяева.

* * *

В хронике движений, происходивших в первой половине 1839 г. вне Парижа, особенно заметное место занимает стачка бочаров Люнеля. Их волнения были вызваны вздорожанием хлебных цен. На сходках бочары разработали новый, более высокий, тариф сдельной платы; он был напечатан и разослан предпринимателям. Получив отрицательный ответ, бочары забастовали. Немедленно вмешалась полиция, в руки которой при обысках попала прокламация:

«Братья и друзья!

Ирам был убит своими хозяевами за то, что потребовал для своих собратьев увеличения заработной платы. Он один стал жертвой,— он подло убит. Так вот, братья... надо отомстить за его смерть.

Вы спросите меня: каким способом? Настоящий способ — устроить забастовку, объединиться узами неразрывной дружбы и посредством наших отчислений способствовать тому, чтобы сделать нас сильными и помогающими друг другу взаимно.

---

[69] Устав допускал исключение только для старых рабочих — 50 лет и старше: им разрешалось отступать от тарифа, работать по сниженным расценкам и, следовательно, не участвовать в «сотаж» (слово «сотаж» было образным наименованием стачки).

[70] «Gazette des Tribunaux», 20.III.1839.

Братья! Нас ненавидят наши хозяева; они хотят держать нас в своих тяжелых лапах и править нами деспотически; мы должны этому противодействовать величием душевной силы и пропорциональными отчислениями, приняв девиз:

Да будет среди нас единство. Деспотам — война»[71].

* * *

Рассказ о восстании 12 мая 1839 г. представлен в общих чертах во многих исторических работах[72], и описание этого события не входит в нашу задачу. Поскольку, однако, нам встретился неопубликованный документ, бросающий свет и на выступление 12 мая 1839 г., здесь уместно его использовать. Речь идет о докладной записке некоего бывшего республиканца, хорошо информированного о деятельности тайных обществ (возможно, члена этих обществ), который стал осведомителем Палена, посла царской России в Париже. Эта записка («мемория») была озаглавлена; «Реорганизация революционной партии в 1837 г.»[73]. Имя автора «мемории» не было указано Паленом.

Вот важнейшие факты, освещаемые этим документом.

В 1837 г. было около 6 тыс. человек, представлявших «обломки» предшествующих, разгромленных полицией тайных обществ, начиная от «Друзей народа» до «Общества семей». В это время, еще до восстания 12 мая 1839 г., был избран «Правящий комитет», численностью в 21 человека. Это и был руководящий центр возникшей тогда новой организации — «Общества времен года», крупнейшими составными секциями которого, как известно, были «годы», с подразделением каждой секции (или, иначе говоря, каждого года) на четыре «сезона» и, далее, на «месяцы», «недели», «дни». Автор цитируемой «мемории» добавлял: если бы эта организация была совершенно полной, ее наличный состав был бы более чем 7000 человек; ...но вследствие постоянных арестов и разногласий, возникавших из-за коммунистов и бабефистов, реальная численность была около 5 тыс.»[74] Пороха, свинца, оружия, добываемого разными путями, не хватало, и члены «Общества» производили эти боевые припасы сами.

Организация готовилась к вооруженному восстанию постепенно. Но вот, в марте 1839 г. (в цитируемой копии, по-видимому, описка — «en Mars 1838»), вожаки «сезонов» явились в руководящий Комитет и заявили, что они более не в силах удерживать своих людей, членов организации: в этих трех секциях было много рабочих и среди них — значительное количество безработных, уволенных с предприятий хозяевами за «беспокойные требования». «Патриотические пожертвования» («les dons patriotiques») были недостаточны для существования наиболее нуждающихся членов «Общества». Опасаясь ухода этих беднейших секционеров, их отпадения от революционной организации, вожаки «сезонов», «вопреки воле Комитета» (подчеркнуто в самом документе) решили попытаться совершить переворот[75].

В это время в Париже стоял «подозрительный» для правительства полк (на полях цитируемого документа добавлено, возможно по указанию Палена, «21-й пехотный полк»); вожаки «Общества времен года» рассчитывали на участие этого полка в восстании[76]. Правительство получило от своей полиции информацию о возможности восстания и стало готовиться «с 30 апреля по 11 мая» к вооруженному отпору[77]. Однако, убедившись, что в городе тихо, правительство успокоилось и отменило все свои подготовительные меры. Руководители «сезонов» и члены секций, не повиновавшиеся Комитету, в тот же день, 11 мая, узнав об этом «разоружении правительственных властей», решились начать восстание, рассчитывая увлечь за собой большинство, и «этот результат был бы достигнут, если бы они [т. е. секции] направили всю колонну на полицейскую префектуру»[78].

Последнее замечание очень характерно: не только участники восстания 12 мая 1839 г., но даже и некоторые представители господствующих классов высказывали ту же мысль, т. е. что восстание все-таки оказалось для правительства неожиданностью и что было немало обстоятельств, благоприятных для инсургентов и крайне опасных для правительства Луи-Филиппа. Таков был смысл комментариев маршала Кастеллана в его дневнике: «Се-

---

[71] «Gazette des Tribunaux», 13.VI.1839. Возможно, под влиянием страха перед рабочими был вынесен смягченный приговор: председатель союза бочаров, он же и автор прокламации, Вижье, был приговорен к месячному тюремному заключению; Рюнель — к 12 дням; Блакисс, Левассер и Жарден, по прозвищу Вольтер — к пяти дням заключения.

[72] См., например, *G. Weill.* Histoire du parti républicain en France. Paris, 1928, p. 132—134.

[73] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 403. Приложение к донесению Палена из Парижа в Петербург от 30 ноября (12 декабря) 1840 г.

[74] Там же, л. 404.

[75] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 405. Вся эта версия, включая и нижеследующее указание, касающееся 21-го пехотного полка, несомненно, заслуживает внимания. Обычно при описании событий 12 мая 1839 г. историки пользовались такими источниками, как доклад члена следственной комиссии Мерилу, мемуары Деляодда, Шепю. Но ни в одном из этих источников, равно как и у Ж. Вейля, мы не находим воспроизводимых здесь основных особенностей данной версии.— См., например, *L. De la Hodde.* Histoire des sociétés secrètes. Bruxelles, 1850, p. 186. Отмечая, что в «Обществе» были «нетерпеливые» члены, стремившиеся еще в 1838 г. начать восстание, Деляодд не объяснял причин этой «нетерпеливости».— См. также «Cour des pairs. Rapport fait... par Mérilhou», p. 48.

[76] Мерилу и Деляодд касались вопроса о Парижском гарнизоне, но оба они, умалчивая о надеждах повстанцев на 21-й полк, давали совсем иную версию: они отмечали, что состав гарнизона обновлялся в эти майские дни и что поэтому-то заговорщики и перенесли начало восстания на 12 мая, рассчитывая на незнакомство новых воинских частей с топографией Парижа и на временную «неслаженность» единого командования.— *L. De la Hodde.* Op. cit., p. 204; «Cour des pairs. Rapport fait... par Mérilhou», p. 54—55.

[77] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 406.

[78] Там же.

годня, в три часа пополудни, в момент, когда этого менее всего ждали, вспыхнул мятеж... Говорят, что национальная гвардия будто бы проявила большое рвение; напротив, масса [национальных гвардейцев] была глуха к [мобилизующему] грохоту барабанов; и в ротах не насчитывалось даже по 10 человек» [79].

Как известно, восстанию предшествовал длительный министерский кризис, и только 13 мая официальный орган «Монитер» опубликовал королевский ордонанс о сформировании нового кабинета [80].

Но министерский кризис — это еще не «кризис верхов», и, после всего сказанного выше о сравнительной пассивности пролетариата в мае 1839 г. как в Париже, так и вне Парижа, не приходится сомневаться в том, что восстание в данное время не могло быть успешным.

Однако и неудавшееся восстание имело значительные результаты.

По всей Франции и далеко за ее пределами прогремела весть о смелом республиканском выступлении и, несомненно, многие тысячи передовых людей повторяли боевые слова революционной прокламации: «Восстань, народ, и твои враги будут сметены, как пыль ураганом» [81]. Вопреки воле правительства революционизирующее значение имела и судебная информация, огласившая социальное положение арестованных. Рабочие составляли подавляющее большинство [82].

Главное же значение восстания 12 мая 1839 г. заключалось в его политических уроках. Можно буквально повторить замечание автора цитируемой информационной записки: «Однако из этого факта последовал большой урок (enseignement) для демократии»; она поняла, что напрасно будет «проливать кровь своих самых энергичных людей, если она не сумеет создать партию в национальной гвардии и быть в ней представленной своими же людьми» [83].

---

[79] «Journal du maréchal de Castellane», t. III, p. 194—195.

[80] Сульт — председатель совета министров, Тьер — хранитель печати, Дюшатель — министр внутренних дел. Кюнен-Гриден — министр торговли и промышленности и т. д. Министерское «междуцарствие» продолжалось 65 дней, с 8 марта по 12 мая 1839 г.

[81] Полный текст прокламации воспроизводился членом следственной комиссии Мерилу в его опубликованном докладе.— «Cour des pairs. Rapport fait... par Mérilhou», p. 52—53.

[82] Доклад Мерилу по делу 12 мая 1839 г. был опубликован в «Монитер» 15 июня 1839 г. Среди обвиняемых по делу о восстании 12 мая были: Нугес, печатник; Боннэ, гравер; Рудиль, зонтичник; Гильбер, кожевенник; Дельсад и Лемьер, токари; Миалон, землекоп; поляк (?) Остен, сапожник; Филиппэ, рабочий канатной мануфактуры; Вальш, столяр; Дюга, столяр-механик; Ле Барзиг, истопник при фабрике; Мартен, рабочий картонной фабрики; Маресколь, декоратор; Пьернэ, туфельщик; Грегуар, мастер соломенно-плетеных изделий.— «Rapport fait... par Mérilhou», p. 80, 84, 87, 89, 91, 95, 101, 109.

[83] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, лл. 407—408 («par ses propres membres), т. е. именно членами революционной организации.

Мы вернемся ниже к вопросу о том, каковы же были результаты новой тактики революционеров-демократов (особенно, например, в 1840 г., во время беспрецедентной по своему размаху стачечной борьбы).

Снова обращаясь к рабочим выступлениям, отметим, что неудача восстания 12 мая 1839 г. не сломила воли пролетарского авангарда к вооруженной борьбе.

Характерно, что вскоре же после восстания, в июне 1839 г., полиции случайно удалось захватить пушку, скрыто перемещавшуюся из одного квартала Парижа в другой. Это оружие, диаметром в 6 дюймов и длиною в 2 фута, было сделано (разумеется, тайно) самими рабочими-революционерами. Артиллерийские офицеры так резюмировали свою экспертизу: работа грубая, но орудие может быть использовано, без разрыва, для 50 выстрелов [84].

Случаи непосредственного «прикосновения» трудящегося люда к политике представляла, например, и сходка рабочих, парижской бедноты, на площади Мобер, где в один из сентябрьских дней 1839 г. появилась прокламация с угрозами королю [85].

Заслуживает внимания и такой факт: у парижских плотников вплоть до 1839 г. не было серьезных внутренних разногласий по вопросу об отношении их «Общества взаимной помощи» к политической борьбе. «Общество» как таковое не ставило перед собой политических задач; по данным «Газетт де Трибюно», собрания членов этой организации были мирными, а ее решения — единодушными. Но как раз в описываемые времена стала формироваться небольшая группа сторонников Малетта и Госгана, членов «Общества взаимной помощи», бывших в свое время членами «Общества прав человека». Эта группировка потребовала таких изменений в уставе своей профессиональной организации, которые позволили бы вовлечь всех ее членов в политическую борьбу [86].

В собственно стачечной борьбе после бланкистского восстания в том же, 1839 г. особенно выделяется общая сентябрьская забастовка фабричных бумагопрядильщиков в Лилле. Стачка была подготовлена тайной забастовочной организацией, возникшей именно осенью 1839 г. Целью организации было сплочение лиллских бумагопрядильщиков для одновременного выступления и для материальной помощи всем, кто будет арестован или уволен с фабрик после стачки [87].

Стачка охватила первоначально не все предприятия, и рабочие не одновременно примкнули к забастовке. Тогда произошли вторжения стачечников на те фабрики, где работа продолжалась. Это был «казус белли» для лиллской буржуазии: ее организованная сила — национальная гвардия — взялась за оружие «с жи-

---

[84] «Gazette des Tribunaux», 12.VI.1839.

[85] «Gazette des Tribunaux», 20.IX.1839.

[86] «Gazette des Tribunaux», 13—14.VII.1840.

[87] «Gazette des Tribunaux», 16.X.1839.

вейшей готовностью»[88]. Во всех направлениях двинулись патрули. Тем не менее вечером 19 сентября множество рабочих собралось на самой большой городской площади. По адресу национальных гвардейцев раздавались враждебные возгласы. При свете факелов мэр огласил известное постановление о запрещении «шумных сборищ», после чего были сделаны три «предупреждения». И хотя народ стал расходиться, несколько человек были арестованы по обвинению в том, что они бросали камнями в национальных гвардейцев. Лилльская буржуазия в ту же ночь организовала сильный отряд гражданской милиции, расположившийся бивуаком у городской ратуши. Регулярные воинские части несли патрульную службу. С 5 часов утра следующего дня национальная гвардия появилась у ворот фабричных зданий, чтобы охранять рабочих-штрейкбрехеров. Причиной стачки была, как сообщала газета «Эко дю Нор», угроза снижения заработной платы. К 21 сентября были арестованы 23 наиболее активных организатора забастовки, и через два дня это движение было подавлено[89].

Информация, появившаяся во время судебного процесса по делу об этой стачке, внесла немало уточнений и дополнений. Волнения лилльских прядильщиков начались 16 сентября. Стачечники имели свою профессиональную организацию, возникшую за два месяца до суда, т. е. незадолго до стачки. Заработная плата была действительно снижена. Стачка охватила, по словам прокурора, «почти все прядильни города». Организатором стачки считался Кодрон. Будто бы именно он собрал наиболее активных прядильщиков в кабачке Парси на улице Гэ Комеди, где и принято было постановление об организации профессиональной кассы, в которую рабочие всех лилльских прядильных фабрик должны были вносить еженедельно по 25 сантимов. Выступавший на суде полицейский комиссар сообщил, что еще в августе была прекращена работа у трех фабрикантов и что причиной этой забастовки было снижение заработной платы.

Из других показаний явствует, что старшины прядильщиков назывались фабричными старостами (дуайэн) и что были на предприятиях еще и помощники старост (су-дуайэн). Организация в целом возглавлялась старостой старост (дуайэн де дуайэн)[90]. В качестве «старосты старост» к суду был привлечен Терри, личность подозрительная. В списке рабочих, приговоренных к различным срокам заключения, имя Терри отсутствует, и он выступал на суде как свидетель.

По решению суда Луи Оноре Кодрон был приговорен к тюремному заключению на 20 дней; прочие — к еще более коротким срокам (от 3 до 8 дней); но, кроме того, со всех обвиняемых суд взыскал судебные издержки. Парси был оштрафован на 50 франков.

---

[88] «Gazette des Tribunaux», 23—24.IX.1839. Chronique. Lille, 21 septembre.
[89] «Gazette des Tribunaux», 26.IX.1839.
[90] «Gazette des Tribunaux», 16.X.1839. Tribunal correctionnel de Lille.

5

Особенности условий стачечной борьбы в 40-е годы XIX века

В соответствии с экономическим развитием Франции число профессий, представленных в хронике забастовочного движения 1840—1847 гг., разумеется, увеличилось, по сравнению с рассмотренным выше четырехлетием. Картина забастовочной борьбы в 40-е годы отличается еще и тем, что абсолютно и относительно увеличивалась значительность тех забастовок, участниками которых были рабочие, занятые на фабриках или в частично механизированных мануфактурах. Однако из этого не следует, что и активность фабричных рабочих была выше активности ремесленных и мануфактурных рабочих. В свете материалов, представленных в предшествующих главах, понятны причины общей активизации полупролетарских и пролетарских масс в данный период, когда пауперизация достигла небывалой широты.

Но, разумеется, современникам, тогдашним политическим деятелям, демократам и республиканцам различных оттенков, не было необходимости изучать архивные документы, чтобы убедиться в росте экономических затруднений и ухудшении условий жизни народных масс: ежедневная столичная пресса извещала и об «ужасных» банкротствах (февраль 1840 г.)[91], и о безработице, и о многочисленных продовольственных волнениях, и о начавшихся вдруг в разных частях Франции больших пожарах, часть которых, несомненно, возникла в результате поджогов лесов и ферм[92]. Освещала столичная пресса и тот знаменательный факт, что движение в пользу избирательной реформы, начиная с последних месяцев 1839 г., охватывало все более и более обширную территорию Франции. Так, например, в феврале 1840 г., в том месяце, когда в дневнике Кастеллана появилась запись: «среди рабочих большое волнение; боятся мятежа, если министерский кризис продлится»[93],— сторонники избирательной реформы успешно выступали в департаментах Лозер, Нижние Альпы, Па-де-Кале, Жер[94]. Центральный комитет «реформистов» (так сами современники называли сторонников реформы) существовал уже в течение нескольких месяцев; о его возникновении «Насиональ» известил 3 октября

---

[91] «La Gazette de France», 14.II.1840.
[92] «Le Moniteur universel», 25.III.1840, воспроизводил информацию «L'Orléanais» от 22 марта о пожаре Орлеанского леса, загоревшегося в трех местах; в том же номере «Монитер»— о колоссальном пожаре в копях Коммантри. «Ла Газзет де Франс» 4 мая 1840 г. сообщала, со ссылками на местную прессу, о пожарах в предместье г. Арассо, в Тортекени (департамент Нор, 1840), о трех пожарах, вспыхнувших в трех местах в Руанском районе; та же газета 10 мая извещала о поджогах ферм и лесов в департаменте Эр-и-Луар и т. д.
[93] «Journal du maréchal de Castellane», t. III, p. 211.
[94] «La Gazette de France», 20.II.1840.

1839 г.[95] Тогда, в начальные времена борьбы за реформу, этот комитет возглавлялся представителями либерально-монархических и умеренно-республиканских кругов буржуазии (Лаффитт, Дюпон, Араго, Мартэн).

В условиях наступившего в 1840 г. резкого обострения классовых противоречий и должен был найти свое решение важный вопрос: сумеют ли какие-либо представители буржуазии, начиная от либералов и кончая левыми, мелкобуржуазными республиканцами, сохранить руководящую роль и довести борьбу за реформу до победного конца.

Мы вернемся к этому вопросу после того, как будет освещена стачечная борьба, происходившая в провинции и в Париже в 1840 г.

6

Стачки в провинциальных городах в первой половине 1840 года

Стачка углекопов в Рив-де-Жье, лишь бегло упомянутая и неправильно отнесенная Доллеаном хронологически на третье место, произошла не позже, а почти двумя месяцами раньше забастовки лилльбоннских плотников и кровельщиков.

15 февраля 1840 г. «Компани Женераль», акционерное общество, владевшее частью копей в этом бассейне, заявило шахтерам о своем решении снизить их заработную плату[96]. Через два дня, 17 февраля, шахтеры «Компани Женераль» забастовали[97]. Около 150 рабочих-забастовщиков направилось к мэру с просьбой защитить их интересы, но мэр ответил, что закон воспрещает ему вмешиваться в такие дела. 19 февраля прекратили работу и шахтеры другой акционерной компании — «Компани де Л'Юнион». 23 февраля 1840 г. сохранялось «все то же упорство со стороны владельцев копей в их желании убавить заработную плату с 2 франков 50 сантимов до 2 франков 25 сантимов. Все той же была и позиция рабочих... полагают, что ныне бастуют в городе и окрестностях от 1000 до 1100 человек»[98]. Через неделю после начала забастовок, 24 февраля, в борьбу вступила новая фаланга стачечников: забастовали рабочие шахты Кузон.

Во всем районе, за исключением шахты «Гранд Круа», работы в копях остановились. Владельцы «Гранд Круа» не снижали расценок. Однако 25 февраля забастовщики потребовали, чтобы и шахтеры «Гранд Круа» прекратили работу. Местные власти тотчас же вызвали в Рив-де-Жье батальон 56-го полка и 100 кавалеристов 4-го егерского полка, стоявших в Лионе. Префект лично прибыл в район забастовки. Были произведены аресты, но рабочие, сохраняя спокойствие, продолжали бастовать. Прибывшие в Рив-де-Жье солдаты сочувствовали шахтерам: они дружески (amicalement) прогуливались с ними.

Корреспонденция, датированная 8 марта, гласила, что углекопы — инициаторы стачки, т. е. рабочие шахт «Компани Женераль», а также «Юнион» и «Кузон», все еще бастовали[99]. И только через месяц после начала стачки появилось извещение: «Работы в Рив-де-Жье повсюду возобновились»[100].

Организаторы стачки — 22 человека — были преданы суду Сент-Этьеннского трибунала. Своекорыстие акционеров «Компани Женераль» было разоблачено на суде: директор копей попытался оправдать снижение расценок падением цен на уголь; свидетель Тейар опроверг это показание, а директор копей «Компани де Пик-Пьер» Боннар, тоже неподкупный свидетель, на вопрос председателя суда, было ли необходимо снижение расценок, твердо ответил: «Нет, сударь»[101].

6 апреля 1840 г. в маленьком городе Лилльбонне (департамент Нижняя Сена) была организована стачка 240 плотников[102]. Они протестовали против уменьшения заработной платы и требовали снижения хлебных цен. Примеру плотников последовали кровельщики[103]. Пресса уже извещала об ожидающемся прекращении волнений плотников; однако еще и 15 апреля, через 10 дней после начала забастовки, «рабочие-плотники... не возобновили своей работы»[104]. Примкнули к лилльбоннским стачечникам частично и те плотники, которые были заняты на строительстве канала Вобана[105]. Около 300 рабочих собралось на холме над Лилльбонном. Рабочие намеревались принудить торговцев продавать хлеб по более дешевой цене; местные власти, национальная гвардия и жандармерия вооруженной силой приостановили разраставшиеся волнения.

В апреле 1840 г. наряду с портовыми рабочими бастовали и плотники — факт, заслуживающий внимания как показатель солидарности с плотниками Лилльбонна. Аресты плотников — участников гаврской забастовки — были произведены не только в са-

---

[95] *A. Gourvitch.* Le mouvement pour la réforme électorale (1838—1841).— «La Révolution de 1848», mai — juin 1914, № 62, p. 101.

[96] Снижение проводилось в зависимости от вида выполняемой работы, в пределах от 5 до 15 сантимов; по данным «Газетт де Трибюно», снижение было произведено так: «15 centimes par jour pour les piquerus, 10 centimes pour les boiseurs et les traîneurs, 5 centimes pour les toucheurs».

[97] «Gazette des Tribunaux», 5.III.1840. Chronique. Saint-Etienne, 24 février.

[98] «La Gazette de France», 27.II.1840. Перепечатка сообщений, появившихся в местной прессе.

[99] «Gazette des Tribunaux», 12.III.1840. Chronique. Saint-Etienne, 8 mars.

[100] «Gazette des Tribunaux», 18.III.1840.

[101] «Gazette des Tribunaux», 22.III. 1840; Tribunal correctionnel de Saint-Etienne. Audience du 16 mars.

[102] «Gazette des Tribunaux», 11.IV.1840.

[103] Факт, не отмеченный Доллеаном.

[104] «La Gazette de France», 18.IV.1840. Корреспонденция из Лилльбонна от 15 апреля.

[105] Ibidem. 18.IV. 1840.

мом Гавре, но и в промышленном предместье Гавра, и в поселке Санвик, в 3 километрах от Гавра [106].

Вопиющая недостаточность данной Доллеаном трехстрочной характеристики внепарижских забастовок весной 1840 г. выступит еще резче, если мы обратим внимание на то, что кроме стачки в Рив-де-Жье, в другом районе Франции — в департаменте Ньевр — произошло еще одно и гораздо более мощное выступление,— «страшное восстание», по выражению «Газетт де Трибюно». Это не упомянутое Доллеаном выступление шахтеров началось с забастовки и было близко к победе.

Департамент Ньевр — район лесов, металлургических заводов, каменноугольных копей. Одним из каменноугольных центров был древний городок Десиз, возникший на острове в русле Луары. Недалеко от Десиза были и другие шахты. Это были копи, расположенные в селениях Ля-Машин и Сен-Леже-де-Винь.

Стачка началась вечером 11 мая в Ля-Машин [107]. Шахтеры добивались отмены только что принятого подряда, приводившего к снижению их сдельных расценок. Одновременно шахтеры потребовали снижения хлебных цен. Объявив забастовку, они разгромили дом дурно обращавшегося с рабочими надзирателя («контролера») копей. Досталось и самому надзирателю. В Невере, главном городе департамента Ньевр, никто не знал, что шахтеры Ля-Машин и Ла-Шарбонери решили объединиться с углекопами г. Десиз, и когда в Ла-Шарбонери утром 12 мая прибыли для подавления стачки три десятка драгун во главе со следователем и прокурором, то всех этих карателей поразила «зловещая тишина» и безлюдье: оказалось, что все рабочие копей Ля-Машин и Ла-Шарбонери вместе с семьями ушли, вооружившись дубинами и топорами, в Десиз. Мэр Десиза, видя, что город наводнен «многими тысячами» взбунтовавшихся рабочих, тотчас выполнил требования шахтеров: издал приказ о снижении хлебных цен на 2 лиарда. Одновременно управляющий копями отменил подряд, снижавший заработную плату шахтеров, и обязался снабжать их хлебом из расчета по 3 франка за меру, стоившую на рынке 5 франков. Но вскоре в район восстания прибыла та «внушительная сила» [108], на отсутствие которой в департаменте Ньевр жаловалась местная буржуазная пресса [109]. В обстановке военной оккупации рабочие не смогли удержать завоеванные уступки.

Заметим в заключение, что комментарии местной буржуазной прессы представляют интерес еще и в том отношении, что бунт в районе Ля-Машин — Десиз вместе с другим, более ранним выступлением сплавщиков леса в Кламси были откровенно названы «столкновениями между властью и народом» [110].

[106] «Gazette des Tribunaux», 19.IV.1840. Корреспонденция из Гавра от 17 апреля.
[107] «Gazette des Tribunaux», 17.V.1840. Корреспонденция из Невера от 14 мая
[108] «Gazette des Tribunaux», 22.V.1840.
[109] «Gazette des Tribunaux», 17.V.1840.
[110] Ibidem. Перепечатка из «L'Echo de la Nièvre».

По делу о бунте в районе Ля-Машин — Десиз было арестовано более 20 человек мужчин и женщин. Один из арестованных рабочих был приговорен к шестилетнему тюремному заключению, трое других — к двум и трем годам тюрьмы [111].

7

Забастовочное движение в 1840 году в Париже

Историю бурной стачечной борьбы, происходившей в 1840 г. в Париже, необходимо разделить, на наш взгляд, на три этапа:

1) забастовочное движение до сентябрьских баррикад;
2) попытка восстания в Париже 7 сентября 1840 г.;
3) стачки в последние месяцы 1840 г.

Как отмечалось выше, забастовочная борьба в Париже в 1840 г. привлекала внимание французских историков, особенно Октава Фести. Но и после исследования Фести можно повторить его слова, выражавшие итог предшествующего изучения событий 1840 г.: «Впрочем этот сюжет далеко не исчерпан» [112].

Историки, освещавшие парижские стачки 1840 г., правильно отмечали дороговизну продовольственных товаров, недостаточность заработной платы и депрессивное состояние промышленности. Фести писал: «Это положение продолжало сохраняться в течение первых месяцев 1840 г., вызывая различные волнения» [113].

Однако эти «различные волнения», поскольку дело касается провинции, как раз и не анализировалось Фести и Доллеаном. О положении в столице Франции Фести писал: «В Париже первые месяцы проходят без рабочих волнений, ибо нельзя придавать значение стачке, организованной в мае булочниками, изготовлявшими лионские хлебцы» [114]. Также и с этим мнением Фести трудно согласиться.

По делу о стачке булочников были арестованы не только рабочие (восемь человек), но и виноторговец Годар, предоставивший организаторам забастовки (так называемым провансальским булочникам) [115] свое торговое помещение. Мы убедимся далее, что поддержка стачечников со стороны различных

[111] «Gazette des Tribunaux», 27—28.VII.1840.
[112] *O. Festy.* Le mouvement ouvrier à Paris en 1840.— «Revue des sciences politiques», juillet — août 1913. Из «литературы вопроса». Фести упомянул, если не считать Деляодда, только труд *E. Regnault.* Histoire de huit ans, почему-то вовсе не цитируя книги Фурньера; источниками Фести были преимущественно парижские газеты.
[113] *O. Festy.* Op. cit.— «Revue des sciences politiques», juillet — août 1913, p. 67.
[114] Ibidem.
[115] «Провансальцами» назывались булочники — специалисты в производстве провансальских хлебцев (у Фести они названы «лионскими»).

элементов мелкой буржуазии была в рассматриваемое время — в 40-е годы — весьма важным и храктерным явлением. Только трое из восьми арестованных были освобождены: Фонрие, Флотт и Фавр были приговорены к двухмесячному тюремному заключению; Мерье и Фотрие Антуан — каждый к 15 дням заключения.

Бесспорно, после стачки «провансальцев» — первой, заслуживающей особенно пристального внимания, была забастовка портных. Фести уже отметил две важные особенности этого движения:

1) забастовка портных получила наиболее широкое освещение в прессе, причем и рабочие и хозяева имели в различных органах парижской прессы своих защитников;

2) именно рабочие-портные уже тогда выступали как убежденные сторонники республиканских взглядов, как политические враги финансовой олигархии, монархии Луи-Филиппа.

Следует добавить и третью, на наш взгляд, важнейшую особенность. Как раз во время забастовки портных локальный и частичный конфликт между рабочими и предпринимателями в одной профессии превратился в движение большого социального и политического значения, в движение, которое стали поддерживать:

1) французские рабочие той же профессии, но жившие в других городах Франции;

2) иностранные портные, рабочие Лондона;

3) парижские рабочие других профессий.

Последний пункт — поддержку портных рабочими других профессий — не следовало бы, как это принято в буржуазной историографии, сводить лишь к денежным вспомоществованиям, которые делались, например, парижскими печатниками. Почти все массовое движение, развернувшееся в Париже в июле — августе 1840 г., представляет в значительной мере солидаризацию с борьбой портных или же выступления, развитие которых протекало под знаком влияния забастовочной борьбы портных.

Ведь вплоть до июня 1840 г. конфликты между рабочими-портными и их хозяевами (на почве борьбы за увеличение заработной платы, за сокращение продолжительности рабочего дня и за упразднение практики «подрядов») не выходили из обычных рамок, не отличались от более ранних стачечных выступлений и напоминали те черты движения лионских ткачей, которыми оно характеризовалось до их восстания в 1831 г.

Парижский префект разрешал рабочим-портным устраивать свои многолюдные собрания-сходки в 3 тыс. человек, как это бывало и в Лионе, для избрания делегатов, которым предстояло встретиться с делегатами предпринимателей с целью разрешения возникавших конфликтов посредством арбитража, мирным путем. Но, как и в Лионе, своекорыстие предпринимателей, их готовность противодействовать рабочим не только экономическими, но и политическими средствами придали борьбе портных и другим выступлениям новые черты, небывалую силу и широту. Именно в июне 1840 г. все парижские предприниматели-портные, состоявшие и не состоявшие в корпорации хозяев, решили поработить рабочих-портных посредством пресловутой «рабочей книжки» (livrets). Начиная с 1 июля 1840 г. все портные, по согласованному решению хозяев, должны были иметь эти «книжки».

Еще Фурньер, рассказывая о стачках 1840 г., отметил двойственную роль «рабочей книжки»: 1) как орудия в руках предпринимателей; 2) как средства в руках «политической полиции» (по выражению Фурньера).

Заметим же, что до середины 1840 г. не только портные, но и многие рабочие других профессий фактически еще не имели «книжек». И как раз в рассматриваемое время в парижских газетах появилось сообщение, что Кассационный суд не признал виновности некоего предпринимателя, не пожелавшего вручать своим рабочим «книжки», о которых идет речь.

Ясно, что в этих условиях вопрос о «рабочих книжках» как вопрос о применении могущественного средства двойного экономического и политического порабощения пролетариата приобретал особенно важное и именно всеобщее значение (т. е. не только для портных, но и для других рабочих).

Фести высказывал удивление по поводу внезапностей этой, действительно почти всеобщей стачки парижских рабочих. Но оба явления — и массовость, и внезапность — будут вполне понятны, если мы обратим внимание на следующие факты:

1. Подобно предпринимателям-портным, многие хозяева в других отраслях, особенно в строительном деле, в условиях возросшей дороговизны прибегли к аналогичным средствам усиленной эксплуатации: к удлинению рабочего дня без оплаты «дополнительных часов», к грабительской системе, при которой «контрметр» или «ташерон» (т. е. подрядчик) брал «за свой страх и риск» выполнение в точно назначенный срок соответствующих заказов, строительных или иных работ [116].

2. Подобно предпринимателям-портным, многие другие парижские промышленники одновременно или почти одновременно, летом 1840 г., активизировались в совместной, заранее согласованной борьбе против справедливых и жизненно важных требований рабочих.

---

[116] Обычай, выгодный для предпринимателей (как поясняла «Gazette des Tribunaux», 28.VIII.1840) в том отношении, что он облегчал «бремя их ответственности», выгодный и для подрядчиков, «которые либо потому, что они оплачивали своих рабочих по ставкам менее высоким, либо потому, что они, эти подрядчики, выполняли взятые по подряду работы с меньшим количеством рабочих или в более короткий срок, чем тот, который был предусмотрен (по условиям подряда).

3. Подобно предпринимателям-портным, многие другие парижские промышленники использовали в своей борьбе против рабочих орудие политической власти: парижскую префектуру!

Разумеется, высказанные обобщения должны быть подтверждены фактами. Вернемся же к прерванному изложению событий: мы остановились у порога всеобщей стачки. Повторим, что в июне 1840 г. все парижские предприниматели-портные объединились и приняли решение о введении «рабочих книжек» с 1 июля.

8

Дело у заставы Мэн

Как уже было сказано, префект первоначально разрешал портным массовые сходки для избрания делегатов. Но в июне тактика префекта «вдруг» изменилась: в момент, когда, следуя примеру портных, множество парижских столяров собралось у заставы Мэн, появились отряды муниципальной гвардии и они грубо разогнали участников сходки. А делегаты, избранные на сходке, были задержаны в префектуре.

Фурньер, отметивший вслед за Реньо этот важный факт — столкновение у заставы Мэн, вряд ли ошибался в предположении, что Тьер и тут сыграл свою подлую роль, оказав влияние на префекта. Тактика насилия и коварства, примененная префектом, только ожесточила стачечников, «вывела их на улицу»; рабочие-столяры стали собираться самочинно в различных кварталах, вступая в контакт с пролетариями различных других профессий, бастовавшими или только обсуждавшими вопрос о массовой забастовке. Заметим, что в июне 1840 г. произошла и стачка рабочих, изготовлявших бумажные обои. Поводом к стачке, по данным прессы, было введение фабрикантом Севестом новой печатной машины, уже применявшейся в г. Мюлузе. Сообщения прессы о значении этой машины противоречивы [117]. Но каков бы ни был истинный повод к началу стачки, главное значение имел тот факт (кстати сказать, отмеченный Фести) [118], что Севест использовал «рабочие книжки» в качестве средства полицейской расправы.

Вот как это произошло: рабочие Севеста в борьбе за сохранение (или, возможно, повышение) заработной платы заявили протест против применения новой машины; Севест пригрозил уволить недовольных; тогда все рабочие забастовали и потребовали у Севеста свои «книжки»; но Севест передал «книжки» в полицию. Множество рабочих было арестовано по этому делу.

[117] По данным «Gazette des Tribunaux», особенность новой машины заключалась не в сокращении требующейся рабочей силы, а в том, что она производила товары лучшего качества.

[118] *O. Festy.* Op. cit.— «Revue des sciences politiques», juillet — août 1913, p. 70.

Полицейские репрессии возбудили крайнее ожесточение, и часть арестованных была вскоре освобождена. Все же большая группа «зачинщиков» — 14 человек — была предана суду.

Между тем забастовка портных продолжалась. Портные-стачечники организовали «коммунальную кухню». 22 июля делегаты рабочих-портных должны были встретиться с представителями предпринимателей; но, как писал Фести, «неизвестно почему» делегаты не вступили в контакт с хозяевами. «Неизвестно почему»! Фести тут «позабыл», что поворот в тактике предпринимателей уже произошел, что «книжка», полиция и муниципальная гвардия уже были пущены в ход! Ниже сам Фести отмечал то обстоятельство, что руководители стачки портных «Тронсен, Сюиро и еще один (et un autre) [119] были арестованы 5 августа и что вскоре, 19 августа, были арестованы еще трое портных — участников арбитражного совещания, которое все же удалось организовать. Стачка портных, писал Фести, заканчивалась. Но когда же? Из судебного процесса, по данным «Газетт де Трибюно», явствует, что забастовочное движение портных не закончилось полностью еще и в начале сентября, когда в зале исправительного трибунала слушалось дело об июльской стачечной борьбе и когда организаторы стачки портных Арман Коллен и Дени Фортен были приговорены к двум годам тюремного заключения. Добавим, что тогда же, в начале сентября, по делу о другой стачке портных обвинялись рабочие Жоливе и Белоне, приговоренные: первый — к трем годам тюрьмы, второй — к двухгодичному заключению.

Июнь, июль и август — период не единовременного, а, к несчастью для рабочих, «цепного» включения различных отраслей труда в забастовочную борьбу. Такая форма движения наиболее соответствовала интересам буржуазии и органов ее власти, которые постепенно обезглавливали парижский пролетариат, поочередно подвергая аресту всех организаторов стачек.

Сапожники забастовали, по данным Фести, «к середине июля» [120].

В августе, несмотря на явно возраставшие репрессии и провокации, забастовочное движение в Париже усилилось: в борьбу вступили многие тысячи рабочих, занятых в различных отраслях строительного дела.

Первое значительное выступление каменотесов Фести относил к 7 августа, когда рабочие представили в министерство общественных работ свою петицию, в которой они заявляли протест против системы подрядов, жаловались на недостаточность заработков, вздорожание рабочих инструментов и ограничен-

[119] Никаких других организаторов стачки портных Фести, как это ни удивительно, не называл.

[120] Фести принимает версию о скором окончании этой стачки, ссылаясь на мало убедительную информацию газеты «Национаь» от 3 августа 1840 г.

ность периода своих работ в течение года (в связи с климатическими условиями различных сезонов). Петицию подписали 500 человек. Но это был только первый шаг; через 11 дней каменотесы устроили разрешенную полицией сходку, на которой было принято решение требовать немедленной ликвидации несправедливой практики подрядов и ограничения рабочего дня (сроками с 6 часов утра до 6 часов вечера летом и с 7 часов утра до 5 часов вечера зимой). На этой сходке были избраны 30 делегатов. Они были арестованы на следующий же день[121]. Тогда, по команде центральной организации подмастерьев («Юнион де травайер дю Тур де Франс»), стачка охватила все отрасли строительного дела.

«Вчера утром,— читаем мы в парижской хронике, датированной 26 августа 1840 г., 500 или 600 рабочих, столяров и плотников, собрались в Кло-Сен-Лазар»[122]. Восемь делегатов были избраны на этой сходке; делегаты должны были отправиться к префекту полиции и изложить ему требования, сводившиеся к отмене грабительской практики посредничества, к сокращению рабочего дня, оплате сверхурочных часов. К вечеру участники сходки должны были снова собраться в том же месте, чтобы встретить своих делегатов и узнать об ответе префекта. Но в то время, когда делегаты нарочно задерживались префектом, на площади Кадэ уже произошло столкновение с полицейским комиссаром, пытавшимся разогнать сходку. Комиссар был сбит с ног. С появлением отрядов полиции и муниципальной гвардии многие рабочие были арестованы. Все это не помешало рабочим еще раз собраться, как было условлено, в Кло-Сен-Лазар в 4 часа дня для встречи делегатов. Но на этот раз сюда пришли уже не 600, а около 1500 рабочих. Лишь по прибытии сильных отрядов полиции и муниципальной гвардии рабочие под угрозой обстрела очистили площадь. Многие рабочие были арестованы, но стачка не прекратилась.

В конце августа — начале сентября забастовочное движение еще более расширилось. Сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы требовали и другие забастовщики: гвоздильщики, шорники, вязальщики, слесари каретных мануфактур. Подчеркнем, что и в этой пестрой массе стачечников повторялось требование упразднения подрядов. 29 августа многолюдная сходка рабочих различных профессий была организована в районе Монпарнаса.

По делу о стачке столяров были привлечены и осуждены в начале сентября 1840 г. организаторы стачки — Делан, Шардено, Лион, Кудрэ. Жандарм, арестовавший этих рабочих, утверждал, что один из организаторов стачки, стоя на улице, обращался к собравшейся вокруг него толпе трудящегося люда и читал «регламент», в котором столяры заявляли адресованный к предпринимателям протест против «монополии посредничества». Суровым репрессиям были подвергнуты арестованные столяры: Шардено был приговорен к трем годам, Лион и Кудрэ к двум годам и Делан к трем месяцам тюремного заключения.

2 сентября 1840 г. широко развернулась стачка слесарей. Около 2 тыс. рабочих — участников стачки — окружило машиностроительный завод, принадлежавший некоему Пиэ, на авеню Пармантье. На этом заводе было около 500 рабочих. Им предложено было примкнуть к забастовке. Отметим, что и тут причиной забастовки была борьба за отмену посредничества и за сокращение рабочего дня (на два часа). Полицейские сержанты, прибывшие на завод Пиэ, подверглись избиению, и одного из них смертельно ранили. По прибытии более сильных полицейских частей 22 стачечника были арестованы. Организацию слесарей возглавляли Пеллетье — «председатель рабочих», Дюплесси — вице-председатель, Коллен — секретарь. Пеллетье и Коллен были приговорены к трем годам тюремного заключения, Дюплесси — к двум годам тюрьмы[123].

С первых чисел сентября началась и продолжалась приблизительно в течение недели стачка парижских хлопкопрядильщиков, работавших у фабрикантов Ришара, Гриоллэ, Пети, Конье и др. По словам Ришара, рабочих, не желавших участвовать в забастовке, избивали. Забастовка прядильщиков продолжалась еще и 8 сентября. «Все наши работы остановились», говорил на заседании Парижского исправительного трибунала 8 сентября 1840 г. фабрикант Ришар. «В настоящее время,— добавлял он,— 2 тыс. женщин, жен арестованных или бастующих рабочих, приходят к нам и требуют хлеба».

По показаниям Пети и Гриоллэ, эта забастовка прядильщиков, вызвавшая массовые сходки на территории Фобур-Сен-Антуан, началась прежде всего на предприятии Пети. По этому делу были арестованы прядильщики Луи Мартел, Мишель Магоннэ, Жан Лаплас, Губен, Альбен, Буллье, Шарль Делонэ, Виктор Лабержэ, Анти Брако; каждый был приговорен к месячному тюремному заключению.

Напряженность массового движения в Париже в начале сентября характеризуют и другие сведения о стачечной борьбе в это время. К началу сентября относятся стачки переплетчиков, булочников, кожевников, мраморщиков, землекопов, золотарей. В парижской хронике «Газетт де Трибюно», датированной 4 сен-

[121] Фурьер правильно освещал значение этой репрессии: «Разрешение собираться, предоставленное каменщикам и каменотесам для выбора делегатов, было западней, в которой их именно и схватили, чтобы обезглавить сопротивление».

[122] «Gazette des Tribunaux», 28.VIII.1840. Chronique, 26 août. Следовательно, Фести ошибочно датировал это выступление 23 августа, если только это не была опечатка.

[123] «Gazette des Tribunaux», 28.X.1840. Другие участники стачки — Мартэн, Шаррон, Иолль — к трем месяцам; Фукэ, Галлэ, Дусеман, Порсон, Туссен — к двум месяцам; Кальме — к полутора месяцам, и еще 10 человек — к одному месяцу каждый.

тября, отмечалось несколько сходок забастовщиков в самых различных районах города, в его центральной части и на окраинах. В этот день полиция арестовала выборных старшин (синдиков) рабочих-каменотесов [124]. По делу о забастовке седельщиков был арестован Гаво, приговоренный к двум годам тюремного заключения. Под пером Фести день 4 сентября представлен как поворотный момент в развитии стачечного движения. Констатируя, что 4 сентября 300 синдиков слесарей, механиков и литейщиков приняли решение возобновить работу с 7 сентября, Фести несколько неубедительно присоединил заключительный штрих: он писал, что и рабочие других профессий тоже возобновили свое дело. Но ни численность, ни профессии рабочих «других категорий» у Фести не указаны.

Жестокость репрессий и нарочитая поспешность судебного разбирательства сами по себе свидетельствовали о резком обострении классовой борьбы и о чрезвычайной встревоженности правительства в начале осени 1840 г. Несомненно, обстановка складывалась так, что по мере расширения забастовочного движения в августе — сентябре позиции правительства укреплялись, а позиции пролетариата ослаблялись. При отсутствии у рабочих единого организационного центра (его не было ни летом, ни осенью 1840 г.) последовательные аресты руководителей стачек причиняли пролетариату особенно значительный урон. Тем временем вооруженные силы, которыми располагало правительство в Париже, все возрастали; «трансноненский палач» Тьер и генерал Жерар подготовляли новую кровавую расправу с парижским пролетариатом.

* * *

Мы подошли к событиям 7 сентября. В этот день на улицы Парижа вышло около 40 тыс. рабочих. «Мятеж был невозможен»,— писал Фести, имея в виду решительный перевес сил в пользу правительства, стянувшего к столице мощные воинские части. Однако то, что произошло 7 сентября, отнюдь нельзя назвать мирным выступлением!

Прежде чем перейти к этой странице истории волнений 1840 г., мы еще должны разобрать важный вопрос, который сформулирован в нижеследующем заголовке.

9

Забастовки 1840 года и отношение рабочих к политической борьбе

Выше отмечалось, что одной из распространенных фальсификаций истории забастовочного движения является преуменьшение интереса забастовщиков к политике, к политической борьбе.

[124] «Gazette des Tribunaux», 5.IX.1840.

В этом отношении и освещение событий 1840 г. не представляет исключения. Даже Фести в своем «Заключении» пришел к выводу, что «ни республиканцы, ни коммунисты» не играли никакой роли в подготовке стачек [125]. Однако факты с полной убедительностью свидетельствуют о том, что было бы грубейшей ошибкой зачислять почти всеобщую забастовку парижских рабочих в 1840 г. в разряд чисто экономических движений!

Вот эти факты:

1. Зачинщики массового подъема — портные — были республиканцами, неоднократно и демонстративно заявлявшими о своих революционных взглядах.

2. Среди руководителей стачек, например среди делегатов, собравшихся на Бютт Шомон и в других центрах общего забастовочного движения, притом в разгар борьбы, были коммунисты.

3. В это же время, в начале сентября, в дни наиболее напряженной борьбы, когда, невзирая на новые уловки префекта, стремившегося расколоть ряды забастовщиков посредством своих «отеческих» воззваний к добропорядочным рабочим, тысячи забастовщиков собирались повсеместно, например, в районах Сен-Антуан, Сен-Марсо, Менильмонтан, Пантен, Вожирар, Лавилетт, Сент-Уэн или, например, в Бонди (где 3 сенября собралось около 10 тыс. рабочих). На сходках гремели революционные песни: «Марсельеза» и «Фобурьенн».

4. Еще до кульминационного момента забастовочной борьбы активизировались сторонники избирательной реформы. И в этом движении в пользу реформы сыграли немалую роль представители рабочего класса.

Фести отметил банкет 1 июля, устроенный в Белльвиле коммунистами «эгалитарной школы», которая подняла знамя «социальной общности»; на этот банкет явились «многочисленные рабочие»; сапожник Вилли провозгласил тост «за пролетариев, жертв эксплуататоров», парикмахер Розье — «за равное распределение прав и обязанностей, т. е. за общность труда и пользования благами (á la communauté des travaux er des jouissances).

Были, добавлял Фести, и «другие банкеты, а именно банкет в пользу реформы в Шатийоне, собравший 6 тыс. участников 31 августа» [126].

Позволяют ли столь беглые указания, касающиеся банкетов, составить представление об отношении рабочих к политической борьбе и, в частности, к этой ее новой форме — банкетам? Разумеется, нет!

[125] *O. Festy.* Op. cit.— «Revue des sciences politiques», novembre — décembre 1913, p. 353 et suiv.

[126] Ibid., — «Revue des sciences politiques», septembre — octobre 1913, p. 225—228.

Белльвильский банкет, организованный Дезами и Пийо, сам по себе заслуживал более широкого освещения. Он замечателен не только многочисленностью участников-рабочих, но и разнообразием профессий, которые здесь были представлены: парикмахеры, сапожники, переплетчики, портные, часовщики; и вместе с устроителями банкета (Дезами, Пийо и другими выходцами из непролетарской среды) сами рабочие провозглашали политические, социалистические тосты [127].

Лаконичное упоминание о банкете 31 августа может и должно быть дополнено следующими фактами. Этот банкет был первоначально назначен на 14 июля (день взятия Бастилии!); он должен был состояться в Сен-Мандэ, но вследствие противодействия властей банкет удалось организовать только 31 августа, притом лишь в пригороде, в Шатийоне, близ Монружа, на территории, владельцем которой был Гей; председателем банкета был Лассерэ, капитан национальной гвардии. На банкет собралось около 3 тыс. (по другим данным — около 6 тыс.) человек и около половины участников банкета были одеты в мундиры национальных гвардейцев (основываясь на других показаниях, приводимых ниже, мы можем утверждать, что среди этих национальных гвардейцев были и рабочие, притом — члены революционной организации). Лозунгом банкета было требование, высказанное еще в петиции 1838 г.: «Каждый национальный гвардеец — выборщик, каждый выборщик — избираем». Участники банкета требовали, следовательно, такой избирательной реформы, в результате которой широкие мелкобуржуазные и отчасти трудовые слои населения были бы допущены к участию в выборах и получили бы сверх того пассивное избирательное право.

По окончании банкета все его участники стройной колонной двинулись к заставе Д'Анжер с пением «Марсельезы» и с криками «Да здравствует реформа!». Количество демонстрантов, по мере их продвижения, возрастало: к участникам банкета присоединялись всё новые и новые лица из числа «любопытных, безработных и рабочих, бросивших свои занятия» [128]. Только в ночь на 1 сентября демонстранты — мелкобуржуазные сторонники реформы — разошлись: рабочие же собрались и на следующий день, вечером, близ Порт Сен-Дени.

Заметим, однако, что участие рабочих в банкетах 1 июля и 31 августа представляет не более как изолированный пример, вырванную из текста иллюстрацию, освещающую только маленькую часть общей картины массового движения в пользу реформы на данном этапе, в 1840 г.

Еще до белльвильского банкета, 24 мая 1840 г., рабочие по

---

[127] *A. Zévaès*. L'agitation communiste de 1840 à 1848.— «La Révolution de 1848», mars — avril — mai 1927, № 120, p. 33.

[128] «Gazette des Tribunaux», 2.IX.1840.

своей инициативе связались с одним из буржуазных вожаков «реформистов» — с Араго (до 1 тыс. делегатов различных корпораций побывало у него, собираясь небольшими группами, формально — для выражения благодарности за провозглашение им с парламентской трибуны лозунга «организации труда») [129]. К августу 1840 г. комитеты «реформистов» существовали в каждом районе (аррондисмане) Парижа [130]. В провинции рабочие присутствовали почти на всех банкетах. В некоторых департаментах в составе самих комитетов были рабочие. И именно рабочие — республиканцы и коммунисты — были организаторами банкетов в Руане и в Перпиньяне в 1840 г. [131] В общем в 1840 г. «глубокое изменение произошло в движении в пользу реформы. Присоединение рабочих и революционеров придало ему совершенно новый аспект» [132].

В заключение, чтобы еще шире поставить вопрос о взаимоотношениях, существовавших осенью 1840 г. между передовыми рабочими и различными политическими деятелями-республиканцами, в том числе пропагандистами утопического социализма и коммунизма, вернемся к прерванному обзору деятельности тайных революционных обществ после майского восстания 1839 г.

Доллеан писал, что после восстания 12 мая 1839 г. различные уцелевшие от разгрома деятели тайных обществ объединились в 1840 г. в «Коммунистическое общество». Но о каком же именно объединении идет речь, если в той же работе Доллеана говорится, что на развалинах «Общества времен года» возникло «другое тайное общество, разделенное тремя течениями: реформистами и коммунистами в собственном смысле слова» и «работниками-эгалитариями», органом которых был «Л'Юманитер», возглавляемый Шаравэ, который называл себя последователем Сильвена Марешаля.

Как видим, Доллеан не внес никакой ясности в этот важный вопрос, уже освещавшийся около 50 лет назад Моранжем, из книги которого можно было, по крайней мере, узнать, что «Л'Юманитер» появился не в 1839—1840 гг., а в 1841 г. [133] и что после «Общества времен года» появилось «Новое общество времен года», возглавленное Дуриллем, бывшим книготорговцем, сотрудником Дюпоти, редактором «Журналь дю Пепль» [134]. Да-

---

[129] *A. Gourvitch*. Op. cit.— «La Révolution de 1848», mai — juin 1914, № 62, p. 110—111.

[130] Ibid., p. 105.

[131] В Перпиньяне банкет был организован почти только одними рабочими.— *A. Gourvitch*. Op. cit.— «La Révolution de 1848», janvier — février 1916, № 66, p. 409.

[132] *A. Gourvitch*. Op. cit.— «La Révolution de 1848», mai — juin 1914, № 62, p. 126.

[133] *G. Morange*. Op. cit., p. 39. «Le destin de l'Humanitaire est éphémère. Il n'en paraît que deux numéros, mais deux numéros que font quelque tapage».— *A. Zévaès*. Op. cit.— «La Révolution de 1848», octobre 1926, № 118, p. 980.

[134] Ibid., p. 36.

лее Моранж сбивчиво пояснял, что на смену «Обществу времен года» пришло «коммунистическое общество, независимое от вышеназванного, но имевшее те же принципы; оно называлось «Работники-эгалитарии» и подразделялось на «станки, мастерские фабрики» [135].

Численность коммунистов «после майского процесса» Моранж определял по свидетельству Деляодда, причем «секционеры» и «коммунисты» отождествлялись: «секционеров было от семи до восьми сот человек, руководимых Велликюсом, Лионном и Резье» [136].

Связать воедино эти неполноценные и сбивчивые указания — задача нелегкая, разрешить которую, по недостатку источников, мы здесь не претендуем. Однако, во-первых, мы можем утверждать, что неудовлетворительность представленного «освещения» заключается в нерасчлененности различных этапов: один — со времени восстания 12 мая 1839 г. до «всеобщей стачки» в Париже в 1840 г.; другой — после этой стачки и особенно после 7 сентября 1840 г. Несомненно, каждый большой урок практической борьбы оказывал свое большое влияние, выявлял и обострял разногласия. Во-вторых, вернувшись к секретной информации, полученной царским послом Паленом в ноябре — декабре 1840 г., можно попытаться внести некоторые коррективы и дополнения к изложению Моранжа — Доллеана.

Цитированная выше «мемория» была написана, как явствует из контекста, вскоре после 15 октября 1840 г. Итоги организационного развития революционной партии «К 1 октября» были таковы:

Немедленно после восстания 12 мая 1839 г. был избран особый комитет для реализации новой тактики, принятой под влиянием уроков 12 мая: тактика завоевания привлекла более многочисленных и, главное, боеспособных сторонников. Как уже говорилось выше, было решено составить «свою партию» в рядах национальной гвардии. Известно, что в национальную гвардию могли вступать только те лица, которые были в состоянии экипироваться сами, за свой счет. Следовательно, неимущие люди вступать в национальную гвардию не могли. И вот для преодоления этого препятствия была создана особая касса, объединявшая все «патриотические пожертвования», чтобы экипировать «всех секционеров, которые не могли расходоваться на приобретение своих мундиров» [137].

[135] «Станок» был первичной ячейкой; он состоял из семи человек и возглавлялся рабочим. Источником сведений Моранжа по этому вопросу был доклад Жиро. Обращаясь непосредственно к тексту этого доклада, мы находим гораздо более широкое освещение структуры общества работников-эгалитариев, включая, например, и текст устава (41-я статья). «Profession de foi».— «Cour des pairs. Attentat du 15 octobre 1840». Rapport fait... par le baron Girod, p. 56—59.

[136] Ibid., p. 39.

[137] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 409.

Принимались и другие меры, направленные в общем к той же цели — к более широкой пропаганде, к установлению более широких связей с массами. Такова была, например, неудавшаяся попытка организовать «кабинет для чтения»; учреждалось и легализованное коммандитное общество, члены которого собирались «по 20 человек за столом, сервированным для вида (pour la forme)» [138].

К 15 октября 1840 г. в Париже, во всех его 12 районах, было 7350 человек, составлявших, по смыслу цитируемой «мемории», скрытый революционный актив столицы. «Более половины этих людей», т. е. около 3700 человек, представляли в октябре — ноябре 1840 г. «контроль Национальной гвардии»; эти люди могли иметь ружья. Что же касается «другой половины», то «она может вооружиться в назначенный день и в указанный час раньше, чем власти будут предупреждены» [139].

Но ныне, продолжал тот же автор, партия более уже не хочет рисковать напрасно (заметим, что эти слова были написаны после 7 сентября 1840 г.); партия ждет развития политической активности самих народных масс. Тем не менее, если бы в Париже завязалась борьба, она, по мнению автора цитируемого документа, «могла бы повлечь за собой восстание в 12 департаментах» [140]. Организационную деятельность республиканцев-революционеров полиции было трудно проследить: большое количество республиканцев находилось в Лионе, Меце, Гренобле, Тулоне, Страсбурге и во многих других городах [141]. Особенно же крепкие организационные связи имели республиканцы Восточной Франции [142].

Как видим, цифры, определяющие боевой революционный актив Парижа, почти не отличаются от тех, которые (по данным Деляодда) сообщал Моранж, говоря о количестве организованных коммунистов. Но тут-то, на наш взгляд, и должны быть сделаны немаловажные поправки. В «мемории» при перечислении персонала (в каждом квартале Парижа) различаются чистые секционеры и коммунисты; так, например, в XII районе было 670 «секционеров, коммунистов и бабефистов»; в IX районе были чистые секционеры, но было «мало коммунистов» (peu

[138] Там же, л. 410.

[139] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 414. Как видим, это показание, не встречающееся, кстати сказать, ни у Деляодда, ни у Шеню, ни в докладе Жиро («Cour des pairs. Attentat du 15 octobre 1840». Rapport fait... par Girod, séance du 10 mai 1841), вносит коррективъ в обобщение Вейля: «Maintenant (depuis 1840) les sociétés secrètes, peu nombreuses... ne comptent plus dans la politique, et c'est dans les bureaux de quelques journaux que la vie se concentre».— *G. Weill.* Histoire du parti républicain..., p. 138.

[140] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 422.

[141] «Bien d'autres grandes villes renferment un grand nombre de républicains».— Там же, л. 416.

[142] «Leur organisation dans les départements de l'Est est réelement extraordinaire».— Там же, л. 421.

de communistes)[143]. И как ни наивно приводимое в записке объяснение термина «коммунисты» и «бабефисты»[144], важное значение имеет подтверждение того факта, что в рамках некой «объединенной» революционной организации существовали и углублялись после 7 сентября серьезные политические и идеологические расхождения.

Чтобы понять парижские события 1840 г. (включая и попытки восстания 7 сентября), необходимо учесть:

а) Обособленность происходившего в первой половине 1840 г. буржуазно-демократического движения в пользу избирательной реформы, обособленность от массовых движений, возникавших одновременно в разных частях Франции в условиях дороговизны и спекуляций.

б) Крайнюю недостаточность использования демократами-республиканцами возникшего в Париже летом и осенью 1840 г. небывалого подъема стачечной волны. Перед задачей активизации борьбы отступили осенью 1840 г. вожаки буржуазных партий, а не рабочие, не коммунисты-революционеры. Еще Моранж отметил тот важный факт, что именно в 1840 г., «во время первой банкетной кампании», буржуазные пропагандисты реформы («реформисты») начали замечать «то, что компрометировало их в их объединении с коммунистами», особенно со времени белльвильского банкета[145]. Но Моранж мог бы добавить, что в основе внезапно обострившихся разногласий лежало не столько отношение к «будущему», сколько — к настоящему, т. е. к мощному подъему стачечной борьбы, резко обнажившему классовые противоречия.

в) Политическую вредность «коммунизма» Кабе, противника революционной борьбы, пользовавшегося, однако, большим влиянием[146].

г) Существование в среде самих рабочих оппортунистических, нереволюционных элементов; таков был, например, деятель «Нового общества времен года» рабочий Мартен, будущий бесславный член временного правительства, соратник Луи Блана, известный под именем Альбера, который отвергал «и Кабе и Бабефа»[147]. Другой, не менее характерный факт: именно в сентябре 1840 г. появился новый орган —«Ателье», орган, «руководимый рабочими» во главе с Корбоном, этим «луибланом» Комитета труда Учредительного собрания 1848 г. В рассматриваемое время «Ателье» во внутренней политике солидаризовался с буржуазными республиканцами «Насионалъ», не разделяя лишь их равнодушия к социальному вопросу[148].

В свете приводимых фактов связь между рабочими—стачечниками и республиканцами, не принадлежавшими по своему социальному положению к пролетариату, представляется неоспоримой.

Но эта связь не развилась, не выросла организационно в единый революционный фронт. Виновны в этом были не рабочие (хотя и среди них были такие люди, как Мартен, Корбон). Виновны были мелкобуржуазные республиканцы, не использовавшие резкого подъема стачечной борьбы в июле — августе — начале сентября для более широкой пропаганды и организации революционных сил. Фурньер и некоторые другие историки выделяют пропагандистскую деятельность Дурилля; они уверяют, что Дурилль страстно пропагандировал среди рабочих идею политической борьбы, но будто бы он не мог сломить их волю к ограничению стачки одними только экономическими требованиями. Однако известен первоисточник этой ложной версии об «аполитичности» стачечников; это полицейское показание провокатора Деляодда. И поразительно, как мог не заметить Фурньер несуразицы под своим пером в нижеследующих словах: «Разочаровавшись, он [Дурилль]... не нашел в себе достаточно сил дать этой топле сигнал к восстанию»[149].

Но ведь «сигнал к восстанию» — кульминационному моменту забастовочной борьбы 1840 г.— все-таки был дан; и он был дан рабочими, участниками белльвильского банкета коммунистов, т. е. сторонниками революционера Дезами, коммуниста-материалиста. Только этот сигнал был дан уже после того, как различными маневрами — провокациями и арестами — правительство обезглавило все отряды стачечников и вполне подготовилось к мгновенному подавлению восстания.

---

[143] АВПР, ф. Канцелярия, 1840, д. № 138, л. 413; характерно и дополнительное замечание о XII районе: «Существовало большое недовольство среди буржуазии, национальных гвардейцев и рабочих».

[144] Коммунисты и бабефисты — это, как объяснял автор «мемории», «передовые люди в демократической партии», руководимые бывшими карбонариями и сен-симонистами, стремящиеся не только к политическим, но и к социальным преобразованиям.

[145] *G. Morange*. Op. cit., p. 143.

[146] Ibid., p. 38.

[147] Ibid., p. 40.

[148] *G. Weill*. Les journaux ouvriers à Paris.— «Revue d'histoire moderne et contemporaine», octobre 1907 — février 1908, p. 95.

Правильно характеризуя «Ателье» как орган, выражавший буржуазное влияние в среде рабочих, В. П. Волгин отмечал, что «Ателье» и основан был на средства «Насионалъ».— «Questions d'histoire». Paris, 1954, t. 2, p. 30.

Подробное освещение «Ателье» было дано в работах А. Кювилье.— *A. Cuvillier*. Un journal d'ouvriers.— «L'Atelier». Paris, 1914—1919; *его же*. Les doctrines économiques et sociales en 1840 d'après un journal d'ouvriers.— «Revue d'histoire économique et sociale», 1922, № 1—4, p. 84—129.

В этих работах заслуживает внимания, в частности, сопоставление статей, напечатанных в «Ателье», с работами фурьеристов.

[149] Все показания Деляодда требуют сугубо критического отношения. Но поскольку речь идет о Дурилле, вряд ли будет неосторожностью принять имеющуюся у Деляодда и подтверждаемую другими показаниями характеристику мелкобуржуазного демократа Дурилля как нерешительного и бесталанного вожака.— Ср. *G. Weill*. Histoire du parti républicain..., p. 165.

10

Попытка восстания 7 сентября 1840 года

7 сентября, еще на рассвете и одновременно в разных частях города, начались многолюдные сходки рабочих.

Выступление столяров-краснодеревцев сыграло 7 сентября особенно важную роль. Краснодеревцы требовали прекращения приема новой (не подержанной) мебели на аукционные торги. Продажа новой мебели на аукционе причиняла краснодеревцам ущерб: вследствие случайностей продаж в условиях аукциона, товары, составлявшие специальность краснодеревцев, могли падать в цене не только на аукционе, но и при обычном коммерческом сбыте. Аукционные продажи были средством сбыта недоброкачественных изделий, что тоже вредило интересам парижских краснодеревцев, старательно оберегавших свою репутацию добросовестных и искусных мастеров.

Не встретив сочувствия своим требованиям, краснодеревцы решили устроить 7 сентября массовую демонстрацию и разгромить помещение аукционных оценщиков. К выступлению краснодеревцев примкнуло множество рабочих и ремесленников различных профессий: «Многие тысячи», по выражению «Ла Газетт де Франс» [150]; «более 22 тыс.», по сообщению «Газет де Трибюно» [151].

Главным очагом массового выступления 7 сентября было Сент-Антуанское предместье — квартал, густо населенный ремесленниками и рабочими различных профессий. Здесь же, как и в некоторых других кварталах Парижа, было немало иностранных рабочих, особенно поляков и итальянцев, представлявших в рассматриваемое нами время «легко воспламеняющийся» элемент восстаний; это были очень энергичные люди и вместе с тем — ускользавшие от полицейского надзора; не имея постоянного местожительства, они, по выражению Дино, «не ночевали двух ночей подряд в одном доме» [152]. По-видимому, уже около 8 часов утра произошли первые столкновения между рабочими-демонстрантами и полицией [153].

На улицах, которые вели к площади Бастилии, скопление рабочих было особенно велико. И тут, в Сент-Антуанском квартале, уже в утренние часы появились пропагандисты вооруженного восстания, сторонники Дезами и Пийо, участники беллвильского банкета, коммунисты: парикмахер Розье и булочник Сассесен [154].

---

[150] «La Gazette de France», 8.IX. 1840.
[151] «La Gazette de France», 12.IX.1840
[152] *Duchesse de Dino.* Chronique, t. II. Paris, 1909, p. 369—370.
[153] «La Gazette de France», 8.IX.1840.
[154] Такова транскрипция их имен в статье Фести.— *O. Festy.* Op. cit.— «Revue des sciences politiques», septembre — octobre 1913, p. 231. «Ля Газетт де Франс» давала иную транскрипцию, но, несомненно, речь шла об одних и тех же лицах.

Оба они, присоединяясь к демонстрантам, кричали: «К оружию! Отмщение прислужникам тирана!»

Можно не сомневаться в том, что восстание было не подготовлено. По сообщению «Друа», перепечатанному в «Ла Газетт де Франс», Розье и Сассесен были арестованы вечером 7 сентября [155]. Не удивительна и другая версия — об их будто бы немедленном аресте; правительство было, как никогда ранее, подготовлено к стремительному подавлению восстания; через своих провокаторов оно могло знать о предстоящем выступлении Розье и Сассесена.

Правительственная пресса не скрывала, что при подавлении восстания 7 сентября осуществлялся тщательно подготовленный план дислокации крупных воинских частей на улицах и площадях Парижа с немедленным стягиванием больших резервов, умышленно расположенных неподалеку от столицы [156]. Суть этого плана, разработанного в военном отношении генералом Жераром, как вкратце сообщал царский посол граф Пален, сводилась к мгновенному окружению восставших кварталов [157]. Причастность Тьера к составлению этого плана у нас не вызывает сомнений. Несомненно, пользуясь громадным перевесом в вооружении и организованности, парижские власти прибегали, как и в апреле 1834 г., к провокации. Уверенные в своей победе, они бравировали, стремились произвести театральный эффект. По выражению «Ла Газетт де Франс», Париж был наводнен целой армией; артиллерийские батареи были размещены на площадях Шатле и Ратуши и канониры стояли около орудий с зажженными фитилями; на площади Карузель разместили главный штаб; председатель совета министров «занял» префектуру; под грохот барабанов мобилизовали национальную гвардию; воинские части заняли бульвары Сен-Дени, Сен-Мартен, подступы к Тамплю, Шато-д'О.

Не только у самого Нового моста, но и в магазинах в этом квартале были тайно размещены пехотные части. Избыток усердия парижских властей ставил правительство в смешное положение: многие национальные гвардейцы усматривали в этом пересоле не что иное, как правительственный маневр, придуманный для того, чтобы посредством любой «победы» над народом искупить позор внешнеполитического поражения Франции [158].

---

[155] «La Gazette de France», 10.IX.1840.
[156] «La Gazette de France» 9 сентября 1840 г. сообщала, что Тьер приказал опубликовать в газетах заявление, начинавшееся следующими хвастливыми словами: «Il est bon que l'on sache que le gouvernement l'a fait d'après un plan arrêté et tenu en réserve depuis la sanglante journée du 12 mai».
[157] АВПР, ф. Канцелярия, 1840 г., д. № 138, л. 123. Пален — Нессельроде (29.X.1840). По свидетельству австрийского посла графа д'Аппони, к составлению этого плана Жерар приступил еще в 1839 г., вскоре же после майского восстания.— «Journal du comte d'Apponyi», [t. III]. Paris, 1914, p. 383—385.
[158] «Un grand nombre [de gardes nationaux] ont dit hautement que toute cette agitation... avait but de donner le change au pays et de masquer les graves événements de la politique extérieure».— «La Gazette de France», 8.IX.1840.

Возможно, что и биржа сыграла в эти дни свою заранее обдуманную провокаторскую роль (Дино в своем дневнике отметила понижение биржевых ценностей [159]), но ведь трудно допустить неосведомленность биржевых «королей» в обеспеченности правительственной победы при данных условиях.

Впрочем, гораздо важнее была другая сторона дела: противники Июльской монархии видели в событиях 7 сентября не победу, а политическое поражение правительства. Действительно, как ни безнадежно было вооруженное восстание в данных условиях, одна из наиболее замечательных особенностей движения 7 сентября в том и состоит, что, несмотря на явный перевес правительственных сил, попытка восстания была совершена: в четырех местах сооружались баррикады — одна на улице Траверсьер, другая, неподалеку, на улице Фобур Сент-Антуан, третья у госпиталя Орфелен, четвертая на улице Ленуар [160]. Вооруженное нападение на воинский пикет, стоившее жизни рабочему-меднику, было совершено на улице Моконсейль [161]. По этому же делу были арестованы два рабочих в возрасте от 30 до 40 лет, один из них — шляпочник, другой — формовщик (formier) [162]. Два представителя революционно-демократической интеллигенции (один — литератор, другой — студент-медик) тоже были арестованы по делу 7 сентября, и оба они были членами тайного общества «Работники» (так «Газетт де Франс» именовала общество «Работников-эгалитариев»). И хотя пропагандисты вооруженного восстания, как и многие другие рабочие, были арестованы в первый же день, весь пролетариат узнал, что наиболее смело выступили именно коммунисты-революционеры. Характерно, что и вся попытка этого восстания была названа на страницах правооппозиционной прессы «попыткой повторения 12 мая» (т. е. 12 мая 1839 г.). «Развертывание ваших сил, следовательно, вовсе не устрашило мятежный люд», иронизировала по адресу правительства «Газетт де Франс» [163]. А герцогиня Дино еще раньше, под влиянием волнений 3—4 сентября, написала в своей «Хронике»: «Каждый день разоблачает новую социальную язву» [164].

11

Забастовочное движение в Париже и провинции после 7 сентября 1840 года

Неоспоримо, что в последние месяцы 1840 г. стачечная борьба уже не достигала такой степени напряжения, как летом и в начале осени того же года. Сыграли свою роль жестокие правительственные репрессии. Следует отметить и то обстоятельство, что с сентября 1840 г. на линию парижских фортификаций были прикомандированы воинские части для выполнения различных работ вместе с профессиональными рабочими (землекопами, плотниками) [165]. Но и те немногие стачки, которые произошли в Париже и провинции в это время, заслуживают внимания.

Во-первых, следует отметить, что борьба парижских рабочих против системы «посредничества» не прекратилась. Этот мотив снова сыграл роль в качестве одной из побудительных причин выступлений рабочих 8—9 ноября 1840 г. [166]

Во-вторых, в полном противоречии с ложным утверждением Доллеана о «чисто» профессиональном, экономическом характере стачек 1840 г., факты, о которых сообщала тогдашняя пресса, явно свидетельствовали о сочетании политических лозунгов и экономических требований рабочих. Во время кровопролитной схватки вечером 8 ноября между рабочими, собравшимися в большом количестве у паперти Нотр-Дам, и полицейскими, старавшимися разогнать сходку, раздавались «мятежные возгласы» призывы «к оружию», и именно рабочие были арестованы по этому делу (из них — молодой литейщик Террье был приговорен к четырехлетнему заключению) [167].

На следующий день, 9 ноября, около 60 рабочих, появившись среди землекопов на линии фортификаций Ла Вилетт, пели «Марсельезу». Эти рабочие кричали также: «Долой бельгийцев!», но этот возглас отнюдь не свидетельствовал о национальной вражде: бельгийцы мешали стачке, выступали как штрейкбрехеры. Тележки для перевозки земли были опрокинуты, работы в траншеях были временно прерваны. Тот факт, что 9 ноября вместе с активистами-землекопами выступали рабочие других профессий, судебная хроника не скрывала, да и скрыть не могла: по делу о волнениях на линии фортификации Ла Вилетт были арестованы Виньерон, газовщик, 19 лет, Шалетен, поденщик, 21 года; Лекуантр, булочник-подросток, 16 лет; каждый из них был присужден к двухмесячному тюремному заключению [168].

* * *

Остановимся в заключение на забастовочном движении 1840 г. в провинции.

О забастовках в провинции, предшествовавших массовому движению в Париже, говорилось выше. Сведений о забастовках в

---

[159] *Duchesse de Dino.* Op. cit., p. 373.
[160] По официальной версии газеты «Монитер». Перепечатка в «La Gazette de France», 9.IX 1840.
[161] «La Gazette de France», 12.X.1840.
[162] «Gazette des Tribunaux». Перепечатка в «La Gazette de France», 12.IX.1840.
[163] «La Gazette de France», 10.IX.1840.
[164] *Duchesse de Dino.* Op. cit., p. 367.
[165] ЦГВИА, ф. 440, д. 127, л. 4—5. Приложения к донесению из Парижа капитана Б. И. Глинки от 5 марта 1841 г. за № 6 военному министру А. И. Чернышеву.
[166] «Gazette des Tribunaux», 4.XII.1840.
[167] «Gazette des Tribunaux», 5.XII.1840.
[168] «Gazette des Tribunaux», 4.XII.1840.

провинции, происходивших одновременно со стачками в Париже, у нас ничтожно мало. Такова была, например, стачка реннских булочников, организованная 24 июня. Булочники требовали более высокой заработной платы. Попытка заменить стачечников казарменными хлебопеками лишь еще более ожесточила забастовщиков. Стачка стала перерастать во всеобщее возмущение реннских рабочих. Но местные власти вызвали солдат, и это движение было быстро подавлено. Многие участники стачки были арестованы [169].

Насколько многочисленны были подобные выступления в провинции летом и в начале осени 1840 г.? Мы оставляем за собой право вернуться к этому вопросу. На данном этапе нашей работы можно, по-видимому, сделать вывод, что соответственного, т. е. столь же выдающегося, подъема стачечной борьбы в провинции летом и в начале осени 1840 г. не было.

Заслуживает внимания сентябрьская забастовка ткачей г. Лодев, оказавших упорное сопротивление предпринимателям при попытке ввести «рабочие книжки» [170]. Стачка возникла именно на этой почве и обнаружила хорошую организованность ткачей, их солидарность: сравнительно более «обеспеченные», ткачи оказывали денежную помощь неимущим товарищам, выдавая им по 1 франку в день. Забастовщики собирались по условному сигналу каждый вечер в каком-либо отдаленном месте; они бродили по виноградникам и фермам, частично питаясь там. Стачка продолжалась несколько дней; еще 12 сентября газета «Курье миди» сообщала, что мастерские продолжают пустовать и что предприниматели сочли необходимым прекратить работы и в тех отраслях, которые были тесно связаны с ткачеством. Количество неработающих мастеров увеличилось с 1200 до 6 тыс. человек [171].

Решение организовать забастовку было принято ткачами г. Кастра в сентябре 1840 г. Для нужд забастовочной борьбы ткачами была учреждена «общая касса», в которую каждый из местных работников-ткачей вносил по 50 сантимов еженедельно. Ткачи — жители г. Кастра — установили связь с работниками той же мануфактуры в селении Вальдюранк, неподалеку от Кастра. 28 сентября один из кастрских предпринимателей получил от ткачей письменное требование повысить существующие расценки. Характерна подпись в этом письме: «Все работники Кастра». Гибаль-Анневот, предприниматель, получивший письмо, публично заявил о своем согласии удовлетворить требования ткачей. Но другие промышленники не последовали его примеру; вскоре и сам Гибаль-Анневот вступил в конфликт со своими работниками: он уволил одного из мастеров. В этой обстановке в октябре 1840 г. развернулась общая стачка ткачей Кастра и Вальдюранка.

---

[169] «Gazette des Tribunaux». 27.IX.1840. Корреспонденция из Ренна от 24 июня 1840.
[170] «La Gazette de France», 5.IX.1840.
[171] «La Gazette de France», 17.IX.1840.

О продолжительности этой хорошо организованной стачки свидетельствует уже то, что ее «заключительный акт» датирован в нашем источнике 14 ноября [172].

По делу о кастрской стачке было арестовано 23 ткача. Еще до открытия судебного заседания трудящийся люд г. Кастра окружил здание суда, и для его охраны власти вызвали артиллерийский пикет, мобилизовали всю местную жандармерию.

Нетрудно себе представить, какой политический резонанс получила в этой накаленной атмосфере речь защитника арестованных ткачей — Илера, который имел смелость сказать, что борьба ткачей обоснована неоспоримым правом, определяющимся словами: «Жить, работая...» — и что право это «более священно, чем право собственности!» Создавшаяся в Кастре обстановка позволяет понять причины «милостивого» приговора: четверо подсудимых были освобождены, шестеро — приговорены к 15-дневному заключению, 13 ткачей — к месячному.

Особое место в хронике рабочих волнений второй половины 1840 г. занимает октябрьское движение республиканцев в Лионе.

Это явно политическое, массовое республиканское движение, выразившееся в шумных сходках на площадях Терро и Префектуры, в демонстративном пении «Марсельезы» на улицах и в театрах, началось, как видно, 9 октября [173]. Для подавления демонстрации и сходок «многих тысяч людей» [174] была мобилизована кавалерия. Для нас здесь особенно важно подчеркнуть, что среди 60 арестованных были рабочие, причем не только французы, но также немцы (пруссаки) и итальянцы (пьемонтцы). Все эти рабочие-иностранцы, как только устанавливалась их национальность, высылались из Франции [175].

12

Забастовочное движение 1841 года

Новому подъему стачечной борьбы в Париже предшествовали, как и в 1840 г., выступления рабочих в провинции. 22 января 1841 г. в деревне Франденган, неподалеку от Булони, началась стачка углекопов. Прекратив работу, углекопы собрались в большом количестве (около 100 человек) у помещения, где находилась администрация копей. Шахтеры потребовали увеличения заработной платы. Администрация отказала, и вскоре же в Франденган прибыл отряд солдат, которым немедленно и демонстратив-

---

[172] «Gazette des Tribunaux», 12.II.1841. Отчет о заседании Кастрского исправительного трибунала.
[173] «Gazette des Tribunaux», 12—13.X.1840. Корреспонденция из Лиона, датированная 10 октября, начиналась словами: «Hier soir depuis neuf heures jusqu'à minuit environ».
[174] Ibidem.
[175] «Gazette des Tribunaux», 14.X.1840.

но роздали боевые патроны. Семеро углекопов были арестованы: начавшаяся забастовка была подавлена вооруженной силой [176].

Забастовочное движение в Париже в 1841 г. началось, как видно, со стачки печатников. В конце февраля рабочие типографии Ренуара прекратили работу. Стачечники требовали повышения сдельных расценок: 30 франков за тираж в 2 тыс. экземпляров; владелец типографии соглашался платить только по 28 франков. Забастовка была подавлена. Рабочий Дюваль был приговорен к шестинедельному тюремному заключению [177].

В марте землекопы, занятые на линии окружных фортификаций и на территории Роменвильского лагеря, потребовали увеличения поденной платы с 2 франков 50 сантимов до 3 франков, и, получив отказ, забастовали с 16 марта. Предприниматели безуспешно пытались заменить забастовщиков штрейкбрехерами: другие землекопы тотчас уходили с работы, уступая требованиям бастовавших товарищей. Инициаторы забастовки сдержали свое слово: в количестве около 500 человек они покинули территорию Роменвильского лагеря [178].

В конце марта в районе Монруж была организована большая сходка рабочих, преимущественно портных. Дело началось с собрания в предместье Монруж. Тут сразу собралось около 200 человек. Префект, немедленно информированный о политическом характере сходки, послал в Монруж отряды жандармерии и регулярных войск. Рабочие «компактной массой» удалились на пустырь между Монружем и Вожираром. Тут они остановились и начали петь «Марсельезу», перемежая каждую ее строфу «мятежными возгласами». Тогда жандармы снова напали на рабочих, разогнали сходку и арестовали 12 ее участников. В карманах у арестованных были найдены экземпляры брошюры: «Долой фортификации! Долой Бастилии!» [179]

По данным «Газетт де Трибюно», в апреле произошла всего только одна стачка в Париже — стачка мостильщиков, начавшаяся 22 апреля. Забастовщики потребовали увеличения заработной платы с 3 франков 50 сантимов до 4 франков. Как видно, стачечники добились удовлетворения своего требования: в это время, в апреле 1841 г., все мостильщики были заняты и их даже не хватало [180].

Из прочих, сравнительно немногих, парижских стачек 1841 г. более всего заслуживают внимания волнения землекопов, занятых на линии фортификаций. Эти волнения вспыхивали в конце мая и в середине сентября.

---

[176] «Gazette des Tribunaux», 27.I.1841. Корреспонденция из Булонь-сюр-мер от 24 января.
[177] «Gazette des Tribunaux», 24.III.1841.
[178] «Gazette des Tribunaux», 19.III.1841. Хроника. Париж, 18 марта.
[179] «Gazette des Tribunaux», 31.III.1841.
[180] «Gazette des Tribunaux», 24.IV.1841.

29 мая были арестованы два землекопа в районе фортификаций Лавалетт как организаторы стачки, целью которой было повышение заработной платы на 20% [181]. Одновременно в последних числах мая началась стачка землекопов в районе Белльвиля, но она была быстро подавлена муниципальной гвардией. Двое рабочих — Сенешаль и Иру (Hiroux) — здесь, в Белльвиле, были арестованы и отсидели несколько дней в тюрьме [182].

В числе рабочих, занятых на фортификациях, кроме землекопов были каменщики. 2 августа каменщики пытались организовать забастовку. По делу об этой забастовке были арестованы рабочие Мюлле и Селье [183].

Говоря о стачках рабочих, занятых на линии парижских фортификаций, следует особенно резко подчеркнуть мужество и решительность забастовщиков, в данном случае — землекопов; стачки рабочих, занятых на линии фортификаций, происходили в условиях, казалось бы, исключавших самую возможность забастовок: ведь с сентября 1840 г. на линию фортификаций были прикомандированы воинские части. Из донесения капитана Б. И. Глинки явствует, что и в 1841 г. солдаты продолжали работать, наряду с гражданскими лицами, на линии фортификаций. Разумеется, воинские части размещались для подавления возможных бунтов и для борьбы с забастовочным движением рабочих, занятых на линии фортификаций [184].

Все же и в этих условиях 13 сентября 1841 г. землекопы потребовали увеличения заработной платы на 5 сантимов за каждый час. Организатором стачки был Адольф Деформ; он был арестован и приговорен к трехмесячному тюремному заключению [185].

Но не волнения землекопов и каменщиков были в центре внимания парижских рабочих в осенние дни 1841 г., через год после сентябрьских баррикад 1840 г. За два дня до стачки землекопов среди парижских рабочих появились революционные прокламации («placards injurieux pour le roi»). На площади Шателе собирались сотни пролетариев и ремесленников, из рядов которых раздавались возгласы: «Долой Луи-Филиппа! Да здравствует республика!» В стычках с полицией были раненые с обеих сторон. Эти политические волнения, вызвавшие многочисленные аресты, продолжались с 11 по 15 сентября. Говоря о сентябрьских волнениях, следует отметить то обстоятельство, что хотя покушение Кениссэ на жизнь герцога Омальского, совершенное 13 сентября, представляло обособленный террористический акт, рабочие вступили в схватку с полицией, когда она попыталась произвести в

---

[181] «Gazette des Tribunaux», 31.V, 1.VI.1841.
[182] «Gazette des Tribunaux», 27.VI.1841.
[183] «Gazette des Tribunaux», 27.VIII.1841.
[184] Подробнее об этом см. в донесении из Парижа Б. И. Глинки от 5 марта 1841 г. за № 5.— ЦГВИА, ф. 440, д. 127, л. 4—5.
[185] «Gazette des Tribunaux» 17.X.1841.

Сент-Антуанском предместье аресты, связанные с делом Кениссэ. 15 сентября в одном из районов предместья жандармская казарма была захвачена; был остановлен и свален омнибус, чтобы баррикадировать улицу; но эта вспышка восстания была погашена мгновенно.

В начале октября 1841 г. возобновились сходки рабочих обойных фабрик, требовавших увеличения заработной платы и сокращения рабочего дня [186]. Почти одновременно, в начале октября, имели место волнения мясников на рынке Прувер в Париже. Здесь также были произведены аресты рабочих — участников волнений [187].

В конце 1841 г.— с середины ноября и до начала декабря включительно — не прекращалось забастовочное движение парижских медников; они требовали увеличения заработной платы. При подавлении этой стачки было арестовано около 200 рабочих [188].

Обратимся к рабочим волнениям, возникавшим в провинции с весны до зимы 1841 г.

По-видимому, особое место следует отвести еще не вполне ясному для нас делу о заговоре в Марселе. 23—24 марта 1841 г. в предместье Марселя, в одном из трактиров, собралось около 300 человек. Официальная версия гласила, будто эти люди были вооружены и намеревались поджечь марсельский порт, чтобы во время пожара, когда власти и вооруженные силы займутся тушением огня, напасть на марсельский банк, на городские кассы и завладеть денежными средствами. Полиция, уведомленная об этой сходке, мобилизовала войсковые части для ареста заговорщиков, но почти все они разбежались при приближении полиции и солдат. Все-таки около 20 человек было арестовано. Кто были эти люди? Марсельская газета «Ле Сюд» ничего не сообщала о социальном положении арестованных и лишь глухо, в оскорбительных выражениях, характеризовала участников заговора как «подонков общества», «презренных виновников смут времен первых лет революции» [189].

В хронике стачечного движения в провинции во второй половине 1841 г. выделяются две забастовки. Одна — в Маконе, другая — в Шоле.

Забастовка в Маконе происходила 8—9 сентября. «С недавнего времени,— писала газета «Мессаже» (цитировавшаяся в «Газетт де Трибюно»),— часть грузчиков требовала, чтобы только им, а не посторонним, были предоставлены работы в речном порту Макона и чтобы допускать в их среду только тех, кого изберут они сами». Купцы противодействовали этому требованию, заявляя властям, что грузчики ставят торговлю в затруднительное положение. Между тем местные рабочие-бочары, опираясь на поддержку лодочников, решили тоже принять участие в разгрузке вин, т. е. в главной отрасли портовых работ в Маконе, винодельческом центре. С 1833 г. в Маконе действовало постановление мэра о допущении к портовым работам лишь тех рабочих, профессиональных грузчиков, «доброе поведение» которых могло быть официально засвидетельствовано властями. Такие лица заносились в особый список и награждались медалями. За месяц до описанных событий 16 бочаров попросили мэра о включении их в список портовых рабочих. Для противодействия грузчикам в их борьбе за повышение заработной платы мэр удовлетворил просьбу бочаров и наградил медалями. Все грузчики были возмущены действиями мэра.

8 сентября начались сходки грузчиков. Фактически их забастовка уже началась. На следующий день, 9 сентября, у городской ратуши собралось множество грузчиков. Площадь была занята конной жандармерией и солдатами. Организаторы стачки грузчиков были приглашены в ратушу. После длительных переговоров было достигнуто соглашение. Главари стачки уступили настояниям местных властей. Казалось, волнения начали стихать. Но как только решение, принятое в ратуше, было оглашено на площади, 20 работниц возглавили массовое возмущение грузчиков. Забастовщики заявили, что они готовы умереть в борьбе за свои требования. Командиры воинских частей, стоявших лицом к лицу с рабочими, сделали пять «предупреждений», но ни один рабочий не двинулся с места. И когда солдаты действительно пустили в ход штыки, грузчики, вооружившись поленьями и камнями, стремительно бросились на солдат и атаковали их. Многие рабочие отступали, рассеиваясь по смежным улицам, но еще и там в солдат летели камни. В городе было произведено много арестов [190]. Позднее местная газета «Журналь де Сон-и-Луар» сообщала некоторые подробности: солдаты сделали 37 выстрелов; умерших от ран было четверо и еще двое находились в «безнадежном состоянии»; среди арестованных было несколько женщин [191]. Приговор по этому делу был сравнительно не очень суров, если верить данным, опубликованным в судебной прессе: только один Мандилье был приговорен к шести месяцам тюремного заключения; Жоли — к трем месяцам; Дебион, Нюге, Перрие — каждый к двум месяцам; Ревельон, Лассараз и Дор — к полутора месяцам; прочие — к двухнедельному и еще меньшим сроком заключения [192].

---

[186] «Gazette des Tribunaux», 3.X 1841. Отмечая эти волнения, «Газетт де Трибюно» добавляла, что сведения о многолюдных сходках рабочих были не вполне достоверны, но в чем именно состояла неточность, судебная газета не поясняла.

[187] «Gazette des Tribunaux» 6.X.1841.

[188] «Gazette des Tribunaux», 16.I.1842.

[189] «Gazette des Tribunaux», 29—30.II.1841.

[190] «Gazette des Tribunaux», 12.IX.1841.

[191] «Gazette des Tribunaux», 13—14.IX.1841. Данные заимствованы из «Journal de Saône-et-Loire».

[192] «Gazette des Tribunaux», 10.X.1841.

Стачка в Шоле началась 4 октября. Это была стачка ткачей. Сообщая о ней, пресса, которой мы пользуемся, отметила, что аналогичная забастовка происходила и год назад [193].

Не все ткачи сразу примкнули к забастовке, начавшейся 4 октября 1841 г., но организаторы стачки обошли все мастерские и вызвали из подвала на улицу всех ткачей этого небольшого города в департаменте Мэн-и-Луар. Стачка продолжалась несколько дней. 6 октября против стачечников выступили прибывшие в Шоле воинские части. Характерно, что и в Шоле большую роль сыграли женщины, работницы или жены рабочих. Осыпая упреками и насмешками тех ткачей, которые начали было разбегаться при появлении воинских частей, женщины поддерживали решимость забастовщиков, укрепляли их волю к продолжению борьбы. Поэтому лишь небольшая часть ткачей возобновила работу 7 октября. Но постепенно, под давлением превосходящей силы и после арестов организаторов стачки, работы в Шоле возобновились [194].

Наши источники только приоткрывают картину рабочих выступлений, происходивших в том же, 1841 г. в Лионе и Сент-Этьенне. Осенью этого года, в октябре, на страницах «Газетт де Трибюно» появилась корреспонденция из Сент-Этьенна, сообщавшая, что вслед за обысками и арестами, имевшими место в Лионе, такие же репрессии были применены в Сент-Этьенне. В это время в Сент-Этьенне легально существовала организация ткачей лент, называвшаяся «Обществом ленточного производства». Официально заявленной целью «Общества» была фабрикация и продажа лент без участия предпринимателей-фабрикантов. И «странное дело (добавлял автор корреспонденции), оно, это общество, держалось на основе гражданского акта, оформленного нотариусом» [195]. Под учредительным актом было 400 подписей ткачей — хозяев мастерских и 350 подписей ткачей-подмастерьев.

7, 8 и 9 октября в Сент-Этьенне происходили шумные сходки ткачей лент. Не подлежит сомнению, что купцы-мануфактуристы, т. е. капиталисты, занятые в ленточном производстве, оказывали противодействие развитию кооперации ткачей, что и могло быть одной из причин начавшихся сходок. Вполне достоверным является лишь то, что обыски у ткачей обнаружили существование отлично организованной профессиональной ассоциации, притом вовсе не ограничивавшейся «чисто экономическими» интересами. «Общество» подразделялось на «секции», получало и распространяло пропагандистскую литературу: «Журналь дю Пепль», «Травай», «Ателье» и брошюры, освещавшие политические цели демократических банкетов. Были найдены и листы, подготовленные для сбора подписей в пользу избирательной реформы. Цитируемая корреспонденция завершалась уверенно выраженным предположением о существовании организационной связи между ткачами Лиона и Сент-Этьенна.

[193] «Gazette des Tribunaux», 10.X.1841.
[194] «Gazette des Tribunaux», 11—12.X.1841.
[195] «Gazette des Tribunaux», 19.X.1841.

13

Стачки 1842—1845 годов

С 1842 г. стачечное движение на короткое время стихает, но, тем не менее, и в годы затишья приобретает новые черты.

Год 1842. Из немногочисленных стачек 1842 г. [196] бесспорно заслуживает внимания октябрьская забастовка в Бернэ, в департаменте Эр. Это была стачка ленточников, начавшаяся 28 октября [197]. В стачке участвовали и ленточники окрестных селений. Особенно активны были жители деревни Дрюкур. Стачечники выступали против властей с оружием в руках. Несколько жандармов были избиты палками и ушиблены камнями. Были арестованы 25 участников забастовки; шесть рабочих получили ранения; суд, происходивший в конце того же года, освободил девять человек; остальные были приговорены к тюремному заключению сроком от двух до трех месяцев.

При подавлении стачки лионских шляпников (началась 3 ноября) были произведены аресты и обыски, в результате которых полиция обнаружила (сообщение это требует проверки) существование тайного рабочего союза Л'Оксильер. По делу об этой стачке были арестованы 12 человек. Руководящая роль, возможно, принадлежала Дюфуру и Сорану. Оба они были приговорены к четырехмесячному заключению; прочие — к двухнедельному [198].

Год 1843 г. В доступных нам материалах хроника внепарижской стачечной борьбы за этот год открывается январской забастовкой реннских ткачей и прядильщиц. Заслуживает внимания именно эта совместность организованного участия мужчин и женщин, притом занятых не в одной отрасли, а в двух смежных. Арестованные стачечники были осуждены на короткие сроки: от нескольких дней до месяца [199].

В конце марта в другом районе — в г. Бурже (департамент Шер) — началась стачка плотников, отличавшаяся наступательным характером: это было время оживления строительных работ. Инициативное ядро стачечников, решивших добиться более высокой заработной платы, состояло из 15 человек. Вскоре было собрано

[196] По данным «Газетт де Трибюно», в мае 1842 г. вспыхнула стачка железнодорожных рабочих близ Лувье, в октябре — стачка ткачей лент в Бернэ и стачка рабочих обойных фабрик в Париже, в ноябре — стачка шляпников в Лионе.
[197] «Gazette des Tribunaux», 31.X — 1.XI.1842. Хроника. Корреспонденция из Bernay (Eure), 28 октября.
[198] «Gazette des Tribunaux», 6—7.II.1843. Корреспонденция из Лиона от 3 февраля 1843 г.
[199] «Gazette des Tribunaux», 29.I.1843. Хроника. Департамент Илль-и-Вилен. 26 января.

150 подписей под заявлением, адресованным предпринимателям. Документ, о котором идет речь, гласил:

«Сударь! Бурж, как вы знаете,— город второго класса. Соответственно и оплачиваются в нем продовольственные товары; однако дневные заработки соответствуют [им] только вполовину. Чего стоит рабочий день, оплачиваемый в 30 или 35 су? Рабочие, следственно, предупреждают вас, что ваша стройка отныне и вплоть до пасхального понедельника остановится, если заработная плата не будет увеличена вами по меньшей мере на 50 сантимов» [200].

Сверх того, стачечники требовали, чтобы никто из посторонних, соглашающихся работать по более низким расценкам, не был принят хозяевами. Часть буржских предпринимателей пошла на компромисс: расценки были повышены на 25 сантимов, и работы кое-где возобновились. Прочие предприниматели продолжали упорствовать, и стачка в общем затягивалась. Власти «приняли меры»: организаторы забастовки были арестованы. Суд ограничился мелкими репрессиями — арестами на недельный срок, притом — «наиболее виновных». Следует учесть, что строительное дело оживилось и, следовательно, предприниматели весьма нуждались в рабочей силе.

Несомненно, информация «Газетт де Трибюно» о прочих провинциальных стачках — неполная; например, была вовсе не упомянута в «Газетт де Трибюно» майская стачка фабричных текстильщиков, работавших у Вассарда, в Бодвиле (департамент Нижняя Сена). Причиной стачки послужило снижение заработной платы. Забастовка была подавлена жандармами, руководитель стачки арестован [201].

* * *

О совместных выступлениях мужчин и женщин в стачках уже говорилось выше. Теперь, характеризуя забастовки 40-х годов XIX в., следует отметить возникновение совершенно самостоятельных стачек работниц, провинциальных и столичных. Неподалеку от Парижа, в селении Рюей (департамент Сена-и-Уаза) гладильщицы и прачки приблизительно в течение года — с лета 1842 до весны 1843 г.— добивались, хотя и безуспешно, увеличения заработной платы. 16 мая 1843 г. «шумная колония прачек» селения Рюей организовала забастовку. Условия труда прачек и гладильщиц были невероятно тяжелы: они работали с 3 часов утра до 6 часов вечера, т. е. по 15 часов, получая не более полутора франков в день. Забастовщицы добивались увеличения заработной платы лишь на 25 сантимов в день, но, по приказанию прокурора, несколько работниц, участниц стачки, были арестованы, и забастовка была подавлена [202].

[200] «Gazette des Tribunaux», 5.V.1843. Chronique. Cher, Bourges, 30 avril.
[201] «Mémorial de Rouen», 31.V.1843.
[202] «Gazette des Tribunaux», 17.V 1843. Chronique. Paris, 16 mai.

В начале 1843 г. в Париже произошла забастовка работниц, изготовлявших искусственные цветы [203]. Некий негодяй, Пулон, предприниматель, на которого работала, по выражению цитируемой газеты, целая «армия девушек», сбил с ног депутатку работниц Парсон, ударив ее ногой в живот.

* * *

Из других забастовочных движений, происходивших в Париже в 1843 г., отметим стачку разгрузчиков лесных сплавов. Тяжел и вреден для здоровья был труд этих людей, вынужденных работать ежедневно по 12—15 часов, стоя в воде. Заработки разгрузчиков были неодинаковы. На одном берегу Сены платили больше, на другом — меньше. Разгрузчики, объявившие забастовку, потребовали уравнения расценок. Организаторы стачки были арестованы; суд по этому делу состоялся в конце мая 1843 г.; арестованные были приговорены к кратковременным срокам заключения [204].

Приблизительно через месяц перед судом предстали 15 каменщиков [205]. Организатором забастовки каменщиков был, по судебным данным, рабочий Телье. Стачечники боролись за уменьшение рабочего дня с 13 до 12 часов. Бастовали каменщики, работавшие в различных местах Парижа и его предместий. Телье был заключен в тюрьму на 10 дней (10 других обвиняемых — на 5 дней каждый, один — на 3 дня).

Осенью того же года в Париже разбирались дела по трем другим стачкам:

мездрильщиков, движение которых произошло в сентябре и возникло в связи с введением машины, упрощавшей работу и снижавшей прежние расценки в обработке телячьей и коровьей кожи [206] (стачка произошла на предприятии, принадлежавшем Суайе);

землекопов, занятых в районе Сен-Лазар и организовавших стачку под руководством Перро, тоже в сентябре [207];

плотников, суд над которыми состоялся в октябре; по этому делу были привлечены 22 человека, но фактически на суде присутствовали восемь участников стачки [208].

[203] «Gazette des Tribunaux», 29.I 1843. Chronique. Une insurrection des fleuristes.
[204] Бийар, по прозвищу Миша,— на 10 дней, братья Сорена — на 8 дней и четверо на сроки от 4 до 6 дней.— «Gazette des Tribunaux». 25.V 1843.
[205] «Gazette des Tribunaux», 21.VI 1843.
[206] «Gazette des Tribunaux», 12.X 1843. Chronique. Paris, 11 octobre. «Il en résulte une certaine perturbation dans le pris de la main-d'oeuvre des peaux de veau et vache».
[207] «Gazette des Tribunaux», 5.XI 1843. Chronique. Paris, 4 novembre. Рабочие бастовали два дня, 14 и 15 сентября. Перро был арестован, судим в начале ноября и приговорен к двухнедельному заключению.
[208] Вот опубликованный список обвиняемых: «François dit La Brie, dit la Fidélité, Builliaud dit Bugy, Dupoizat dit Beaujolais, Darbin, Gille dit l'Espérance. Du-

Как и выше, в рамках очерка стачечной борьбы, мы не можем подробно рассказать о тех чисто политических выступлениях, которые имели место в описываемое время. Но отметить одновременность стачек и наиболее замечательных политических движений, разумеется, необходимо. Поэтому и сейчас, говоря о стачках 1843 г., следует обратить внимание на то, что как раз в середине сентября 1843 г. в Париже[209] происходили аресты рабочих, привлекавшихся по «делу улицы Пастурель». Официальная версия была такова: главные члены «обнаруженной» тайной организации (как известно, она была раскрыта провокатором) были схвачены полицией в помещении одного виноторговца, на улице Пастурель; было арестовано 20 человек; при обысках в жилищах арестованных были найдены «мятежные» сочинения, оружие, боеприпасы. «Все эти люди,— сообщала «Газетт де Трибюно»,— принадлежат к рабочему классу, по большей части не имеют средств и в течение долгого времени отказываются работать, что и может объяснить их приверженность к принципам коммунизма, которые, кажется, все они исповедуют»[210]. Через день та же газета повторяла, что почти все арестованные были безработными пролетариями, но уже отмечала и участие в заговоре одного бывшего офицера[211].

Сама пресса, как видим, занималась своеобразной «пропагандой» мысли о том, что именно рабочие (особенно — страдающие от безработицы) являются приверженцами коммунистических теорий. Как известно, вскоре же после этих сообщений обнаружилось, что среди лиц, привлеченных к суду «по делу улицы Пастурель», наряду с рабочими (как, например, жестяники Сиро, Жарески, шляпник Л'От) был и представитель интеллигенции Дурилль, и виноторговец Паризо, и лица, профессии которых оказались неустановленными[212].

Год 1844. Забастовочное движение 1844 г. во многих отношениях сходно со стачечной борьбой в 1842—1843 гг. Но одна забастовка 1844 г. имела особенно крупное значение. Это — длительная и превосходно организованная забастовка шахтеров Рив-де-Жье, историю которой впервые осветил академик Е. В. Тарле[213]. Здесь можно ограничиться лишь кратким рассказом об этой стачке.

Стачка началась 3 апреля 1844 г. и продолжалась около полутора месяцев. Шахтерам оказали поддержку широкие слои городского и сельского населения Рив-де-Жье. Забастовщики Рив-де-Жье держали связь с рабочими других промышленных центров. «Сильно организованный бунт»,— так характеризовали стачку 1844 г. местные власти. Прибытие в Рив-де-Жье крупных воинских частей не остановило стачки. Организованность и упорство забастовщиков, широкая, приобретавшая серьезное политическое значение поддержка шахтеров окрестным населением — факты, сами по себе достойные пристального внимания. И эти факты не покажутся удивительными, если мы вспомним о предшествующих забастовках в Рив-де-Жье, описанных выше, например о февральско-мартовской стачке 1840 г. Но замечательной особенностью забастовки 1844 г. является резко выраженный интерес шахтеров к коммунистическим идеям. Случайно в Рив-де-Жье прибыла Флора Тристан. И, как оказалось, речи Тристан не производили почти никакого впечатления на рабочих. «Они с пренебрежением относятся к ее утопиям и не хотят внимать никаким учениям, кроме коммунизма»,— доносил правительству хорошо осведомленный прокурор. Среди стачечников тайно распространялась брошюра некоего Жюля Ле Ру «Буржуа и пролетарии». Ле Ру доказывал в этом своем сочинении, что независимо от различия профессий «народ пролетариев — одна семья». Брошюра Ле Ру поясняла, что только раб «живет для того, чтобы работать»; свободный человек «работает, чтобы жить». Эти слова выражали, как видим, ту же идею, что и лозунг лионских инсургентов 1831 г.: «Жить, работая, или умереть, сражаясь».

Выше уже говорилось, что междоусобные схватки французских рабочих, а также стачки французов с рабочими другой национальности становились все реже и реже. Следует добавить, что информация прессы о подобных схватках требует особенно тщательной проверки.

Вот, например, два сообщения:

1. Кровавое побоище в Анжере между рабочими одной и той же профессии, но разных корпораций: булочниками Compagnons и булочниками Sociétaires (сентябрь 1841 г.)[214]

2. Кровавое столкновение в Лионе между рабочими одной и той же профессии: ткачами Ferrandiniers и ткачами Sociétaires dits Renégats (август 1846 г.).

При беглом чтении первое из этих сообщений могло бы послужить иллюстрацией консерватизма, отсталости определенных прослоек рабочего класса. В сопоставлении же со вторым сообщением

---

jour, Ducan dit Bordelais dit Bon-Accord, Malette, Ile-de-France, Bourguignon, Saint-Gu, Poitevin dit Va-de-Bon-Coeur, Bergeret, Coudon, Devaux dit Saintonage; Duluc, Gros bec, Labbé, Raymond, Béarnais et Gascon». Имена сопровождались или даже заменялись, как видим, характерными прозвищами («Gazette des Tribunaux», 28.X 1843). Плотники Жилль и Дюфур были приговорены к трехмесячному заключению, 19 других участников — к двухмесячному и один — на месяц.

209 «Политические аресты были произведены вчера и сегодня»,— говорилось в парижской хронике, датированной 16 сентября.— «Gazette des Tribunaux», 17.IX 1843.

210 «Gazette des Tribunaux», 17.IX 1843.

211 «Gazette des Tribunaux», 18—19.IX 1843. Chronique. Paris, 18 septembre.

212 «Gazette des Tribunaux», 13.XII 1843.

213 *E. Tarlé.* La grande coalition des mineurs de Rive de Gier en 1844.— «Revue historique», 1936, vol. 177, fasc. 2, p. 249—278.

214 «Gazette des Tribunaux», 25.IX 1841.

анжерская схватка может получить совсем иное освещение. Не были ли Sociétaires разновидностью фурьеристского течения, сторонниками одних лишь мирных средств борьбы? Информация, напечатанная на страницах «Газетт де Трибюно», сама по себе отнюдь не дает основания для этого предположения: дело изображается так, что старинная ассоциация феррандиньеров, названная якобы по имени Феррана, ее основателя, была обществом филантропическим; но вот, мол, неизвестно, с какого времени появились среди феррандиньеров раскольники, прозванные своими собратьями по профессии «ренегатами»[215], Мы знаем, однако, что профессиональная организация феррандиньеров образовалась как союз пролетарских элементов лионской шелкоткацкой мануфактуры и именно в противовес мютюэллистам, в состав которых входили ткачи — хозяева мастерских. Революционность феррандиньеров не подлежит никакому сомнению; и если с определенного времени неких участников ассоциации рабочие именуют ренегатами и избивают их, то вряд ли требуется особая проницательность, чтобы разгадать политический смысл всего этого дела. Весьма вероятно, что неизвестная корреспонденту «Газетт де Трибюно» дата расхождений, возникших в союзе ткачей-феррандиньеров, восходит к первой половине 40-х годов. Заметим, что в 1844 г. в Лионе подверглась разгрому обнаруженная полицией тайная революционная организация, имевшая типографский пресс, производившая оружие (мушкетоны) и боевые припасы. По сообщениям цитируемой прессы, организационный центр, объединявший различные тайные общества, существовал в Лионе с 1841 г. Одним из этих тайных союзов было общество «Сан Ном» («Общество без названия»)[216].

Только с постоянным учетом растущей сознательности пролетариата и его готовности к участию в политической борьбе можно понять ту, казалось бы, противоречивую информацию прессы, которая освещала описанные выше междоусобные столкновения пролетариев французов или стычки французских рабочих с рабочими какой-либо другой национальности.

Поскольку сейчас мы рассматриваем события 1844 г., отметим, что почти в то же время и в одном и том же городе — в Париже — взаимоотношения французских рабочих с рабочими-иностранцами принимали (внешне!) совершенно различные формы.

1. В феврале 1844 г. разбиралось дело о кровопролитной схватке, происходившей в июне 1843 г. между французами и бельгийцами, которые работали на линии пресловутых парижских фортификаций: французы избили бельгийцев, причинили им ранения; из четырех арестованных французских рабочих двое были приговорены к тюремному заключению на два года каждый[217].

Случай этот, взятый изолированно, без тщательного изучения причин столкновения, возможно, был бы использован в качестве

[215] «Gazette des Tribunaux», 15.X 1846.
[216] «Gazette des Tribunaux», 22.IX 1844.
[217] «Gazette des Tribunaux», 7.II 1844.

иллюстрации «ксенофобии» парижских пролетариев, их нежелания и неумения устанавливать правильные взаимоотношения с рабочими другой национальности.

Но картина взаимоотношений с иностранцами представится нам в ином свете, если мы обратимся к другому событию, освещенному в корреспонденции от 11 декабря 1844 г.

2. В декабре 1844 г. шестая палата исправительного трибунала разбирала дело о совместном забастовочном движении французских и бельгийских землекопов, занятых на линии парижских фортификаций. Главарем французских стачечников был Довилье (Dauvilliers). Кроме Довилье, привлечены были Кизер, Кюилан, Деберде, Минкан (Minkens), Ванейсбрюгган (Vanheisbruggen). Некий Тимарш, французский подрядчик, лично побывавший в Антверпене, завербовал там 30 бельгийских землекопов, будто бы для ускорения земляных работ на фортификациях Монруж. По прибытии в Париж бельгийцы установили контакт с французскими землекопами, и 25 октября 1844 г. они потребовали, вместо предложенных им низких сдельных расценок, поденной платы из расчета 2 франка в день. Впоследствии Тимарш признал, что по договору бельгийцы и должны были первоначально получать поденную, а не сдельную плату. Но в октябрьские дни 1844 г. Тимарш отказался удовлетворить требования бельгийцев. Тогда бельгийцы объявили забастовку, и к этой забастовке немедленно же присоединились французские землекопы. По доносу Тимарша Кизер и Кюилан были арестованы. В знак протеста все завербованные бельгийцы покинули Париж и вернулись на родину.

Довилье был приговорен к трехмесячному тюремному заключению[218].

* * *

Из прочих столичных забастовочных движений 1844 г.[219] наибольшего внимания заслуживает одно выступление — стачка рабочих обойных фабрик, находившихся в Сент-Антуанском предместье. Первая заметка, извещавшая, что стачка началась уже «с некоторого времени», появилась в «Газетт де Трибюно» 28 июля 1844 г. Целью стачечников было увеличение заработной платы. Многие факты придавали стачке особенно важное значение, в частности:

1. Довольно большое количество арестованных по делу об этой забастовке — около 30 человек[220].

2. То обстоятельство, что среди арестованных были не только рабочие фабрик бумажных обоев, но также и рабочие других

[218] «Gazette des Tribunaux», 11.XII 1844.
[219] Например, стачка пуговщиков, отмеченная лаконическим сообщением в «Gazette des Tribunaux», 18.III 1844; стачка парижских столяров, изготовляющих стулья; трое руководителей были присуждены к двухнедельному заключению каждый.— «Gazette des Tribunaux», 28.VIII 1844.
[220] «Gazette des Tribunaux», 28.VII 1844.

профессий, мужчины и женщины, так, например, Эжени-Виктуар Каппель, прачка, 26 лет; Мари-Катрин Нинон, портниха, 24 лет; Мари-Антуаннетт Шабронье, перчаточница, 46 лет [221].

3. «Посторонние», т. е. не занятые на обойных фабриках рабочие, арестованные по этому делу, были привлечены к суду за активное содействие стачке: они силою мешали штрейкбрехерам, называвшимся тогда «берленго» (berlingots), занять места бастующих рабочих.

4. Стачечники уже за несколько лет до начала этой забастовки имели свою профессиональную организацию — «Братское общество рабочих-печатников». Официально, как и в других, аналогичных случаях, целью организации была взаимопомощь, содействие безработным, больным товарищам. Но «Братское общество» имело свою кассу, снабжавшую стачечников денежными средствами. Вожаком «Братского общества» был Тома, его ближайшие соратники — Фонтэн и Боше.

5. Частично волнения рабочих обойных фабрик начались еще в первые месяцы 1844 г.; это была забастовка у фабриканта Риотто, который сразу же прибегнул к «берленго» (частью — иностранцам), за что и был избит забастовщиками.

6. Риотта продолжал упорствовать и для противодействия рабочим организовал «стачку предпринимателей». Фабрикант Севестр, сочувствовавший рабочим [222], заявил на суде, что Риотто и его союзники, стремившиеся к снижению заработной платы, устраивали регулярные встречи ежемесячно или один раз в два месяца. Вожаки стачки — Тома, Фонтэн и Боше — до поступления к Риотто работали у Севестра, и он охарактеризовал их на суде как людей добросовестных и хорошо знающих свое дело. Но ни юридическое равенство виновности сторон, ни эта положительная характеристика, ни участие в защите Эмманюеля Араго не помешали суду приговорить к тюремному заключению большое число рабочих [223].

---

[221] «Gazette des Tribunaux», 16—17.VIII 1844. Вот весь список арестованных по делу об этой стачке: Тома (Thomas) по прозвищу Пуло, 44 лет; П. Фонтэн, 36 лет; Э. Манту, 31 года; Э. Боше, 37 лет; П. Данве (Danvey), 27 лет; Ф. Россиньоль, 20 лет; Ж. Моро, 17 лет; О. Паннье, 14 лет; Ш. Анри, 20 лет; Л. Гийо (Guillot), 15 лет; Л. Гилльемино, 29 лет; Ж. Фосс, 28 лет; А. Трупель (Troupelle), 27 лет; Ж. Орто, 19 лет; О. Пиуфф, по прозвищу Жамбон, 17 лет; Ж. Сен-Ланн, по прозвищу Лала, 27 лет; Ж. Лекар, 21 года; Л. Мартен, 14 лет; К. Шова, 25 лет; М. Марешаль, 17 лет; А. Руайэ, 19 лет; М. Бурдон, 39 лет; И. Анрион, 17 лет; Ж. Энн, по прозвищу Кошэ, 16 лет; и, кроме того, названные выше работницы.

[222] «Gazette des Tribunaux», 18.VIII 1844. Tribunal correctionnel de Paris.

[223] Фонтэна — на восемь месяцев; Боше, Манту, Бурлэ — на три месяца каждого; Эмбера, Россиньоля, Трупеля, Орто, Роже, Бурдона, Сен-Ланн — к двум месяцам каждого; Анри — к одному месяцу; Марешаль, Шове, Анрион — к 15 дням каждого; Пиуфф, Моро, Энн — к восьми дням. Апелляционная палата внесла сравнительно немного изменений в этот приговор.— «Gazette des Tribunaux», 21.VIII 1844.

Множество рабочих той же профессии заполняли помещение, коридоры и лестницы судебной палаты [224]. Дело это долго и шумно комментировалось в рабочих кварталах Парижа. Судебные приговоры не поколебали решимости рабочих: в конце 1844 г. забастовка на фабриках бумажных обоев в Сент-Антуанском предместье возобновилась, и по приказу парижского префекта последовали новые аресты [225].

Год 1845 характеризуется как переходное время к новому и последнему этапу истории Июльской монархии. Наиболее тяжкие экономические, продовольственные бедствия были еще впереди, но во второй половине 1845 г. они уже начинались в связи с возникшей тогда в Европе картофельной болезнью (в Бельгии и Голландии она обнаружилась еще в 1844 г.). Во Франции недород картофеля составлял приблизительно 25% обычного урожая, а урожай хлеба в 1845 г. был на одну треть меньше, чем в 1844 г.

Однако во многих отраслях производства еще продолжался подъем. Поэтому можно считать, что забастовочная борьба 1845 г. примыкает к предшествующему, уже описанному этапу. По крайней мере таковы были мартовская стачка портовых рабочих в Тулоне [226], апрельская забастовка наборщиков в Лионе [227], бурное выступление лионских пильщиков в августе, завершившееся многочисленными арестами [228], и осенние стачки строительных рабочих в Париже [229]. Все эти движения возникали в борьбе за сохранение или увеличение заработной платы.

14

Забастовочная борьба в годы складывания революционной ситуации

Обычно мы обозначаем время появления новой революционной ситуации во Франции 1847 г., точнее — кануном февральской буржуазно-демократической революции, что включает и первые месяцы 1848 г., когда во Франции созрела в точном смысле слова непосредственная революционная ситуация. Присматриваясь же пристальнее к картине социальной жизни во Франции в 1846 г., следует констатировать, что уже в это время, в 1846 г., явственно обнаружились два признака революционной ситуации: обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов и значительное повышение активности масс.

Как раз в 1846 г. во Франции картофельная болезнь получила особенно широкое распространение. Осенью 1846 г. гектолитр кар-

---

[224] «Gazette des Tribunaux», 18.VIII 1844.

[225] «Gazette des Tribunaux», 30—31.XII 1844.

[226] «Gazette des Tribunaux», 9.III 1845.

[227] «Gazette des Tribunaux», 7.VI 1845.

[228] «Gazette des Tribunaux», 19, 23, 24.VIII 1845.

[229] «Gazette des Tribunaux», 13.VII, 21—22.VIII, 9—10.X 1845, 8.I 1846.

тофеля стоил в Париже около 14 франков. И в то же время, осенью 1846 г., обнаружилось, что урожай хлеба был еще гораздо хуже, чем в 1845 г. Ниже мы дадим более широкое освещение вопроса о движении продовольственных цен в последние годы Июльской монархии. Здесь достаточно констатировать, что одновременно с ростом дороговизны забастовочное движение 1846 г. ознаменовалось резкой активизацией, притом особенно — в провинции.

К характеристике забастовочной борьбы в 1846 г. мы и должны теперь обратиться. Но раньше отметим существенное обстоятельство: если в 1846 г. еще и не сложилось полностью третье условие революционной ситуации — «кризис верхов», то признаки его созревания заметно проявлялись. К сожалению, эта сторона политической жизни Франции с указываемой точки зрения мало освещалась историками [230]. Не претендуя восполнить здесь весь пробел, мы не можем, однако, пройти мимо таких явлений, знакомство с которыми необходимо для лучшего понимания исторических условий забастовочной борьбы 1846 г.

Среди революционизирующих факторов европейского значения в 1846 г. особенно заметное место занимало Краковское восстание 22 февраля 1846 г. «Польша снова проявила инициативу, но это уже не феодальная Польша, а демократическая Польша, и с этого момента ее освобождение становится делом чести для всех демократов Европы» [231].

Подчеркнем же, что во Франции сочувствие польскому восстанию 1846 г. проявляли, в противовес правительству, различные политические группировки. Сочувственные отклики публиковались во множестве газет — столичных и провинциальных. Более того, политические деятели организованно переходили от слов к делу: к сбору денежных средств в пользу польских повстанцев. Эта кампания должна привлечь внимание историка, интересующегося генезисом революционной ситуации 1847 г. «Весь Париж занят только одним делом, делом Польши»,— писала в середине марта 1846 г. «Ля Газетт де Франс». Но не только «весь Париж», а одновременно и провинция (например, редакции газет «Ле прогре дю Па-де-Кале», «Ле Журналь де Руан», «Журналь дю Авр», «Ле Либераль дю Нор») присоединялась к выступлениям, которые объективно превращались в широкую антиправительственную демонстрацию, в движение, объединявшее силы оппозиции; фактически дело не ограничивалось сбором пожертвований: в различных городах манифестанты, бо́льшую часть которых составлял, разумеется, трудящийся люд, пели «Марсельезу», прерывая это пение

[230] С удовлетворением можно констатировать, что Ф. Понтейль в своей монографии об оппозиции в Страсбурге сумел отметить противоречивость политической конъюнктуры 1846 г.; он писал, что 1846 год — апогей господства консерваторов и вместе с тем — поворотный момент в истории Июльской монархии.

[231] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 491.

возгласами: «Да здравствует Польша!», «Долой Гизо, долой Луи-Филиппа!» Так было, скажем, в Дижоне, где вслед за демонстрацией 19 марта, уже породившей стычки с солдатами, ожидалось присоединение республиканцев — жителей окрестных деревень [232]. В Мане по улицам прошло 6 тыс. демонстрантов-республиканцев. Подобные же манифестации наблюдались и в других департаментах.

И в этих выступлениях, несомненно, играли роль провозвестника «кризиса верхов», их неспособности «управлять по-старому», такие факты, как приобщение в г. Лилле представителей высшего военного командования и «именитых граждан» к кампании денежных сборов в пользу поляков. С разрешения генерала Легрие унтер-офицеры местного гарнизона верхом на конях подъезжали к окнам домов и, пользуясь длинными шестами, собирали пожертвования из различных этажей. Сообщая об этих фактах, оппозиционная пресса констатировала растерянность правительства и, главное, противоречивость его действий, выражавшуюся в одних местах в подавлении описываемого движения, в других — в невольном «смирении», отступлении перед лицом противника. Во второй половине 1846 г. созревание условий революционной ситуации проявлялось еще заметнее, и большое значение в этой обстановке приобретало то «напугавшее капиталистов» резкое падение «французских фондов», которое отметил в своем дневнике в ноябре 1846 г. австрийский посол граф д'Аппони [233].

Из хроники рабочего движения в провинции в 1846 г. особенно важно отметить (не останавливаясь на мелких выступлениях) возобновление забастовок шахтеров, возникавших с марта до августа 1846 г. в разных промышленных центрах; две стачки фабричных текстильщиков в Эльбефе (одна — в марте, другая — в октябре); волнения рабочих разных профессий, вспыхнувшие 21—22 ноября в Туре (департамент Эндр-и-Луар).

Движение шахтеров в 1846 г. началось с мартовской стачки в каменноугольном бассейне Сент-Этьенна. На этот раз движение возникло в селении Д'Утр-Фюран. По утверждению одной сент-этьеннской газеты, не все забойщики страдали от низких расценок: иные будто бы зарабатывали по 4 франка в день [234]. Если это и верно, то стачка, начавшаяся в Д'Утр-Фюран 30 марта, приобретает особый интерес в том отношении, что основной причиной выступлений шахтеров оказывалась борьба против «монополий». Забастовочные движения в том же бассейне и по тем же мотивам возникали и раньше (во всяком случае до 4 марта), причем и городской совет Сент-Этьенна под влиянием волнений шахтеров, высказывался против «монополий» и даже пересылал в Париж членам палаты депутатов свое постановление, размноженное в

[232] «La Gazette de France», 26.III 1846. Перепечатка из местной газеты «Спектатер де Дижон».

[233] «Journal du comte d'Apponyi», [t. IV]. Paris, 1926, p. 100 (9 novembre 1846).

[234] «La Gazette de France», 4.IV 1846.

1000 экземпляров [235]. Но волнения, вспыхнувшие 30 марта в Д'Утр-Фюран, отличаются крайней ожесточенностью. «Дети и женщины с силой атаковали солдат, чтобы вырвать у них арестованных [забастовщиков]»[236]. Тяжелые камни, булыжник, вырытый из мостовой,— таково было единственное оружие возмутившихся рабочих, и, когда оно было пущено в ход, тотчас же, без законных «предупреждений», солдаты открыли убийственный огонь. Отметим, что в схватке с солдатами участвовали не только шахтеры, но и рабочие других профессий. Среди убитых и раненых были: сент-этьеннский позументщик Барре; рабочий кузнечного цеха Берже; Бехорж — каменотес; Озоль — бочар [237].

30 июня 1846 г. забастовали шахтеры Анзена (департамент Нор), несколько раз вступавшие в ожесточенные схватки с жандармами [238]. Причиной этих сильных и продолжительных волнений в Анзене было мошенническое снижение заработной платы посредством введения новых, увеличенных кареток.

Из двух забастовок в текстильном центре — Эльбёфе — первая, 22—23 мая, ознаменовалась баррикадными боями [239]; вторая, начавшаяся в октябре,— участием в забастовке одновременно с текстильщиками также и рабочих других профессий [240].

Третье из наиболее значительных массовых волнений 1846 г. произошло, как уже было сказано выше, в Туре, 21—22 ноября. Выступление турских рабочих тоже приняло форму ожесточенной баррикадной борьбы. Но что особенно важно— в этом выступлении обнаружились одновременно две замечательные черты: политический характер волнений и связь турских пролетариев с крестьянством, с сельской беднотой окрестностей г. Тура [241].

Из парижских забастовок удостоились внимания «Газетт де Трибюно» апрельская стачка портных, добивавшихся сокращения рабочего дня с 13 до 12 часов [242], и декабрьское выступление кожевников, требовавших увеличения заработной платы [243].

Год 1847. Это — год экономического кризиса, год сложившейся революционной ситуации [244]. Именно как канун февральской революции это время привлекало внимание многих историков, попутно или специально освещавших стачечную борьбу перед революцией 1848 г. Разрозненные данные о стачках 1847 г. представлены на страницах локальных исследований, о которых говорилось выше. Общая же картина стачек 1847 г. была впервые дана, на основе

[235] «La Gazette de France», 4.III 1846.
[236] «La Gazette de France», 4.IV 1846.
[237] Ibidem.
[238] «Gazette des Tribunaux», 10, 12, 15, 17, 21.VII 1846.
[239] «Gazette des Tribunaux», 23.VII 1846.
[240] «Gazette des Tribunaux», 29—30.X 1846.
[241] «Gazette des Tribunaux», 24.XI, 2.XII 1846.
[242] «Gazette des Tribunaux», 10.VI 1846.
[243] «Gazette des Tribunaux», 8.V 1847.
[244] Эта революционная ситуация освещена шире в книге «Революции 1848—1849 гг.», т. I. М., 1952, гл. 1.

самостоятельного исследования (по материалам республиканской газеты «Реформа»), советским историком Л. А. Бендриковой.

Л. А. Бендрикова пришла к выводу, что в 1847 г. наибольший размах забастовочное движение имело в июле, августе и сентябре. «Причиной всех стачек, описываемых в газете «Реформа», является низкая заработная плата или ее снижение» [245]. К числу прежних мотивов снижения заработной платы в 1847 г., несомненно, присоединялось стремление предпринимателей возложить на рабочих главную тяжесть экономического кризиса. Из нескольких, отмечаемых в 1847 г. провинциальных стачек (например, каменщиков — в Нанте, плотников — в Ренне, ткачей — в Роанне, шахтеров — в Сент-Этьенне, землекопов — в Ремиды, текстильщиков — в Эльбере, шахтеров — в Анзене, канатчиков — в Сен-Мало, прядильщиков — в Танне, конопатчиков — в Сен-Мало и Бресте) особенно замечательна была забастовка каменщиков Нанта: она продолжалась около трех месяцев! «Многие каменщики ушли из Нанта в окружающие деревни, где работали за плату, которая была намного ниже прожиточного минимума. Рабочие голодали, но не шли работать в Нант» [246]. 14 каменщиков были арестованы, и трое из них были присуждены к восьми годам тюремного заключения каждый. Возобновив работы в сентябре, после того как в Нант прибыли воинские части и усиленные отряды жандармерии, каменщики все еще не отказывались от своих требований.

По сравнению с провинцией Париж и в 1847 г., когда в условиях тяжелого экономического кризиса все классовые противоречия обострились, отличался внешним спокойствием. Кажущееся спокойствие парижского пролетариата было вполне закономерным явлением: оно свидетельствовало не о слабости, а о силе рабочих, об их понимании политической особенности данного момента, требующего уже иной, высшей формы классовой борьбы, т. е. *революции*. Вот наиболее авторитетное пояснение причин этого кажущегося спокойствия парижских рабочих в 1847 и в начале 1848 г.

«О революции они разговаривают мало,— это вещь, не вызывающая сомнений, вопрос, в котором все до единого сходятся» [247]. Момент революции еще не настал; и только поэтому, чтобы не распылять своих сил, парижские рабочие сохраняют спокойствие. Но «в тот момент, когда столкновение между народом и правительством станет неизбежным,— они вмиг окажутся на улицах и площадях, разроют мостовые, перегородят улицы омнибусами, повозками и каретами, забаррикадируют каждый проход, каждый

[245] *Л. А. Бендрикова.* Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции.— «К столетию революции 1848 г.» М., 1948, стр. 170.
[246] Там же, стр. 165.
[247] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 364.

узкий переулок превратят в крепость и двинутся, сметая все препятствия, от площади Бастилии к Тюильрийскому дворцу»[248].

Так, с гениальной проницательностью еще за три месяца до революции характеризовал Энгельс главнейший результат длительного развития классового самосознания французских рабочих. Этот результат наиболее глубоко и резко выразил прогрессивное значение происходившего во Франции промышленного переворота.

Становится очевидной ложность обобщений, пропагандируемых реакционной буржуазной историографией со времен Левассера до наших дней. Но воздержимся пока от противопоставления наших выводов обобщениям буржуазных историков. Ведь мы рассмотрели только одно из направлений массовых движений — стачечную борьбу. И не только революционная ситуация, но ни один из всех других этапов истории Июльской монархии не получит правильного освещения, если мы ограничимся изучением только одного направления массовых движений. Существенный вопрос истории самих стачек — определение их исторического значения — не может быть правильно решен без изучения таких массовых движений, как продовольственные волнения и сопротивление грабительской налоговой политике Июльской монархии.

Обратимся к этим движениям.

[248] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 4, стр. 364.

БОРЬБА НАРОДНЫХ МАСС ПРОТИВ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ ИЮЛЬСКОЙ МОНАРХИИ

Правительство Июльской монархии с первых лет своего прихода к власти увеличило налоговое обложение народных масс. Ранее существовавшие налоги были умножены, и в то же время был расширен контингент налогоплательщиков: в него были включены такие слои населения, которые раньше, по бедности, прямыми налогами не облагались.

Это значительное увеличение налоговых тягот, относившееся не к тысячам, а к миллионам людей, представляет одну из характерных особенностей режима «финансовой аристократии».

Поэтому и народные волнения, возникавшие на почве налоговой политики, имели свое, особое значение: они служили выражением массового протеста против экономического, социального и политического засилия «финансовой аристократии». То обстоятельство, что сообщения о волнениях этого рода появлялись больше в 40-х, чем в 30-х годах, само по себе заслуживает внимания: оно является одним из показателей нараставшего кризиса Июльской монархии.

1

Выступления против налогов в 1840 году

В январе 1840 г. волнения, вызванные сбором различных рыночных пошлин, произошли в Восточной Франции, в г. Маконе; в январе и в апреле — на Юге, в г. Фуа; в конце апреля — в северо-западном районе, в бретонском городке Каллак (департамент Котдю-Нор).

Остановимся на бурном возмущении в Фуа, главном городе департамента Арьеж.

Даже по официальным данным, раненых и убитых участников возмущения было не менее 27 (9 убитых и 18 раненых)[1]; но тулузская газета «Л'Эмансипасион» приводила письмо, автор которого утверждал, что только одних убитых было 40 человек[2].

[1] Такова была, например, информация «Монитер Паризьен», воспроизводившаяся многими газетами.

[2] «Gazette des Tribunaux», 18.I 1840.

Вот подробности этого события, вызвавшего шумные отклики в прессе и на парламентской трибуне.

В конце 1839 г. муниципалитет Фуа приобрел пустырь, предназначавшийся в качестве Марсова поля и вместе с тем для прогона и продажи скота. Военное министерство согласилось уплатить только половину стоимости этой земли; другую половину, по королевскому указу, должен был заплатить город. Муниципальные власти решили взыскать эту сумму с продавцов скота, т. е. в основном с окрестных крестьян, обязав их уплачивать, начиная с 13 января 1840 г. (день большой ярмарки), новую рыночную пошлину. Пошлина была невелика, будто бы по 25 сантимов с пары быков, как сообщал из Фуа частный корреспондент «Газетт де Франс»[3]. Одни только местные торговцы, жители Фуа, согласились подчиниться указу; крестьяне-скотоводы, прибывшие утром 13 января в Фуа, объявили новую пошлину незаконной и категорически отказались ее платить. До 9 часов утра столкновений на рынке не было; но вот перед взволнованным народом появились высшие местные власти: де Бантель, арьежский префект, тип глуповского градоначальника Брудастого. Вместе с префектом появился мэр г. Фуа, а также жандармы и солдаты. Не легко воспроизвести точную картину последующих событий. При появлении де Бантеля волнения сразу усилились, и оба градоправителя — префект и мэр — были ранены брошенными в них камнями[4]. Тотчас же солдаты стали стрелять. Позднее сам министр внутренних дел заявил, что судебное следствие не смогло достоверно установить, были ли сделаны предусмотренные законом «предупреждения»[5]. Особого внимания заслуживает тот факт, что в определенный момент в Фуа хлынуло множество окрестного трудящегося люда; по сообщению «Монитер Паризьен», как раз около 10 часов утра «две или три сотни человек из Баргийер (плодородная долина близ Фуа) прибыли скопом, вооруженные дубинами»[6].

По ранее составленному плану эти люди заняли большие улицы, одновременно атаковали заставы и принудили отступить воинские пикеты у застав, которые были разрушены народом. По версии «Монитер Паризьен», лишь после вторжения в город вооруженных крестьян префект прибыл на рынок. Тысячи возмущенных людей (по одним данным — две, по другим — более многочисленным показаниям — шесть тысяч человек) были непоколебимы в своем решении добиться отмены новой пошлины. По-видимому, де Бантель, столь же трусливый, как и жестокий, не выдержал столкновения лицом к лицу с народом и без узаконенных «предупреждений» приказал стрелять. «Победивший» префект всю ночь отсиживался в казарме. Только с прибытием в Фуа сильных воинских частей возмущение было подавлено. Суд обвинил некоего Лейшю из деревни Альзен и крестьянина Пенсше из Сен-Мартена как наиболее активных «зачинщиков»[7].

В апреле 1840 г. снова вспыхнули волнения в Фуа. Не представляя ничего экстраординарного, они вследствие особенно наглого поведения префекта привлекли пристальное внимание общественности и долго комментировались в прессе, в Париже и в провинции.

22 апреля 1840 г. крестьяне-скотоводы опять отказались платить рыночную пошлину. Весь город помнил, конечно, о недавнем, январском, кровопролитии; Жоффрес, мэр Фуа, хотел уладить конфликт мирным путем, но префект, все тот же де Бантель, невзирая на сопротивление мэра, решил «ружейным огнем выбить копеечный налог»[8]; по его приказу на рынок были двинуты воинские части. Торговля мгновенно прекратилась; крестьяне увели скот с рынка[9]. Жоффрес и его заместитель в знак протеста против действия префекта сложили свои полномочия. Члены муниципального совета и множество жителей Фуа явились к мэру и публично выразили ему свое одобрение.

Между тем префект продолжал терроризировать население. На другой день после базара в Фуа должна была состояться ярмарка в селении Сен-Поль, где, кстати сказать, жили рабочие железоделательных заводов. В свое время, 11 марта, ярмарка в Сен-Поле вследствие дурной погоды была отменена и по решению мэра селения Сен-Поль перенесена на 23 апреля без согласования с префектом. Мэры окрестных деревень расклеили соответствующие извещения об этом решении. Но в ночь на 23 апреля селение Сен-Поль было оккупировано двумя сотнями солдат и шестью жандармскими бригадами, прискакавшими из окрестных городов и сел. Велико было изумление крестьян, на рассвете пригнавших свой скот в Сен-Поль, когда они вдруг увидели перед собой, на площади св. Павла, озаренный ярким апрельским солнцем вооруженный лагерь! Де Бантель придумал этот сюрприз в отместку мэру, но он опять просчитался. Крестьяне — продавцы скота — сразу повернули в обратный путь, к своим домам в горы. Так вторично были сорваны торги, имевшие немалое значение для купцов и очень большое — для крестьян; срыв этой торговли «разорял... горцев, не обладавших никакими другими ресурсами, кроме продажи скота»[10]. Де Бантель был, наконец, отозван из департамента Арьеж для

---

[3] «La Gazette de France», 19.I 1840.

[4] «Gazette des Tribunaux», 18.I 1840. Troubles à Foix; «La Gazette de France», 19.I 1840. Частная корреспонденция, появившаяся в этой газете, отмечала, что крестьяне-скотоводы не были предупреждены о введении новой пошлины и, «как обычно», прибыли в Фуа без гроша в кармане.

[5] «Gazette des Tribunaux», 8.III 1840.

[6] «Gazette des Tribunaux», 19.I 1840. Troubles à Foix. Перепечатка из «Монитер Паризьен».

[7] «Gazette des Tribunaux», 27—28.I 1840.

[8] Так писал корреспондент «Gazette des Tribunaux», 27—28.IV 1840.

[9] «La Gazette de France» перепечатала корреспонденцию от 22 апреля из Фуа в тулузский орган «Л'Эмансипаспон»; автор этой корреспонденции добавлял, что вся сумма уплаченных в этот день рыночных сборов не превышала «85 сантимов».

[10] «Gazette des Tribunaux», 27—28.IV 1840.

выполнения «других функций»[11]. И именно в это время, стараясь оправдаться, он выдал тайну пресловутого «вспомоществования» семьям убитых в Фуа в дни январских волнений 1840 г.: 25 тыс. франков были действительно ассигнованы, но они никогда не были получены де Бантелем, так как в это дело вмешался Тьер, который и приостановил выдачу ассигнованных средств, чтобы не причинять ущерба «авторитету» префекта-палача!

Замечательное выступление произошло в дни 30 апреля — 1 мая в Каллаке. Получив от Луи-Филиппа разрешение ввести в этом небольшом городке налог на ввозимые продовольственные товары, местные власти приказали водрузить при въезде в город таможенные столбы. Как только столбы появились, более 600 человек ринулось к городской заставе. Столбы были мгновенно разрушены[12]. С прибытием в Каллак прокурора, супрефекта и жандармерии началось возмущение не только в Каллаке, но и «во многих окрестных деревнях»; по набатному сигналу отовсюду собралось множество народа, вооружившегося дубинками и вилами. Жандармский отряд был смят, два жандарма ранены, дома, в которых жили мэр и мировой судья, разгромлены[13].

Тогда муниципальный совет Каллака публично заявил об отмене налога октруа. По-праздничному была освещена городская площадь: народ весело праздновал свою победу. Тем временем префект департамента Кот-дю-Нор готовился к репрессиям. Он вызвал воинские отряды из Сен-Брие и других окрестных городов. 3 мая, опираясь на эти вооруженные силы, префект, прибывший в Каллак со сворой других чиновников, восстановил октруа и арестовал около 25 участников выступления. Однако суд присяжных (дело это слушалось в течение 10 дней в Сен-Брие) освободил обвиняемых в конце июля того же года[14].

2

Волнения, связанные с переписью 1841 года

Понятно без комментариев, какое значение имела, с точки зрения фиска, регулярная перепись населения, а также и опись всех движимых и недвижимых объектов налогового обложения (к числу этих объектов принадлежали во Франции окна и двери). Но со времени переписей 1800 и 1808 гг., считающихся первыми во Франции полными переписями народонаселения, подобные статистические операции долго не возобновлялись. Ордонанс Людовика XVIII от 16 января 1822 г. предписывал производить регулярно (через каждые пять лет) статистические переписи населения. Правительство Луи-Филиппа не ограничилось переписью населения; в 1841 г. во всех департаментах Франции, в городах и деревнях должны были появиться статистики, одни — для переписи населения, другие — с явно фискальной целью: пересчитать и описать объекты налогового обложения. Не удивительно, конечно, что широкие трудящиеся массы, особенно в деревнях, не желали и слушать разъяснений о «пользе» этих переписей и о различиях между статистической переписью населения и переписью объектов налогового обложения. Всех статистиков, появлявшихся на местах, народ встречал как врагов и во многих департаментах в связи с переписью вспыхивали мощные волнения. Они происходили в южных, в юго-западных, юго-восточных департаментах, в южной части центрального района и на Севере Франции, в департаменте Нор[15].

Волнения на Юге

9 августа 1841 г. в Ливенак-ле-О (департамент Авейрон) одно лишь появление налогового инспектора (прибывшего, кстати сказать, вовсе не для описи дверей и окон) подняло на ноги сотни крестьян, ремесленников, рабочих. В самом Ливенак-ле-О собралось около 300 человек, в том числе большое количество рабочих, занятых навигационным устройством русла реки Ло[16]. Народ грозил умертвить налогового инспектора. Заместитель мэра обратился с «увещеваниями», но и ему вслед за налоговым инспектором пришлось ретироваться в здание муниципального совета. Волнения не стихали до вечера[17]. Тем временем, по-видимому («il paraît», как сказано в заметке, напечатанной в «Газет де Трибюно»), и в окрестностях, например в деревнях Фланак, Сент-Партен, Сен-Сантен, Буйак, по набату поднялись крестьяне — жители этих деревень. С прибытием в Ливенак жандармской бригады волнения были подавлены и «главные виновники» арестованы.

---

[11] «Gazette des Tribunaux», 3.V 1840; «La Gazette de France», 8—9.VI 1840.

[12] «Gazette des Tribunaux», 7.V 1840. Заметка, датированная: Париж, 6 мая.

[13] «La Gazette de France», 7.V 1840. Перепечатка «из полуофициальной вечерней газеты».

[14] «Gazette des Tribunaux», 3—4.VIII 1840. Корреспонденция из Сен-Брие.

[15] Впервые эти волнения были описаны в «Истории восьми лет» Э. Реньо (*E. Regnault*. Histoire de huit ans, p. 248—258). В качестве самостоятельного сюжета они исследовались А. Рубо: «Les troubles de recensement sous la monarchie de juillet».— «Bull. mensuel de la Société d'histoire moderne», juin 1914, p. 331—340.

Через 20 лет к той же теме обратился Ф. Понтейль: *F. Ponteil*. Le ministre des finances Georges Humann et les émeutes antifiscales en 1841.— «Revue historique», janvier — juin, 1937; *его же*. L'opposition politique à Strasbourg, p. 638, 639. Понтейль использовал многочисленные газеты и архивные материалы, отчасти и местные. Следующие страницы были написаны нами до ознакомления с названными работами; нам показалось целесообразным сохранить свой текст, чтобы представить, в какой мере методическое изучение «Газетт де Трибюно» все же позволяет правильно представлять основные черты изучаемых движений. Факты, заимствуемые (для полноты картины) у Понтейля, оговорены соответствующими подстрочными ссылками.

[16] «Gazette des Tribunaux», 19.III 1841. Хроника Вилльфранш.

[17] Понтейль добавлял, что набат звучал до 6 часов вечера и что на улицах Ливенака появились рабочие Деказвиля, грозившие разрезать на куски налогового инспектора.— *F. Ponteil*. Le ministre des finances Georges Humann..., p. 332.

Почти в то же время, 11—13 августа 1841 г., бурное массовое выступление произошло в другом приморском департаменте Южной Франции — в г. Серэ [18]. Нападение на дом налогового инспектора было совершено по инициативе жнецов (т. е., по-видимому, окрестных крестьян). Для подавления этого движения генерал Кастеллан перебросил воинские части из других городов, и, как он сам признает, сходки были рассеяны штыковой атакой [19].

В августе 1841 г. в связи с переписью вспыхнуло возмущение в местечке Пеннотье, в департаменте Од. Налоговый инспектор прибыл в Пеннотье в сопровождении заместителя мэра. Но возмутившиеся жители Пеннотье, возглавленные местными ткачами, оказывали этим правительственным агентам бурное сопротивление. Перепись в Пеннотье инспектору удалось завершить только по прибытии в это местечко отряда конных стрелков [20]. Пятеро рабочих были арестованы.

Восстание в Тулузе

Июльское восстание в Тулузе как движение более широкого политического значения занимает особое место в истории народных волнений 1841 г.

Существовавшее в Тулузе тайное общество «Эгалистов» решило, писал Понтейль, сорвать перепись. К сожалению, Понтейль не привел сведений о социальном составе «Эгалистов» и, что более всего странно, не отметил роли тулузских рабочих-мютюэллистов в качестве инициаторов той массовой демонстрации, которая, видимо, и положила начало возникшему в первой декаде июля революционному движению [21]. Демонстрация сразу приобрела политический характер: ее участники требовали отставки двух высших тулузских чиновников — нового префекта Маюля и прокурора Плугульма. Демонстрация («шаривари») против Маюля была устроена сразу же по прибытии его в Тулузу [22]. Маюль был ренегат, еще в годы Реставрации изменивший своим друзьям-карбонариям. В качестве отъявленного врага народа он прошел различные ступени административной иерархии (префект, начальник тайной полиции). На должность префекта департамента Верхняя Гаронна, т. е. в Тулузе, он был назначен именно в начале июля 1841 г., когда обнаружилось, что не только тулузский муниципалитет, но и местный префект Флоре не сочувствует проведению переписи насильственными мерами. С прибытием Маюля в Тулузу весь муниципалитет заявил о сложении полномочий [23]. Этот факт, как и другие проявления сопротивления со стороны буржуазно-демократической оппозиции в Тулузе, несомненно заслуживает внимания. Но было бы ошибкой преувеличивать их значение. Буржуазно-демократические, республиканские элементы боялись возглавить движение трудящихся масс.

Грубые расправы с демонстрантами, произведенные Маюлем совместно с местным прокурором Плугульмом 7 и 8 июля, ожесточили трудящийся люд Тулузы. 11 июля волнения возобновились и на следующий день приняли форму вооруженного восстания. Около 2 часов дня на Сент-Этьеннской аллее и на бульваре Гран-Рон возникли массовые сходки рабочих. Вскоре количество повстанцев, преимущественно рабочих, дошло до 1000—1200. Все были вооружены камнями и дубинами. В 5 часов дня повстанцы заполнили площадь перед зданием префектуры [24]. Первая схватка с солдатами произошла, по-видимому, на Сент-Этьеннской площади, у здания префектуры. В это время на улицах Ригпель д'Астори, Шеваль-Блан и во многих других местах появились баррикады. Заняв улицу Ригпель, рабочие проникали на крыши, чтобы при прохождении по улице воинских частей забрасывать их камнями. Местные власти мобилизовали всех «защитников порядка»; национальные гвардейцы заняли подступы к Тулузе, ее периферию, войсковые части циркулировали внутри города.

Одновременно с ростом демонстраций обострялись отношения между оппозиционной частью тулузской буржуазии и властями. Когда газета «Л'Эмансипасион» осудила провокационные выходки военных властей перед началом восстания, в редакцию этого оппозиционного органа вломилась банда офицеров и, оскорбив редактора, пыталась терроризировать его, угрожая смертью [25]. Через некоторое время вся передовая часть французского общества с удовлетворением прочла в «Насиональ», что редактор «Л'Эмансипасион» вызвал на дуэль оскорбителя-офицера и убил его [26].

13 июля, по выражению газеты «Л'Эмансипасион», баррикады возникали, точно по волшебству: «Менее чем в течение часа... было воздвигнуто 15 или 20 баррикад» [27]. Казалось бы, перерастание демонстрации в восстание должно было активизировать буржуазных республиканцев. Результат восстания 12—13 июля был обнадеживающим — народ одержал победу: Маюль бежал из города, Плугульм прятался и вскоре тоже бежал; в окрестностях Ту-

---

[18] «Gazette des Tribunaux», 29, 30.XI 1841.
[19] «Journal du maréchal de Castellane», t. III, p. 257. Запись 12 августа 1841 г.
[20] «Gazette des Tribunaux», 18.VIII 1841.
[21] *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 324, et suiv. Характерно, впрочем, что и в первой информации «Газетт де Трибюно» не была раскрыта роль этого инициативного ядра — рабочих-мютюэллистов.— «Gazette des Tribunaux», 12—13.VII 1841.
[22] «Journal du maréchal de Castellane», t. III, p. 256.
[23] *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 324.
[24] «Gazette des Tribunaux», 15, 17.VII 1841. Хроника событий в освещении «France Méridionale».
[25] «Gazette des Tribunaux», 17.VIII 1841.
[26] «Gazette des Tribunaux», 19—20.VIII 1841.
[27] «Journée du 13». Статья в «L'Emancipation», перепечатанная на страницах «Journal des Débats», 17.VII 1841.

лузы начались волнения; связь с Парижем была прервана — повстанцы сломали механизм телеграфа [28].

Но именно победа народного восстания и испугала буржуазных республиканцев. Картина финального этапа тулузских событий не вполне ясно представлена Понтейлем. Положение, создавшееся к 14 июля, он называет «деликатной ситуацией» и торопится добавить, что баррикады исчезли уже 15 июля. На наш взгляд, освещение финального этапа требует, чтобы со всей необходимой резкостью были подчеркнуты:

а) победный итог восстания 12—13 июля: ведь Маюль был снят с поста префекта!

б) растерянность прогрессивных элементов буржуазии, их позорная капитуляция, что, собственно, и составляет суть сложившейся к 15 июля «деликатной ситуации»;

в) влияние тулузского восстания на другие районы Франции (в частности, влияние этого восстания на республиканцев департамента Нор; подробнее об этом будет сказано ниже);

г) то обстоятельство, что в окрестностях Тулузы даже и после 14 июля предпринимались попытки содействовать тулузским повстанцам; так, например, трудящееся население в Оше 18 июля попыталось воспрепятствовать отправке местных конных стрелков в Тулузу; были сооружены баррикады [29], послышались революционные песни. Рабочий-позолотчик Юбер Савуа возглавил это вскоре подавленное выступление [30];

д) продолжительность волнений в Тулузе; характерно, что дополнительные воинские части снимались из других гарнизонов и направлялись в Тулузу даже и после 15 июля [31]. В конце июля боевые патроны снова были розданы солдатам [32], но еще и в середине августа не удалось организовать перепись. Корреспонденция из Тулузы, напечатанная в «Коммерс» и датированная 16 августа, гласила: «Перепись началась сегодня утром, но без всяких результатов: агентам фиска нигде не дают входить» [33]. И когда в одном квартале некий архиревностный чиновник попытался насильно проникнуть в дом, чтобы начать опись, его забросали навозом (сцена происходила около конюшни,— подробно пояснял корреспондент).

Боясь возобновления восстания, местные власти превратили Тулузу в осажденный город: артиллерийские орудия были установлены на Королевской площади, и в городе появились «экстраординарные [воинские] силы» [34].

Современники указывали, что в Тулузе особенно много было республиканцев и легитимистов, по временам объединявшихся в своих оппозиционных выступлениях [35]. Но события, описанные выше, разоблачили беспомощность буржуазной оппозиции — буржуазных республиканцев и легитимистов.

В г. Вилльфранше, неподалеку от Тулузы, бурное массовое выступление, с активным участием женщин, произошло 23—24 сентября 1841 г. Потомки альбигойцев и современники демуазелей встретили финансового агента градом камней [36]. Контуженный в голову, он в ту же ночь бежал в Альби. Вилльфранш расположен у подножья горы; и в то время как в Вилльфранше происходила описываемая сцена, крестьяне, жители горных селений, вооружались, готовились к борьбе. Но в Вилльфранше появились солдаты; вместе с ними прибыли префект и прокурор. Начавшееся восстание было подавлено.

Подобную встречу оказали финансовому инспектору и крестьяне деревни Лавор (в департаменте Тарн) [37]. Перепись начиналась здесь 17 сентября. В Лавор прибыл инспектор в сопровождении мэра и двух муниципальных советников. В некоторых домах они были допущены к составлению описи; но в тот же день вспыхнуло возмущение, и все чиновники были изгнаны из деревни. Перепись возобновилась около 20 сентября, когда в Лавор прибыли два эскадрона из Кастра.

В г. Монпелье (департамент Эро) дело не ограничилось нападением на финансовых агентов: начались волнения, для подавления которых были посланы воинские части [38]. Население встретило солдат демонстративным пением «Марсельезы» [39].

В департаментах Ло, Авейрон, Ардеш волнения, связанные с переписью, происходили также в августе и сентябре 1841 г.

В г. Кагоре (департамент Ло) финансовый агент и сопровождавший его мэр города могли ходить по улицам только под эскортом солдат. 12 августа на одной из улиц Кагора была построена баррикада. Повстанцы пели «Марсельезу»; появились республиканские кокарды [40]. Мэр и финансовый агент скрылись. Особенно активную роль в организации сопротивления сыграла Мари Лестрад: она призывала трудящихся жителей Кагора последовать примеру тулузцев, подбадривала колебавших-

---

[28] «Messager», édition du soir, № 196.
[29] «Gazette des Tribunaux», 22.VII 1841.
[30] «Gazette des Tribunaux», 8.IX 1841. Юбер Савуа был арестован и в начале сентября приговорен к шестимесячному тюремному заключению.
[31] Маршал Кастеллан, находившийся в это время в Перпиньяне, подтверждает это в своем дневнике.— «Journal du maréchal de Castellane», t. III, p. 256.
[32] «La Gazette des Tribunaux», 1.VIII 1841.
[33] «Gazette des Tribunaux», 20.VIII 1841. Перепечатка из «Коммерс».
[34] «Gazette des Tribunaux», 20.VIII 1841.
[35] АВПР, ф. Канцелярия, 1841 г., д. № 150, л. 379. Донесение Киселева — Нессельроде. Париж, 10/22 июля 1841.
[36] «Gazette des Tribunaux», 27—28.VIII 1841.
[37] «Gazette des Tribunaux», 30.IX 1841. Понтейль, бегло отмечая сопротивление в Суаль (департамент Тарн), объяснял возникновение местных движений влиянием карлистов.
[38] «Gazette des Tribunaux», 25.XI 1841.
[39] «Le Moniteur Universel», 22.VII 1841.
[40] Ibidem.

ся участников волнений, стыдила трусов. Проспер Лафаж, Брюгальер и Мари Лестрад были арестованы как зачинщики волнений и вскоре приговорены: Лафаж — к двум годам тюремного заключения, Лестрад — к трем месяцам, Брюгальер — к 15 дням ареста [41].

Многочисленны были аресты в Мио, в департаменте Авейрон, где народ бросал камнями в мэра и полицейского комиссара [42]. Выступление женщин и подростков в Тейле (близ Прива), в департаменте Ардеш, заставило временно прервать перепись населения [43].

Юго-западный и западный районы

В юго-западном районе особого внимания заслуживают волнения, происходившие в департаменте Жиронда.

В г. Бордо было арестовано около 200 человек. Сама эта цифра дает представление о серьезности движения, начавшегося, по-видимому, в ночь на 13 августа 1841 г. Вечером, в темноте (фонари были разбиты), улицы Бордо оглашались «мятежными возгласами», угрозами по адресу городских властей. На улицах появились «зажигательные прокламации». Поводом к выступлению было решение муниципального совета Бордо о проведении переписи.

Криками протеста, камнями, массовыми сходками ответил народ на это решение. Вскоре же прибыли в Бордо два эскадрона гусар. Опираясь на вооруженную силу, бордоские власти провели перепись [44].

Вне Бордо, но в том же департаменте Жиронда волнения, связанные с переписью, продолжались с августа по сентябрь. В Либурне, где перепись официально началась 2 августа, фактически в течение всей первой половины августа агенты не могли проникнуть в дома; например, в одном квартале еще 13 августа из 111 домов, подлежащих переписи, были открыты только 17; прочие так и не были обследованы: перепись этих домов была произведена «заглазно» [45]. Крестьяне деревни Сент-Терр были готовы избить любого подозрительного пришельца, и они действительно избили страхового агента, приняв его за налогового инспектора [46].

Волнения в Базасе происходили 5, 6 и отчасти 7 сентября. Жители Базаса, не допустив агентов, вышли на улицу и устроили антиправительственную манифестацию. Старик, житель Базаса, оказавший вооруженное сопротивление налоговому агенту, был, несмотря на преклонный возраст, приговорен к годичному тюремному заключению. Другие участники волнений были осуждены на сроки от 15 дней до четырех месяцев.

Понтейль дополнил картину движений в западном районе следующими фактами.

В департаменте Де Севр, в г. Сен-Максан, на стене мэрии была обнаружена прокламация с призывами: «Долой налоги! Смерть тиранам! К оружию, граждане!» Но перепись прошла без сопротивления [47]. Также и в г. Анжере в июле появлялись аналогичные прокламации; перепись, отложенная до конца апреля, прошла будто бы без инцидентов [48].

«Гизо на виселицу, долой Луи-Филиппа!» — кричали демонстранты в г. Кан (департамент Кальвадос), но и тут дело ограничилось республиканской манифестацией [49].

Центральный район

Наиболее значительное событие в центральном районе — вооруженное восстание в Клермон-Ферране 9 и 10 сентября 1841 г., восстание, в котором, по словам маршала Кастеллана, участвовало около 10 тыс. человек. Дом мэра был разрушен и сожжен, префект бежал из здания префектуры. Улицы Клермона покрылись баррикадами. 10 сентября повстанцы стали хозяевами города. Но вскоре «со всех сторон» стали прибывать в Клермон

---

[41] «Gazette des Tribunaux», 17.IX 1841. В свете этих фактов становится ясной ошибочность освещения кагорских волнений Понтейлем. Он умалчивал о республиканской манифестации, ничего не сообщал о Лестрад и, как уже сказано, приписывал возникновение движения влиянию карлистов.— *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 329, 334.

[42] «Gazette des Tribunaux», 9.III 1841.

[43] «Gazette des Tribunaux», 23—25.VIII 1841. Обращаясь к тексту Понтейля, следует добавить, что республиканская манифестация, организованная именно рабочими, была устроена в Перпиньяне; схватки с солдатами имели место в Ажане, где тоже звучал революционный гимн и появились баррикады. В департаменте Ло-и-Гаррона сотни крестьян сбежались по набатному сигналу в Сент-Ливрад, где началось республиканское восстание. Вслед за жителями Сент-Ливрад поднялось и трудящееся население Вилленев-сюр-Ло, причем и тут крестьяне пришли на помощь горожанам. Весьма значительные воинские силы были брошены в этот район.— *F. Ponteil.* Le ministre des finances George Humann..., p. 329—332.

[44] Под пером Понтейля события в Бордо получили своеобразное освещение: подтверждая, что 12, 13 и 14 августа улицы Бордо оглашались революционным гимном, что именно рабочие — сапожники, шляпники, портные — вместе с матросами составляли ядро повстанцев, не побоявшихся угрозы расстрела, Понтейль, к сожалению, воспроизвел ложную и оскорбительную версию о стремлении рабочих к грабежу.— *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 333—334.

[45] «Gazette des Tribunaux», 16, 17.VIII 1841. У Понтейля (*F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 331) находим важное дополнение: «мятежники», избившие финансового агента, собираясь в ночь на 3 августа у административных и судебных помещений, кричали: «Долой Луи-Филиппа! Долой правительство! Долой тиранов!»

[46] «Gazette des Tribunaux», 6—7.IX 1841.

[47] *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 335.

[48] Ibid., p. 330.

[49] Ibid., p. 336.

сильные воинские части[50]. Впрочем, перепись возобновилась только 23 сентября, причем еще и в конце сентября 29 клермонцев не пустили к себе финансовых агентов. Как и во многих других случаях, показания о количестве раненых и убитых расходятся: по одним, явно фальсифицированным данным, было убито только трое повстанцев; по другим сведениям — около 20 человек было убито, около 25 ранено. Можно думать, что даже и эти цифры преуменьшены, если учесть, что превосходно вооруженный противник, притом только в одном 16-м полку («16-ème léger»), потерял убитыми семь человек и ранеными: пулями — 16 и камнями — 50 человек[51].

Сопротивление было оказано во многих деревнях близ Клермона. В Кре были арестованы семь человек. В деревнях Бомон и Обьер, расположенных в 3—4 километрах от департаментского центра, 10 сентября волнения крестьян вылились в форме вооруженного выступления; по официальным данным, повстанцы в Бомон и Обьер потеряли 12 человек убитыми (среди них одна женщина, убитая будто бы случайно) и 17 — ранеными[52].

Обе деревни были терроризированы: в каждую из них было введено по одному полубатальону солдат[53].

О других частях центрального района у нас мало сведений. Лишь беглые замечания имеются и у Понтейля, указавшего, например, что «весь департамент Коррез был очень возбужден»[54].

В Лиможе в начале сентября был устроен «шаривари» двум местным реакционерам (один из них — член палаты пэров), голосовавшим в департаментском совете в пользу переписи[55]. По данным Понтейля, в некоторых селениях близ Лиможа крестьянки избивали финансовых агентов и мэров, когда они приходили для совершения переписи.

---

[50] «Gazette des Tribunaux», 13, 14, 16, 17.IX, 1.X 1841. Ф. Понтейль (*F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 339—340) уделил значительное место описанию восстания в Клермон-Ферране и его окрестностях. Нижеследующие факты заслуживают внимания в качестве дополнительного материала. Жители ближних деревень принимали участие в стычках, происходивших на улицах Клермон-Феррана; их побуждали к выступлению не только общие мотивы (борьба против переписи), но и местные налоги на вино (подробности о крестьянском движении см. в следующем примечании). Воинские части, брошенные для подавления восстания в Клермоне, шли из Шалона, Оксонна, Риома, Буржа, Пюи, Мулена и даже из Лиона, несмотря на то, что этот город сам был «плохо притушенным очагом»; как видим, восстание в Клермон-Ферране повергло военного министра в паническое состояние!

[51] «Journal du maréchal de Castellane», t. III, p. 258—259.

[52] Ф. Понтейль добавлял, что деревни департамента Пюи-де-Дом испытали влияние политических банкетов 1840 г. и были, по выражению судебных властей, «пропитаны коммунизмом»; поясняя суть этого «коммунизма», Понтейль сообщил, что со времени революции XVIII в. в этой местности существовало стремление к «разделу имуществ», что край этот отличался особенно большим количеством мелких, парцеллярных хозяйств.

[53] «Gazette des Tribunaux», 25.IX 1841.

[54] *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 342.

[55] «Gazette des Tribunaux», 14.IX 1841.

В Мориаке (департамент Канталь), как сообщил Понтейль, существовали «Общество коммунистов» и группа пропагандистов избирательной реформы; здесь тоже возникло сопротивление, но с прибытием драгун оно было подавлено. В середине августа происходили кратковременные волнения в Обюссоне, в департаменте Крез. Трудящееся население Обюссона отказалось подчиняться местному супрефекту, приказавшему начать перепись. Тогда супрефект затребовал из Герэ карательный отряд. На рассвете 16 августа в Обюссон прибыли департаментские власти: префект и генерал — начальник вооруженных сил департамента Крез.

Юго-восточный район

В районе городов Гренобль — Лион настороженные местные власти «принимали меры» еще перед началом переписи. 10 сентября из Гренобля сообщили об аресте в Лионе некоего агитатора, державшего связь с агитаторами всей бывшей провинции Дофинэ. Арестованный обвинялся в том, что «под предлогом сопротивления переписи» он возбуждал население и «особенно рабочих» к восстанию против правительства[56]. Попытка сопротивления имела место в деревне Тронш, расположенной на правом берегу реки Изер, в полутора километрах от Гренобля. Выступление в Тронше произошло 30 августа 1841 г. Организаторы сопротивления ходили по домам, призывали крестьян запирать двери, не пускать налоговых агентов и статистиков. Многие жители Тронше выходили на улицу и выражали свое возмущение резкими возгласами и революционными песнями[57]. В Виф, по данным Понтейля, перепись оказалась возможной только после появления здесь трех рот солдат.

Для подавления волнений, начавшихся в деревне Сен-Бонне (департамент Верхние Альпы), в сентябре 1841 г. были введены войсковые части, после чего 17 жителей этой деревни подверглись аресту[58].

---

[56] Понтейль почему-то не отмечает этого факта, интересного уже своим прямым указанием на роль рабочих. Но данные Понтейля подтверждают существование связи между эгалитариями Гренобля и Лиона; отмечал Понтейль и подготовку властей к возможным массовым выступлениям: гренобльская администрация организовала «мобильные колонны». Из деятелей, о которых сообщал Понтейль, заслуживает внимания учитель Авриль, хранивший оружие и революционную литературу, арестованный в Визилле. В Вувроне на сходке раздавались крики: «Да здравствует республика! Долой короля! Долой перепись!» — *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 335—336.

[57] «Gazette des Tribunaux», 6—7.IX 1841.

[58] «Gazette des Tribunaux», 15, 25.IX 1841. Понтейль сообщал, что жители деревни Сен-Бонне пели «Марсельезу», «Парижанку». Утверждение Понтейля, что именно призывы газеты «Насиональ» перевозбудили (!) умы крестьян в Сен-Бонне, представляется нам повторением прокурорской выдумки.

Северный район

В северном районе волнения, связанные с переписью, возможно, были менее широко распространены, но там, где они возникали, борьба принимала не менее ожесточенный характер, чем на Юге. Появление к началу сентября 1841 г. чиновника-переписчика в деревне Авен-лез-Обер подняло почти всех жителей этого селения. Корреспондент из Авен-лез-Обер сообщал в редакцию газеты «Эко де ля Фронтьер»: «Более тысячи человек, вооружившихся вилами, ножами и другими смертоносными орудиями, приготовились оказать сопротивление статистикам-переписчикам, которые ретировались, не выполнив возложенного на них поручения» [59].

Но еще до начала волнений в деревне Авен-лез-Обер, 19, 20 и 21 августа 1841 г., промышленный и главный департаментский центр — г. Лилль стал ареной бурных народных выступлений.

В конце июля мэр Лилля заявил префекту, что муниципалитет откажется содействовать переписи. Несомненно, он отлично знал о возбуждении, царившем в городе, притом не только в гуще трудящихся масс, но и в рядах оппозиции, представленной в Лилле различными группировками — от республиканцев до карлистов.

«Некий Бианки, сын итальянца, сильно неистовствовал»,— писал Понтейль. Этот «сын итальянца» — предок французского историка Госсэ — заслуживал больше внимания, чем то, которое уделил ему в своем лаконическом замечании Понтейль. Альфонс-Александр Бианки (1816—1871), революционный демократ, один из наиболее активных лилльских республиканцев, был автором яркой пропагандистской брошюры, освещавшей убийственные условия труда промышленных рабочих во Франции, в районе Лилля, в 40-х годах. Рукопись Бианки, датированная 1854 г., была опубликована историком Госсэ только в наше время, в 1937—1938 гг. Брошюра Бианки заслуживает внимания хотя бы потому, что она характеризует политическое лицо самого Бианки. Брошюра завершалась призывом к социальной революции, совершаемой пролетариатом и в интересах пролетариата [60].

[59] «Gazette des Tribunaux», 8.IX 1841. Понтейль не отметил, что это вскользь упомянутое им движение в Авен-лез-Обер было именно вооруженным выступлением. Но в его материалах о северном районе имеются заслуживающие внимания указания. В Валансьенне в октябре рабочие били стекла в местной супрефектуре; обитатели примерно 25% домов, подлежавших описи, отказались впустить переписчиков. В г. Руане среди рабочих вели пропаганду «вожаки тайных обществ, в частности агитатор Лагранж».

[60] «L'Ouvrier manufacturier dans la société religieuse et conservatrice».— «La Révolution de 1848», décembre 1937 — janvier, février 1938, № 163, p. 213; «Ouvrier,i... faites la révolution, surtout faites-la pour vous-mêmes et faites-la si bien que cette fois elle s'appelle avec vérité la Révolution sociale».

Призывал к революции Бианки и в 1841 г., в дни волнений, связанных с переписью. Как участник волнений Бианки был арестован и приговорен к одному году тюремного заключения. На суде прокурор цитировал стихи Бианки, напечатанные осенью 1841 г. в одной из лилльских газет. Ни у Госсэ, ни у Понтейля мы не находим текста этих стихов; они, однако, очень характерны как показатель влияния тулузского восстания на республиканцев Лилля. Вот наиболее замечательные строки.

Почему гремят победные возгласы
И всюду слышатся звуки труб!
Это улица вернула себе корону,
Честный городской люд победил.
Поднимем же с гордостью наше чело...
Тулузцам поем мы славу.
Они борются за свободу.

. . . . . .

Восстань, народ, настало время!
Твои права захватили клятвопреступники.
Одним ударом отомсти за обиды.
Этого хочет закон и твоя вскипевшая кровь.
«*Июль*», о котором так много сожалеют,
Он, говорят, все же работает на историю.
Защищать законность —
Значит защищать страну, территорию,
Территорию!
Тулузцам поем мы славу,
Они борются за свободу.

По приказу префекта перепись в Лилле должна была начаться утром 19 августа [61]. Воинские части были выведены на улицы, на главную площадь. Бианки и Девик горячо агитировали за сопротивление, собирали манифестантов. Вечером солдаты напали на участников сопротивления и начались аресты. К 20 августа в Лилль прибыли дополнительные воинские части. Под эскортом солдат переписчики попробовали приступить к работе, но в большинство домов их не пустили.

Часть буржуазии, может быть, и в это время еще сочувствовала сопротивлению. Понтейль писал, что некоторые предприниматели нарочно закрывали свои предприятия, чтобы рабочие выступили против переписи. Но неясным остается в рассказе Понтейля, что же повлияло на поведение буржуазной национальной гвардии, сначала — пассивной, затем — решительно примкнувшей к охранителям «порядка». Не лежит ли разгадка внезапной смены настроений буржуазных национальных гвардейцев в том, что изменился самый характер движения, быстро перераставшего из демонстрации в республиканское восстание?

[61] *F. Ponteil.* Le ministre des finances Georges Humann..., p. 336—337.

Понтейль дает только материал к постановке этого вопроса: он сообщает, что лилльские пролетарии даже за работой пели «Марсельезу» и что 20 августа повстанцы, сооружавшие баррикады, кричали: «Долой министров, долой Луи-Филиппа!» 24 августа были арестованы оба наиболее активных организатора сопротивления — Бианки и Девик; к этому времени в Лилль вступили новые, еще более сильные воинские части.

3

Прочие выступления против налогов

После 1841 г. антиналоговые движения не прекратились, но стали более редкими. Вот несколько примеров.

В г. Ван (Ардеш), где было около 2 тыс. жителей, 10 октября 1842 г. собралось «более 2 тыс. человек» (следовательно, сюда прибыли и крестьяне соседних деревень). Бо́льшая часть крестьян была вооружена кольями и камнями. Произошла схватка с двумя жандармскими бригадами: с местной и с прибывшей из Жуйаез. Поводом был отказ крестьян уплачивать налог[62].

Новый, более обременительный порядок взимания лавочного сбора и сбора с торговли овощами на лотках послужил поводом к сильным волнениям в Нанте и в Буэ, неподалеку от Нанта, в начале 1843 г. Мелкие торговцы и лоточницы прекратили торговлю. «Порядок» восстановили воинские части[63].

Летом 1844 г. в г. Понтиви, в департаменте Морбиан муниципальный совет ввел налог октруа на пригоняемый скот и на важнейшие продовольственные товары. Префект утвердил решение муниципалитета, вступавшее в силу 16 июня 1844 г. Но при первой же попытке взимания налога произошли столкновения рыночных торговок с жандармами, что послужило сигналом к общему возмущению. Один из полицейских сержантов был избит, супрефект сшиблен с ног и контужен. Несколько участников возмущения были ранены; одной из женщин нанесен штыковой удар. Солдаты разогнали «зачинщиков»; но покинули рынок и крестьяне, прибывшие в город с продуктами[64]. 27 июня местная газета «Ле Лориантэ» с тревогой сообщала, что жители Понтиви «в волнении»: ни в один из трех базарных дней (среда, четверг, пятница) крестьяне окрестных деревень не явились на рынок; по словам газеты, «огромные потери» грозили городу, его торговле. В субботу прибыли на помощь местному гарнизону пять рот пехоты; ожидались еще кавалеристы и дополнительные жандармские отряды; все же и в этой обстановке уже в понедельник произошло нападение на мэра[65].

[62] «Gazette des Tribunaux», 25.IV 1843.
[63] «Gazette des Tribunaux», 8.I 1843.
[64] «Gazette des Tribunaux», 25.VI 1841.
[65] «Gazette des Tribunaux», 2.VII 1844. Troubles à Pontivi. Перепечатка сообщения, опубликованного в «Ле Лориантэ».

ДВИЖЕНИЯ ПРОТИВ ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫХ СПЕКУЛЯЦИЙ

1

Продовольственные цены в 20—40-х годах XIX века во Франции

С давних пор во Франции существуют статистические материалы, периодические издания, монографии, не оставляющие сомнений в том, что рассматриваемый нами период характеризовался в общем вздорожанием продовольственных товаров.

Например, о средних ценах на мясо с 1824 по 1853 г., по официальным статистическим данным, свидетельствует табл. 1[1].

Таблица 1

Средние цены на мясо во Франции в 1824—1853 гг. (за полкилограмма, в сантимах)

Годы	В абсолютных цифрах			В относительных величинах*		
	говядина	баранина	свинина	говядина	баранина	свинина
1824—1853	36	38	43	88	84	86
1834—1843	39	41	46	95	93	92
1844—1853	41	44	50	100	100	100

Цены 1844—1853 гг. приняты за 100.

Средние для всей Франции цены на хлеб в относительных величинах, принимая средние цены 1841—1850 гг. за 100, определялись для периода 1821—1830, 1831—1840 и 1841—1850 гг. такими показателями: 93, 96, 100.

[1] «Statistique de la France», 2-ème série, t. 12. Paris, 1862, p. XIX. Цит. с сокращениями по книге: *H. Bourgin*. L'industrie de la boucherie dans le département de l'Oise au dix-neuvième siècle. Paris, 1907, p. 126.

Рост цен на картофель в десятилетия: 1824—1833, 1834—1843, 1844—1853 — выражался следующими средними (для всей Франции) ценами — соответственно, в среднем, для каждого из этих периодов — во франках и сантимах за 1 гектолитр: 2,78; 3,17; 4,25.

В табличке, представляющей в книге проф. Ю. Кучинского «Индекс стоимости жизни за 1830—1850 гг.»[2], интересующие нас данные за время с 1836 по 1847 г. освещены так:

принимая за 100 стоимость жизни в 1800 г., индексы для 1836, 1837, 1838 и следующих годов, вплоть до 1847 г., определялись, соответственно, цифрами: 73, 76, 78, 79, 80, 76, 79, 77, 84, 83, 89, 94.

Эти цифры наглядно иллюстрируют общее направление движения цен: их неуклонный рост, лишь относительно ослаблявшийся в 1841—1842—1843 гг. (индексы: 76, 79, 77)[3].

Соответственные аналогичные индексы реальной заработной платы в 1836—1847 гг. выражены в работе проф. Ю. Кучинского показателями: 64, 62, 61, 59, 63, 61, 61, 60, 59, 55, 51.

Из сопоставления этих двух рядов цифр с полной очевидностью обнаруживается ухудшение материальных условий жизни трудящихся масс в рассматриваемый период.

Как бы ни была спорна методика составления приведенных индексов, отмеченные направления не вызывают у нас никаких сомнений.

Но в какой мере могут удовлетворить историка, изучающего отдельные районы Франции, столь широко обобщенные показатели, т. е. пресловутые «средние» цифры, относимые, заметим, к стране, в которой только еще начиналось строительство железнодорожной сети и где все еще встречались поразительные различия в местных продовольственных ценах?

Прилагаемые таблицы, составленные по неопубликованным департаментским документам, так называемым меркуриальным регистрам, позволяют ознакомиться с различиями цен в разных районах страны. При внимательном изучении таблиц могут быть сделаны немаловажные выводы, относящиеся к истории цен. Меркуриалами назывались тогда периодически составлявшиеся прейскуранты всех основных продовольственных товаров. Регистрировались, кроме того, и цены на уголь, дрова. Обязанность составления меркуриальных регистров возлагалась на мэров. Разумеется, и меркуриалы обозначали средние цены, но это были средние цены данного, местного рынка, и они исчислялись ежемесячно, через каждые две недели, на основе реально совершавшихся актов купли-продажи. Приходится, конечно,

---

[2] *Ю. Кучинский.* История условий труда во Франции с 1700 по 1846 г. М., 1950, стр. 90.

[3] Приводимые цифры сами по себе выразительно показывают неуклонность роста цен, особенно в годы Июльской монархии.

Таблица 2

Движение цен на продовольствие (за кг) и каменный уголь (за гл) (цены декабрьские, во франках). Северный район

Год	Департамент	Город	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
1835	Нор[1]	Лилль	0,35	0,27	0,20	4,75	1,20	1,10	1,20	1,25	1,00	2,10
		Рубэ	—	0,27	0,20	—	—	1,20	1,20	1,20	1,40	—
		Туркуэн	0,35	0,27	0,20	—	1,10	1,10	1,10	1,10	1,10	—
	Сомм[2]	Амьен	0,22	—	0,14	—	1,10	1,10	1,10	1,10	1,30	2,50
		Мондидье	0,22	—	0,17	—	—	0,80	0,80	1,00	1,00	4,60
	Эна[3]	Сен-Кантэн	0,23	0,21	—	4,00	1,00	0,90	1,00	0,90	1,00	2,50
		Лан	0,25	0,20	—	—	1,00	—	0,90	1,00	0,90	4,00
1840	Нор[4]	Лилль	0,45	0,37	0,27	3,50	1,35	1,25	1,15	1,45	1,10	2,25
		Рубэ	—	0,35	0,27	—	1,20	1,20	1,20	1,20	1,30	2,10
		Туркуэн	0,45	0,35	0,27	—	1,20	1,20	1,20	1,20	1,30	—
	Сомм[5]	Амьен	0,28	—	0,20	—	1,20	1,20	1,20	1,20	1,40	4,40
		Мондидье	0,27	0,22	—	—	—	1,00	1,00	1,20	1,40	4,00
	Эна[6]	Сен-Кантэн	0,27	0,23	—	4,00	1,10	1,00	1,10	1,00	1,00	2,50
		Лан	0,30	0,25	—	—	1,00	0,80	0,00	0,80	1,00	5,00

Таблица 2 (окончание)

Год	Департамент	Город	Хлеб			Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
			I сорт	II сорт	III сорт							
1845	Нор [7]	Лилль	0,50	0,42	0,32	7,75	1,35	1,25	1,35	1,50	1,20	1,82
		Рубэ	0,42	0,37	0,32	9,50	1,20	1,10	1,20	1,20	1,20	1,65
		Туркуэн	0,37	0,30	0,26	—	1,30	1,30	1,30	1,30	1,30	2,25
	Сомм [8]	Амьен	0,31	0,22	—	—	1,20	1,20	1,20	1,20	1,20	4,80
		Мондидье	0,32	0,29	—	—	1,00	1,00	1,00	1,10	1,20	3,60
	Эна [9]	Сен-Кантэн	0,37	0,32	—	4,00	1,30	1,10	1,20	1,20	1,30	2,25
		Лан	0,35	0,33	—	—	1,10	1,00	1,00	0,80	1,00	4,75
1847	Нор [10]	Лилль	0,45	0,35	0,27	5,00	1,30	1,20	1,30	1,30	1,60	1,65
		Рубэ	0,35	0,31	0,27	8,00	1,30	1,20	1,30	1,30	1,40	1,55
		Туркуэн	0,39	0,34	0,30	3,75	—	—	1,30	—	—	2,25
	Сомм [11]	Амьен	0,30	0,22	—	—	1,30	1,30	1,30	1,30	2,00	5,20
		Мондидье	0,30	0,25	—	8,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,50	5,40
	Эна [12]	Сен-Кантэн	0,33	0,31	0,27	6,00	1,30	1,10	1,20	1,20	1,30	2,25
		Лан	0,37	0,29	0,27	—	1,10	0,90	1,00	1,00	1,20	5,00

[1] Arch. N., F[11] 1912 *. Nord.
[2] Arch. N., F[11] 1912 *. Somme.
[3] Arch. N., F[11] 1912 *. Aisne.
[4] Arch. N., F131273. Nord.
[5] Arch. N., F131273. Somme
[6] Arch. N., F131273. Aisne.
[7] Arch. N., F.131333. Nord.
[8] Arch. N., F131333. Somme.
[9] Arch. N., F131333. Aisne.
[10] Arch. N., F[11] 2055 *. Nord.
[11] Arch. N., F[11] 2055 *. Somme.
[12] Arch. N., F[11] 2055 *. Aisne.

Таблица 3

Департаменты Нижняя Сена, Эр, Кальвадос

Год	Департамент	Город	Хлеб			Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
			I сорт	II сорт	III сорт							
1835	Нижняя Сена [1]	Эльбеф	0,26	—	0,18	—	1,10	1,10	1,10	1,10	1,20	—
		Руан	0,26	—	0,18	—	1,20	0,90	1,20	1,30	1,50	4,00
	Эр [2]	Бернэ	0,26	0,22	0,17	2,05	0,90	0,80	0,90	0,70	1,00	—
		Лувье	0,22	0,17	—	—	1,00	0,90	1,00	1,00	1,00	—
	Кальвадос [3]	Кан	0,27	0,25	0,22	—	0,90	0,80	1,00	1,10	0,90	—
		Лизье	0,24	0,22	0,14	—	0,80	0,80	0,90	0,90	1,00	—
1840	Нижняя Сена [4]	Эльбеф	0,32	—	0,24	—	1,10	1,10	1,10	1,10	1,20	—
		Руан	0,32	—	0,24	—	1,30	1,00	1,30	1,40	1,60	4,00
	Эр [5]	Бернэ	0,36	0,30	0,24	2,40	1,00	0,90	1,00	1,00	1,20	5,10
		Лувье	—	0,28	0,23	—	1,10	1,00	1,10	1,10	1,10	4,60
	Кальвадос [6]	Кан	0,38	0,35	0,33	3,00	0,90	0,80	1,00	1,10	0,90	3,50
		Лизье	0,32	0,30	0,22	—	0,90	0,90	0,90	0,90	1,00	—

Таблица 3 (окончание)

Год	Департамент	Город	Хлеб			Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
			I сорт	II сорт	III сорт							
1845	Нижняя Сена [7]	Эльбеф	0,38	—	0,30	4,75	1,20	1,20	1,30	1,30	1,25	—
		Руан	0,38	—	0,30	5,50	1,30	1,20	1,30	1,40	1,60	3,70
	Эр [8]	Бернэ	0,41	0,34	0,27	3,80	1,00	0,90	0,90	0,90	1,20	4,80
		Лувье	—	0,33	0,28	4,00	1,10	—	—	—	—	4,65
	Кальвадос [9]	Кан	0,38	0,36	0,33	7,00	0,90	0,80	1,00	1,00	1,00	3,50
		Лизье	0,35	—	0,25	3,25	0,90	0,90	1,00	1,00	1,00	5,00
1847	Нижняя Сена [10]	Эльбеф	0,36	—	0,28	—	1,20	1,20	1,30	1,30	1,25	—
		Руан	0,36	—	0,28	4,50	1,40	1,20	1,40	1,50	1,60	4,00
	Эр [11]	Бернэ	0,37	0,30	0,24	4,25	0,90	0,90	0,90	0,90	1,20	4,90
		Лувье	—	0,31	0,26	—	1,10	1,10	1,10	1,10	1,50	4,65
	Кальвадос [12]	Кан	0,36	0,33	0,31	5,00	1,00	0,90	1,10	1,40	1,10	3,50
		Лизье	0,34	—	—	6,00	1,00	1,00	1,00	1,00	1,00	5,00

[1] Arch. N., F[14]1912 *. Seine-Inférieure.
[2] Arch. N., F[14]1912 *. Eure.
[3] Arch. N., F[14]1912 *. Calvados.
[4] Arch. N., F131273. Seine-Inférieure.
[5] Arch. N., F131273. Eure.
[6] Arch. N., F131273. Calvados.
[7] Arch. N., F131333. Seine-Inférieure.
[8] Arch. N., F131333. Eure.
[9] Arch. N., F131133. Calvados.
[10] Arch. N., F[14]2055 *. Seine-Inférieure.
[11] Arch. N., F[14]2055 *. Eure.
[12] Arch. N., F[14]2055 *. Calvados.

Таблица 4

Северо-восточный и восточный районы

Год	Департамент	Город	Хлеб			Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
			I сорт	II сорт	III сорт							
1835	Марн [1]	Эпернэ	0,21	0,20	0,16	—	1,00	0,90	1,00	1,00	1,05	3,24
		Реймс	0,28	0,23	0,15	5,50	0,90	0,70	0,90	0,90	1,10	6,00
	Об [2]	Арси-сюр-Об	0,20	0,17	0,15	—	0,70	0,70	0,80	—	0,80	2,80
		Труа	0,20	—	0,12	—	1,00	0,80	0,90	0,90	0,90	3,60
	Нижний Рейн [3]	Страсбург	0,34	0,24	0,18	2,55	1,10	0,90	0,90	1,00	1,00	5,30
		Саверн	—	0,20	0,15	2,60	0,80	0,60	0,70	0,90	0,90	4,00
1840	Марн [4]	Эпернэ	0,30	0,28	0,24	—	—	—	—	—	—	7,53
		Реймс	0,40	0,34	0,27	7,00	0,90	0,65	1,00	1,10	1,30	6,50
	Об [5]	Арси-сюр-Об	0,27	—	0,22	—	0,80	0,80	0,80	—	1,00	7,00
		Труа	0,27	—	0,20	—	1,00	0,90	1,20	1,00	1,20	7,00
	Верхний Рейн [6]	Кольмар	0,40	0,27	0,20	3,00	0,90	0,80	0,80	0,80	1,00	9,25
		Мюлуз	0,34	0,28	0,20	2,75	0,90	0,70	0,90	0,90	1,00	7,50

Таблица 4 (окончание)

Год	Департамент	Город	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
1845	Марн [7]	Эпернэ	0,34	0,32	0,28	—	1,10	0,90	1,10	1,10	1,20	6,00
		Реймс	0,42	0,35	—	8,00	1,10	1,00	1,20	1,50	1,60	6,25
	Об [8]	Арси-сюр-Об	0,32	0,27	—	3,54	0,80	0,80	0,90	—	1,00	6,45
		Труа	0,35	—	0,27	3,60	1,10	1,00	1,00	1,20	0,90	5,00
	Верхний Рейн [9]	Кольмар	0,55	0,40	0,30	2,75	1,00	0,90	0,90	0,80	1,00	6,25
		Мюлуз	—	0,40	0,32	3,00	1,00	0,70	1,00	1,00	1,00	5,50
1847	Марн [10]	Эпернэ	—	0,30	—	—	1,10	0,90	1,10	1,10	1,20	6,84
		Реймс	0,35	0,32	0,28	5,00	1,10	1,00	1,20	1,20	2,00	6,20
	Об [11]	Арси-сюр-Об	0,30	0,25	—	4,00	0,90	0,90	1,10	1,00	1,40	6,00
		Труа	0,30	—	0,22	3,60	1,00	0,90	1,00	1,40	1,40	7,00
	Верхний Рейн [12]	Кольмар	—	0,32	0,22	3,12	1,00	0,90	1,00	0,80	1,30	5,00
		Мюлуз	—	0,32	0,24	4,00	1,00	0,70	1,10	1,00	1,20	5,50

[1] Arch. N., F[11]1912 *. Marne.
[2] Arch. N., F[11]1912 *. Aube.
[3] Arch. N., F[11]1912 *. Bas-Rhin.
[4] Arch. N., F131273. Marne.
[5] Arch. N., F131273. Aube.
[6] Arch. N., F131273. Haute-Rhin.
[7] Arch. N., F131333. Marne.
[8] Arch. N., F131331. Aube.
[9] Arch. N., F131333. Haute-Rhin.
[10] Arch. N., F[11]2055 *. Marne.
[11] Arch. N., F[11]2055 *. Aube.
[12] Arch. N., F[11]2055 *. Haute-Rhin.

Таблица 5

Юго-восточный район

Год	Департамент	Город	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
1835	Рон [1]	Лион	0,32	—	0,26	3,75	1,00	1,00	1,00	1,00	1,10	4,50
		Тарар	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Ардеш [2]	Ларжантьер	0,40	—	0,30	5,00	—	0,60	0,96	1,00	1,30	5,00
		Прива	0,32	—	0,27 (?)	1,50 (?)	0,85	0,60	0,95	0,95	—	3,50
	Воклюз [3]	Авиньон	0,40	0,32	—	7,50	0,85	0,65	1,60	1,00	1,40	4,17
1840	Рон [4]	Лион, Центр. рынок	0,42	0,36	—	—	1,20	1,20	1,20	1,20	1,40	7,25
		Тарар	—	—	—	—	0,80	0,70	0,80	0,80	1,00	—
	Ардеш [5]	Ларжантьер	0,50	0,45	0,35	7,00	—	0,70	1,10	1,10	1,50	6,00
		Прива	0,45	0,40	0,35	3,00	1,00	0,80	1,20	1,20	—	5,00
	Воклюз [6]	Авиньон	0,45	0,37	—	8,75	1,10	0,90	1,75	1,10	1,70	6,85

Таблица 5 (окончание)

Год	Департамент	Город	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
1845	Рон [7]	Лион	0,45	0,38	—	8,00	1,20	1,20	1,20	1,20	1,40	5,00
		Тарар	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	Ардеш [8]	Ларжантьер	0,50	0,45	0,35	7,50	1,00	0,80	1,30	1,20	1,30	6,00
		Прива	0,45	0,40	0,35	5,25	1,00	0,80	1,20	1,20	1,20	6,00
	Воклюз [9]	Авиньон	0,50	0,42	0,35	7,00	0,95	0,75	1,60	1,10	1,60	6,12
1847	Рон [10]	Лион	0,40	0,35	—	—	1,00	1,00	1,00	1,00	1,40	8,00
		Тарар	—	—	—	—	0,80	0,70	0,80	0,80	1,00	—
	Ардеш [11]	Ларжантьер	0,50	0,40	0,30	10,00	1,00	0,70	1,20	1,20	1,60	7,00
		Прива	0,45	0,40	0,32	11,50	1,00	0,80	1,20	1,20	1,20	8,00
	Воклюз [12]	Авиньон	0,41	0,38	0,26	8,25	0,97	0,77	1,45	1,15	1,45	4,62

[1] Arch. N., F[11]1912 *. Rhône.
[2] Arch. N., F[11]1912 *. Ardêche.
[3] Arch. N., F[11]1912 *. Vaucluse.
[4] Arch. N., F131273. Rhône.
[5] Arch. N., F131273. Ardêche.
[6] Arch. N., F131233. Vaucluse.
[7] Arch. N., F131333. Rhône.
[8] Arch. N., F131333. Ardêche.
[9] Arch. N., F131333. Vaucluse.
[10] Arch. N., F[11]2055 *. Rhône.
[11] Arch. N., F[11]2055 *. Ardêche.
[12] Arch. N., F[11]2055 *. Vaucluse.

Таблица 6

Южный район

Год	Департамент	Город	Хлеб I сорт	Хлеб II сорт	Хлеб III сорт	Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
1835	Тарн [1]	Кастр	0,30	—	0,22	2,40	0,67	0,51	0,98	0,97	0,79	3,60
	Од [2]	Каркассон	0,32	0,27	0,20	—	0,80	0,75	1,10	0,90	1,00	3,40
		Лиму	0,30	0,26	—	2,27	0,70	0,62	1,00	0,90	1,20	2,50
	Эро [3]	Монпелье	0,35	0,29	0,24	6,00	0,80	0,70	1,40	1,00	1,10	4,23
		Лодев	0,36	—	0,26	3,56	0,70	0,60	1,00	1,00	1,00	—
1840	Тарн [4]	Кастр	0,35	—	0,26	3,00	0,70	0,40 (?)	1,20	1,20	1,20	3,00
	Од [5]	Каркассон	0,37	0,32	0,21	3,00	1,00	0,90	1,30	1,20	1,20	3,20
		Лиму	0,37	0,33	—	4,03	0,80	0,62	1,10	1,20	1,20	3,00
	Эро [6]	Монпелье	0,41	0,34	0,29	6,50	1,10	0,80	1,30	1,08	1,40	4,25
		Лодев	0,40	0,33	—	6,00	0,70	0,60	1,10	1,20	1,40	5,00

Таблица 6 (окончание)

Год	Департамент	Город	Хлеб			Картофель	Мясо воловье	Мясо коровье	Телятина	Баранина	Свинина	Каменный уголь
			I сорт	II сорт	III сорт							
1845	Тарн [7]	Кастр	0,40	—	0,31	3,00	0.70	0,60	1,10	1,10	1,00	6,50
	Од [8]	Каркассон	0,41	0,36	0,26	3,67	1,05	0,95	1,20	1,20	—	5,50
		Лиму	0,48	0,40	0,36	4,12	0,85	0,65	1,10	1,10	1,10	4,00
	Эро [9]	Монпелье	0,47	0,40	0,34	9,00	0,82	0,62	1,17	1,13	1,45	5,50
		Лодев	0,48	0,35	—	4,93	0,90	0,85	1,30	1,00	1,30	5,83
1847	Тарн [10]	Кастр	0,32	—	0,24	2,00	0,70	0,60	1,15	1,15	1,65	6,50
	Од [11]	Каркассон	0,36	0,31	0,22	3,00	1,05	0,95	1,20	1,20	—	5,00
		Лиму	0,36	0,32	—	3,25	0,80	0,65	1,10	1,10	1,10	3,50
	Эро [12]	Монпелье	0,41	0,36	0,30	9,00	0,80	0,75	1,18	1,20	1,40	6,62
		Лодев	0,40	0,32	—	6,25	0,90	0,80	1,40	1,20	1,40	8,00

[1] Arch. N., F[11]1792. Tarn.
[2] Arch. N., F[11]1912. Aude.
[3] Arch. N., F[11]1912. Hérault.
[4] Arch. N., F131273. Tarn.
[5] Arch. N., F131273. Aude.
[6] Arch. N., F131273. Hérault.
[7] Arch. N., F131333. Tarn.
[8] Arch. N., F131333. Aude.
[9] Arch. N., F131333. Hérault.
[10] Arch. N., F[12]2055 *. Tarn.
[11] Arch. N., F[12]2055 *. Aude.
[12] Arch. N., F[12]2055 *. Hérault.

учитывать то обстоятельство, что во времена обострения продовольственных затруднений спекулянты совершали не объявляемые, тайные сделки (часто — вне рынка). Важные поправки к меркуриалам должны быть сделаны и в том отношении, что в самые тяжелые годы цены на реально доступные товары были еще выше, чем в меркуриалах, но все это отнюдь не может дискредитировать меркуриалы в качестве источника, определяющего отношения между ценами в различные периоды, в разные времена года и в различных местностях. Подлинная трудность использования меркуриалов состоит в необъятности материала. Прилагаемые таблицы все же дают представление о движении цен в некоторых районах. Чтобы сделать эти цены сопоставимыми, автор, разумеется, избрал один и тот же срок появления меркуриалов; взят декабрь, как «среднее» время, не совпадающее ни с первыми месяцами реализации урожая, ни с периодами наибольшего истощения продовольственных запасов.

Как и следовало ожидать, наши таблицы подтверждают общее направление: постепенный рост дороговизны. Однако эти же таблицы вносят (по крайней мере, для освещаемого времени года) уточнения, заслуживающие внимания.

Вот некоторые из них.

Во всех районах, представленных в таблицах, 1840 год отличался ясно выраженным вздорожанием; но различия в уровнях цен в разных районах и даже внутри некоторых районов на различных местных рынках были весьма значительны. Так, например, в северном районе в городах Лилль и Рубэ килограмм хлеба третьего сорта стоил 27, а в г. Амьене — 20 сантимов[4]; второго сорта — в Лилле 37, в Сен-Кантэне — 23 сантима; мясо (1 кг) в Лилле — 1 франк 35 сантимов, в г. Лане — 1 франк[5].

На юге, на территории одного и того же департамента Од, в 1840 г. в г. Каркассоне 1 гл картофеля стоил 3, а в г. Лиму — 4,03 франка[6]; немного дороже был в Лиму и хлеб второго сорта, но другие товары, например говядина и каменный уголь,— дешевле, чем в Каркассоне.

В восточной части Франции, например в департаменте Об, цены на хлеб первого сорта в городах Труа, Арси-сюр-Об в 1840 г. были, конечно, выше, чем в тех же городах в 1835 г.[7]; но, обратившись к другим меркуриальным регистрам, мы увидим, что цены 1840 г. были равными или почти равными с ценами 1835 г. в том же восточном районе, а именно: в городах Эпиналь, Ремиремон в департаменте Вож килограмм хлеба третьего сорта в обоих случаях стоил 25 сантимов; одинаковы были в обоих случаях цены на мясо (кроме воловьего, поднявше-

[4] Arch. N., 131 273. Nord, 1840; Arch. N., F 131 273. Somme, 1840.
[5] Arch. N., F 131 273. Aisne, 1840.
[6] Arch N., F 131, 273. Aude, 1840.
[7] Arch. N., F 131 273. Aube, 1835.

гося на 10 сантимов), а уголь в декабре 1840 г. был дешевле, чем в декабре 1835 г.[8]

В департаменте Верхний Рейн хлебные цены в конце 1845 г. были, как видим, значительно выше, чем в конце 1847 г.; но картофель и в конце 1847 г. был дороже, чем в 1845 г.[9]

Обратимся к северо-западному району. В новейшей монографии Видаланка о департаменте Эр приведена табличка местных хлебных цен в периоды Реставрации и Июльской монархии[10]. Цены представлены данными, относящимися к начальным моментам трех кварталов, т. е. соответственно к началу января, июля и октября (за 1 гл во франках):

Год	Январь	Июль	Октябрь
1835	18,04	16,37	13,55
1840	26,79	25,20	21,86
1845	16,41	17,50	21,92
1847	31,13	38,19	24,53

Руководствуясь этими данными, можно было бы сделать вывод, что 1847 год резко отличается не только от 1835, но и от 1840 и от 1845 гг. как время наибольшей дороговизны. Однако, сопоставив эти цифры с меркуриалами, относящимися, как уже говорилось, к последнему месяцу года (и учтя, разумеется, различия в мерах веса), мы убедимся, что по всем сортам хлеба цены на рынках Бернэ и Лувье в том же департаменте Эр в декабре 1847 г. были ниже, чем в декабре 1845 г.[11] В декабре 1847 г. мясо воловье в Бернэ также было дешевле, чем в конце 1845 г.; прочие сорта мяса в Бернэ в декабре 1845 и 1847 гг. были в одной цене; и только декабрьские цены на картофель в 1847 г. были выше, чем в 1845 г.

Следовательно, таблица, приведенная в монографии Видаланка, хотя она дает местные продовольственные цены, нуждается в существенных дополнениях, уточняющих наше представление о движении цен в течение года.

Таблица Видаланка лишь хорошо иллюстрирует существенный перелом, который, несомненно, и в департаменте Эр и во многих других районах обозначился в движении цен между 1834 и 1838 гг.:

[8] Arch. N., F[11] 1912 *. Vosges, 1835; Arch. N., F 131 273. Vosges.
[9] Arch. N., F 131 333. Haut-Rhin, 1845; Arch. N., F[11] 2055*. Haut-Rhin, 1847.
[10] *J. Vidalenc.* Le département de l'Eure. Paris, 1952, p. 700, pl. XIV.
[11] Arch. N., F 131 333. Eure, 1845; Arch. N., F[11] 2055*. Eure, 1847.

Цены на хлеб на рынке Эвре (департамент Эр)

(за 1 гл зерна во франках, в начале каждого месяца, указываемого ниже)

Год	Январь	Июль	Октябрь
1834	16,11	17,01	16,81
1835	18,04	16,37	13,55
1836	13,49	15,59	16,01
1837	16,54	16,32	19,59

Только в первые годы Июльской монархии хлебные цены были здесь, как и во многих других частях Франции, выше, чем в 1838 г.; с 1838 по 1847 г., за исключением первой половины 1845 г., цены уже никогда не опускались до уровня цен 1834 г., т. е. до 16—18 франков.

В описываемых ниже массовых движениях как раз и проявлялся тот перелом в сторону нового (давно не повторявшегося) вздорожания продовольственных товаров, который наступил в 1838—1839 гг. Добавим в заключение, что в 1840 г., обычно считающемся одним из наиболее голодных, в некоторых департаментах снижение продовольственных цен началось уже в последней декаде марта[12].

После всего сказанного о значительных различиях в ценах в разных частях страны (иногда — смежных) нас не должны удивлять такие факты, как изолированность, бо́льшая или меньшая напряженность и локальная ограниченность народных возмущений, возникавших в связи с ростом дороговизны и спекуляции.

2

Волнения в 1838—1839 годах в Ля-Рошели, Сомюре и в департаменте Сарт

Волнения в Ля-Рошели начались в последних числах декабря 1838 г.[13] 31 декабря 1838 г. множество ляроше́льских грузчиков и рабочих других профессий окружили тележки с зерном, подготовленные к вывозу с местного рынка. На следующий день, в день Нового года, волнения усилились; начались кровопролитные столкновения с властями, полицией, воинскими частями.

[12] «Le Moniteur universel», 25.III 1840. Корреспонденция, посланная из г. Кана 21 марта, гласила: «Цены на зерновой хлеб понизились на главных рынках департамента. Особенно же заметно подешевел ячмень, в частности на рынках Аркура и Эвреси». Как видим, и этот факт восполняет вышеприведенную таблицу Видаланка.
[13] «Gazette des Tribunaux», 6.I 1839. Корреспонденция, перепечатанная из «Монитер Парижьен».

Среди рабочих были раненые, одну женщину убили. Муниципальный совет принял постановление о приостановке погрузки. 2 января рабочие попытались поджечь дом одного из хлебных спекулянтов и разгромили дома трех других хлеботорговцев. Произошло нападение на квартиру заместителя мэра. Крестьяне окрестных деревень присоединились к выступлению ляроше́льских рабочих. Около полутора тысяч крестьян прибыло 2 января в Ля Рошель. По вызову местных властей на помощь ляроше́льскому горнизону из нескольких городов двинулись различные воинские части[14]. В Париж шли противоречивые сообщения. Так, например, 4 января из Ля Рошели писали: «Спокойствие здесь восстановлено, и, хотя осадное положение не объявлено, мы находимся как бы в блокированной крепости. Мосты подняты, и доступ в город разрешается только для определенных, известных лиц. Причина этой суровости порождается тем, что все окружающие нас деревни находятся в состоянии восстания. Около 1200 человек направилось вниз по течению реки Маран, чтобы задержать суда, груженные хлебом, и на всем протяжении своего пути они сменили мэров и командиров национальной гвардии»[15].

Для охраны «законных» властей 4 января с утра в Маран были брошены жандармские отряды, полубатальон пехоты и два полевых орудия.

Корреспонденция из Ля Рошели от одного из официальных лиц отражала смятение буржуазии и местных властей. «Наконец-то после того, как прошло подряд пять дней и почти столько же бессонных ночей, я могу найти время, чтобы сообщить вам известия о нашем несчастном городе»[16],— так начиналась корреспонденция, датированная 6 января 1839 г. и освещавшая нижеследующие факты.

1. Среди национальных гвардейцев Ля Рошели в первый момент волнений единства не было: некоторые отряды национальной гвардии не желали объединяться с воинскими частями гарнизона.

2. Восставшие массы требовали снижения хлебных цен.

3. Уже в течение нескольких месяцев на территории всего ляроше́льского района народ роптал по поводу экспорта хлеба в Англию, осуждая закон 1838 г. о хлебной торговле и объясняя рост хлебных цен именно экспортом.

4. Население 15 деревень с развернутым знаменем и под барабанный бой двинулось в Бро (Brault), к месту погрузки хлеба.

5. Крестьяне были вооружены, и в этом была одна из главных причин их временного успеха. Сен-Жан-д'Анжели был взят крестьянами, открывшими огонь по жандармам и принудившими местную власть капитулировать.

[14] «Gazette des Tribunaux», 7.I 1839. Troubles à La Rochelle.
[15] «Gazette des Tribunaux», 7—8.I 1839. Chronique.
[16] «Gazette des Tribunaux», 10.I 1839. Evénements de la Rochelle.

Характерно, что и в Сен-Жан-д'Анжели значительная часть национальной гвардии была на стороне народа. 24 января в прессе появилось извещение о состоявшемся роспуске национальной гвардии в Ля Рошели и в Сен-Жан-д'Анжели[17].

Дело о волнениях в Ля Рошели слушалось в начале февраля того же года. Трое арестованных — Гатино, Бонифлео и Гундон — были приговорены к 600 франкам штрафа и к уплате судебных издержек с условием, что, если они не выплатят этой суммы или не представят залога, они будут заключены в тюрьму. Один из арестованных умер в больнице до судебного разбирательства[18].

Дело по обвинению крестьян — участников восстания, жителей селений Сен-Ксандр, Марсии, Эснанд, Вильду, Андили-ле-Маре, Сент-Уан, Шаррон, Бро, разбиралось в мае 1839 г.[19]

Центральный судебный орган не скрывал, что ляроше́льские волнения «вызвали отклики во многих местах департамента Нижняя Шаранта и особенно в Сен-Жан-д'Анжели и в Бризанбур, где беспорядки достигли высшего предела»[20].

В Сомюре волнения возникли в начале 1839 г. Вечером 17 января 1839 г. сомюрский прокурор, супрефект, жандармерия и около сотни солдат направились в Монсоро, где два судна с хлебом были еще накануне задержаны беднотой. Прибыв в ночь на 18 января к месту происшествия, сомюрские власти увидели перед собой караульный пост вооруженных крестьян, которые тотчас же попытались задержать прибывших солдат и супрефекта. Однако силы были неравны; солдаты помогли сомюрскому прокурору разоружить крестьян; несколько человек было арестовано[21]. Заодно с крестьянами выступала и национальная гвардия Монсоро.

Одновременно с движением в Сомюре произошло возмущение в Кастельжалу. Мэр, полицейский комиссар и жандармы, укрывшиеся в здании мэрии, были осаждены поднявшейся беднотой, потребовавшей приказа о немедленном снижении хлебных цен. Прибегнув к обману, к ложному обещанию выполнить требования трудящихся, мэр выждал, пока вооружится местная буржуазная национальная гвардия; когда же перевес сил был обеспечен, уступка была отменена, повстанцы окружены и обезоружены. 20 человек были арестованы и под конвоем отправлены в Нерак[22].

В сентябре 1839 г. в департаменте Сарт грузы с хлебом задерживались во многих пунктах, например на пути из Мана в

[17] «Gazette des Tribunaux», 24.I 1839.
[18] «Gazette des Tribunaux», 10.II 1839.
[19] «Gazette des Tribunaux», 17.V 1839.
[20] «Gazette des Tribunaux», 13.III 1839.
[21] «Gazette des Tribunaux», 21—22.I 1839. Chronique. Saumur, 17.I.
[22] «Gazette des Tribunaux», 23.I 1839. Корреспонденция из Кастельжалу от 18 января.

Шартр, из Ножана в Париж, причем иногда дороги баррикадировались и становились местами кровопролитных схваток с воинскими частями[23]. Грузы с назначением на Париж были задержаны в местечках Коннерэ и Ферте-Бернар 14 сентября. Префект и королевский прокурор прибыли в названные места с отрядом кавалерии. Но на следующий день все грузы на тех же дорогах были снова задержаны и насильно возвращены в Ман. Королевский прокурор, возможно пытавшийся приступить к арестам, был контужен камнем. На Наполеоновском мосту уже строилась баррикада, но появившиеся солдаты разрушили ее. Один солдат был убит; о количестве раненых повстанцев не сообщалось. 30 человек были арестованы[24]. Но на том дело не кончилось. В Ле Мане волнения возобновились 16 сентября; в этот день опять произошли стычки народа с воинскими патрулями. Огромная толпа собралась на площади Рынка и на улице, выходившей на Алансонскую дорогу. Во многих пунктах возникли баррикады[25]. Центром повстанческого района была баррикада у Королевского моста. Прокурор угрожал расстрелом; были сделаны, как требовалось законом, «предупреждения». Повстанцы ответили: не уступим, пока не освободят арестованных. Тогда арестованные были освобождены, и солдаты разобрали баррикады. Но как только гусары повернули к своим казармам, баррикады снова появились. Женщины и подростки участвовали в этом массовом выступлении. Местная газета называла некую девушку Буше, участницу восстания, «депутатом толпы».

На помощь рабочим, построившим баррикаду у Наполеоновского моста, прибыли союзники из деревень — крестьяне. Среди повстанцев были и люди в мундирах — присоединившиеся к движению национальные гвардейцы[26]. Тем временем в другой части департамента — в Мамерсе — около 200 рабочих воспрепятствовало отправке с рынка зерна, скупленного мукомолами. Войск в Мамерсе не было, и власти не могли противодействовать ни обыскам у булочников, ни перевозке в городской амбар отнятого у спекулянтов хлеба. «Закон и власти не признаются»,— жаловалась 20 сентября местная газета «Курье де ля Сарт» и добавляла: «Все мирные граждане пребывают в состоянии сильнейшей тревоги»[27]. Действительно, хлебные грузы все еще задерживались народом.

Волнения улеглись лишь после прибытия сильных воинских подкреплений в Ле Мен и в Мамерс.

---

[23] «Gazette des Tribunaux», 25.IX 1839.
[24] «Gazette des Tribunaux», 18.IX 1839.
[25] «Gazette des Tribunaux», 19.IX 1839.
[26] «Gazette des Tribunaux», 20.IX 1839.
[27] «Gazette des Tribunaux», 23—24.IX 1839. Перепечатка из газеты «Курье де ла Сарт».

Последним в 1839 г. выступлением были волнения городской бедноты Фужера, в департаменте Илль-и-Вилен[28].

3

Продовольственные волнения в 1840 году

Продовольственные волнения, начавшиеся еще в январе 1840 г. в Бургундии и в Бретани, перекинулись весной в центр Франции и в департаменты, с разных сторон примыкающие к центральной части страны, а также, местами, в восточную и южную зоны. В картине этих волнений воспроизводятся знакомые, повторяющиеся черты: массовые сходки, противодействие вывозу местного хлеба, нападения на дома хлеботорговцев, аресты «зачинщиков» волнений.

Местами, например в Отэне, департамент Сон-и-Луар, представители власти сами пытались производить продажу хлеба, чтобы предотвратить волнения[29]. В Биллерсе (департамент Морбиан) при погрузке вывозимого зерна произошло столкновение народа с таможенниками; часть грузов разобрали. Около десятка участников столкновения было арестовано[30]. В том же департаменте волнения возобновились в апреле, но на этот раз в городке Орэ и в деревне Этель-Сен-Кадо; 16 жителей этих небольших селений подверглись аресту[31]. «Отборные» воинские части были переброшены сюда из г. Ванн[32].

На северном побережье Бретани, в портовом городке Перро-Гирек, 22 марта 1840 г. было оказано сопротивление отгрузке экспортного картофеля на английское судно «Доуб». Волнения начались в 7 часов утра. На подкрепление к беднякам — жителям этого городка — прибыло около 200 крестьян из окрестных деревень. Мэр и жандармы были не в силах оказать противодействие: народ забросал их камнями. Мэр был контужен. Досталось и капитану английского судна. Капитан отказался грузить картофель, и волнения в Перро-Гирек тотчас же прекратились[33]. Подобное же выступление произошло 21—22 апреля в Шербуре, где только с прибытием роты солдат возобновилась отгрузка картофеля на экспорт[34].

В 20-х числах марта продовольственные волнения возникли в Риоме[35] (департамент Пюи-де-Дом), а в апреле — в восточной части Франции, в департаменте Жюра.

---

[28] «Gazette des Tribunaux», 26.XII 1839.
[29] «Gazette des Tribunaux», 8.I 1840.
[30] «Gazette des Tribunaux», 16.I 1840.
[31] «Gazette des Tribunaux», 24.I 1840.
[32] «La Gazette de France», 24.IV 1840.
[33] «Gazette des Tribunaux», 30.VII 1840.
[34] «La Gazette de France», 25.IV 1840. Перепечатка из «Журналь дю Авр».
[35] «Gazette des Tribunaux», 13, 14, 18.IV 1840.

Департамент Жюра, край виноделия, овечьего сыра, соли и каменоломен, край стойких и смелых, но невежественных и суеверных крестьян, говоривших на своем почти непонятном «патуа» («lou timps est prou allégrou»,— скажет местный земледелец вместо: «le temps est assez agréable»), словом, казалось бы,— отсталый край, занял одно из видных мест в летописи революционных движений времен Июльской монархии. В первые же годы господства «финансовой аристократии» в Жюра возник республиканско-демократический союз, не требовавший обязательных членских взносов и допускавший в свою среду только «трудовых людей», постоянно занятых хозяйством. В апреле 1834 г. в небольшом городе Арбуа республиканцы вместе с окрестными крестьянами-виноделами восстали, свергли местную власть и овладели арбуаской ратушей. Крестьяне шли в Арбуа с красными знаменами [36]. Поражение одновременно происходивших восстаний в Лионе и Париже привело к падению революционной власти и в Арбуа. Участники восстания долго скрывались в окрестных лесах. Население Жюра помнило о славной победе арбуасцев в апреле 1834 г. Памятны были репрессии: не сломив воли к борьбе, они только усилили ненависть трудящегося населения Жюра к правительству, к господствующим классам.

В апреле 1840 г. вспыхнули волнения в главном городе департамента, в Лон-ле-Сонье. Утром 2 апреля 1840 г. на рынке Лон-ле-Сонье появился приказчик богатого мукомола Вонуа, владельца нескольких механических мельниц в Курлане [37]. Естественно, что скупка продовольственных товаров в голодное время рассматривалась народом как преступная спекуляция. Приказчик скупал картофель — последний жизненный ресурс бедноты. На рынке тотчас поднялось возмущение. Женщины кинулись к купленным на имя Вануа мешкам и начали делить между собой весь этот картофель. С появлением полиции, а ее дважды вызывали на рынок, волнения улеглись. Но с утра 3 апреля в районе рынка опять собралось множество народа, требовавшего раздачи картофеля. Префект вызвал к себе мэра г. Лон-ле-Сонье и начальника всех воинских частей департамента. «Военный совет» решил защитить корыстные интересы Вануа: весь купленный им груз картофеля, под эскортом жандармерии и 25 солдат, двинулся с рынка по направлению к деревне Монморо. Возможно, префект уже строчил радостную реляцию в Париж: «Порядок» восторжествовал!

Но буря только начиналась. Внезапно на пути к Монморо перед воинским отрядом появилось около 3 тыс. пастухов и крестьян, спустившихся с гор из своих деревень, чтобы остановить конвоируемый транспорт и расправиться с жандармами и солдатами. Мгновенно телеги с картофелем были опрокинуты, а наиболее ретивые конвоиры избиты [38]. Префект, уведомленный о столкновении, вызвал из г. Доль два эскадрона 7-го кирасирского полка и дополнительно жандармерию из окрестностей. Но тем временем крестьяне напали на виллу Вануа, находившуюся в Курлан [39]. Все ценное, что было в доме, подверглось разрушению и полетело на улицу вместе с деловыми бумагами, счетами, векселями. Два часа продолжался разгром, и, когда префект в сопровождении воинских отрядов прибыл в Курлан, дело было уже кончено. Префект был встречен гневными возгласами. С трудом пробираясь через толпу, он попробовал пригрозить, но чья-то рука мгновенно схватила его за горло [40]. С помощью вооруженного конвоя префект арестовал нескольких человек. Для охраны дома был оставлен отряд солдат. В ту же ночь крестьяне — участники выступления — собрались в лесу: они намеревались поджечь дом Вануа и силой освободить арестованных товарищей (их было не менее 57 человек).

Одновременно полиция узнала о том, что в деревне Вермантуа, неподалеку от Лон-ле-Сонье, на стенах домов появились «зажигательные прокламации». Полиция была брошена и в Вермантуа, но никто из местных жителей не выдал авторов и распространителей революционных прокламаций. Уделяя большое внимание «волнениям в Лон-ле-Сонье», пресса невольно широко оглашала и то, что и в других департаментах, например в Эна, Сомм, Нор, наблюдались «те же симптомы»: безработные вторгались в дома фермеров, силой и угрозами добывали себе продукты [41]. Местами волнения возобновлялись на территории тех департаментов, где они, казалось, были уже совсем подавлены. Например, на территории департамента Морбиан волнения возобновились в начале мая [42].

10 апреля 1840 г. в Болье (департамент Луарэ) несколько бедняков, преимущественно женщин, проникли на пришвартовавшуюся тут баржу с хлебом (груз шел из Невера). Водители судна побежали жаловаться местным властям; тем временем, может быть в отместку, баржа была пущена народом ко дну [43]. По этому делу арестовали 11 человек. Приговоры были суровы: одного из арестованных приговорили к трехлетнему тюремному заключению, двух других — к двум годам тюрьмы [44].

---

[36] *G. Perreux*. Trois dates de l'histoire d'Arbois.— «La Révolution de 1848», t. 28, № 139.

[37] «La Gazette de France», 7.IV 1840. Troubles à Lons-le-Saulnier. Перепечатка официальной версии, появившейся в «Монитер».

[38] «En maltraitant la troupe»,— как сообщала об этом судебная печать.— «Gazette des Tribunaux», 6—7.IV 1840.

[39] По сообщению газеты, издававшейся в Лон-ле-Сонье, крестьян, окружавших виллу Вануа, было «более 6 тыс.». Перепечатано в «La Gazette de France», 7.V 1840.

[40] «Gazette des Tribunaux», 11.IV 1840. Корреспонденция из Лон-ле-Сонье от 6 апреля.

[41] «La Gazette de France», 9.IV 1840.

[42] «La Gazette de France», 9.V 1840.

[43] «Gazette des Tribunaux», 17.VII 1840.

[44] «Gazette des Tribunaux», 24.VII 1840. Корреспонденция из Орлеанэ.

13 апреля волнения, тоже порожденные резким вздорожанием хлеба, произошли в деревне Дора, в департаменте Верхняя Вьенна. 13 апреля был ярмарочный день, и в Дора собралось много народа. Внезапно на рынок проникли слухи о предстоящем новом повышении продовольственных цен. Один из спекулянтов был избит, и в тот же день от имени трудящегося населения Дора к мэру этого местечка явилось 60 человек с требованием твердой таксации хлебных цен. Каким-то маневром мэр успокоил народ, после чего несколько человек было арестовано [45]. В апреле же на территории того же департамента, в Сен-Жюньен, продовольственные волнения переплелись с движением против введения «десятичных мер», т. е., как видно, против махинаций, сопровождавших переход от одних мер к другим. Для подавления волнений в Пейра-ле-Шато (тот же департамент) в апреле 1840 г. был прислан кавалерийский отряд [46].

Серьезные события произошли 14 апреля в местечке Линьер, в департаменте Шер.

Перед возмущенным народом, потребовавшим снижения хлебных цен до 3 франков за двойной декалитр, немедленно и в торжественном облачении, с трехцветной лентой через плечо, предстал мэр Линьера, заявивший о «незаконности» этого требования. За это его сильно избили палками. Сопровождавший мэра жандармский унтер-офицер был ранен ударом кинжала. Дом мэра разгромили: разбита была вся мебель и посуда [47]. Не осталось «ничего, кроме стен»,— гласила корреспонденция из Буржа [48]. Но никто не тронул ни единого зерна на рынке: весь хлеб был продан за наличный расчет [49]. Репрессии последовали незамедлительно: вечером в Линьер прибыл артиллерийский отряд; 11 человек были арестованы. На следующий день прибыл из Буржа еще один артиллерийский отряд и последовали новые, более многочисленные аресты [50]. Линьерские волнения были подлинно массовым выступлением: в возмущении участвовало не менее 2 тыс. человек.

В том же департаменте Шер, приблизительно через полмесяца, возмущение вспыхнуло в небольшом городке Шатомейан. 1 мая 1840 г. в 2 часа дня, когда цены на хлеб были уже установлены, один хлеботорговец (после того, как часть его товара была уже продана) [51] захотел надбавить еще 5 сантимов на каждый двойной декалитр ржи. Негодование молниеносно охватило народ, собравшийся на рынке. Вскоре на рынок прибыл отряд 53-го полка линейных войск. Врезавшись в толпу, солдаты стали демонстративно заряжать ружья боевыми патронами. «Но эта демонстрация не произвела на толпу воздействия, которое ожидалось, и люди так тесно сомкнулись вокруг солдат, что те едва могли двигаться» [52]. Кровопролитная схватка была, казалось, неизбежна. Однако мэр приказал войсковым частям отступить и покинуть территорию рынка. Продажа хлеба возобновилась, но уже по сниженным ценам [53]. Волнение немедленно улеглось. На следующий же день супрефект и прокурор, прибывшие из Сент-Амана, арестовали около 18—20 человек [54].

В департаменте Аллье на борьбу против роста дороговизны и хлебных спекуляций поднимались жители Дюрси-Леви, Сен-Пурсен, Ганна, Монлюсона, Монмаро; и повсюду волнения подавлялись силой оружия.

В департаменте Крез волнения, связанные с ростом дороговизны, происходили во второй половине апреля. 18 апреля в городке Бургонеф повозки с хлебом были остановлены женщинами; три из них были арестованы и вскоре же осуждены: одна приговорена к двухмесячному тюремному заключению, другая — к аресту на 15 дней [55]. По сообщению «Газетт де Франс», волнения в департаменте Крез происходили на многих рынках [56], особенно же значительные — в Фелльтене [57]. Восьмерых жителей Фелльтена и восьмерых жителей Эво, арестованных в связи с этими событиями, судили в Обюссоне в первых числах мая, и поэтому судебная сессия частично совпала с ярмаркой. Множество горожан и крестьян собралось у здания судебного трибунала. Следует отметить, что в Обюссон, где тоже начинались волнения, еще в середине апреля были переброшены воинские части из Лиможа. Народ открыто выражал возмущение по поводу приговоров: арестованные присуждались к разным срокам, частью — к небольшим, от нескольких дней до месяца, частью — к срокам от одного до восьми месяцев тюремного заключения [58].

В начале второй половины апреля вспыхнули волнения в Труа (Шампань), и из Версаля в Труа были срочно переброшены четыре роты пехотного полка [59]. 16 мая произошло возмущение в Барсюр-Об. На следующий же день оно было подавлено, но в ночь с 17 на 18 мая мимо дома мэра прошли демонстранты, протестовавшие против применения «малых буассо» — торговых мер, служивших одним из средств ограбления трудящихся масс. Приблизившись к жандармской кордегардии, демонстранты стали кри-

---

[45] «Gazette des Tribunaux», 18.IV 1840. Корреспонденция из Лиможа.
[46] «La Gazette de France», 25.IV 1840.
[47] «Gazette des Tribunaux», 17.IV 1840. Корреспонденция из Линьера.
[48] «Gazette des Tribunaux», 19.IV 1840. Корреспонденция из Буржа.
[49] «Gazette des Tribunaux», 17.IV 1840.
[50] «Gazette des Tribunaux», 19.IV 1840. Корреспонденция из Буржа.
[51] «La Gazette de France», 8.V 1840.
[52] «Gazette des Tribunaux», 8.V 1840.
[53] «La Gazette de France», 8.V 1840.
[54] «Gazette des Tribunaux», 7.V 1840.
[55] «Gazette des Tribunaux», 1.V 1840. Корреспонденция из Бургонеф от 19 апреля 1840.
[56] Корреспонденция из департамента Крез сообщала о волнениях в Фелльтене, Герэ, Эво, Озансе, Беневане, Сен-Вори.— «La Gazette de France», 25.IV 1840.
[57] «La Gazette de France», 20—21.IV 1840.
[58] «Gazette des Tribunaux», 7.V 1840. Корреспонденция из Обюссона.
[59] «La Gazette de France», 20—21.IV 1840.

чать: «Долой жандармов!» [60]. Демонстранты разошлись лишь после того, как с оружием в руках выступила вся местная жандармерия.

17 апреля были розданы боевые патроны солдатам в Альби и в Кастре, в департаменте Тари; в небольшом городе Лакон также возникли продовольственные волнения [61].

Массовое выступление произошло 23 марта в предместье Марселя. По этому делу, еще не вполне для нас ясному, было привлечено 246 человек.

4

Продовольственные волнения в последние годы Июльской монархии

Год 1845. Скудость наших данных о продовольственных волнениях 1845 г. не дает возможности представить всю картину последствий возросшей именно в 1845 г. дороговизны, о которой было сказано выше. Прав был Альбер Собуль, подчеркивая, что в некоторых районах положение бедноты было очень тяжелым уже в 1845 г. Цитируя труд Морера, он отметил, например, что в департаменте Арьеж в 1845 г. было более 25 тыс. человек, обреченных на муки голода [62]. Понятна поэтому острота возникавших в 1845 г. волнений. Например, в Молеоне (Пиренеи) утром 24 июня муниципальный советник, уполномоченный объявлять хлебные цены, огласил новую таксу: 8 франков 40 сантимов за одну «конк» кукурузы (конк — местная торговая мера). Но некий Клаври заявил, что хлеботорговец Табай соглашался продавать кукурузу по 8 франков за ту же меру (иначе говоря, по 20 франков за гектолитр). Табай отрекся от своих слов, и тогда сразу же вспыхнуло возмущение. Тщетно пытался внести успокоение мэр, которого схватили и на руках вынесли с рынка. Хозяином всего Молеона стал народ, немедленно установивший новую таксу: не 20, а 15 франков за гектолитр. Часть хлеботорговцев стала продавать кукурузу по этой цене. У других торговцев, потому ли, что они сопротивлялись, или потому, что имели скрытые запасы, закрома были разбиты и хлеб был захвачен народом [63].

Год 1846. Судя по имеющимся у нас материалам, в 1846 г. волнения, вызванные дороговизной, происходили преимущественно в октябре и ноябре [64].

[60] «Gazette des Tribunaux», 22.V 1840. Корреспонденция из Бар-сюр-Об от 19 мая.
[61] «La Gazette de France», 25.IV 1840. Перепечатка заметки из «Франс меридиональ».
[62] *A. Soboul.* Les troubles agraires de 1848 (documents).— «1848 et les révolutions du XIX siècle», juin 1948, № 180, p. 5. Цитировалась работа *Ph. Morère.* Note sur l'Ariège.— «La Révolution de 1848», 1911—1912.
[63] «Gazette des Tribunaux», 6.VII 1845.
[64] Возможно, что изучение местной прессы обнаружит аналогичные движения в декабре 1846 г. Характерно, что запись о тяжком положении «бедного класса» в дневнике графа д'Аппони относится именно к концу декабря.— «Journal du comte d'Apponyi», t. IV, p. 102.

Еще 30 сентября в Париже, в Сент-Антуанском предместье, распространился слух о предстоявшем с 1 октября вздорожании хлеба на 3 сантима. Тогда многие рабочие, у которых обеденный перерыв был в 2 часа дня, бросились в булочные и, по мере своих скудных средств, запасались хлебом на следующие дни. С наступлением вечера в хлебные лавки хлынули другие покупатели — рабочие, которые могли покинуть мастерские только к концу дня. Во многих булочных прилавки мгновенно опустели. Один хлеботорговец уже успел запереть двери своего магазина, рабочие, заподозрив сокрытие непроданного хлеба, принялись ломать двери. Полицейский комиссар приказал открыть двери и распорядился о доставке в этот магазин хлеба из соседних булочных. Но начавшееся брожение уже не прекращалось. Муниципальная гвардия тщетно пыталась рассеивать «сборища»: они повсеместно возникали одно за другим. Газовые фонари были разбиты, с 10 часов вечера в наступившем мраке начались схватки рабочих с войсковыми частями. На улице Ленуар выросли баррикады. В это время, приблизительно в полночь, в предместье прибыл сильный отряд 48-го пехотного полка. Начавшееся возмущение было подавлено в ту же ночь. Но нападения рабочих на хлебные лавки повторились и в следующие дни, 1 и 2 октября. На улицах кварталов Кенз-Вен и Фобур Сент-Антуан снова стали собираться возмущенные голодные люди [65].

Одновременно с волнениями в Париже появились революционные прокламации на улицах г. Седана (департамент Арденн). Продовольственные требования включались в текст политических воззваний. Например, одна прокламация гласила: «Хлеб по цене 15 сантимов или смерть аристократии. Мужайтесь, друзья! Еще 48 часов, и все будет кончено!» [66]

Случаи нападения на продовольственные грузы в департаменте Па-де-Кале отмечались в конце ноября 1846 г.

25 ноября в Булони женщины прервали погрузку экспортируемого картофеля. Приостановлен был вывоз коров. Одновременно было произведено нападение на мэрию, использованное властями в качестве повода к арестам [67].

В конце ноября происходили волнения и во многих частях департамента Эндр-е-Луар [68].

Год 1847. Народные волнения 1847 г. представляют особую страницу социальной и политической истории Франции. Связь этих волнений с продовольственным положением (на протяжении 1847 г. в разные месяцы изменявшимся) составляет лишь одну из многих причин этих волнений, так как в 1847 г. громадную роль одновременно играли и другие факторы: бедствия чрезвычайно тяжкого экономического кризиса и общее обострение политической борьбы,

[65] «Gazette des Tribunaux», 3, 4.X 1846.
[66] «Gazette des Tribunaux», 6.X 1846.
[67] «Gazette des Tribunaux», 28.XI 1846.
[68] «Gazette des Tribunaux», 3, 4.XII 1846.

столь характерное для сложившейся революционной ситуации. Абстрагирование картины «чисто» продовольственных волнений на предшествующих страницах было необходимой условностью; здесь же следует особенно резко подчеркнуть именно эту неотделимость мотивов массовых выступлений, равно как и общность их значения, их влияния на трудящиеся массы, например в том смысле, что восстание, начавшееся в одном из городов как «продовольственный бунт», немедленно порождало сочувственные отклики в других городах, местечках, где эти отклики становились иногда движениями смешанного типа: «продовольственное» выступление превращалось в стачку или сопровождалось организацией забастовок, демонстраций и вооруженных столкновений. Пример — мюлузские волнения в июне 1847 г. [69]

Итак, с оговоркой условности нашего ограничительного термина «продовольственные волнения», мы можем сказать, что в 1847 г. все движения этого рода, т. е. нападения на дома спекулянтов, на хлебные склады, демонстрации, сходки, возникали в самых различных местностях: например, в провинциях Вандея, Бретань, Нормандия, Шампань или, скажем, в департаментах Сарт, Шарант, Аллье, Эндр.

В департаменте Эндр и возникло то самое «дело Бюзансэ», которое особенно широко комментировалось в прессе как случай наиболее яркий и характерный. В Бюзансэ, небольшом городе департамента Эндр, по инициативе рабочих — жителей окрестных деревень (каменщиков, тележников, поденщиков) — было совершено нападение на хлебные грузы и амбары спекулянтов. Два спекулянта были убиты.

Современные реакционные историки, говоря о революции 1848 г., ложно приписывают правительству Луи-Филиппа «мягкость», которой будто бы и объясняется самое возникновение революции. В департаменте Эндр эта «мягкость» выразилась в том, что четверо рабочих были немедленно гильотинированы здесь же, в Бюзансэ!

«Дело в Бюзансэ» — одно из наиболее известных, всегда отмечаемых выступлений; обратимся поэтому к другим, менее или вовсе не освещавшимся событиям.

Прежде всего рассмотрим январские выступления. Они начались с волнений 7 января в столице Бретани — г. Ренне, и тотчас же возбудили отклики во множестве бретонских селений. Появление солдат и представителей местной власти на улицах Ренна не остановило нападений на хлебные рынки и баржи с хлебом.

[69] «Волнения в Мюлузе были отправным пунктом движения в этом департаменте».— *F. Ponteil.* L'agitation ouvrière dans le Haut-Rhin.— «La Révolution de 1848», septembre — novembre 1931. Каан-Рабекк повторила эту же мысль: «инсурекционное движение» в Мюлузе, отмечает она, имело серьезные последствия в том отношении, что оно взволновало население соседних городов: «В Гебвиллере, в Таине рабочие тоже организовали стачки».— *M. M. Kahan-Rabecq.* La crise des subsistances...— «La Révolution de 1848», mars — avril 1937, p. 59.

Во время схваток народа с воинскими частями префект и заместители реннского мэра получили серьезные ранения [70].

Вечером 9 января массовые сходки возобновились. В ночь на 10 января на улицах Ренна появились прокламации, призывавшие народ к объединению своих сил. 10 января, в начале дня, повторилось нападение на баржу с хлебом, и некоторое время она разгружалась народом беспрепятственно: никто из солдат не посмел оказать сопротивления. Вскоре у причала баржи собралось множество народа. Тогда опять появились значительные воинские части и жандармерия. В защитников «порядка» полетели камни. Контужен был еще один представитель власти — заместитель королевского прокурора. Тем временем и другая баржа с хлебом подверглась разгрому. Весь гарнизон был мобилизован; на улицах появился «сам» королевский прокурор. Вначале ему удалось произвести несколько арестов, но вскоре и он ретировался, получив тяжелую контузию. Камни падали градом на солдат, офицеров и магистратов. Власти струсили и приказали открыть огонь. Конечно, нельзя доверять официальной версии, согласно которой жертвами этого столкновения стали якобы лишь два человека.

В различных частях департамента произошли подобные же выступления. В наших материалах отмечены следующие города, местечки и деревни: Витре, Фужер, Анжер, Ливре, Шатобур, Лаваль, Бреаль, Динан.

Нападение на повозки с хлебом, организованное жителями деревни Бреаль и крестьянами, прибывшими из соседних селений, произошло в воскресенье 10 января. Жандармы были бессильны оказать противодействие, и только по прибытии в Бреаль воинских частей начались многочисленные аресты.

Почти одновременно в Изе собралось около 300 человек; воз с хлебом, принадлежавший торговцу Брюнелю, был остановлен, и Брюнель был вынужден, при посредничестве мэра, сбавить цену: хлеб был продан по 25 франков 50 сантимов за гектолитр (все же на полтора франка дороже цены, предложенной народом) [71].

В другой части Бретани — на территории департамента Котдю-Нор, в Динане, 23 января 1847 г. выступили рабочие-землекопы, занятые сооружением виадука. Землекопы задержали два судна с хлебом и разгрузили их. При разгроме соблюдался строгий порядок: сами рабочие установили надзор за сохранностью взятого зерна. Конечно, это не предотвратило прибытия в Динан вооруженного отряда — пехотной роты, командированной из Сен-Мало [72].

В Бельнаве, департамент Аллье, были арестованы два «бунтовщика», а хлебные грузы, перевозившиеся из Эбрайля в Коммантри, экскортировались воинскими частями.

[70] «Gazette des Tribunaux», 12, 13.I 1847.
[71] «Gazette des Tribunaux», 14, 15.I 1847.
[72] «Gazette des Tribunaux», 29.I 1847.

27 января в Армайе, в департаменте Мэн-и-Луар, крестьянами была задержана повозка с хлебом, направлявшаяся из Пуансе в Вергань. Все мешки с зерном были сданы ими в мэрию, под наблюдение мэра Бражуэна и его заместителя Дезей. Велика была ярость префекта, когда он узнал об этом происшествии: Брежуэн и Дезей были немедленно сняты со своих постов [73].

На территории департамента Эр волна продовольственных выступлений прошла 30 января, охватив сразу несколько селений. И здесь движение было подавлено воинскими частями.

Перейдем к февральской хронике продовольственных волнений.

Явно политический оттенок имело выступление рабочих в Нанте, хотя поводом к нему была дороговизна хлеба. В этом городе находились так называемые благотворительные мастерские. Заработная плата — полтора франка в день — ни в какой мере не соответствовала взвинченным продовольственным ценам. Вечером 1 февраля 1847 г. у здания мэрии собралось множество изголодавшихся, ожесточенных рабочих. Вся площадь Сен-Пьер была заполнена народом, преимущественно рабочим людом. Крики: «Хлеба, хлеба!» — прерывались и заглушались «Марсельезой». Но вскоре на площадь прибыл кавалерийский отряд, и многие рабочие были арестованы [74].

Через четыре дня в Оссэ и в деревне Пуа, на территории департамента Нор, все местные рабочие и ремесленники потребовали, чтобы фермеры продавали им хлеб по установленной рабочими цене. Но и тут движение было подавлено вооруженной силой — жандармской бригадой и ротой солдат 59-го пехотного полка [75].

В середине марта возобновились волнения в Бретани, на этот раз в г. Ванн, в департаменте Морбиан. Брожение началось вечером 14 марта; на улицах Ванна собирались рабочие — мужчины, женщины, подростки; они сообщали друг другу, что на следующий день, 15 марта, в городе появятся обозы с хлебом, предназначенные к погрузке на местное каботажное судно. Капитан судна получил выразительное предупреждение: в тот же день он едва не был выброшен за борт. Бо́льшая часть собравшегося рабочего люда двинулась к магазину хлеботорговца Митайе и задержала предназначенные к отправке грузы. Шумная массовая сходка произошла на площади Морбиан. Но вскоре на площадь прибыли жандармские отряды и пехотная рота. К 16 марта волнения в г. Ванн были подавлены [76].

«Серьезными беспорядками» именовала судебная пресса волнения, вспыхнувшие одновременно, 14 марта, в районе Монтаржи (в департаменте Луара). Действительно, выступление народных

[73] «Gazette des Tribunaux», 2.II 1847.
[74] «Gazette des Tribunaux», 5.II 1847.
[75] «Gazette des Tribunaux», 10.II 1847.
[76] «Gazette des Tribunaux», 20.III 1847.

масс в районе Монтаржи — значительное событие. Форма выступления была обычной — нападение на проходившие у шлюза 2—3 судна с хлебом и разгром грузов; но это выступление не было чисто стихийным: беднейшие жители окрестных деревень еще до нападения на хлебные грузы установили организационную связь с городской беднотой Монтаржи. Многие участники выступления были арестованы после того, как в район шлюза Шайи прибыли отряды кавалерии и национальной гвардии [77]. Брожение в деревнях, близких к каналу, по которому шли грузы, продолжалось и в следующие дни, в 20-х числах марта [78].

Явно выраженный политический характер приняли волнения 12 мая 1847 г. в Лилле (департамент Нор) в связи с ростом дороговизны. Волнующие слухи о предстоящем новом увеличении хлебных цен распространялись уже в течение многих дней. Слухи подтвердились 12 мая: хлеб еще более вздорожал. Тогда около 400 рабочих, построившись в колонну, двинулось по направлению к Парижской улице. На улицах Лилля опять зазвучала «Марсельеза» и возгласы: «Работы! Хлеба!» А когда демонстранты, численность которых все более возрастала, дошли до Парижской улицы, раздались крики: «Долой Луи-Филиппа! Да здравствует республика!» После демонстрации произошли, как и во многих других местах, нападения на хлебные лавки.

Более 30 участников выступления (цифра, вероятно, преуменьшенная газетой) были арестованы [79].

Организованно выступили 27 июня 1847 г. мюлузские рабочие. Около 400 человек собралось на площади перед городской ратушей; к мэру явились делегаты, заявившие о необходимости снижения установленных хлебных цен. Но мэр ответил, что он не будет говорить с делегатами, пока они не распустят народ, собравшийся на площади. Ответ мэра возмутил рабочих: часть их оставила площадь и стала громить хлебные лавки, часть вступила в кровопролитные столкновения с полицией. «Зачинщики» были арестованы, но это послужило лишь сигналом ко всеобщему бунту местных рабочих. Было разгромлено много хлебных лавок. Командиры национальной гвардии ударили в набат и вызвали регулярные воинские части, вскоре начавшие расстреливать рабочих. Бунт в Мюлузе был жестоко подавлен, но репрессии не остановили волнений в других городах Восточной Франции и, в частности, в Эльзасе.

Судя по данным «Газетт де Трибюно», выступления, непосредственно связанные с ростом дороговизны, по-видимому, стали реже осенью 1847 г. Все же и осенью 1847 г. происходили «довольно серьезные беспорядки» в г. Труа. Дело началось 7 августа с разгрома лавки некоего хлеботорговца, спекулянта. О напряжен-

[77] «Gazette des Tribunaux», 17, 20, 21.III 1847.
[78] «Gazette des Tribunaux», 27.III 1847.
[79] «Gazette des Tribunaux», 15, 16.V 1847.

ности волнений 7—8 августа 1847 г. в Труа свидетельствует уже то, что власти мобилизовали все силы местной национальной гвардии, жандармерию и армейские части. Многочисленны были аресты, произведенные в Труа после того, как войсковые части одержали свою бесславную победу над рабочими, не имевшими иного вооружения, кроме камней и палок [80].

Исследователи, имеющие доступ к местным материалам, несомненно, смогут значительно дополнить картину продовольственных волнений в 1847 г. Нам, в заключение, остается обратить внимание на тот факт, что в характеристике этих выступлений сами современники отмечали то, о чем не могло быть и речи при описании продовольственных бунтов стародавних времен, а именно:

1) резко выраженную инициативу рабочих;
2) активную роль «коммунистических ассоциаций»;
3) значение коммунистической пропаганды.

К числу современников, констатировавших именно эти явления, принадлежал маршал де Кастеллан. Прибыв незадолго до революции 1848 г. на Север Франции, в Руан, он и тут отметил: «Состоятельные люди настроены мирно; опасность волнений может возникнуть только со стороны рабочих-коммунистов» [81]. Кастеллан указывал также на значение распространения коммунистических идей в департаментах Эндр и Шер, связывая продовольственные волнения, социальные требования и заявления повстанцев именно с пропагандой коммунистических идей.

Характерны и другие записи в дневнике Кастеллана: «Положение серьезно; нам грозит социальный переворот» [82]. Некий виконт Дюбошаж хотел бы, чтобы войска размещались правительством повсюду. «Но это просто невозможно: император (подразумевается Наполеон I) говорил, что его 800 тыс. солдат не могут оккупировать все деревни Неаполитанского королевства» [83]. Разумеется, еще менее возможна была бы подобная «оккупация» всех деревень такой страны, как Франция!

---

[80] «Gazette des Tribunaux», 11.VII 1847.
[81] «Journal du maréchal de Castellane», t. IV, p. 4.
[82] Ibid., t. III, p. 378.
[83] Ibid., p. 377.

33
К ИСТОРИИ ЗАВЕРШЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ВО ФРАНЦИИ

1
Вводные замечания

Среди различных вопросов экономической истории Франции, страны великого множества парцелл, особенно большое значение имеет вопрос о соотношении парцеллирования и концентрации земельной собственности. Как указывали основоположники марксизма, измельчание земельной собственности, т.е. ее парцеллирование, продолжалось до 50-х годов XIX в.; но именно в годы Второй империи начался обратный процесс: от парцеллирования к концентрации. Исследованием этого процесса успешно занималась М.А.Кудрявцева[1].

Проблемы земледельческой революции в исследовании М.А.Кудрявцевой особо не выдвигались, хотя наряду с вопросом о концентрации М.А.Кудрявцева затронула и частично осветила другие явления, характерные для французской деревни в период 50—60-х годов. Так, например, говоря о революционизирующем значении машинного производства в сельском хозяйстве и опираясь при этом на прямое указание В.И.Ленина[2], М.А.Кудрявцева привела установленные ею цифровые показатели сокращения числа безземельных сельскохозяйственных рабочих в 1852—1862 гг.

В целом исследования М.А.Кудрявцевой изобилуют интересными данными по вопросам экономической и социальной истории Второй империи. Однако и нижеследующие страницы, возможно, не будут лишними, если учесть, что некоторые дополнительные данные по вопросам экономики и техники земледелия в период 50—60-х годов просто необходимы для периодизации земледельческой революции и хотя бы для правильной постановки вопроса о ее завершении.

---

[1] М.А.Кудрявцева. О концентрации и дроблении земельной собственности во Франции. — «Французский ежегодник. 1963». М., 1964, стр.134.
[2] См. В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.3, стр.227.

2

Общая характеристика земледельческих особенностей в различных районах Франции в 50—60-х годах XIX века

В очень большом, но мало известном у нас труде, написанном Марией Ромье, принята 12-членная классификация сельскохозяйственных районов Франции. Но М. Ромье, обобщая свой громадный труд (в ее книге около 900 страниц) [3], представила резюме, в котором вся территория Франции подразделена, условно, на пять крупных областей: «Север», «Запад», «Восток», «Центр» и «Юг» [4].

Будучи в своей основе подразделением агрикультурно-экономическим, оно не исключает нечеткости некоторых границ. Границы не могут быть указаны с абсолютной строгостью, резонно заявляла М. Ромье.

«Север» — это территория прежних провинций: Фландрии, Артуа, Пикардии, Нормандии, Иль-де-Франса, Шампани, Лотарингии, Мэн, Орлеанэ.

Здесь, в районе «Север», по сравнению с другими районами наблюдалась самая передовая земледельческая культура, питавшая относительно наибольший потребительский контингент; тут было больше, чем в других местах Франции, хлебных и «индустриальных» злаков. В этом районе крестьяне не были приверженцами рутины и с готовностью относились к техническим нововведениям. Пути сообщения — сравнительно наиболее развитые. Климатические и почвенные условия не благоприятны. Но человек «побеждал» природу, и земледелие, особенно во Фландрии, достигло более высокого уровня, чем на «Юге» [5].

Положение в отдельных частях данного района характеризуется некоторыми особенностями. По различным видам сельскохозяйственной деятельности в Пикардии и Артуа нет очень значительных новшеств; коневодство — главное местное богатство, и индустрия, в отличие от собственно северной территории, «не комбинируется» с земледелием.

Иль-де-Франс занимает, по состоянию земледелия, одно из передовых мест, но тут агрикультуре вредит «приманка» большого города.

В Орлеанэ, Бос, Шартрен — обильное полевое хозяйство, однако убывающее по мере движения к «Центру». Особенно же отсталыми были окрестности Орлеана [6]. «Вшивая Шампань» все еще остается «aride», чего нельзя сказать о Сеноне и Бассиньи.

Лотарингия — это дубовые и сосновые рощи, хлебные поля и луга. Климат «суровый»; крестьянин — грамотен и трудолюбив, земледелие — передовое. «Тут происходила борьба великого человека Матье Домбаля, давшего своему краю инструмент — символ земледельческого возрождения» [7].

Собственно северная часть района особенно отличается измельченностью, разделенностью земельной собственности; распространена аренда; но издольщины нет, если не считать территорий Мэн и Орлеанэ.

В целом «Север» характеризуется громадным разнообразием сельскохозяйственных культур.

Перейдем на «Запад». Разумеется, и в этом районе сосуществовали различные условия земледелия.

Прежде всего — несколько слов о северной части района, т. е. о Бретани. Суровый климат, суровые люди, очень отсталое земледелие, неразвитость путей сообщения; земледельческого прогресса нет, если не считать «последние» годы, т. е. начало 60-х годов. Улучшения наблюдаются лишь у отдельных землевладельцев; скот, масло, рожь — главные сельскохозяйственные статьи.

В значительно лучшем положении земледелие на территории бывших провинций Анжу, Пуату, Они, Сентонж, Ангумуа; земельный собственник живет в деревне и наблюдает за обработкой своей земли; участь крестьянина, по мнению Ромье, здесь улучшилась. Сравнительно обширное пространство Ланд еще только «обещало» стать плодородным: для этого были необходимы расчистки, поднятие целинных земель.

«Запад» — территория весьма распространенной издольщины; пути сообщения мало развиты, рынки сбыта местного хлеба надо искать на океанском побережье. В общем в западном районе меньше хлеба, чем в восточном, и меньше скота, чем в северном.

«Восток» — это территория Эльзаса, Франш-Контэ, Бресса, Бюжей, Савойи, Дофинэ. Население бывших немецких земель Ромье называет глубоко французским, но для него характерны также и германские черты, под которыми подразумевалось упорство, простота нравов, расположение к сельской, а не к городской жизни и, сверх того, любознательность, выражающаяся и в сравнительной распространенности образования. Однако и здесь владения очень «подразделены», т. е. измельчены [8].

Прочие отличительные черты земледелия и землепользования на территории «Востока»: роскошные гроздья винограда в Дофинэ; там же сравнительно большая развитость путей сообщения и некоторые преимущества рыночных условий.

«Центр», по классификации Ромье, состоял из бывших провинций Турень, Солонь, Берри, Марш, Нивернэ, Оксуа, Шаролэ, Бурбоннэ, Лионнэ, Овернь, Лимузен, Перигор, Велей, Виварэ. Район большой, но пути сообщения плохо расположены, и они долго не развивались вовсе. Неплодородность земли и суровость

---

[3] *M. Romieu.* Des Paysans et de l'Agriculture en France au XIX siècle. Paris, 1865.
[4] Ibid., p. 848.
[5] Ibid., p. 849.
[6] Ibid., p. 850.
[7] Ibidem.
[8] Ibid., p. 853.

климата в горных областях: ограниченность жизненных ресурсов почти только пастушеством. Разумеется, иное положение на равнинах, где смешивались северные и южные сельскохозяйственные культуры. В общем — это край как бы обособленный, почти не испытавший влияния событий и перемен общенационального значения, край, «обращенный к себе», отсталый. М. Ромье с уверенностью добавляла, что местный крестьянин не жалуется и «любит» свой труд [9]. Не та ли это любовь, о которой говорят иные повара, уверяющие, что карась «любит» поджариваться в сметане?

Характерно, что и «режим издольщины» Ромье изображала в розовых красках: по ее выражению, издольщина имела то хорошее свойство, что она «приближала» собственника земли к работнику — создателю сельскохозяйственных культур. Все же Ромье отметила, что в благоденственном «Центре» заработная плата земледельца была меньше, чем на «Севере».

Еще несколько слов об особенностях во «внутренних» провинциях района.

Улучшения в Берри. Начало оживления в Солони. Каштановые рощи в Лимузене. Бывшая провинция Овернь названа Ромье горьким словечком «âpre». Перигор богат продуктами и хорошими винами, но население — невежественное, отсталое; издольщина широко распространена. В Жеводане, Велей, Вавирэ сельскохозяйственная продукция разнообразна; но травосеяние все еще мало распространено [10]; местная продукция — вина, трюфели, мед; местами много каштанов. Каштаны еще и в эти годы (Вторая империя!!) заменяли хлеб крестьянам-беднякам.

Количественно древесные насаждения увеличивались по мере движения на «Юг» (яблони, орешники, тутовые деревья, слива и т. д.). В Лимузене коневодство. По мере приближения к «Центру» или к «Югу» в стадах рогатого скота обнаруживалось количественное преобладание молочных пород над породами «мясного» и «рабочего» скота. Овцеводство — «солоньское» и «беррийское» и проч.

Остается — «Юг», т. е. провинции: частью Гасконь, Беарн, Фуа, Руссильон, часть Лангедока, Конта́, Прованс.

«Здесь все отличается от Франции Западной и Северной; сам этот край, его климат, земледелие, сельскохозяйственная продукция, люди и вещи представляют те же контрасты, и по мере приближения к «Востоку» различия проявляются все больше и больше» [11].

Земледельческая панорама по провинциям Гасконь, Фуа, Руссильон — прекрасные луга, тучные пастбища. В Провансе почва истощена многими поколениями земледельцев, «собиравшими урожай, не сея» (récoltant et ne semant pas), грабя будущее бесчечной эксплуатацией сегодня [12]. И все же Прованс еще не утратил животворных соков, хотя очень сильно страдал от хищничества и засухи, особенно в южной части района.

Крупные капиталы и рабочая сила были бы необходимы для возрождения и расцвета района в целом, но рабочие руки «дезертировали» (!) в большие города, и местные сельскохозяйственные работники стали требовать более высокую заработную плату. Это и было (в годы, освещаемые Ромье) самым большим затруднением, обнаружившимся в очень многих провинциях, по выражению Ромье, во всей Франции.

Как видим, создание «порядка» в капиталистическом земледелии, т. е. «аркрайтово» решение проблемы рабочей силы посредством машинизации сельскохозяйственного производства, стало в исторических условиях 50—60-х годов, особенно в некоторых провинциях Франции, вполне созревшей необходимостью.

В какой же мере капитал и люди, конструкторы и землевладельцы, выполнили свои задачи в рассматриваемые два десятилетия? К этому вопросу мы здесь и перейдем, памятуя, однако, о том, что уже подсказано самим порайонным описанием земледелия, несомненно не в одинаковой мере нуждавшимся в механизации всех сельскохозяйственных работ.

* * *

Вопрос о развитии техники земледелия подразделен Ромье на семь частей:

1. Орудия пашни. 2. Удобрение. 3. Севооборот. 4. Ирригация и дренаж. 5. Машина для сбора урожая. 6. Молотильная машина, а также и те, которые применяются с целью лучшего сохранения зерна. 7. Различные рабочие инструменты, предназначенные для подготовки животноводческих кормов.

Вся эта схема, как видим, условна, и она вовсе не обязывает нас неотступно следовать за Ромье; для наших задач нет необходимости также и в том, чтобы иллюстрировать все семь разделов. Указания, относящиеся к 1, 3, 4, 5 и 6-й частям, мы не только воспроизведем, но и немного восполним их.

3

Орудия пашни, жатвенные и молотильные машины в 50—60-х годах XIX века

Плуг Домбаля в его усовершенствованном виде был «очень распространен», однако все еще не в той мере, в какой это было необходимо для развитого крупного земледелия. Прочие плуги, показываемые на сельскохозяйственных выставках, были, по сло-

[9] *M. Romieu.* Op. cit., p. 854.
[10] Ibidem.
[11] Ibid., p. 856.
[12] Ibid., p. 857.

вам Ромье, только более или менее неудачной модификацией плуга Домбаля.

Думается, однако, что Ромье допустила тут недооценку значения данного вопроса, преувеличив достоинства плуга Домбаля.

Конструктор Валлеран все же получил большую почетную премию в 1859 г. в департаменте Эна. И еще одна премия была получена Валлераном на более обширной, «универсальной» выставке. Другой конструктор — Демеме (Desmesmay) был премирован за «двойные плуги». Все это в практическом отношении далеко от совершенства. Действительно, плуг Демеме требовал упряжки 12 волов. Но главное было, на наш взгляд, именно в том, на что и указал инспектор земледелия Лефур. Плуг Демеме был назван словом «Революция», и Лефур писал, что плуг «Революция — это более чем просто новое орудие; это — новая идея, предназначение которой в свершении агрикультурной революции — «une révolution culturale» [13]. Важные черты чисто технического описания были сообщены М. Ромье [14].

Разумеется, наиболее важное значение имело бы распространение парового плуга. Но, в отличие от США и даже от Англии, континентальные страны Европы долго не решались пользоваться паровым плугом. Однако в том и заключается, в частности, «земледельческая» разница между первыми десятилетиями XIX в., с одной стороны, и, с другой — десятилетиями 50—60-х годов, что уже и во Франции были, наконец, проверены достоинства и выгодность такого выдающегося технического новшества, да и проверяли его не только в хозяйствах поблизости от Парижа, но частью также в районах далеких от столицы. Приведем пример: в 1862 г. на областном конкурсе в Бурже были произведены многочисленные опыты паровой вспашки [15]. Тогда же улучшились и бороны, но эти улучшенные орудия распространялись еще незначительно.

Жатвенные машины

Известные жатвенные машины, давно изобретенные в США Мак-Кормиком, подвергались в течение XIX в. различным усовершенствованиям. Значение их было вновь подтверждено на Международной выставке в 1855 г., когда одной из таких машин была присуждена премия. Премированная машина скашивала «более одного ара» в минуту [16]. Она приводилась в движение двумя лошадьми, управляемыми одним работником, выполнявшим одновременно и некоторые «рабочие» операции.

[13] *M. Romieu.* Op. cit., p. 73.
[14] «Cette charrue a pour effet... de couper, de diviser et de mêler d'un seul coup une tranche de terre de 45 centimètre».
[15] Подробнее см. *M. Romieu.* Op. cit., p. 77 et suiv.
[16] *M. Romieu.* Op. cit., p. 130.

И в 1859 г. во Франции, на конкурсе в Фуйезе, премия была присуждена двум англичанам за такие новые усовершенствования машины Мак-Кормика, которые упраздняли помощника («ouvrier javeleur») [17]. Среди французских конструкторов особенно отличался д-р Мазье (Mazier), которого премировали, заметим, на конкурсе машин французского производства. Для жатки Мазье требовалась одна лошадь и два работника. Конкурсы, о которых идет речь, состоялись в 1859 и 1860 гг. Новые усовершенствования Мазье снижали цены на такие жатвенные машины с 1050 до 800 франков. Мазье, однако, продолжал улучшать свою конструкцию, и стоимость машин тогда была доведена до 600—700 франков.

Но тем временем работали и другие французские конструкторы. В результате усовершенствований, изобретенных Лежандром и Курнье, некоторые функции «автоматизировались»; жатвенную машину вела уже одна лошадь, управлял ею один работник. В те же годы деревянные части машины были заменены чугунными [18].

Социальное значение описываемых технико-агрикультурных новшеств ясно обнаруживается в книге Ромье, которая усматривала в машине средство избавления деревень от бледных, голодных и полуодетых бедняков с теми страшными лицами, которые сама она, Ромье, видела «autrefois» в департаменте Верхняя Марна.

Классовый интерес буржуа-землевладельца выразительно представлен в следующих словах: «Машины уже хороши, даже если они только стоят в сарае». Будто бы и покупали их некоторые помещики... только для этого [19].

Молотильные машины

Не возвращаясь к старым способам молотьбы — ручной или конной, только отметим, что и старые способы сохранялись на Юге Франции. В районе же «Север» применение молотильных машин стало «почти всеобщим» [20].

Но, более того, паровая сила, которая «еще несколько лет тому назад применялась [для этих машин] только в очень крупных хозяйствах и поблизости от городов, начала распространяться в некоторых [других] наших провинциях, особенно же в Бретани».

И в той части Франции, где была более распространена издольщина на фермах «à moitié fruit», молотильные машины применялись; это были «портативные» машины. Доход от половнической фермы почти удваивался от одной только замены ручной молотьбы механизированным способом.

[17] Ibid., p. 131.
[18] В книге Ромье ссылка на описание выставки 1862 г.
[19] *M. Romieu.* Op. cit., p. 140.
[20] Ibid., p. 146.

Дренаж и развитие оросительных каналов

В южной части Франции издавна требовались оросительные каналы для местных сельскохозяйственных культур. Имея в виду Прованс, один из знатоков этого края писал: «Режим вод здесь столь же необходим, как и в Северной Африке»[21].

Однако еще в конце XVIII в. оросительные средства были почти вовсе неразвиты. Предпринятое в 1772 г. по решению Штатов Прованса прорытие канала было, как и аналогичные работы в других местах, прервано.

При Реставрации много говорили о необходимости развития ирригации, но ничего не было выполнено[22]. Картина изменилась с 1830 по 1870 г.; по мнению цитируемого автора, оба периода: Июльская монархия и Вторая империя — были в данном отношении плодотворны, однако годы 50—60-е больше, чем 30—40-е[23]. Но это замечание сопровождалось характерной оговоркой: еще и в 70-х годах XIX в. «оставались большие задачи»; тогдашний министр земледелия был «чрезвычайно поражен» той ролью, которую могло выполнить южное земледелие в условиях полноценно развитого орошения.

Дренаж отличался, по-видимому, более резко выраженными чертами развития именно в 50-х годах. С 1856 г. в течение ряда лет французское земледелие вложило в это дело 7 млн. франков. Территория, подвергшаяся оздоровлению тогда, исчислялась в 32 тыс. *га* и очень скоро увеличилась вдвое. Понятно, что в таких, ранее небывалых во Франции, масштабах работы, о которых идет речь, приобретали и свое новое экономико-техническое значение. Потребовались новые кадры механиков, вспомогательных рабочих, новые рабочие инструменты и машины.

4

Социально-политические условия развития земледелия в период Второй империи

Превосходно охарактеризовал Ф. Энгельс Наполеона III как душеприказчика революции 1848—1849 гг. Новому императору приходилось против своей воли осуществлять по крайней мере некоторые из тех экономических преобразований, необходимость которых уже давно назрела. Следует, однако, заметить, что эта роль Наполеона III, может быть, меньше всего реализовалась в судьбах земледелия.

Жюль Брам, современник Второй империи, хорошо знавший экономическую жизнь Франции, избрал очень выразительный эпиграф к своей работе о тогдашней «эмиграции» крестьян; это были слова Эмиля Ожье, призывавшего возродить «уважение» к плугу, организовано населять деревню за счет «городской улицы», города обложить налогом, освободив от него деревню, словом, устроить так, чтобы было поменьше буржуа и побольше крестьян[24].

Между тем отношение Луи Бонапарта к нуждам деревни в течение всего периода Второй империи было во всех отношениях противоположным тому, что советовал Эмиль Ожье.

Вот некоторые факты, характеризующие отличия условий развития земледелия, по сравнению с возможностями развития индустриального.

1. *Образование*. В большинстве городов, писал депутат департамента Нор Жюль Брам, существовало бесплатное обучение в профессиональных школах или на публичных лекционных курсах — обучали химии, механике, физике, геометрии и пр.[25] В Дьеппе обучали кружевному производству, в Сент-Этьенне — ленточному, в Страсбурге готовили работников для кузнечно-металлообрабатывающего, столярного, типографского, химического производства. Часовому делу обучали в департаментах Ду, Жюра и т. д. Общества содействия индустриальному образованию возникли в Нанте, Бордо, Руане, Туре, Лимбже — «понадобилась бы книга, чтобы представить полный перечень учреждений этого рода»[26].

2. *Кредит*. Идея поземельного кредита и родом своим была не французская, писал Брам, указывая, что она пришла прямо из Польши, Пруссии и России. Но опустим вопрос о приоритете и рассмотрим сопоставление достоверных различий.

«Крупная индустрия, крупная коммерция, средняя промышленность и мелкая торговля имеют в своем распоряжении все учреждения общественного и частного кредита, начиная от французского банка до ломбардов,— а их 45 — и кредитуют все они ежегодно на сумму в 42 922 251 франк 20 сантимов»[27].

3. *Транспорт*. Разумеется, Жюль Брам не мог отрицать значения той резкой разницы, которая отличала — в росте железнодорожного транспорта — Вторую империю от периода Июльской монархии. Но Брам закономерно обратил внимание на вопрос о развитии сельских путей сообщения. В этом деле, как писали и другие современники, улучшения, по сравнению с периодом 30—40-х годов, были еще вовсе недостаточны, что повторим и мы, поскольку все приводимые здесь экономические данные рассматриваются под углом зрения «завершающего периода» земледельческой революции. Пример: по свидетельству Ложье де Шартруз, в департаменте Буш-дю-Рон, по крайней мере в районе Арля, сель-

[21] «Bouches du Rhône».— Encyclopédie départementale. Agriculture, p. 144.
[22] Ibid., p. 157.
[23] Ibid., p. 158.

[24] *J. Brame*, député du Nord. De l'Emigration des campagnes. Paris, 1859.
[25] Ibid., p. 152.
[26] Ibid., p. 153.
[27] Ibid., p. 144.

ская (провинциальная) сеть дорог была не только недостаточна, но многие дороги часто оказывались вовсе непроезжими[28].

Однако, как уверял Брам, если бы сельские дороги были вымощены камнем, что потребовало бы расхода в 1 млрд. франков, доходы земледельческих культур возросли бы вдвое[29].

Все сказанное о транспортных средствах не следует, конечно, понимать в том смысле, что в период, наступивший после революции 1848 г., вследствие недостаточности сельских дорог, совершенно стеснено было развитие рынков крестьянской сельскохозяйственной продукции. Все же следует считаться с тем фактом, который отметили историки Мартен и Мартено, писавшие, что если около 1845 г. земледелец ограничивался преимущественно местным сбытом, то «ныне» он им пренебрегает, предпочитая сбыт заграничный, особенно в Швейцарию и Германию[30]. Что же касается самой Франции, то, как видно, торговые пути удлинялись; пример: Дижон торговал с восточными районами страны.

5

Апологетика издольщины и ее реальное историческое значение в условиях завершения промышленной и земледельческой революций

Отмечая особенности всех ступеней развития земельной ренты, Маркс характеризовал как переходную форму от первоначальной формы к капиталистической ренте вышеназванную издольщину, обозначенную Марксом двумя соединенными словами (французским и английским), именно как «Métairie-System»[31]. Поскольку же предшествовавший текст, касавшийся «первоначальной формы», воспроизводил факты таких времен, как, например, XVIII век с его феодально-абсолютистскими порядками, а частью и факты более давние, не может быть сомнений в том, что возникновение «Métairie-System» представляло в свое время факт относительно прогрессивный. Однако социально-экономические порядки английского, а затем и французского абсолютизма были преобразованы великими революционными переворотами, и, сверх того, в этих новых исторических условиях совершались революции — промышленная и земледельческая.

Не ясно ли, что в водовороте всех этих преобразований не могло не изменяться значение «Métairie-System». И, может быть, именно утверждение новых исторических условий и стремление их увековечить способствовало появлению гораздо более обширной, чем раньше, специальной литературы об издольщине. Чтобы характеризовать «теоретический» уровень упоминаемых нами сочинений, представляющих ту или иную разновидность буржуазной апологетики издольщины, мы остановимся на работе М. Хабера.

Происхождение издольщины Хабер относил ко времени происхождения собственности. Что же касается множества дефиниций, когда-либо высказанных до появления «труда» М. Хабера, то сам он и ставит превыше всего нижеследующее рассуждение Турдоннэ: «Собственник имеет домен, но он не хочет (!) эксплуатировать его сам; однако не хочет он быть и владельцем, не заинтересованным в «gestion» принадлежащей ему земли, т. е. той незаинтересованности, которую повлечет за собой аренда в форме rente fixe, аренда, дающая съемщику полную свободу действий. Поэтому, собственник ищет более покорного земледельца»[32]. Но кто же этот покорный издольщик? Это работник, который обычно не имеет ничего, кроме своих рук и своей семьи, обладающий скудной движимостью, не располагающий авансируемыми суммами, кредитом, да и не обладающий достаточной культурностью, чтобы вводить новшества на арендуемом издольном участке. Земельный собственник остерегается прибегать к другой форме землепользования из страха, что арендатор (в случае rente fixe) не выпутается из долгов. Вот он, собственник, и берет на себя все издержки эксплуатации издольной земли, удерживая «le montant des produits», «открывая нечто вроде текущего счета» избранному им издольщику, т. е. тому бедняку, который письменно или устно принимает условия издольщины, обычно половнической.

Таков, по Турдоннэ, издольщик — «copartageant» в получаемой сельскохозяйственной продукции. Прочие дефиниции Хабер критикует, указывая, что фактически в некоторых районах, например в районах виноградарства, издольщик удовлетворяется только третьей частью, а не половиной. Не нравится Хаберу, который, повторим, писал уже в 80-х годах, также и слово «propriétaire».

Странной и несуразной кажется нам представленное Хабером изобилие терминологических обозначений, относящихся к издольщине, равно как и попытки Хабера выразить в устойчивых юридических понятиях меняющиеся черты половничества и те особенности, которые, существуя лишь в некоторых местностях Франции, осложняли возможность обобщенного освещения.

Было бы, однако, несправедливо обвинять Хабера в полном игнорировании изменявшихся, вследствие социально-политических революций, черт издольщины. Хабер писал: «Революция (подразумевалась революция 1789—1794 гг.) нанесла первый удар издольщине посредством отмены «métayage emphyothétique»... Великое веяние духа свободы, охватившего страну, усиливало нетерпимость к правам собственника, и земледелец стремился обрести ту свободу действий, которую желал. Годы процветания, последовавшие за падением империи (подразумевалась империя Наполеона I), и

---

[28] «Bouches du Rhône». Encyclopédie citée, p. 252.

[29] Жюль Брам опирался на труд Гафье, представляющий, на наш взгляд, большой интерес.— *Guaffier*. Ponts et Chaussés, p. 8; citée par J. Brame, p. 105.

[30] *Martin, Martenot*. Conclusion, p. 552.

[31] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 367 и сл.

[32] *M. Haber*. Op. cit., p. 3.

особенно раздробление собственности вследствие продажи национальных имуществ и их приобретения черными бандами, влекли издольщиков к тому, что они становились либо денежными арендаторами, либо мелкими собственниками»[33]. Но сама стремительность этого процесса повышала цены на землю и их аренду. Многим покупателям приходилось занимать деньги, чтобы и платить много и погашать проценты по своим займам. И после некоторой борьбы иные новоявленные собственники скоро кончали тем, что продавали свое имущество[34].

Движение издольщины получило в приведенных словах некоторую историческую определенность. Финальный этап исторического периода, о котором шла речь,— конец 70-х и 80-е годы — это время значительного численного уменьшения издольщиков.

В плане исторического исследования цитируемый автор все же не удовлетворяет нас. Со времени Великой буржуазной революции до конца 70-х годов XIX в. свершились технико-экономические перевороты; сверх того, издольщина испытывала влияние массового движения крестьян в 30—40-е годы и особенно влияние буржуазно-демократической революции 1848 г.

Остановимся на документальной иллюстрации издольщины, иллюстрации, характеризующей, впрочем, не только то политическое влияние, о котором идет речь, но и другие, интересные для нас стороны вопроса. Принадлежит эта иллюстрация художественному перу известного русского писателя Григория Петровича Данилевского, лично видевшего во Франции то, о чем он рассказал своим соотечественникам в «Письмах из-за границы».

Г. П. Данилевский внимательно осмотрел дворянское имение, находившееся на Юге Франции, близ Бриансона. Владелец имения Годар вспоминал времена своей ранней молодости, времена революционных и наполеоновских войн.

«Я помню день, когда я воротился из германских наших первых походов и отец созвал соседей на праздничный обед по случаю моего приезда. Я был удивлен и опечален: вместо толпы слуг, бегавших у деда моего в шелках и галунах, в пудре и в башмаках, по коридору и по двору от кухни, за стол явился длинный Пьер, сын моей кормилицы, он же вместе кучер, садовник и приказчик моего отца... Помню еще, что после обеда пришли из-за реки поздравлять меня и наши былые крестьяне. Отец мой надулся; он тогда был не в ладу с ними, в споре за какие-то земли. Я, однако, вышел. Более осьми лет я не видел их и от души стремился взглянуть на знакомые синие блузы и мозолистые грубые руки. Каково же было мое изумление, когда у крыльца я увидел несколько молодцеватых джентльменов в зеленых и голубых модных фраках того времени, а степенные отцы их, державшие меня некогда на руках, стояли с покрытою головою, в красивых суконных долгополых кафтанах и камзолах, в перчатках на медвежьих своих руках».

Вернувшись еще раз в свое имение, уже после «русского похода», Годар долго боролся с «неисчислимыми долгами» отца, терпевшего убытки. Однако имение уцелело. Как же устроились дела? — «А вот как: на наши земли мы приняли на правах «меттеяж» (половничества), как почти здесь делается везде, новых пришельцев с Севера, из Нормандии и Бретани, где мало земель; наши прежние поселяне кое-кто также примкнули снова к нам, уже на свободных условиях. Ну, вот, мы им дали земли, строений, огородов, а они пришли с своим скотом и орудиями. Одни пашут... а другие возделывают виноградники и огороды. И все, что собирается, делится пополам... а приплод... отводят на рынок, продают там при свидетелях, и доход снова делится пополам. Пришла осень, припасы проданы, деньги принесены, счеты сверены с их депутатами и дело с концом... Живешь припеваючи»[35].

«Да, сказал Годар: — теперь у нас нет крестьян, нет и дворян, в прежнем смысле слова; но у нас зато, надо сознаться, стало более счастливых людей»[36]. Несомненно Годар подразумевал и проникновение образованности в семьи крестьян. Ведь тут же, на земле Годара, спутник Г. П. Данилевского, русский студент, после долгой беседы с дочерью издольщика был поражен, убедившись, что крестьянская девушка училась в Гренобльском пансионе, была «влюблена» в Байрона и — «вообразите» (!) — играла, «как Лист», причем особенно хорошо исполняла мазурки Шопена[37].

Осматривал Г. П. Данилевский не только ферму Годара, но и прочие, окрестные, земли. Видел он хорошие пашни и плуги «отличного нового устройства с чугунными колесами и измерителями». Видел он и пересекавшие пашню «желтые поляны со злаком «чуть не в рост человека»; конечно, это была кольза, неизвестное Данилевскому, но давнее во Франции масляничное растение; видел он еще и многое другое.

«Воротившись к Годарам, мы посвятили еще два дня на осмотр их хозяйства, орудий поселян-фермеров и особенно паровых, со всеми современными улучшениями, и не могли на все надивиться»[38].

В разговорах Годара с местными жителями приобретают в наших глазах большую отчетливость и некоторые другие факты. Кучер, который отвечал на вопросы русских туристов, когда они еха-

---

[33] Свою обобщенную дефиницию Хабер выразил так: «Nous en arrivons donc à cette conclusion que le métayage n'est ni un louage, ni une société, tout en étant à la fois l'un et l'autre, car les deux théories ont dans leurs restictions même les points communs un terrain d'entente».— *M. Haber*. Op. cit., p. 31.

[34] В заключение Хабер ссылается на статью Бодрийяра, опубликованную в «Revue des deux Mondes» в октябре 1885 г., отмечая вслед за Бодрияром, что сами земельные собственники приложили руку к «abandon du métayage».

[35] *Г. П. Данилевский*. Собрание сочинений, т. XXIII, СПб., стр. 47, 49. «Старосветские помещики на юге Франции».

[36] Там же, стр. 54. «Письма из-за границы».

[37] *Г. П. Данилевский*. Указ. соч., стр. 54. «Ферма Годар».

[38] Там же.

ли в замок Виллеруса близ Мо, говорил: «У нас в деревнях так сеют... трое соберутся сеять рожь, трое или пятеро эту кользу, а остальные пшеницу, а потом делятся. У нас земли все клочками, не разгонишься» [39].

Совсем иное зрелище увидели наши туристы на земле виконта, владетеля замка Виллеруа. Наибольший интерес в записи их новых впечатлений представляет разговор с управляющим («приказчиком») виконта.

Ограничимся, впрочем, вопросами и ответами, относящимися к опытам применения нового, тогда, видимо, наиболее мощного во Франции способа вспахивания земли.

«В одном углу поля, пояснял управляющий, ставился паровой двигатель, локомобиль, а в другой вкатывалась тяжелая телега с блоками; между ними был укреплен проволочный канат, а по канату,— когда пускался в работу локомобиль, и начинал ходить плуг. Пройдет в одну сторону — одним концом своим ведет три борозды разом: пойдет в другую? Тогда те три лемеха опускаются, а три новые борозды ведутся другим его концом. Видите, его концы опускаются и поднимаются по воле, на оси, на ширнире. Прогуляется он в два конца; тогда телега переезжает далее... Отлично дело идет» [40].

Сколько же стоит этот плуг? Управляющий отвечал: «Без двигателя четыре тысячи франков, а с ним до десяти тысяч» [41].

Понятно, что на вопрос об охотниках, готовых последовать примеру виконта, управляющий только улыбнулся, но он подтвердил, что интерес к плугу был очень велик [42].

6

Заключительные замечания

1. Факты, освещенные выше, конечно, не воспроизводят всей картины развития земледелия во Франции в указанное время, однако они позволяют приблизиться к решению вопроса о завершающем этапе земледельческой революции.

2. Бесспорно значительным и характерным явлением рассматриваемого этапа был начавшийся в середине XIX в. «обратный процесс» от парцелляции земельной собственности к ее концентрации.

3. Но в это же время еще более усилилась деятельность черных банд, имевших, по выражению Ромье, повсеместную агентуру во Франции времен Второй империи. Характерно и то обстоятельство, что Ромье усмотрела в этом громадном контингенте земельных спекулянтов «новый класс», возникший будто бы, по неточному определению Ромье, при Второй империи.

4. Неоспорим и резко выраженный рост механизации сельскохозяйственного производства на территории значительной части крупных владений.

«Фаулер» — в Англии; паровой плуг «Революция» — во Франции. Так можно выразить характеристику технических высот земледелия в 60-х годах в названных странах, разумеется, с оговоркой, что мы не отождествляем практических результатов английских и французских изобретений в данное время. Но следует добавить, что если паровой плуг был новинкой лишь в крупных хозяйствах, то различные другие сельскохозяйственные машины стали гораздо шире, чем раньше, применяться и средними землевладельцами.

5. Техническая отсталость мелкой культуры была, разумеется, еще отнюдь не преодолена. Но ее порочность была смягчена появлением более заметных, чем раньше производственных объединений мелких земледельцев.

6. Вряд ли не «новинку» представлял в 50—60-е годы быстрый рост ирригационных работ и тот внезапный расцвет побочной машинной техники, который возникал как новое качество в условиях быстрого роста чисто количественных явлений распространения ирригации.

7. Развитие агрономической науки и ее закономерных связей с успехами естественных наук, особенно же с развитием химии, равно как и взаимная обусловленность научных знаний и сельскохозяйственной практики обнаруживались на всех этапах рассмотренной земледельческой революции. Опираясь на указания нашего великого ученого академика Дмитрия Николаевича Прянишникова, мы отметили значительную роль французской науки в первой половине XIX в. Но и последний этап земледельческой революции не прошел бесплодно для французской агрономии, для агрохимии.

8. В социально-политическом аспекте, особенно при сравнении Франции с Англией, поражает сохранение на французской земле множества мелких хозяйств, что, разумеется, и следует учитывать при рассмотрении вопроса о завершении земледельческой революции. Не только не революционность, но, напротив, консерватизм и застой характерны для таких земледельческих порядков. Идиллическая картина издольщины, представленная Г. П. Данилевским, лишний раз подтверждает коренное отличие издольщины феодально-абсолютистских времен от времен пореволюционных. Резко выраженные черты политико-экономического консерватизма обнаруживали некоторые французские экономисты и публицисты в вопросе о мелкой собственности. В 1851 г. своеобразную, как бы «предстолыпинскую» идею высказал редактор «Анналов Прованса», го-

---

[39] *Г. П. Данилевский.* Указ. соч., стр. 58. «Письма из-за границы». «Замок Виллеруа близ Мо».
[40] *Г. П. Данилевский.* Указ. соч., стр. 68. «Замок Виллеруа близ Мо».
[41] Там же.
[42] Там же.

ворившій, что уже революция 1789 г., раздробив феодальные земли, создала «настоящих неофитов собственности» — консервативную силу, способную стать непреодолимым препятствием для распространения «ниспровергательных учений». «Коммунизм,— писал цитируемый оратор, месье Плош,— разобьется об этот камень» [43].

Но история французской деревни конца XIX в. обнаружила сохранение и обострение противоречий «Вандеи» и «Севенн» XIX в. В этой связи следует особенно отметить ценность указания Ю. Г. Трунского, писавшего, что широкие движения крестьян и батраков, направленные против монополий и буржуазного государства, вспыхнули именно в тех районах, где возникали в конце XIX в. мощные сельскохозяйственные монополистические объединения [44]. Многие десятки тысяч крестьян-бедняков на всех этапах земледельческой революции переживали бедствия пауперизации. И повторялись знакомые нам сцены: бедняки нищенствовали в близких и дальних деревнях. Зажиточные крестьяне давали им кусок хлеба, немного вина и ночлег в сарае, но обязательно отбирали спички, возвращаемые на следующий день. Так было в Изере (по свидетельству Юбер-Валлеру) [45]. Обеднение порождалось условиями труда земледельческого и труда промышленного, однако с той разницей, что пауперизм в деревне становился более устойчивым бедствием [46].

9. В какой же мере позволяют все рассмотренные факты говорить о завершении революции земледельческой к 1871 г.? Вспомним то, что писал В. И. Ленин о Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Даже по отношению к социально-политической революции Ленин применял понятия: завершенность в узком смысле слова и завершенность в широком смысле.

Несомненно, аналогичная терминология может и должна быть применена к рассматриваемым, очень глубоким, социально-экономическим и технико-экономическим трансформациям — к промышленной и земледельческой революции.

На протяжении многих страниц показано соединение основных черт технико-индустриального преобразования и, соответственно, земледельческих преобразований. Но вопрос, поставленный в начале книги: могли или не могли возникать аналогичные закономерности вне воздействия промышленного переворота — может получить еще более широкое освещение, если будут учтены прилагаемые дополнительные тексты, относящиеся к другим странам и к совершенно другим историческим временам.

[43] «Les Bouches du Rhône». Encyclopédie départementale, vol. VII. L'Agriculture, p. 23.

[44] *Ю. Г. Трунский.* Крестьянские движения во Франции в конце XIX в. и французские социалисты.— «Ученые записки по новой и новейшей истории». Выпуск 3. М., 1957, стр. 8. Этот большой очерк насыщен множеством ценных фактов.

[45] *P. Hubert-Valleroux.* La Charité avant et depuis 1789 dans les campagnes de France. Paris, 1890.

[46] *L.-J. Reboul-Déneyrol.* Paupérisme et bienfaisance. Paris — Strasbourg, 1858.

34

УСЛОВИЯ ТРУДА РАБОЧИХ, ОСОБЕННО МАЛОЛЕТНИХ, В ПЕРИОД ВТОРОЙ ИМПЕРИИ

1

Вводные замечания

Положение рабочих во Франции в 50—60-х годах XIX в. освещалось в различных публикациях советских историков: в учебной литературе, в коллективной монографии «Парижская коммуна 1871 года», в научных статьях.

Особое место в советской историографии Второй империи занимает солидный исследовательский труд Э. А. Желубовской «Крушение Второй империи». Вопрос о развитии промышленности в 50—60-е годы XIX в. во Франции и о влиянии капиталистической индустриализации на состав рабочего класса и на условия его труда освещен Э. А. Желубовской на основе обширного документального материала и большой исторической литературы, советской и зарубежной, с учетом всех наиболее значительных позднейших исследований [1].

Не видя необходимости повторять здесь то, что уже представлено в монографии Э. А. Желубовской, мы обратимся лишь к тем фактам, которые еще не привлекали пристального внимания историков либо получали неправильное освещение. Последние слова относятся к некоторым зарубежным трудам. Конечно, в рамках данной главы невозможно дать критико-историографическое введение в точном смысле слова. Ограничиваясь же характеристикой важнейших направлений, рассмотрим выводы двух крупных и совсем различных историков — Жоржа Дюво и Юргена Кучинского.

В книге Дюво 600 страниц, и вся она посвящена теме «Рабочая жизнь во Франции при Второй империи» [2]. Безвременно скон-

[1] *Э. А. Желубовская.* Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М., 1956. См. особенно в главе первой, стр. 33—48, 51—64 (французск. перевод: *E. Jéloubavskaia.* La chute du Second Empire et la naissance de la Troisième République. Trad. du russe par J. Champenois. Moscou, 1959).

[2] *G. Duveau.* La vie ouvrière en France sous le Second Empire. Préface par E. Dolléans. Paris, 1946. Cinquième édition.

чавшийся автор названного труда был учеником и почитателем неопрудониста Э. Доллеана. Понятно, он был далек от марксизма, что и предопределяло его методологические пороки.

Прогрессивный немецкий историк-экономист, профессор Юрген Кучинский хорошо известен в СССР [3].

Своеобразно и очень характерно отношение Дюво к обобщениям. Нечто похожее на обобщение мы еще находим в «Предисловии», где Дюво утверждал, что при Второй империи «сосуществовали» самые различные формы промышленности и что ремесленный строй все еще был «чрезвычайно живуч» [4]. Но под предлогом осторожности и забывая о мучениях «боязливых», встреченных Данте в преддверии «Ада», Дюво как раз и избегал обобщений. Он ошеломлял читателя признанием: «Мы не обольщаемся, что уловили Ариаднину нить в том лабиринте сложных и противоречивых фактов, в который мы вступили» [5]. Дюво не заметил, что сам он и затруднял путь к обобщениям, поскольку ограничивался лишь плоскими противопоставлениями противоречивых показаний и фактов.

Совсем другое направление представляют книги Ю. Кучинского. Этот выдающийся исследователь условий труда в различных странах, старающийся овладеть теорией марксизма-ленинизма, стремится к широким обобщениям и во многих случаях формулирует их очень интересно и правильно. Но, к сожалению, в самой постановке вопроса об экономическом развитии Франции в средние десятилетия XIX в. Кучинский допускал неточность. «В период Июльской монархии (1830—1849 гг.) фабричная система стала развиваться быстрыми темпами», и уже в это время, писал Ю. Кучинский, «промышленный переворот достиг завершения» [6].

В действительности, как и указывал Энгельс, промышленный переворот во Франции завершился после революции 1848 г., и именно при Второй империи наступил его последний фазис

2

Продолжительность рабочего дня на фабриках в 50—60-х годах XIX века

Точное освещение вопроса о продолжительности рабочего дня представляет, бесспорно, одну из особенно важных задач исследования положения рабочего класса [7].

[3] На русский язык переведены многие его книги, в том числе первое издание «Истории условий труда во Франции с 1700 по 1948 г.». М., 1950. Второе, улучшенное, издание см.: *J. Kuczynski*. Die Geschichte der Lage der Arbeiter in Frankreich von 1789 bis die Gegenwart. Zweiter Teil. Seit 1830. Berlin, 1955.

[4] *G. Duveau*. Op. cit., p. 11.

[5] Ibid., p. 541.

[6] *Ю. Кучинский*. Указ. соч., стр. 66—67.

[7] Попытка дать документированное освещение этого вопроса (для Франции XIX в.) была сделана буржуазным экономистом Шарлем Ристом в его статье

В книге Дюво этому вопросу уделено несколько страниц. Вспоминая об отмеченном в предисловии Доллеана отступлении Дюво от «оптимизма Левассера» [8], невольно начинаешь искать на страницах книги Дюво какую-либо действительно новую, принципиально иную концепцию. Но в вопросе о продолжительности рабочего дня у Дюво все те же линии оптимистической конструкции Левассера, только завуалированные противоречиями, непропорциональными сопоставлениями, неясными формулировками.

Начал Дюво, как и следовало ждать, с рабочего законодательства Второй республики. Отметив известный революционный декрет 2 марта 1848 г. о сокращении рабочего дня до 10 часов в Париже и до 11 — в провинции, Дюво, как и Левассер, ограничился формальным изложением тех законодательных актов, которыми на различных этапах революции 1848—1851 гг. аннулировались завоевания пролетариата. Дюво констатировал появление декрета 9 сентября 1848 г., установившего для всех заводов и «мануфактур» 12-часовой рабочий день (разумеется, с оговоркой, что речь идет о 12 часах действительного труда). И далее, буквально повторяя Левассера, Дюво сообщал об отрицательном отношении к сентябрьскому декрету со стороны Леона Фоше, назвавшего этот закон «выродком социализма». Вслед за Левассером Дюво отметил и появление закона 17 мая 1851 г. и циркуляра 24 июня того же года. Закон 17 мая 1851 г. полностью освобождал от ограничения рабочий день в нескольких отраслях, и июньский циркуляр пояснял, что прежний закон 9 сентября 1848 г. (об ограничении 12 часами рабочего дня на заводах и «мануфактурах») вовсе не относился к «простым мастерским». Дюво правильно характеризовал значение законов Фоше в том отношении, что они «отнимали у рабочих всякую гарантию» [9]. Но это указание почти утрачивало свое значение, поскольку Дюво, решаясь, наконец, высказать обобщение, формулировал его такими словами: «Как общее

«Продолжительность рабочего дня во французской промышленности с 1820 по 1870 г.» Но содержание статьи не вполне соответствует заголовку: периоду с 1848 по 1870 г. уделены в статье Риста всего две страницы, причем только одна из них дает конкретные показатели продолжительности рабочего дня в это время. Отмечая крайнюю скудость и неразработанность документальных данных, относящихся ко времени Второй империи, Рист все же решается высказать обобщение: «Nous devons donc admettre que la situation ne s'est pas modifiée depuis 1848, comme à cette époque, la tendance à considérer la journée de 12 heures comme journée normale se maintient, mais les prescriptions de la loi sont violées dans un grand nombre de cas».— *Ch. Rist*. La durée du travail dans l'industrie française de 1820 à 1870.— «Revue d'économie politique», t. IX. Paris, 1897, p. 392.

[8] Подразумевался, конечно, Эмиль Левассер. Доллеан высказался об «отступлении» Дюво от Левассера, в связи с вопросом о заработной плате: «Le salaire, sous le règne de Napoléon III, est généralement stationnaire... les statistiques par Georges Duveau ne justifient guère l'optimisme d'un Levasseur».— *G. Duveau*. Op. cit., p. IX—X.

[9] *G. Duveau*. Op. cit., p. 236—237.

правило, продолжительность рабочего дня при Второй империи была — 12 часов в провинции, 11 часов в Париже»[10].

Еще несколько замечаний о рабочем законодательстве Второй республики. Нельзя не удивиться той наивности, с которой Дюво повторял выражение «выродок социализма» в отношении закона 9 сентября 1848 г. После жестокого подавления восстания парижских пролетариев в июне 1848 г. вся политика правительства «трехцветных» республиканцев сводилась к решительному разгрому социальных завоеваний трудящихся масс, достигнутых в начале революции. Ни грана социализма не было в законе 9 сентября! Политический блок «трехцветных» республиканцев включал представителей крупной промышленной буржуазии, и именно тех выразителей ее интересов, которые находились в оппозиции в дореволюционные годы. Крупные предприниматели-текстильщики, руководствуясь материальными интересами, жаланием разорить своих конкурентов — мелких фабрикантов, добивались общего закона о 12-часовом рабочем дне и, как видим, преуспели в этом, проведя при господстве «трехцветных» республиканцев закон 9 сентября 1848 г.[11] Вскоре «трехцветные» республиканцы потерпели поражение; власть перешла к соединенным монархистам, т. е. к наиболее реакционным силам. И в этих исторических условиях активный представитель контрреволюционного лагеря, тогдашний министр внутренних дел Леон Фоше, провел вышеупомянутый закон 17 мая 1851 г., отменявший ограничение рабочего дня в ряде отраслей промышленности.

Отметим также и то, что в обоих случаях, у Левассера[12] и у Дюво[13], перечень этих отраслей представлен сокращенно.

Ограничение рабочего дня совершенно отменялось: в доменных цехах, при обслуживании печей и котлов, предназначенных для сушильных операций, и в котельных, где производится мойка или отбелка; при обслуживании паровых машин ограничение отменялось и в отношении рабочих, занятых разжиганием горнов, а также при декатировке, в производстве клея; у котлов мыловаренных заводов, в типографиях, в литографиях, в литейных и фришевальных цехах, при лужении, при гальванизации металлов и в производстве военного снаряжения.

Чтобы составить еще более полное представление именно о легальных возможностях удлинения рабочего дня (в 1851 г. и при Второй империи), заметим, что даже там, где рабочий день ограничивался 12 часами (по закону 9 сентября 1848 г.), предоставлялось «право» удлинять рабочий день: 1) для чистки машин в конце рабочего дня; 2) для выполнения работ, срочность которых определялась «либо повреждением двигателя, котла, оборудования или даже самого фабричного здания, либо — во всяком ином случае крайней необходимости» (!).

Продолжительность действительного рабочего дня официально, «по закону», удлинялась до 13 часов в моечных и сушильных цехах красильных фабрик, в прачечных и на ситцепечатных фабриках.

Последний штрих: дополнительные часы, каждый день — по два, предоставлялись: а) сахарным заводам; б) фабрикам химических изделий; в) красильням, тканенабивным фабрикам, аппретурным и прессовальным мастерским; формально в этом случае количество удлиненных рабочих дней ограничивалось 120 в год, по выбору самого предпринимателя с уведомлением представителей местной власти.

Если ко всему сказанному добавить, что в январе 1866 г. появился декрет, разрешавший удлинять продолжительность рабочего дня на шелкопрядильных фабриках «на один час ежедневно в течение 90 дней, с 1 мая по 1 сентября», и если учесть, что под понятием «простых мастерских» (с вовсе не ограниченным рабочим днем) подразумевалось великое множество предприятий, то спрашивается, какие же основания были у Дюво утверждать, что, «как правило», рабочий день при Второй империи равнялся 11—12 часам?! Мы видим, напротив, что даже сам закон давал предпринимателям возможность по своему желанию сохранять или отменять ограничение рабочего дня 12 часами. Практически это означало, что фабрикантам, имевшим наилучшее техническое оборудование (и во всяком случае паровую двигательную силу), никто не мешал безубыточно применять двухсменную систему и, следовательно, ограничивать рабочий день 12, а в случаях, о которых речь будет ниже, даже и 11 часами. Прочие же промышленники, составлявшие подавляющее большинство, могли именно легально удлинять продолжительность «действительного труда» до 13 и до 14 часов, а в мелких предприятиях ограничений вообще не существовало.

* * *

До сих пор мы ограничивались рассмотрением вопроса о продолжительности рабочего дня только в формально-юридическом

---

[10] *G. Duveau.* Op. cit., p. 239; Ю. Кучинский почти повторил это утверждение: «После 1848 г. средняя продолжительность рабочего дня в провинции равнялась примерно 13 часам, а в Париже она снова была на час меньше. В 60-х годах происходило дальнейшее медленное сокращение рабочего дня».— *Ю. Кучинский.* Указ. соч., стр. 125.

[11] Рист сообщил, что из 58 префектов, опрошенных министром внутренних дел Сенаром, 56 высказались в пользу ограничения рабочего дня 12 часами. Не вдумываясь в тот факт, что речь идет тут о времени апогея господства «трехцветных» республиканцев (к которым именно и принадлежал Сенар) и что проект Сенара (ставший законом 9 сентября) был в глазах контрреволюционной провинциальной администрации «хорош» уже потому, что он отменял революционный закон 2 марта о 10—11-часовом рабочем дне, Рист в конечном счете и приходит к выводу, что стремление к ограничению рабочего дня 12 часами представляло тогда, в 1848 г., наиболее широко выраженную тенденцию.

[12] *E. Levasseur.* Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, t. II. Paris, 1904, p. 401.

[13] *G. Duveau.* Op. cit., p. 236.

аспекте, с точки зрения соответствующих законодательных актов времен Второй республики и Второй империи.

Но одно дело — издать закон, другое — осуществить его. И переходя теперь к картине реальных условий труда в рассматриваемые времена, мы должны повторно остановиться на понятии «travail effectif» («действительный труд»).

До революции 1848 г. дело изображалось так: действительный рабочий день равен 12 часам: сверх этого времени рабочий остается в помещении фабрики еще три часа, которые формально засчитываются как часы отдыха и приема пищи. Исследование большого документального материала, представленного выше, позволило установить, что до революции 1848 г. продолжительность «действительного» рабочего дня фактически достигала на фабриках с водяными двигателями 14, 15 и 16 часов; трехчасовой отдых фактически сводился к одному часу. И, как уже доказано выше, продолжительность рабочего дня доводилась тогда, в 40-х годах, до 17—18 часов в сутки.

Остается ответить на вопрос: применялась ли такая же практика в рассматриваемые времена, т. е. во времена Второй республики и Второй империи? Иными словами, можно ли утверждать, что, например, легальное установление 13-часовой продолжительности «действительного» труда на ситцепечатных и шелкомотальных фабриках, 14-часовой — на сахарных заводах, в химическом и красильном производстве фактически и означало не что иное, как восстановление существовавшей до революции 1848 г. практики эксплуатации, т. е. принуждения фабричных рабочих к пребыванию на предприятии в течение 16—17 часов с фактическим использованием их действительного труда в течение 14, 15 и 16 часов, в зависимости от величины того времени, которое выкрадывалось фабрикантами из мнимого трехчасового отдыха?

Ответ на этот вопрос могут дать только исследования документальных материалов, а не ссылки на показания Рейбо и Одиганна, которыми столь часто и некритически пользовался Дюво, прибегавший лишь изредка к другим, действительно достоверным источникам.

* * *

Рассмотрим положение в фабричной промышленности, в полумеханизированных отраслях и в ручном производстве.

Льнопрядильное и пенькопрядильное производство. В департаменте Сомма еще и в 1856 г. дети моложе 12 лет работали на прядильных фабриках «по 15 и 16 часов в день»[14]; были и такие предприятия, где дети работали «всю ночь с субботы на воскресенье»[15]. По выражению местных инспекторов, это обрекало подростков на «невежество и рахит». И именно эти условия труда существовали в середине 60-х годов; количество детей 8—12 лет на льнопрядильных фабриках в департаменте Сомма не сокращалось, а возрастало. Смертность от туберкулеза была особенно распространена среди рабочих льнопрядильных фабрик[16].

В департаменте Нор замечания, характеризующие условия труда на льнопрядильных фабриках как особенно вредные для здоровья и нравственности подростков (непомерно высокая температура помещений, общение полураздетых детей, девушек и юношей), датированы 1852 г.[17] Немного позднее, в 1855 г., сам префект департамента Нор переслал в Париж справку о тех предприятиях, в которых в большом количестве работали малолетние дети. В одном только г. Лилле инспекторская комиссия составила в 1855 г. 85 протоколов по поводу нарушения предпринимателями закона 22 марта 1841 г. Число всех протоколов по департаменту Нор в 1855 г. равнялось 116. Разумеется, отмечались не все случаи нарушения закона. Тем не менее местный Генеральный совет 6 сентября 1855 г. заявил о своем «сожалении» по поводу этих протоколов. Даже самые легкие штрафы осуждались Генеральным советом, так как и они якобы могли «причинить серьезный ущерб авторитету хозяев предприятий» (!)[18].

Грубые нарушения закона 22 марта 1841 г. на льнопрядильных и пенькопрядильных фабриках на территории департамента Сарт в 60-х годах XIX в. подтверждены самими предпринимателями (владельцами фабрик, находившихся в департаменте Орн) и, кроме того, префектом департамента Сарт. Продолжительность труда малолетних равнялась «12 $^1/_2$ часам действительного труда»; следовательно, общая продолжительность рабочего дня была не менее 15 часов; отмечались случаи, когда дети моложе 8 лет работали с 5 $^1/_2$ часов утра до 9 часов вечера. Эти факты были установлены владельцами фирм Ришар-Левек и Ришар Терри, льнопрядильщиками департамента Орн, и сообщены в их заявлении, представленном министру торговли[19]. Ранее эти льнопрядильщики департамента Орн обращались непосредственно к своим конкурентам Грель и Тури, владельцам фабрики в Иврэ л-Эвек, близ г. Манн, но Грель и Тури отклонили предложение о совместном выполнении требований закона 1841 г. Префект департамента Сарт в том же, 1861 г. подтвердил факты нарушения закона 1841 г.[20], а затем, уже в 1865 г., префект еще раз и в

[14] Arch. N., F[12] 4713*. Somme, префект — Генеральному совету департамента, 24 августа 1856 г.

[15] Ibidem.

[16] Arch. N., F[12] 4713*. Somme. Extrait du registre aux délibérations du Conseil général, 1865.

[17] Arch. N., F[12] 4713*. Отчет инспекторской комиссии при отношении префекта — министру, 28 декабря 1852 г.

[18] Arch. N., F[12] 4708*. Nord. Extrait du registre aux délibérations du Conseil général, session 1855, 6 septembre 1855.

[19] Arch. N., F[12] 1417*. Sarthe. Richard Levêque, Richard Terry — министру, 20 сентября 1861 г.

[20] Arch. N., F[12] 4713*. Sarthe, префект — министру, 30 октября 1861 г.

своем печатном циркуляре констатировал, что закон 22 марта 1841 г. «не получает полного применения в нескольких пунктах департамента»[21].

Бумагопрядильное производство. Факт сохранения в 50-х годах XIX в. таких же жестоких условий труда, какие существовали и до революции 1848 г., в департаменте Сена-и-Уаза получил авторитетное подтверждение под пером мэра Корбейльской общины, занимавшего свой пост в течении 20 лет. В 1851 г. он послал в Париж, непосредственно на имя министра, конфиденциальное письмо; подтверждая, что в текстильных, в том числе хлопкопрядильных, фабриках дети семи и восьми лет работали по 12 часов в день, мэр обращался с просьбой организовать обследование условий труда в корбейльском районе[22]. Разумеется, правительство не обратило внимания на это письмо, и положение рабочих в департаменте Сена-и-Уаза не изменилось: в 1857 г. префект «пояснял» министру, что продолжительность труда может быть контролируема лишь очень несовершенно[23].

В департаменте Марн в 50-х годах закон 22 марта 1841 г. нарушался именно на прядильных фабриках, где все еще использовался труд детей восьми лет и старше[24]. В 1863 г. число принимаемых на фабрики малолеток уменьшилось, но в общем оно еще было сравнительно велико (700 человек)[25].

В департаменте Об «улучшение» заключалось, по инспекторским данным, в том, что часть фабрикантов признала «благодетельность» обучения детей, т. е. именно выгодность использования грамотных рабочих. Что же касается заработной платы и продолжительности рабочего дня, то по сравнению с периодом дореволюционным абсолютно никаких улучшений комиссия не отметила; «Заработная плата здесь не всегда соответствовала требованиям труда», как гласил инспекторский отчет за 1854 г.[26]

Доклад комиссии в 1856 г. подтверждал, что закон 22 марта 1841 г. и в это время не выполнялся. Положение не изменилось и в конце 50-х годов: были фабриканты-бумагопрядильщики, соглашавшиеся, по крайней мере на словах, подчиниться закону 22 марта 1841 г., но и они заявляли, что для них было бы невыгодно выполнять требования этого закона в данное время, когда их конкуренты, продолжая нарушать закон тайно, будут снижать цены на товары.

На бумагопрядильных фабриках в департаменте Мез в 50—60-х годах все еще существовал, хотя и сокращался, контингент детей младших возрастов и даже детей моложе восьми лет. Как правило, дети моложе 12 лет принимались на бумагопрядильные фабрики. Так было, например, в районе Коммерси. На одной фабрике бо́льшую часть малолетних рабочих составляли немцы. Продолжительность рабочего дня детей в 1862 г., по данным, установленным инспектором Брио, превышала 12 часов. Характерны результаты обследования Брио: вместо того чтобы подчиниться законному требованию этого честного инспектора, фабриканты — нарушители закона — обратились в Париж с кляузой на Брио; фабриканты отрицали факты, установленные Брио, но невольно и выдавали себя, ссылаясь на затруднения, порожденные для мелких и средних предпринимателей торговым договором 1860 г.[27]

Фабричное бумаготкацкое производство. Вандея — все еще преимущественно земледельческий, не индустриальный департамент. Однако и тут к середине XIX в. некоторое развитие получили каменноугольное, хлопчатобумажное, льнопрядильное, шерстопрядильное, суконное, и стекольное производства.

После революции 1848 г. количество работавших детей, возможно, сократилось. Но еще и в 1855 г. среди рабочих, занятых в департаменте Вандея в различных отраслях, было 69 мальчиков и 39 девочек, о возрасте которых у инспекторов не могло быть достоверных сведений, поскольку требования закона 22 марта 1841 г. не соблюдались. Прямые показания о грубом нарушении закона в бумаготкацком производстве принадлежат самому префекту. Он сообщал в 1865 г., что на одной небольшой бумаготкацкой фабрике применялся ночной труд детей в навивально-катушечном цехе[28].

Шелкомотальное и шелкокрутильное производство. Положение малолетних рабочих на шелковых фабриках в 50—60-х годах XIX в. не только не улучшилось, но еще ухудшилось, в том отношении, что инспекторский надзор был в общем значительно ослаблен. Так, например, в департаменте Дром до революции 1848 г. именно вследствие бездеятельности «почетных» инспекторов функции надзора за шелковыми фабриками были возложены, по инициативе министра, дополнительно на контролеров мер и весов. Но прошли бурные времена революции 1848—1849 гг. и, точно позабыв о всех прежних организационных мероприятиях, префект департамента Дром весной 1854 г. функции инспекторов возложил на «именитых граждан»[29]. Ясно, что это был шаг

---

[21] Arch. N., F[12] 4713*. Sarthe, префект — министру, 11 февраля 1865 г.

[22] Arch. N., F[12] 4713*. Seine-et-Oise («faites faire des enquêtes — vous serez véritablement pénétré de voir des enfants de 7 à 8 ans travailler 12 heures par jour»).

[23] Arch. N. F[12] 4713*. Seine-et-Oise, префект — министру, 22 декабря 1857 г.

[24] Arch. N., F[12] 4711*. Marne, префект — министру, 26 апреля 1854 г.

[25] Ibid., 1863 г.

[26] Arch. H., F[12] 4709*, отчет префекта департамента Об министру в 1854 г.

[27] Arch. N., F[12] 4712*. Meuse. Отчеты префекта, 1853—1862 гг.

[28] Стараясь сгладить, «смягчить» это признание, префект спешил добавить, что труд детей по ночам непродолжителен (?!) и он «не превышает их сил» («le travail de nuit est tolere pour le bobinage lorsque le cas l'exige, le nombre des ouvriers spéciaux étant quelquefois insuffisant, mais ce travail exceptionnel et de courte durée et n'excède pas leur force».— Arch. N., F[12] 4714*. Vendée, префект — министру, 24 июня 1865 г.

[29] Arch. N., F[12] 4170*. Drôme, префект — министру, 24 апреля 1854 г.

назад по сравнению с ранее существовавшей организацией инспекторского контроля.

Продолжительность же рабочего дня на шелковых фабриках в 50-е годы нисколько не сократилась: в переписке префекта департамента Дром с министром по-прежнему говорилось о работе с 4 часов утра до 8 часов вечера [30]. Следовательно, речь шла о 16-часовом рабочем дне, в котором и местные власти и сам министр ложно усматривали 13 часов «действительного» труда. Обман и самообман состоял в том, что реально ни на одной из тогдашних шелковых фабрик рабочим не предоставлялось трех перерывов в течение дня, по одному часу каждый раз. Продолжительность всего дневного отдыха не превышала или почти не превышала одного часа, и, следовательно, действительный труд достигал 14 $^1/_2$ — 15 часов.

О том, как далеки были в годы Второй империи фабриканты шелка от реализации закона 22 марта 1841 г., свидетельствует и такой факт: в 1857 г. шесть шелкопрядильщиков департамента Эро осмелились представить министру реляцию, в которой они откровенно заявляли о невозможности соблюдения 2-й и 5-й статей закона 22 марта 1841 г. вследствие конкуренции со стороны аналогичных фабрик в департаментах Дром и Ардеш, не подчинявшихся этому закону [31]. Заметим, что и по свидетельству самого префекта департамента Ардеш, рабочий день на шелкокрутильных фабриках в 1850 г. начинался с 2—3 часов утра! [32].

Закон 22 марта 1841 г. не соблюдался и в других департаментах. У малолетних детей, занятых в шелкопрядильном производстве департамента Верхняя Луара, в 1853 г. не было рабочих книжек [33]. В департаменте Воклюз в середине 60-х годов изменение в условиях детского труда сводилось только к тому, что с появлением гидравлических и паровых двигателей отпала необходимость в применении труда тех девочек и девушек, которые раньше ручным способом приводили в движение шелкомотальные мотовила. Что касается других операций на шелковых фабриках департамента Воклюз, то в 1865 г. они так и выполнялись подростками 14—16 лет [34].

Шерстопрядильное производство. На северо-востоке Франции в департаменте Арденн (в аррондисмане Мезиер) фабриканты-шерстопрядильщики еще и в 50-х годах широко применяли систему обкрадывания рабочих, известную под названием «расплата товарами». Этот факт засвидетельствован официально. Префект департамента Арденн писал в 1853 г.: «Большое число фабрикантов спекулирует на заработной плате рабочих, снабжая этих последних в самом предприятии предметами первой необходимости, либо продовольственными товарами, либо одеждой... даже без права оспаривать цены и качество товаров» [35].

Что касается детского труда, то и тут, например в районе Седана, «со времени установления больших шерстопрядильных станков и других новых машин, число занятых на фабриках детей младше 12 лет значительно сократилось» [36].

В департаменте Марн в одном только Реймсском районе в 1856 г. было 46 различных фабрик, подлежащих инспектированию по закону 1841 г., и среди них шерстопрядильные. Всех детей, занятых на этих фабриках, было 732. Обобщая инспекторскую информацию, префект констатировал, что закон 1841 г. «встречает мало доброжелательности у промышленников, так как у них вопрос о выгоде идет впереди вопроса о человечности» [37].

Положение не изменилось и через три года: в это время среди 870 детей, занятых на фабриках, 85 было моложе 12 лет. Инспекторская комиссия работала вяло, и протоколов о нарушении закона префект получал мало.

Положение на текстильных фабриках в департаменте Манш долго на освещалось вовсе, несмотря на то, что уже в 1853 г. к местной инспекторской комиссии прикомандировали контролера мер и весов. Задача комиссии была не затруднительна: число предприятий, на которые распространялся закон 1841 г., в Манш было совсем невелико; в районе Авранш имелись только три прядильни (каждая с водяным двигателем); в районе Сен-Ло существовали шерстопрядильное, веревочное и кружевное производства, но и здесь количество предприятий было незначительно. Разумеется, тем легче могли их обследовать. Однако лишь в 1868 г. впервые после упорного молчания, изредка нарушавшегося лживыми реляциями, было официально признано, что закон 22 марта 1841 г. совершенно не соблюдался: общая продолжительность рабочего дня равнялась 16 часам и воскресный отдых рабочим не предоставлялся [38].

На шелкопрядильных фабриках департамента Илль-и-Вилен в 1849 г. «несколько девочек» в возрасте 12—16 лет были заняты повседневно и, по выражению инспектора, в течение «чрезвычайно продолжительного времени работали по ночам» [39].

Шерстяные фабрики в департаменте Луар-и-Шер (район Роморантэн) в 1853 г. работали с 5 часов утра до 9 часов вечера, т. е. и здесь общая продолжительность рабочего дня равнялась 16 часам [40].

---

[30] Arch. N., F[12] 4710*. Drôme. Черновик отношения министра префекту, 22 мая 1857 г.

[31] Arch. N., F[12] 4710*. Hérault. Заявление шести предпринимателей при отношении: префект — министру, 18 февраля 1857 г.

[32] Arch. N., F[12] 4709*. Ardèche, префект — министру, 4 декабря 1850 г.

[33] Arch. N., F[12] 4711*. Haute Loire, префект — министру, 15 марта 1853 г.

[34] Arch. N., F[12] 4714*. Vaucluse, профект — министру, 30 мая 1865 г.

[35] Arch. N., F[12] 4709*. Ardennes, префект — министру, 23 августа 1853 г.

[36] Ibid., 11 октября 1849 г.

[37] Arch. N., F[12] 4711*. Marne, префект — министру, 7 октября 1856 г.

[38] Arch. N., F[12] 4711*. Manche. Отчеты префекта министру, 1868 г.

[39] Arch. N., F[12] 4711*. Ille-et-Vilaine. «Extrait» из протокола инспекторской комиссии, 12 января 1849 г.

[40] Arch. N., F[12] 4711*. Loir-et-Cher. Отчеты префекта министру, 1853 г.

Теперь о трех южных департаментах: Лозер, Тарн и Од. Шерстопрядильные фабрики в департаменте Лозер были обследованы в 1850 г. самим префектом. Он рапортовал в Париж: «Я констатировал, что статьи закона там не соблюдались»[41]. Документов о возрасте детей, занятых на шерстопрядильных фабриках, не было, текст закона на предприятиях не вывешивался. Последующая переписка префекта департамента Лозер, вплоть до 1864 г., состоит из оптимистических реляций, правдивых, по-видимому, лишь в том отношении, что никаких штрафов на фабрикантов действительно не возлагалось.

Префект департамента Тарн писал министру в ноябре 1858 г.: «Будучи и сам вначале обманут отчетами инспекторов, мало проникшихся сознанием своих функций и широтой своих обязанностей, я мог поверить в более полное соблюдение закона, чем оно было»[42]. Следует, впрочем, отметить, что еще весной 1856 г. префект рапортовал в Париж о бездеятельности инспекторов и о «случаях» воскресной работы детей»[43]. Город Мазаме был главным промышленным центром департамента: в нем насчитывалось 59 ткацких фабрик и 34 прядильных, эксплуатировавших труд 1200 детей, в том числе восьмилетних.

Сокращение приема на фабрики детей-малолеток с введением новых машин отмечалось в департаменте Од в 1853 г.[44] Эти машины были названы в 1845 г. «будинёз-мюлль-дженни». Сведения о количестве детей, уволенных с фабрик после введения этих новых машин, противоречивы. Сначала речь шла о сокращении на 80%; затем, в 1855 г., когда и новые машины были названы опять по-новому — «Mull-Genny et Olin», количество уволенных детей с применением этих машин было определено в 75%[45].

Спичечное производство. Наши сведения о положении детского труда на спичечных фабриках фрагментарны, но они относятся к предприятиям, расположенным в совершенно различных частях Франции, и поэтому не лишены характеристического значения.

Замечательно, что как раз в том промышленном центре, который взял не себя нашумевшую инициативу законодательной охраны детского труда,— в Эльзасе, в производстве спичек были установлены грубейшие нарушения закона 22 марта 1841 г. И это не удивительно: владельцы спичечных фабрик не были конкурентами прядильщиков, поэтому им и не препятствовали в их хищничестве благочестивые эльзасцы — прославленные инициаторы законодательной охраны фабричного труда. В Страсбурге в 1857 г. на фабрике Юиро 10 малолеток были моложе 12 лет, а один ребенок — моложе восьми лет; все они работали по 12 часов в день. В Саверном районе, на фабриках, принадлежавших Массеро и Штеккелю, малолетние, как и взрослые, рабочие, были заняты с 5 часов утра до «8, 9 и даже 10 часов вечера»[46], т. е. по 16—17 часов в день.

Переходя из восточного промышленного района на территорию Западной Франции, мы встречаем аналогичные нарушения закона 1841 г.

В 1857 г. префект департамента Сарт рапортовал министру: «Мне сообщено о многочисленных штрафах (за нарушение закона) в аррондисмане Ман»[47]. На спичечных фабриках в Ман и в Иврэ-Левек текст закона 22 марта 1841 г. не был вывешен на видном месте и никакого ограничения детского труда не существовало. В департаменте Ланд в 1864 г. была одна спичечная фабрика. Здесь работали малолетние дети, по официальным данным (не подтвержденным документами о возрасте), с 10 лет, продолжительность рабочего дня доходила до 12 часов[48].

3

Фальсификации в отчетах по вопросу о продолжительности рабочего дня и прочих условиях фабричного труда в годы Второй империи

В тех департаментах, где промышленные предприятия были немногочисленны, многие префекты времен Наполеона III либо вовсе не сообщали никаких сведений об условиях детского труда, либо, точно сговорившись, твердили из года в год одно и то же: наш департамент премущественно земледельческий и закон 22 марта 1841 г. здесь не имеет или «почти» не имеет применения.

«Департамент Жиронда — это департамент, не имеющий или (?!) имеющий лишь очень мало крупных предприятий, и тут редко применяются законы, которые управляют промышленностью»[49],— так писал местный префект в 1865 г., не зная или не желая знать, что более 20 лет назад в том же департаменте была организована инспекторская комиссия, в состав которой входили семь человек: член торговой палаты, аббат, негоциант, врач, барон, член Генерального совета, горный инженер. И эта комиссия возглавлялась тогдашним префектом.

Аналогичная отписка префекта департамента Тарн-и-Гаронна: «Крупная обрабатывающая промышленность получила пока столь

---

[41] Arch. N., F12 4711*. Lozère. Отчеты префекта министру, октябрь 1850 г.
[42] Arch. N., F12 4711*. Tarn, префект — министру, 27 ноября 1858 г.
[43] Arch. N., F12 4714*. Tarn, префект — министру, 1 апреля 1856 г.
[44] Arch. N., F12 4709*. Aude, префект — министру внутренних дел, 11 августа 1853 г.
[45] Arch. N., F12 4709*. Aude, префект — министру, 1855 г.
[46] Arch. N., F12 4712*. Bas-Rhin, префект — министру, 24 июня 1857 г.
[47] Arch. N., F12 4713*. Sarthe, префект — министру, 7 февраля 1857 г.
[48] Arch. N., F12 4711*. Landes, префект — министру, 15 марта 1864 г.
[49] Arch. N., F12 4710*. Gironde, префект — министру, 16 мая 1875 г.

малое развитие в департаменте Тарн-и-Гаронна, что инструкции, относящиеся к закону... мало применимы»[50].

Почти в тех же словах составлены отчеты, относящиеся к департаменту Ло, например, в переписке за 1864 г. Департамент — «земледельческий», и он, «собственно говоря», не имеет промышленных предприятий[51].

В департаменте Канталь в 1864—1865 гг. «прядильни — это единственные предприятия, пользующиеся трудом детей»[52]; и так как речь шла всего о двух фабриках, то, по мнению префекта, и писать о них не стоит.

В департаменте Ло-и-Гаронна в 1865 г. «существуют, правда, многочисленные мастерские пробочного, веревочного, сапожного, шляпного «и прочих» производств, но рабочие в этих мастерских немногочисленны и ни одна из них «не заслуживает наименования: промышленное предприятие»[53].

В департаменте Изер, где уже до революции 1848 г. были представлены различные и многочисленные отрасли промышленности (производства железоделательное, шелкопрядильное, шелкоткацкое, бумагопрядильное, ситцепечатное, шерстопрядильное и стеклоделательное) и где еще в 1844 г. к инспекторской комиссии был присоединен, казалось бы, надежный свидетель — контролер мер и весов Шартон, в условиях нарастающей контрреволюции и после переворота 2 декабря 1851 г. вся картина бедствий трудящихся масс была скрыта. Местные власти либо отмалчивались, либо составляли фиктивные отчеты, как это явствует из позднейшего признания самого префекта 1864 г., несмотря на участие в комиссии оплачиваемого чиновника — контролера мер и весов. «Она никогда не занималась серьезно порученным ей делом», а поэтому и результаты ее деятельности должны «рассматриваться как равные нулю»[54].

Упорно замалчивались нарушения закона 1841 г. и в департаменте Вар, где были стеклоделательные заводы, бумагоделательные фабрики, а также пробковое, фаянсовое производство и машиностроительные мастерские. Только окольным путем узнавало правительство в середине 50-х годов о грубых нарушениях закона 1841 г. на промышленных предприятиях департамента Вар[55]. С середины 50-х годов префект департамента Вар умолк, а через 10 лет, по-видимому для того, чтобы совершенно избавиться от обследования фабрик и от соответствующих отчетов, заявил, что закон 1841 г. «более не находит применения в департаменте Вар, который не может рассматриваться как промышленный район»[56].

Широко известно, как многочисленны были промышленные предприятия в департаменте Буш-дю-Рон[57]. Однако высшие представители местной власти без стеснения признавались в своей полной неосведомленности о положении детей, занятых на фабриках и мануфактурах. Так, например, в 1854 г. префект департамента Буш-дю-Рон в своем отчете министру писал: «Я сожалею, что еще не имею возможности послать вашему превосходительству подробный доклад по этому делу»[58]. Разумеется, это означало, что местная инспекторская комиссия, состоявшая из одного чиновника, одного врача и одного инженера, не функционировала и что, следовательно, детский труд эксплуатировался здесь совершенно бесконтрольно. Дело не изменилось и в следующие годы: «возможность» подробной информации так и не была обретена префектурой департамента Буш-дю-Рон до 1864 г., когда тактика замалчивания сменилась грубой фальсификацией; в 1864 г. префект заявил, что в департаменте Буш-дю-Рон не имеется крупных промышленных предприятий[59].

На Северо-Западе Франции местами буквально повторялся тот же мотив: в 1865 г. префект департамента Морбиан открыл, что «постановления закона 22 марта 1841 г. ...отнюдь не применимы в Морбиане, который не имеет никаких промышленных предприятий»[60].

Если мы теперь обратимся к наиболее развитым промышленным центрам, например, к департаментам Нор и Па-де-Кале, то увидим странное явление: в департаменте Па-де-Кале в начале 50-х годов Генеральный совет, следуя примеру департамента Нор, ставил задачу организации более эффективной, именно — платной инспекции. В 1854 г. этот совет приступил к практическому, хотя и неполноценному, решению поставленной задачи: он вотировал кредит в сумме 500 франков для оплаты поездок членов инспекторской комиссии на предприятия[61]. В это время должность платного фабричного инспектора в департаменте Нор уже была, как отмечалось выше, создана. Следовательно, можно было бы ожидать ревностного отношения платного инспектора департамента Нор к своим обязанностям, а потому и подробных отчетов по вопросам о положении рабочих во всех отраслях промышленности в департаменте Нор, а также наиболее строгого соблюдения здесь закона 1841 г.

---

[50] Arch. N., F[12] 4714 *. Tarn-et-Garonne, префект — министру, 4 сентября 1855 г.
[51] Arch. N., F[12] 4711*. Lot, префект — министру, 15 марта 1864 г.
[52] Arch. N., F[12] 4709*. Cantal, префект — министру, 1 июня 1865 г.; см. там же, префект — министру, 9 января 1864 г.
[53] Arch. N., F[12] 4711*. Lot-et-Garonne, префект — министру, 18 июля 1865 г.
[54] Arch. N., F[12] 4711*. Isère, префект — министру, 16 марта 1864 г.
[55] Arch. N., F[12] 4714*. Var, министр — префекту департамента Вар, 21 октября 1855 г.
[56] Arch. N., F[12] 4714*. Var, префект — министру, 24 февраля 1865 г.
[57] Каменноугольные копи, текстильные фабрики, стекольные заводы, кожевенное, мыловаренное производство и пр.
[58] Arch. N., F[12] 4709 *. Bouches-du-Rhône, префект — министру, 20 сентября 1854 г.
[59] Arch. N., F[12] 4709*. Bouches-du-Rhône, префект — министру, 1864—1965 гг.
[60] Arch. N., F[12] 4712*. Morbihan, префект — министру, 21 января 1865 г.
[61] Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais, префект — министру, 1854 г.

В действительности не было ни того, ни другого. Инспектор Дюпон сочинял водянистые отчеты, цель которых заключалась в затемнении, а не в раскрытии нарушений закона 22 марта 1841 г. Переписка администрации департамента Нор с правительством не оставляет, на наш взгляд, никаких сомнений в том, что Дюпон прислуживался к той значительной части промышленников департамента, которая противодействовала осуществлению закона 22 марта 1841 г. Ценный документ, подтверждающий нежелание властей департамента Нор реализовать закон 22 марта, относится ко второй половине 50-х годов: это — протокол заседания Генерального совета, датированный 28 августа 1857 г.[62] Сам Генеральный совет департамента Нор, вспоминая в 1857 г. об известном революционном законе (2 марта 1848 г.), ограничивавшем продолжительность рабочего дня, запечатлел в своем протоколе господствовавший тогда дух реакции: «Но этот закон, хотя он и был так благодетелен, не мог бы быть предложен ныне»[63]. На данном же этапе пожелания совета сводились, во-первых, только к тому, чтобы девочки не принимались на работу раньше 12 лет (следовательно, фактически еще и в 1857 г. малолетние дети, притом девочки, работали на местных фабриках), и, во-вторых, чтобы воспретили даже и для взрослых труд в воскресные дни и по ночам — труд, который и в эти годы, как подтверждал протокол, был еще «легальным явлением»!

Приводимые обрывочные сведения более выразительны, чем отчеты оплачиваемого инспектора Дюпона: ясно, что в департаменте Нор в тех отраслях, где детский труд был неразрывно связан с работой взрослых, практиковалась эксплуатация одинаковая как в отношении старших возрастов, так и малолетних, в течение всей недели, без воскресного отдыха.

4

Условия труда в отраслях производства, «не охраняемых законом»

Предприятия полуфабричного типа и прочие мелкие предприятия

Тюлевое производство. Одним из важнейших центров тюлевого производства в 50-е годы XIX в. был департамент Па-де-Кале или, точнее говоря, города Булонь, Кале и Сень-Пьер-ле-Кале. Распространение во Франции тюлевого производства и возникновение технического переворота в этой отрасли, выражавшегося в применении механизированных станков, приводимых в движение паровой силой,— явления сравнительно очень поздние.

Нижеследующие данные, представленные булонским супрефектом в апреле 1857 г., очень выразительны; они освещают как раз тот примечательный этап технического переворота в тюлевом производстве, который, хотя и характеризуется «сосуществованием» фабричных и полумеханизированных предприятий, явно отмечен экономическим преобладанием первых над вторыми. Характерны и другие черты: мелкие размеры фабричных и нефабричных предприятий, применение детского труда, особенно тяжкая эксплуатация. Вот сведения, относящиеся к району Сен-Пьер-ле-Кале, датированные 1854 г.: из 114 местных «фабрикантов» тюля имели: один предприниматель — 30 станков, один — 21, один — 15, один — 14, два — по 12, два — по 11, два — по 10 станков; другие по 3—9 станков и значительная часть (63 мастера) — по 1—2 станка[64]. Более поздние данные (1857 г.) еще шире освещают положение механизированного и ручного тюлевого производства в департаменте Па-де-Кале. Присмотримся к нижеследующей таблице.

Таблица 7

Производство тюля в г. Кале (1857 г.) *

Виды производства	Число предприятий (мастерские и фабрики)	Двигательная сила	Число рабочих (соответственно на каждом) предприятии	Детей 8 лет и старше (соответственно на каждом предприятии)
Производство тюля	8	Паровые двигатели	5, 17, 32, 2, 2, 111, 151, 17	0, 3, 8, 0, 0, 14, 24, 1
Производство тюля	4	Ручная сила	10, 25, 3, 4	3, 5, 1, 0
Различные завершающие операции тюлевого производства (аппретура, выдергивание ниток, складывание, разрезание)	17	Ручная работа	12, 7, 44, 30, 41 (аппретура), 11, 3, 3, 10, 19, (14?) (effilage) 17, 6, 20 (pliage) 14, 12 (*découpage*)	0, 0, 0, 0, 0, 12, 11, 3, 3, 10, 19, 14, 2, 0, 1, 6, 8

* Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais. Etat des fabriques dans les villes de Calais et de St.-Pierre-lez-Calais. 18 avril 1857.

[62] Arch. N., F[12]. Nord. Протокол заседания Генерального совета департамента Нор от 28 августа 1857 г.

[63] Ibidem.

[64] Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais. Список тюлевых предприятий, датированный 21 июля 1854 г. Разумеется, в тех случаях, когда мы встречаемся с указанием на один-два станка (или, скажем, на двух-трех рабочих при наличии в то же время парового двигателя), следует учитывать, что в той же мастерской выполнялись другими рабочими различные дополнительные операции, чаще ручным способом.

Таблица 8

Производство тюля в Сен-Пьер-ле-Кале (1857 г.) *

Виды производства	Число предприятий	Двигательная сила	Рабочая сила: число рабочих (соответственно на каждом предприятии)	Рабочая сила: детей 8 лет и старше (соответственно на каждом предприятии)
Производство тюля	61	Паровые двигатели	24, 22, 61, 145, 26, 20, 52, 57, 20, 20, 30, 50, 97, 25, 96, 80, 31, 48, 100, 56, 26, 40, 70, 32, 16, 12, 12, 7, 4, 4, 18, 16, 12, 12, 7, 7, 3, 12, 17, 2, 15, 12, 11, 5, 12, 4, 11, 6, 5, 4, 2, 5, 8, 7, 5, 4, 6, 1, 3, 5, 6	5, 2, 12, 29, 5, 0, 14, 28, 4, 4, 4, 12, 26, 10, 20, 23, 6, 8, 31, 20, 9, 3, 27, 6, 4, 8, 0, 2, 1, 0, 3, 5, 3, 5, 3, 1, 0, 2, 6, 2, 6, 5, 4, 3, 4, 4, 2, 2, 1, 1, 1, 1, 2, 0, 1, 1, 1, 0, 2, 3, 2,
Производство тюля и сукна	1	Паровой двигатель	85	38
Производство тюля	58	Ручная сила	30, 48, 28 50, 30, 30, 20, 38, 20, 15, 7, 7, 16, 8, 5, 3, 6, 7, 2, 2, 10, 11, 8, 3, 13, 19, 3, 6, 12, 3, 19, 3, 6, 12, 9, 1, 11, 18, 2, 12, 14, 1, 12, 12, 11, 3, 5, 8, 2, 6, 7, 11, 11, 14, 2, 15, 4	4, 15, 4, 11, 12, 6, 4, 6, 6, 6, 3, 3, 10, 2, 2, 0, 2, 4, 0, 0, 1, 4, 2, 1, 4, 1, 4, 1, 3, 3, 1, 4, 1, 3, 3, 1, 0, 3, 8, 0, 2, 2, 1, 4, 8, 3, 0, 0, 1, 1, 2, 2, 1, 3, 4, 0, 3,
Аппретура тюля	2	Ручная сила	72, 25	9, 5

Arch. N., F[12] 4712 * Etat des fabriques dans les villes de Calais et de St.-Pierre-lez-Calais.

Осведомленные об эксплуатации детского труда в тюлевом производстве члены инспекторских комиссий департамента Па-де-Кале попытались распространить действие закона 22 марта 1841 г. также и на эту отрасль промышленности. Но они тотчас встретили противодействие со стороны торговой палаты г. Кале. Летом 1856 г. эта торговая палата обратилась к министру земледелия и торговли с кляузой на местных инспекторов [65].

Позументное производство. К числу полумеханизированных отраслей (если иметь в виду 50-е годы) следует отнести и позументное производство. Заметим, что именно в начале 50-х годов в департаменте Сена, в селениях, расположенных в 8—10 лье от Парижа, появилось большое количество мелких позументных мастерских. Водэн, прюдом ткачей-позументщиков, весной 1850 г. определял общее число станков в этих «деревенских фабриках» двумя тысячами, цифрой, которая, по его мнению, долженствовала внушить тревогу «господам нотаблям земледелия», поскольку на территории одного только департамента Сена и лишь одна эта отрасль стала отвлекать столь большое число «рук» от сельскохозяйственных работ [66]. С появлением «деревенских фабрик» заработок позументщиков упал до 1,50 и даже до 1,25 франка в день. Одновременно (что и было, по-видимому, главной причиной беспокойства самого Водэна, ремесленника, боявшегося развития конкуренции) увеличилось и в Париже количество эксплуатируемых «учеников», фактически становившихся наемными рабочими капиталистического предприятия. Водэн писал: «Имеются фабрики, нанимающие их [«учеников»] по 20 и по 30 человек, и их заставляют работать на утомительных станках по 15 часов в день без передышки (sans relâche) [67].

Именно в позументном производстве в департаменте Верхняя Луара применялся еще в 1864 г. труд восьмилетних девочек [68].

Фарфоро-фаянсовое производство. В главном центре этой промышленности, в Лиможском районе, в 50-х годах XIX в. было 15 фабрик. Это были небольшие предприятия. Детей самых младших возрастов, по инспекторским данным, вовсе не было или насчитывалось не более одного-двух на каждой отдельной фабрике: напротив, число подростков в возрасте от 12 до 16 лет на многих предприятиях было значительно. Почти каждая из 15 фабрик пользовалась трудом детей в таком возрасте, и на одно предприятие их приходилось по 28, 12, 5, 5, 25, 27, 6, 25, 5, 32, 22, 4, 12, 4, 2 человека [69]. В департаменте Верхняя Вьенна были и другие центры фарфорово-фаянсового производства. Так, например, в районе Солиньяк были две фабрики, пользовавшиеся трудом малолетних. 19 человек были старше 12 лет, 11 — в возрасте от 8 до 12 лет.

В начале 50-х годов префект департамента Верхняя Вьенна официально подтверждал, что дети, занятые на фарфоро-фаянсовых фабриках, не имели полного воскресного отдыха: по воскресеньям и праздникам были заняты до полудня; а в прочие дни «по меньшей мере 12 часов в день» [70]. Префект добавлял, что речь идет о детях «младше 12 лет» и что их труд «очень тя-

[65] Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais. Торговая палата — министру земледелия. Операции, выполнявшиеся детьми, назывались «remontage des pièces», т. е. снимание намотанных катушек и замена их другими.

[66] Arch. N., F[12] 4715*. Seine. Цитируемый документ — обращение Водэна к «Messieurs Les Notables de l'Agriculture, de l'Industrie et du Commerce» — не датирован, но он имеет помету — бланк министерства земледелия и торговли с датой 29 апреля 1850 г.

[67] Arch. N., F[12] 4615*. Seine, Vaudain — à «Messieurs les Notables».

[68] Arch. N., F[12] 4711*. Haute-Loire, префект — министу, 15 апреля 1864 г.

[69] Arch. N., F[12] 4714*. Haute-Vienne. «Résultat de l'Inspection de 1853—1854».

[70] Arch. N., F[12] 4714*. Haute-Vienne, префект — министру, 25 июля 1851 г.

гостен»[71]. Характерно и другое показание префекта, относящееся к 1854 г.: ни один из местных инспекторов не выполнял с должной строгостью своих обязанностей по той простой причине, что закон был забыт «со времени февральских событий»[72] (конечно, префект подразумевал не победу февральской революции 1848 г., а ее поражение).

Вязальное производство. Конфиденциальный инспекторский отчет *о положении в районе Труа позволяет широко осветить* условия труда в крупнейшем центре вязального производства в 50-е годы XIX в.

Инспекторская комиссия, состоявшая из шести человек, посетила не только прядильные фабрики, но и вязальные мастерские, пользовавшиеся механическими станками (métiers circulaires). Это были предприятия полуфабричного типа, в которых насчитывалось от 30 до 90 рабочих обоего пола и различного возраста. Рабочие задыхались в этих мастерских: здания были по большей части чрезвычайно тесны и низки[73].

«В Труа,— гласит этот конфиденциальный отчет,— чтобы составить состояние, надо погубить (écraser) рабочих и своего соседа; слово это жесткое но, к несчастью, оно верное»[74]. Описываемые условия труда существовали не всегда; «вот понемногу дошли до этого»: лет 10, 15 тому назад в Труа насчитывалось лишь очень немного промышленников, имевших métiers circulaires; и тогда хозяин, как и рабочий, занимался делом спокойно, без забот, без тягот: рабочий имел хорошие заработки, будучи занят по 10 и 11 часов в день, и хозяин накоплял не плохое состояние, между тем как теперь рабочий почти ничего не зарабатывает, трудясь по 15 и 16 часов в день и выполняя одинаковую работу, ибо хозяин, стремясь удержать намеченный доход, сокращает поденную заработную плату или сдельную расценку товара»[75]. По свидетельству тех же инспекторов, фабриканты «договариваются друг с другом в определенный день о тех сокращениях заработной платы, подчиниться которым они рабочего заставят».

Для характеристики той, по выражению подлинника, «степени нищеты», которая возникла в это время, инспекторская комиссия приводила данные о заработной плате. Труаский вязальщик, занятый по 16 часов в день, «с трудом зарабатывал от 1,25 до 1,50 франков в день».

Особенно страдали от снижения заработной платы женщины и девушки-сшивальщицы, вышивальщицы и штопальщицы, заработная плата которых была ниже прожиточного минимума[76]. Средняя заработная плата этих работниц не превышала 40—60 сантимов в день и притом лишь в том случае, если работницы были умелыми мастерицами и работали без всяких перерывов по 15—16 часов в сутки.

Расходы этих работниц исчислялись в среднем в неделю нижеследующими цифрами:

	Франки	Сантимы
Хлеб, еженедельно 7 кг	2	63
Молоко и суп	0	70
Жилищная плата	1	00
Овощи, уголь, масло	1	60
Стирка	0	70
Всего	6	63

6 франков 63 сантима — такова была расходная часть бюджета (*притом «бюджета» в кавычках, исключавшего, как видим, не только* мясо или вино, но и приобретение домашней утвари, лекарств и пр.).

Общая же сумма дохода работницы, ее недельного заработка, не превышала 3—3,5 франка.

Комиссия спрашивает об источниках дополнительных средств вязальщицы и не находит другого ответа, кроме ссылки на проституцию.

Цитируемый отчет завершался пожеланием распространить закон 22 марта 1841 г. на все предприятия, применявшие детский труд включая, следовательно, и мелкие механизированные или полумеханизированные мастерские. Более того, комиссия предлагала организовать законодательное ограничение труда взрослых во всех отраслях, где были аналогичные убийственные условия труда.

Шесть подписей — аббат Леруж (Lerouge), Бассете (Bassetet), Крепинель (Crépinel), Рамбург (Rambourgt), Фоссойё (Fosseyeux), Переме (Pérémé) — скрепляли этот отчет, датированный 30 марта 1854 г. Мы воспроизводим имена, отдавая дань уважения этой добросовестной инспекторской комиссии. В 1855 г. та же комиссия повторно и еще более широко поставила вопрос о необходимости законодательной охраны труда. Наряду с вязальным *производством были конкретно указаны многие иные отрасли* промышленности, речь о которых пойдет ниже. Здесь мы должны отметить лишь те факты, которые относились к вязаль-

[71] Ibidem.
[72] Arch. N., F[12] 4714*. Haute-Vienne, префект — министру, 12 апреля 1854 г.
[73] Arch. N., F[12] 4709*. Aube. Résultat sommaire de la 1-ère inspection générale faite par la Comission nouvellement constituée. 1-ère division. 2-e Bureau. Travail des enfants dans les manufactures, usines et ateliers. N. 1. Confidentiel.
[74] Ibidem.
[75] «Diminue le salaire de la journée ou la façon de l'objet».
[76] «La dépréciation du travail a atteint ses dernières limites dans certaines industries et ce sont les femmes et les jeunes filles qui ne souffrent le plus, surtout les couseuses, brodeuses et raccoutreuses, dont le salaire ne suffit plus pour vivre».

ному производству. В «таблице», составленной инспекторами в 1855 г., была приведена нижеследующая мотивировка более широкой охраны детского труда:

1. «Потому что процедуры, применяющиеся [в аппретурных операциях вязального производства.— *Ф. П.*] ...требуют развития, которым дети столь юного возраста не обладают».

2. «Потому что действительный труд продолжается свыше 12 часов, особенно же потому, что он продолжается после 9 часов вечера».

3. «По причине недостатка воздуха,— дышат в условиях тяжкой жары... которая подобно зловонному пару давит грудь, вызывает непереносимые заболевания, имеющие гибельные последствия».

4. «Потому, что дети не получают совершенно никакого образования» [77].

Приводимые факты характеризуют положение в аппретурных операциях. Что же касается общих условий вязального производства, «боннетри ан гро», то здесь введение охраны труда мотивировалось отсутствием каких бы то ни было правил внутреннего распорядка и тем, что «слишком юные дети — рабы чрезмерного труда... лишены элементарных понятий нравственного и религиозного образования».

Необходимость охраны труда мотивировалась еще тем, «что ...рабочие оплачиваются поденно за действительный труд продолжительностью в 12 часов, между тем как их принуждают к нескольким часам работы сверх этого, всегда по ночам и в ущерб их здоровью» [78]. В заключение приводились еще два мотива: 1) опасность и постыдность эксплуатации вышивальщиц, штопальщиц, сшивальщиц и других молодых девушек, занятых в вязальном производстве; 2) существующее неравенство условий конкуренции между фабрикантами, соблюдающими закон (в том, что касается продолжительности детского труда), и промышленниками, которые по тем или иным причинам считают, что закон 22 марта 1841 г. их не касается.

Прочие неохраняемые отрасли производства. В материалах той же инспекторской комиссии департамента Об имеется и ценное обобщающее замечание о неохраняемых отраслях: «Уже один вот этот факт доказывает, до какой степени эксплуатации доведены дети-рабочие в Труа, не пользующиеся правом ограничения действительного рабочего дня: трудясь по 15 и по 16 часов в день, они едва зарабатывают на хлеб» [79].

---

[77] Arch. N., F[12] 4709*. «Tableau». Подписи: Crépinel, Lerouge, Bassetet, 24 января 1855 г.

[78] Arch. N., F[12] 4709*. Aube. Le même «Tableau». 24 января 1855 г.

[79] Arch. N., F[12] 4709*. Aube. Rapport sur les résultats obtenus pendant l'année 1854.

В типографском производстве взрослые и дети работали по воскресеньям, в другие праздничные дни и «часто в течение части ночи» [80].

В кондитерском производстве, «под предлогом срочных заказов» — в праздничные дни «часто работа по ночам»; в этих условиях труда дети и подростки не имели возможности посещать школу, оставались неграмотными.

Подобные же условия труда в общем требовали, по мнению инспекторов г. Труа, распространения закона 22 марта 1841 г. на крахмальное производство, фабрикацию картона, производство вязаных перчаток, на тюлевое производство.

Кружевное производство. Нижеследующие данные, относящиеся к департаменту Па-де-Кале, характеризуют организационное своеобразие кружевного производства в 50-е годы XIX в.

В Арасском районе в середине 50-х годов было более 20 кружевных мастерских, находившихся в различных деревнях этой местности. Местные инспекторы Шарве и Бонвуазен обследовали 16 деревень в пяти кантонах [81].

Вот как было организовано это производство. Крестьяне-бедняки, доведенные господствующими классами до полного обнищания, сдавали своих детей, девочек и девушек, в возрасте от семи до 20 лет, местным кружевницам-предпринимательницам, женщинам «невежественным и грубым». В помещениях, принадлежавших этим «директрисам» (так они именуются в цитируемых документах), чаще всего в кухнях, собиралось по 20, 30 и более девочек и девушек-работниц. «Директриса» следила за работой и сама продавала на рынке готовое кружево. Вырученную сумму она передавала родителям девушек-кружевниц, получая от них в свою очередь некие денежные суммы за надзор и сдаваемое помещение. На первый взгляд, «директрисы» могут показаться только комиссионершами и чуть ли не благодетельницами крестьян-бедняков: ведь суммы, удерживаемые за помещение, охарактеризованы в наших источниках как «маленькое вознаграждение» («une petite rétribution»). В действительности же эти «директрисы» были предпринимательницами, эксплуататорами труда и малолетних и взрослых кружевниц.

Во-первых, наряду с кружевницами, которых «директрисы» получали непосредственно от самих же родителей-бедняков, т. е. наряду с девочками и девушками в возрасте от 7 до 20 лет, работали и пожилые кружевницы в возрасте до 50 лет.

В тех 24 мастерских, которые были обследованы вышеназванными инспекторами, были заняты:

---

[80] Arch. N., F[12] 4709*. Aube. 1855. Tableau.

[81] Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais. Особенно важен отчет Шарве в переписке префекта с министром за 1854 г.

Число кружевниц, работавших зимой	Число кружевниц, работавших летом	Возраст этих работниц
293	215	от 7 до 12 лет
149	108	» 12 » 15 »
59	50	» 15 » 20 »
57	34	» 20 » 50 »

Во-вторых, следует учитывать и то обстоятельство, что продажа кружева «директрисами» не могла, конечно, контролироваться крестьянами — родителями кружевниц; никем не контролировались и расчеты между «директрисами» и родителями работниц. Пожилые работницы-кружевницы приводились в мастерские, о которых идет речь, под лживыми предлогами, якобы лишь потому, что в сообществе с другими кружевницами работать им «менее скучно», чем дома, и что в условиях соревнования их работа более производительна [82].

Остается сказать еще несколько слов. Даже в наиболее крупных кружевных мастерских приходилось не более 1,25 куб. м. воздуха на каждую работницу. Продолжительность рабочего дня всех кружевниц, в том числе и семилетних, равнялась 12—13 часам; но зимой работы затягивались до последних вечерних часов и, следовательно, продолжительность действительного рабочего дня еще более увеличивалась. Для отдыха предоставлялось — в течение всего дня — «едва лишь полтора часа», независимо от возраста работниц [83]. Результаты этих убийственных условий труда не требуется пояснять: искривление позвоночника, золотуха отмечались даже и в «осторожно» составленных инспекторских отчетах.

Каменноугольная промышленность

Предприниматели-углепромышленники продолжали твердить, что закон 22 марта 1841 г. не распространяется на угольные копи. Такого же взгляда держались и многие инспекторские комиссии. В некоторых случаях инспекторские комиссии, почему-либо все же освещавшие условия труда в каменноугольных копях, констатировали, что дети работали в шахтах по восьми часов (иногда даже с оговоркой, что действительный труд не превышал шести часов).

[82] Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais. Repport de M. Charvet, juin 1854. «Ces ateliers se composent d'une réunion de 20, 30 et quelquefois d'un nombre plus considérable d'enfants et de jeunes filles de tous âges, à partir de 7 ans jusqu'à 20, on y voit même des femmes de 20 à 50 ans se réunir à ces enfants sous prétexte gu'il est moins triste pour elles de travailler en société, et que par suite de l'emulation leur travail est plus productif».

[83] «A peine une heaure et demie par jour est accordée aux une et aux autres».

Но мы уже убедились, рассматривая условия труда в 40-е годы, что эту «норму» — восемь часов,— следует понимать «по-английски»: восемь часов работы сменялись восьмью часами отдыха, после чего следовали, как звенья в единой цепи, снова восемь часов работы и восемь часов отдыха; иначе говоря, в течение суток приходилось (при условии строгого соблюдения «системы») работать то по 16, то по 10 часов, попеременно днем и ночью, без дней отдыха. Так было в 40-е годы. Сохранился ли этот «порядок» после поражения революции 1848 г.? На этот вопрос отвечают документы.

Характеризуя оптимистически (хотя и голословно) положение в обрабатывающих отраслях осенью 1853 г., префект департамента Майенн оговаривался, что в копях Лавальского района закон 1841 г. об охране труда детей и подростков на соблюдался [84].

О положении в копях департамента Па-де-Кале писал в 1858 г. из кантона Ланс местный мировой судья (письмо было адресовано супрефекту района Бетен); он призывал обратить серьезнейшее внимание на тот факт, что десятилетние дети все еще допускаются к работе под землей, в глубоких шахтах. Как и взрослые шахтеры, дети работали в шахтах «в течение всего того времени, которое следовало бы посвящать сну» [85]. Судья добавлял, что, по выражению одного из местных почтеннейших граждан, положение шахтеров-детей гораздо хуже, чем положение рабов [86]. И эти бедственные условия все более распространялись, так как, продолжал судья, число шахт все более и более возрастало, а следовательно, увеличивалась и «дань» местного населения в пользу углепромышленников, выражавшаяся в деградации новых и все более многочисленных поколений.

Из департамента Нор в октябре 1850 г. префект рапортовал в Париж о «восьмичасовой» продолжительности труда детей в возрасте от 8 до 12 лет (как понимать смысл этой восьмерки — уже сказано выше); требования закона, касающиеся возраста детей и ограничения их труда, «никогда не выполнялись» [87].

Платный инспектор Дюпон начал свою службу в 1851 г.; уже отмечалась неудовлетворительность, неполноценность его отчетов; однако даже и Дюпон не смог в 1853 г. умолчать о несоблюдении закона 1841 г. местными углепромышленниками.

В департаменте Луарэ в 1863 г. в угольных копях района Сент-Этьенн продолжительность труда детей и взрослых была, по отчетам префекта, тоже одинакова [88].

[84] Arch. N., F[12] 4711*. Mayenne, префект — министру, 19 сентября 1853 г.

[85] Arch. N., F[12] 4712*. Pas-de-Calais, мировой судья кантона de Lens — супрефекту, 28 ноября 1850 г.

[86] «Qu'ils sont bien plus à plaindre que les esclaves».

[87] Arch. N., F[12] 4712*. Nord. Копия доклада вице-председателю инспекторской комиссии, октябрь 1850 г.

[88] Arch. N., F[12] 4711*. Loire, год 1863 г. Ответы префекта в Париж по вопросу об условиях детского труда.

В департаменте Гар в 60-х годах труд детей моложе 12 лет «применялся для того, чтобы извлекать уголь на поверхность шахт»; их работа начиналась в 6 часов утра и кончалась в 6 часов вечера [89].

* * *

Рассмотренные отрасли не представляют абсолютно всей картины промышленности. Но, пользуясь статистическими данными за 1866 г., характеризующими размещение промышленных рабочих [90], мы можем сказать с уверенностью, что в рассмотренных «охраняемых» и «неохраняемых» видах производства представлено значительное большинство рабочих. В самом деле, количество всех рабочих, занятых в отраслях текстильной промышленности, в керамическом и химическом производстве, в производстве одежды и продуктов питания, а также в добывающей промышленности, равнялось почти 2 млн. человек при общей численности промышленных рабочих приблизительно 3 млн. (2938 тыс.). Если даже учесть, что из отраслей производства средств питания мы коснулись только сахарной и кондитерской промышленности, то, с другой стороны, мы опускаем (в этом подсчете) многочисленных типографских рабочих и рабочих-металлургов, т. е., например, доменщиков, продолжительность работы которых не была ограничена.

5

Об интенсификации труда в 50—60-е годы

Оба вышеназванных автора, Дюво и Кучинский, отмечают начавшуюся в рассматриваемые времена интенсификацию труда. Под пером Ю. Кучинского возникает широкое обобщение этих фактов с отнесением интенсификации труда к числу основных характеристических явлений данной стадии развития капитализма во Франции. Времена, которые были до революции 1848 г., и времена, наступившие после этой революции, Кучинский противопоставляет так: «Период экстенсивной эксплуатации как важнейшего средства обеспечения прибыли попутно с применением методов интенсивной эксплуатации кончился. Начиная с этого времени буржуазия могла повышать степень эксплуатации главным образом путем усиления интенсификации труда» [91]. Нельзя согласиться безоговорочно с этим взглядом Кучинского.

Вспомним, что писал об интенсификации труда К. Маркс. Первый том «Капитала» вышел в свет в 1867 г. Следовательно, в 60-х годах были написаны Марксом эти слова: «Так, в Англии в течение полустолетия удлинение рабочего дня идет рука об руку с возрастанием интенсивности фабричного труда» [92]. На определенной стадии развития «неизбежно наступает момент, когда удлинение рабочего дня и интенсификация труда взаимно исключают друг друга, так что удлинение рабочего дня совместимо лишь с понижением степени интенсивности труда и, наоборот, повышение степени интенсивности — лишь с сокращением рабочего дня» [93]. Таков один из экономических законов развития капитализма. Но когда же и при каких условиях он находит свое конкретно-историческое проявление в тех или иных странах? Постепенно нарастающее возмущение рабочего класса, указывает далее Маркс, принуждает государственную власть сокращать рабочее время, и с этого времени капитал «со всей энергией и с полной сознательностью» бросается на производство относительной прибавочной стоимости при помощи ускоренного развития машинной системы. В Англии, в стране первой промышленной революции и мощных рабочих движений в первые десятилетия XIX в., «сокращение рабочего дня до 12 часов относится... к 1832 году» [94]. А во время чартизма, в апреле 1844 г. «Гарднер ввел... на двух своих больших фабриках в Престоне 11-часовой рабочий день вместо 12-часового» [95].

Во Франции еще до революции 1848 г. Торговая палата г. Лилля высказывалась в пользу 12-часовой продолжительности рабочего дня, а в 1848 г. руанская Торговая палата заявляла: «В самом деле доказано, что, сберегая силы рабочего, достигают лучшего результата» [96]. Но в том же году пролетариат потерпел поражение; и, как уже говорилось выше, во Франции был аннулирован не только революционный закон 2 марта 1848 г., но и сентябрьский закон о 12-часовом рабочем дне. Что же касается крупных эльзасских фабрикантов-текстильщиков, то они и до революции и после нее пользовались двухсменной системой, т. е. 12-часовым рабочим днем. Только к 70-м годам и именно в Эльзасе создались (с точки зрения предпринимателей!) выгодные условия перехода к 11-часовой продолжительности рабочего дня. Послушаем Бодуэна, тогдашнего директора некоторых мюлузских фабрик. «Мы, технические директоры,— писал инженер Бодуэн в 1872 г., — ...находим, что 12 часов совершенно достаточно для того, чтобы израсходовать всю силу рабочего, занятого у машин» [97]. Бодуэн тут же привел и справку о различиях продолжительности рабочей недели в Англии, во Франции и в Эльзасе (в это время Эльзас был отторгнут от Франции): 60 часов в неделю работали

---

[89] Arch. N., F[12] 4710*. Gard. Из ответов префекта за 1860 г.
[90] *E. Levasseur.* Op. cit., t. II. p. 576.
[91] *Ю. Кучинский.* Указ. соч., стр. 111.
[92] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 23, стр. 420.
[93] Там же.
[94] Там же, стр. 424.
[95] Там же, стр. 422.
[96] *Ch. Rist.* Op. cit., p. 378.
[97] Arch. N., F[12] 4617*. Докладная записка инженера Бодуэна, датированная январем 1872 г., вложена ошибочно в доклад, прочитанный другим лицом в Мюлузском промышленном обществе 25 октября 1871 г.

англичане, от 60 до 70 часов — эльзасцы, по 78 часов и более — французы. По свидетельству Бодуэна, на ткацких фабриках Эльзаса тогда, к 1872 г., было уже установлено, что продукция рабочего, занятого в течение 11 часов, столь же велика, как и при 12-часовом рабочем дне, но с той разницей, что качество производимого товара лучше. Разумеется, в Эльзасе в 1872 г. и машины были более совершены, чем раньше, французские фабрики в общем еще не поднялись до этого уровня, и инженер-прядильщик Бодуэн добавлял, что для французских бумагопрядильных фабрик в общем еще не может быть выгодным переход на 11-часовой рабочий день; для этого перехода, пояснял Будуэн, требуется лучшее содержание машин и бо́льшая скорость их работы.

6

К вопросу о заработной плате промышленных рабочих во времена Второй империи

Некоторые данные о фабричных рабочих. Префект департамента Верхний Рейн писал в Париж в 1856 г., что предприниматели обычно требуют от рабочего более напряженного и непрестанного труда: ткачи, прядильщики, набойщики, могли заработать такую же сумму, как раньше, только в том случае, если они производили больше и вкладывали больше силы в свой труд.

В одном только департаменте Верхний Рейн в течение пяти лет было 11 стачек, притом по большей части стачек текстильщиков, возникших, как пояснял префект, именно в связи с недостаточностью заработной платы.

В том же году, в июне, другой префект писал из Альби, из центра шерстяного производства на Юге Франции: «Заработки отнюдь не соответствовали возрастанию продовольственных цен, и отсюда проистекали бедствия и страдания всякого рода для рабочих семей». Свое замечание префект относил, правда, лишь к суконным фабрикам. В это время в Альби, по данным префекта, мужчины — фабричные ткачи получали всего лишь от 1,24 до 1,50 франков в день, женщины по 60 сантимов и дети по 50 сантимов, причем «некоторые фабриканты сохранили обычай, ранее очень распространенный в департаменте,— оплачивать рабочего натурой» [98].

О номинальной заработной плате в ручном ткачестве. Понятно, что при изучении финального этапа промышленного переворота особенный интерес представляет вопрос о положении ремесленных и мануфактурных рабочих в тех отраслях производства, которые за пределами Франции и частично в самой Франции механизировались. Конечно, и в данном случае вопрос о заработной плате имеет первостепенное значение. Известно, как

[98] Arch. N., F[12] 4360—74. Tarn. префект — министру, 11 июня 1856 г.

освещается этот вопрос обычно: приводятся цифровые данные о номинальной заработной плате и затем они сопоставляются с более или менее достоверными сведениями о ценах продовольственных и прочих товаров первой необходимости.

Однако точное установление номинальной заработной платы совсем не легкая задача. Даже в тех случаях, когда цифровые данные о существующих в определенной отрасли сдельных расценках были точны, не всегда эти формальные данные точно выражали номинальную заработную плату.

Хорошо осведомленный современник изучаемого периода, побывавший в начале 50-х годов в Нормандии (сам он, по-видимому, эльзасский промышленник) [99], писал: «В местности, где ручное ткачество еще выдерживает благодетельную конкуренцию машин, предприниматели (занятые ткачеством) снабжают работника основой, которая на 20, 25 и 30% длиннее того размера, на базе которого была установлена цена; они заставляют его претерпевать все снижения цен, которым подвергнется ткань во время ткачества, и не дают ему воспользоваться при повышении цен; они ему засчитывают до 10—15% убыли [100], почти всегда преувеличенной; и таким образом, несмотря на законы о намотке и обмере товаров, то обстоятельство, что действительный заработок ткача часто бывает на 50% ниже номинального, является бесчестным и общеизвестным фактом» [101].

7

Несчастные «случаи» на фабриках: увечья и смертельные ранения, причинявшиеся машинами в 50—60-х годах XIX века

Буржуазная историческая литература, прямо либо косвенно пропагандирующая тезис об улучшении условий фабричного труда после революции 1848 г., пользуется и тут, касаясь вопроса о несчастных случаях, показаниями Рейбо и Одиганна.

Только на показаниях Рейбо и Одиганна построен у Дюво абзац (всего 16,5 строчек), дающий сведения о несчастных случаях в отраслях текстильной промышленности, и эти сведения сводятся в сущности к двум утверждениям: в Лилле несчастные случаи наблюдались чаще, чем в Мюлузе; «при Второй империи число несчастных случаев в эльзасской текстильной промышленности заметно убывало» [102]. Более подробно у Дюво, с конкретными, хотя и недостаточными примерами, освещены несчастные случаи в

[99] Подпись автора неразборчива; возможно E. Thomas-Payen.
[100] «De tares», т. е. недомера или недовеса материала.
[101] Arch., N., F[12] 4718*. «De la création d'un service d'Inspection générale du travail», 28 février 1850.
[102] *G. Duveau.* Op. cit., p. 280.

отраслях добывающей промышленности и в металлургическом производстве.

Но какова же была основная тенденция в текстильной промышленности в целом и во всех других механизированных отраслях производства именно на данном этапе промышленного переворота? Этот вопрос не только не исследуется, но даже и не ставится Дюво. Что касается официальной статистики несчастных случаев, то следует отметить не только ее неполноту, но и тот факт, что сведения, поступавшие в Париж из департаментов, в одних случаях были действительно достоверны, в других — «приблизительны», в третьих — вовсе неточны.

Изучая материалы правительственной анкеты 1851—1852 гг. о ранениях на фабриках и заводах [103], мы обнаруживаем, что в некоторых случаях сами префекты, посылая в Париж требуемые цифровые данные, отмечали их недостоверность. Так, например, префект департамента Верхний Рейн писал в Париж о злостном [104] нежелании некоторых (заметим, именно эльзасских) фабрикантов, сообщать требуемые сведения. Прилагая справку, полученную из г. Мюлуза, префект добавлял: «Мэр этого города... никак не смог сообщить о фактах, подлежащих расследованию, и цифровые данные, которые он указывает, основаны только на предположениях, и, следовательно, их нельзя взять за основу точной статистики» [105].

То обстоятельство, что в рассматриваемые годы в промышленных центрах Франции количество увечий и прочих ранений на фабриках и заводах не сокращалось, а возрастало, подтверждается, в частности, нижеследующими данными.

В г. Лилле в 1845—1852 гг. «насчитывалось 377 случаев, учитывая при этом только те из них, которые имели серьезные последствия и жертв которых лечили в госпитале Сен-Совер» [106]. «В 1847 г.,— читаем мы далее,— количество случаев равнялось 47; в 1852 г. оно поднялось до 94. Пропорция, следовательно, удвоилась за четыре года».

Объясняя причины несчастных случаев, автор этой статистической сводки начал с замечаний о нетрезвости рабочих, их беззаботности, но тут же признал, что очень часто и именно главной причиной (la cause première) является упорное нежелание предпринимателей ставить оградительные приспособления. В заключение он добавлял, что большинство ранений происходит в конце недели, в субботу, в день чистки машин, а поэтому «кажется, что следовало бы и объяснить эти случаи не столько пьянством и влиянием понедельника, сколько неблагоразумием (!) рабочих, которые упорно продолжают чистить машины на ходу» [107]. Префект не добавлял, что «неблагоразумие» было вынужденное, порождавшееся данными условиями фабричного труда.

В 1853 г. в департаменте Нор, по признанию префекта, «положение улучшилось, но только по видимости»: число несчастных случаев сократилось до 81, но это сокращение произошло вследствие промышленного упадка, временной безработицы. В числе рабочих, получивших ранение в 1853 г., было 57 человек моложе 20 лет, 35 — моложе 15 лет. Больше всего ранений отмечено на льнопрядильных фабриках, и они были получены преимущественно при чистке машин на ходу [108].

В департаменте Па-де-Кале только в течение одного 1851 г. на фабриках произошло пять случаев ранений, из них два смертельных. Выше уже цитировалось показание дарнетальского механика Овьева, в той мере, в какой оно относилось к 40-м годам XIX в. Здесь же мы подчеркнем, что ведь брошюра механика Овьева о несчастных случаях, причиненных машинами, появилась в Руане в 1884 г., т. е. через 40 лет после того, как Овьев впервые предложил ввести предохранительные приспособления к машинам; наступил период Третьей республики, а положение на фабриках, как это доказывает брошюра Овьева, не изменилось. На все устные указания и предупреждения Овьева ему всегда отвечали «фразой столь же глупой, как и ложной — опасности нет» [109].

Другим компетентным свидетелем бесчеловечности и своекорыстия предпринимателей в деле охраны труда был Бодуэн. Он заявлял, что вплоть до времен Третьей республики «машины... повседневно приводившие к смертным случаям и к потере трудоспособности, вовсе не инспектировались; **самая жизнь рабочего не охранялась»** (подчеркнуто в подлиннике) [110]. Доказано, добавлял Бодуэн, что именно ночной труд является одной из причин этих несчастных случаев.

Ясно, что о сокращении количества увечий и прочих ранений на фабриках и заводах в рассматриваемый период не может быть и речи. Напротив, одной из характеристических особенностей финального периода промышленного переворота, когда машинизация распространялась не только во многих отраслях промышленности

[103] «Résumé de l'Enquête sur les accidents arirvés aux ouvriers dans les usines et manufactures»: это сводка ответов префектов 33 департаментов, представленных в 1851—1852 гг. в соответствии с циркуляром министра земледелия и торговли от 9 октября 1851 г.— Arch. N., F[12] 5617*. Accidents de travail.

[104] Arch. N., F[12] 4617*. Haut-Rhin; по выражению префекта «le mauvais vouloir».

[105] «Le Maire de cette ville, dont je joins ici le rapport, n'est point parvenu à donner des faits prescrits, et les chiffres qu'il indique ne reposent que sur les probabilités et ne peuvent, par conséquent, être pris pour point de départ d'une statistique exacte».

[106] Arch. N., F[12] 4617*. «Accidents dans la manufacture. Note résumant l'état de la question sur les accidents dans les manufactures et sur les moyens proposés pour les prévenir», 26.IX 1854.

[107] Ibidem.

[108] «Les filatures, et surtout celles de lin, sont des établissements ou les accidents sont les plus fréquents».— Arch. N., F[12] 4617*. Дополнительные замечания префекта.

[109] L'Ovième mécanicien è Darnetal. Accidents causés par les machines. Moyens de les prévenir. Proposés dès l'année 1844. Rouen, 1884, p. 22—23.

[110] Arch., N., F[12] 4617*. Докладная записка Бодуэна.

(более многочисленных, чем до 1848 г.!), но также и в сельском хозяйстве, является возрастание, а не сокращение количества «accidents de travail»!

* * *

Рассмотренные документальные материалы позволяют внести серьезные коррективы в выводы, к которым приходили многие историки французского пролетариата.

1. Столь характерные для времен промышленного переворота приемы хищнической эксплуатации были, как видим, еще очень широко распространены. И, вопреки мнению Ю. Кучинского, после 1848 г. еще не наступил кризис методов эксплуатации. Для этого этапа промышленной революции, о котором шла здесь речь, было характерно распространение машин в ряде тех отраслей, в которых до 1848 г. механизация была только частичной или даже вовсе отсутствовала. В таких отраслях, как правило, повсюду применялась экстенсивная и крайне напряженная эксплуатация труда. Но и на многих ранее сложившихся фабриках, притом даже в текстильном производстве, за вычетом нескольких наиболее крупных предприятий, методы эксплуатации, существовавшие до 1848 г., и временно — с марта по июнь 1848 г.— отмененные в результате победы трудящихся масс, были восстановлены в 1851 г. контрреволюционной буржуазией и сохранялись во времена Второй империи.

2. По вопросу о номинальной и реальной заработной плате выше приведены лишь фрагментарные данные. Но и они позволяют усомниться в том, что «отступление от оптимизма Левассера» следует ограничивать тем тезисом, который выразил Доллеан, ссылаясь на книгу Дюво, т. е. утверждением, что заработная плата при Наполеоне III была в общем стабильной. Даже номинальная заработная плата понижалась в некоторых отраслях. Реальная же заработная плата падала, поскольку упорно сохранялась тенденция усиления дороговизны продовольственных товаров и росли другие расходные статьи бюджета рабочих.

3. Все сказанное выше отнюдь не означает, что буквально все рабочие претерпевали те бедственные, ухудшающиеся условия труда, о которых говорилось выше.

Один из наиболее важных выводов, к которым приходишь в результате изучения условий труда в период Второй империи, и заключается в том, что намечавшиеся уже до 1848 г. различия в материальных условиях жизни меньшинства рабочих и широкой массы пролетариата обозначились резче и приобрели большее значение, чем до революции 1848 г.

Понятно, что при исследовании различных идеологических течений, при изучении их влияния на различные слои трудящихся масс историк должен обратить пристальное внимание на этот факт начального формирования (еще до стадии монополистического капитализма) верхушки пролетариата и именно при одновременно растущей пауперизации широких трудящихся масс.

35

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ АНТИЧНОГО ЗЕМЛЕДЕЛИЯ И ИХ ОСВЕЩЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ *

Несомненно существует та чрезмерная увлеченность ученых, которую Маколей в шутку назвал «болезнью преувеличения».

Великим ученым, одним из основателей агрохимии, был Юстус Либих (1803—1873) [1]. С некоторого времени Либих стал изучать и историю земледелия. Но та увлеченность, с которой Либих (субъективно — как первооткрыватель) штудировал сочинения древних авторов — Катона, Вергилия, Варрона, Колумеллы, Плиния, сыграла двойственную роль: она обогатила его множеством необходимых сведений и она же привила ему «болезнь преувеличения». Ознакомившись с трудами древних знатоков земледелия, Либих заявил, что все истины, излагавшиеся агрономами нового времени (т. е. XIX в.), были так же хорошо, если не лучше, известны за 2 тыс. лет до его эпохи. Более того, Либих, любитель образных выражений, назвал всю современную ему агрономическую литературу бесплодной пустыней, по сравнению с «прекрасным садом» двенадцати книг Колумеллы [2].

Откровенно говоря, мы предпочли бы воздержаться от прогулки «в сад» Колумеллы, ограничившись лишь немногими характеристиками, заимствованными у историков античного земледелия, отечественных или зарубежных, марксистских и буржуазных. Но, к сожалению, даже в тех случаях, когда обозреваемая историческая литература в фактографическом отношении безупречна, не на-

* Автор считает целесообразным остановиться на вопросах истории земледелия во времена античности для лучшего понимания историко-экономических особенностей и существа аграрной и земледельческой революции в XIX в., в отличие от закономерностей рабовладельческого хозяйства.

[1] Как известно, труды немецкого ученого Либиха высоко оценивались Марксом; но ему, как и Энгельсу, принадлежали и указания на ошибки Либиха. См., например, *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 23, стр. 515, прим. 325: «Выяснение отрицательной стороны современного земледелия, с точки зрения естествознания, представляет одну из бессмертных заслуг Либиха. Его экскурсы в историю земледелия, хотя и не свободные от грубых ошибок, тоже проливают свет на некоторые вопросы». В том же замечании указывалась одна из теоретико-экономических ошибок Либиха. В советской литературе о Либихе см. *В. В. Шарвин*. Юстус Либих. М., 1925.

[2] *J. von Liebig*. Naturwissenschaftliche Briefe über die moderne Landwirtschaft. Leipzig — Heidelberg, 1859.

ходишь вполне удовлетворительных ответов на интересующие нас здесь теоретические вопросы.

Д. Фоше правильно указал на тот факт, что хотя античное земледелие и находилось, в определенный период, на пути к улучшению, двухгодичный севооборот с паром удерживался во все времена античности на большой части территории Южной Европы, подобно тому, как на северной территории в течение многих веков сохранялось трехполье [3]. Д. Фоше повторял, по-видимому, вслед за Гаспареном, что Катон и другие античные писатели знали о почвенном значении посевов бобов, вики, люпина и что, поэтому, уже они формулировали принцип непрерывного возделывания почвы посредством соответствующего чередования посевов [4]. Д. Фоше присоединил к этим словам немаловажную оговорку: принадлежавшие древним агрономам советы о чередовании посевов имели практическую ценность лишь для наиболее плодородных земель и только для тех владений, в которых можно было установить гармоническое соотношение между двумя основами земледельческого хозяйства — животноводством и полевой культурой. Но в большей части хозяйств, по недостатку лугов, скот не был в такой мере многочислен, чтобы давать большое количество удобрения. То, что именовалось saltus, не заменяло лугов; по мнению Д. Фоше, saltus был только территорией прогона стад, сходной с «пустошами-ландами» старого земледелия Франции.

Заметим, однако, что очень крупные животноводческие хозяйства у древних италийских землевладельцев, в определенные времена античности, существовали. Ведь Варрон, по его же словам, имел 700 овец» [5]. Величина коровьих стад была «у разных хозяев разная... считают средним стадо в 100 голов» [6].

Но если уже в древности были тысячные овечьи стада, если один и тот же землевладелец имел, как Аттик, 800 овец и 120 голов крупного рогатого скота, и если в те же времена был уже найден принцип непрерывного возделывания почвы, то разве не следовало поставить вопрос: в какой же мере можно уподоблять древние земледельческие улучшения тем новшествам, которыми уже в начальной стадии ознаменовалась «земледельческая трансформация» XVI—XVIII вв.

Понятно, что такая постановка вопроса неотделима от более широкой проблемы закономерностей развития земледелия в исторических условиях различных общественно-экономических формаций. Но, разумеется, в буржуазной литературе вполне удовлетворяющей нас теоретической направленности нет. Вот некоторые характерные черты этой литературы.

[3] *D. Faucher.* Géographie agricole, p. 102.

[4] «Ils formulaient ainsi le principe d'une culture continue par des assolements conformes».— *D. Faucher.* Op. cit., p. 101. Тут же, указывая на соответствующие страницы сочинений Катона, Вергилия, Варрона, Д. Фоше ссылался на агрономический «Курс» Гаспарена.

[5] *Варрон.* Сельское хозяйство. Перевод с лат., комментарий и вступ. статья М. Е. Сергеенко. М.— Л., 1963, стр. 97.

[6] Там же, стр. 68.

1

Древнегреческое полевое хозяйство в освещении Огюста Жардэ

В солидно документированной книге проф. Огюста Жардэ о культуре зерновых хлебов в Древней Греции [7] наше внимание привлекает, в частности, то обстоятельство, что древняя агрикультура сопоставляется с взглядами и практикой французских агрономов интересующего нас периода 20—60-х годов XIX в. В общем, хорошо характеризует Жардэ его осторожность, нерасположенность к какой бы то ни было переоценке исследуемых «антецедентов». Жардэ писал: «Из изучения (земледельческой) техники явствует, что греческая агрикультура никогда не была интенсивной, и весьма правдоподобно, что земледельческий прогресс был недостаточен для того, чтобы видоизменить производство» [8]. Жардэ, как видим, не отрицал существования в Греции земледельческих успехов [9]; но сам подзаголовок его труда (производство!) подводил его к основной проблеме или, по крайней мере, к одной из сторон этой проблемы. Улучшения сельскохозяйственной техники, пояснял Жардэ, вводились чрезвычайно медленно и в общем они не приобрели значительного распространения. От «времен Полибия до Гесиода» пахали, жили и молотили примитивными способами; рудиментарный земледельческий инвентарь не был приспособлен для глубокой вспашки; поэтому сорные травы полностью не устранялись, если только почва не обрабатывалась ручным трудом [10].

Древнегреческие арендные условия допускали и даже предписывали чередование посевов: на одном (из двух полей) — зерновых, на другом — бобовых (légumineuses). Феофраст знал эту практику и рекомендовал ее, советуя высевать ранние овощи, чтобы не препятствовать следующим подготовительным работам на той же земле. По мнению Жардэ, это была замена абсолютного пара — занятым паром [11]. Но именно изучение арендных условий и убедило Жардэ в том, что фактически севооборот был двухгодичным, что практика оставления части земли под паром была

[7] *A. Jardé.* Les céréales dans l'antiquité grecque. La Production. Paris, 1925.

[8] Ibid., p. 29—30.

[9] «Il serait pueril de nier tout perfectionnement».— Ibid., p. 191.

[10] Ibid., p. 20—21.

[11] «On reconnait ici un type connu de système cultural, c'est la substitution à la jachère morte de jachère verte, semée de fourrages que l'on enfouit en vert ou donnant en été une récolte dérobée».— Ibid., p. 86.

все-таки правилом, а не исключением. «Нигде мы не находим трехгодичного севооборота»[12]. Конечно, писал Жардэ, латинские агрономы различали две системы земледелия:[13] одну с полным ager novalis и другую — как ager restibilis — с постоянным чередованием культур; однако на вопрос, когда же возникла аналогичная практика в Греции (и в какой именно части этой страны) Жардэ ответил, что классическая Греция никогда не знала этого способа. Отмечая достоинства исследования Жардэ, мы его отнюдь не переоцениваем. Подлинная научность исследования была бы достигнута только в том случае, если бы автор правильно объяснил причины слабой развитости греческого земледелия в «классический» период, в период удивительного сосуществования великих гениев философии и искусства с жалкими зачатками агрономической теории, часто лишь приспособлявшейся к стеснительным условиям земледельческой практики. Но методология Жардэ омертвляет его обобщения! Под влиянием риккертианства или, может быть, иной разновидности реакционной «историософии» Жардэ испуганно отступает перед тем, что названо тут «сравнительным» методом. По мнению Жардэ, этот метод — «опасен», ибо он может применяться уверенно лишь в тех случаях, когда сравниваются «идентичные» страны[14]; но ведь таких стран, рассуждает Жардэ, не найдешь на всей земле. Порадуемся за студентов-медиков: они не слушали лекций Жардэ; обучаясь в том же Лилльском университете, где преподавал Жардэ, студенты записывали в свои тетради обобщения, именно и построенные на «сравнениях», хотя, разумеется, во всем мире нигде не было и не будет абсолютно «идентичных» людей.

Не принимая методологии марксизма, Жардэ обесценил свой труд геолого-натуралистическим объяснением причин отсталости античного земледелия (горный характер территории!)[15], что, в свою очередь, привело его к грубо-ошибочному сопоставлению античной и новейшей Греции в земледельческом отношении.

---

[12] *A. Jardé*. Op. cit., p. 86.

[13] Ibid., p. 86—87. В примечании 6 к стр. 86, сообщая о том чередовании посевных культур, на которое указывал Плиний (там, где он писал о Кампании), Жардэ добавлял: «C'est, je crois, la première apparition des plantes sarclées dans l'assolement».

[14] Ibid., p. XIV.

[15] Ibid., p. 192; «Ce sont les conditions naturelles qui ont imposé à la culture grecque ses traits caractéristiques». Ср. также «Введение», стр. XIV. Жардэ во время путешествия по Греции в 1902 г. видел в одном из районов Фессалии жатвенные и молотильные машины; но, по мнению местных крестьян (!), это были причуды непрактичных помещиков-богачей, которые и не жили постоянно в своих имениях. Крестьяне же и в 1902 г. срезали хлеба серпом и обмолачивали «совсем как во времена Гомера».

2

Проблемы истории древнеиталийского земледелия в освещении некоторых буржуазных и советских историков

Среди работ, специально посвященных истории древнеримского земледелия в определенный период, резко выделяется обширностью фактического материала монументальный труд «Земледелие в античном мире по Георгикам Вергилия». Это исследование принадлежит Р. Бийару, лауреату двух академий[16].

Конечно, здесь, в нашем очерке, труд Бийара, как и все прочие исторические произведения по тематике древнеримского земледелия, могут быть представлены только в той ограниченной мере, которую предопределяют наши задачи. В этом плане, поскольку речь идет о Древнем Риме, целесообразно обратиться прежде всего к трудам советских историков античного земледелия.

Наиболее широкий план изучения античных земледельческих порядков, техники, способов земледелия и древних агрономических трудов принадлежал проф. М. И. Бурскому. Но вторая мировая война и преждевременная смерть проф. Бурского остановили завершение начатых работ[17]. С большим сожалением приходится говорить об этой нашей утрате. Едва ли надо пояснять, что тяжело и критиковать незавершенные труды, которые при лучших условиях их подготовки и той искренности, с которой стремился М. И. Бурский к марксистскому освещению, вероятно, могли бы быть безупречными.

Констатируя, что уже 2 тыс. лет тому назад «агрономическая мысль» ощупью подходила к установлению севооборота[18], проф. Бурский определял это движение так: Варрон останавливается у самого порога. Он доводит свое рассуждение до последнего штриха, за которым уже следует правильное чередование культур.

---

[16] *R. Billard* (lauréat de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et de l'Académie d'Agriculture). L'Agriculture dans l'Antiquité d'après les Géorgiques de Virgile, Paris, MCMXVIII, p. 537. Имя римского поэта мы далее всюду даем в транскрипции: Вергилий.

[17] *В. М. Лавровский*. Проблемы исследования земельной собственности в Англии. М., 1958, стр. 155, прим. 2; см. также *М. И. Бурский*. Введение к книге «Катон, Варрон, Колумелла, Плиний». Заметим, впрочем, что в данной публикации лишь около 20 страниц представляют труд Катона «О земледелии»; около 30 страниц — из Варрона; немного более значительно представлен Колумелла, и только из Плиния воспроизведено более 100 страниц (из 17-й и 18-й книг его «Естественной истории»).

О том, как мала вся эта публикация в сравнении с общим объемом античной литературы, относившейся, в той или иной мере, к земледелию, явствует из слов самого М. И. Бурского: «Плиний перечислял 146 римских и 327 чужеземных писателей, сочинения которых он использовал... и немалая часть тех двух тысяч томов, которые, как утверждает этот великий компилятор, ему пришлось изучить, относилась к сельскому хозяйству».— *М. И. Бурский*. Указ. соч., стр. 7.

[18] Там же, стр. 37.

Характеристика Вергилия, к сожалению, уже не отличается аналогичной четкостью; «увлеченность» Бурского приводит тут к серьезному противоречию и заставляет внимательнее присмотреться к его методологическим приемам. По словам М. И. Бурского, Вергилий поднял вопрос о восстановлении плодородия почв и обобщил «весь агрономический опыт формулировкой системы земледелия — паровой и сидеральной [19]; под этим вторым, подчеркнутым термином подразумевался «правильный плодосмен, где место пара занимают бобовые — горох, вика, люпин, как обязательные предшественники». В той же работе М. И. Бурский писал: «Если пользоваться современной терминологией, то Вергилий, кроме анализа морфологического, дает указания на необходимость для определения качества почв провести анализ механический, химический и, как мы выше отметили, и ботанический». Как видим, поистине был нужен совсем особый «энтузиазм», чтобы именно так истолковать слова поэта: «Рыхлая ль почва или сверх меры плотная, ты исследуй. Ибо одна для хлебов подходящая, другая — для Вакха»...

Нижеследующие замечания М. И. Бурского как бы умеряют столь непомерно «увлеченную» оценку Вергилия; оказывается, что практическая ценность вергилиевых строк — «значительно ниже» сочинений Варрона (заметим: остановившегося «у порога»!). Вергилий, правда, давал хорошие советы; «...но для применения этих советов на практике земледелец потребовал бы,— писал М. И. Бурский,— ряда совершенно необходимых дополнительных сведений» [20].

Однако возможно ли было значительное развитие «дополнительных сведений» и, главное, их широкая реализация? Проблема развития техники земледелия от времен Катона до Колумеллы неразделимо связана с основным вопросом о судьбах земельной собственности и общего движения земледелия в этот период. Мнение по данному вопросу, как мнение господствовавшее в мировой исторической литературе, было изложено крупным советским ученым М. Е. Сергеенко: «Историки... писавшие на рубеже XX в., были твердо убеждены, что обеднение италийского крестьянства, так патетически изображенное в общеизвестном отрывке... Тиберия Гракха, было в конечном счете вызвано тем, что италийский рынок оказался заваленным провинциальным и заморским хлебом, который продавался по цене уже столь низкой, что полевое хозяйство *превратилось в статью вовсе* невыгодную (подчеркнуто мною.— *Ф. П.*). Поэтому крупные землевладельцы от него почти совсем отказались и перешли к разведению виноградников и масличных садов, а крестьяне, у которых для организации виноградного и маслоделательного хозяйства, конечно, не было средств, стали бросать свои земли и уходить в города, чаще в Рим, рассчитывая отчасти на заработок и главным образом на даровое содержание государства» [21].

В течение многих лет М. Е. Сергеенко весьма плодотворно изучала сельское хозяйство древней Италии и неизменно возвращалась к критике вышеизложенной концепции. Указав на Моммсена, как создателя этой концепции, М. Е. Сергеенко в одной из своих позднейших работ почти буквально повторила приведенную выше характеристику этой логической схемы, в которой, как видим, главное значение имела, во-первых, мысль о совершенной непригодности полевого хозяйства в условиях появления на италийской земле дешевого хлеба (из заморских завоеванных стран); во-вторых, указание на переход крупных землевладельцев к культуре масличных и виноградных насаждений; в-третьих, вывод о падении доходности мелких крестьянских хозяйств и, соответственно, об уходе крестьян в города в расчете на даровой хлеб, что, в общем, привело к возникновению, с одной стороны, крупных земельных владений (латифундий), с другой — люмпенпролетариата «беспокойного и продажного, который все больше и больше заполнял Рим» [22].

Неоспорима эрудиция М. Е. Сергеенко, как и ее талант выдающегося филолога. Не удивительно поэтому, что работы М. Е. Сергеенко давно привлекли внимание наших и зарубежных историков. Очень большой научный интерес представляет главный, обобщающий труд М. Е. Сергеенко — ее книга о сельском хозяйстве Древней Италии, раскрывающая многосюжетную и представленную в ярких красках панораму земледельческой жизни в рабовладельческом обществе от времен Катона до Колумеллы [23]. Конечно, и в своем обобщающем труде М. Е. Сергеенко уделила заметное место критике «моммсенской» схемы.

Известно, что уже при появлении первых же томов монументального труда Моммсена основоположники марксизма обратили внимание на его методологические пороки, на ошибочные взгляды по основным теоретическим вопросам истории рабовладельческого способа производства [24].

---

[19] *М. И. Бурский.* Указ. соч., стр. 47.

[20] Там же, стр. 48.

[21] *М. Е. Сергеенко.* Полевое хозяйство у Катона.— «Вестник Древней истории», № 4 (26). М.— Л., 1948, стр. 206.

[22] *М. Е. Сергеенко.* Сельское хозяйство Древней Италии в трактовке некоторых буржуазных ученых.— «Критика новейшей буржуазной историографии». Сб. статей. М.— Л., 1961, стр. 441.

[23] *М. Е. Сергеенко.* Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.— Л., 1958.

[24] Применение Моммсеном понятия «капиталист» для древнеримского общества свидетельствовало о непонимании своеобразия античного строя и самого существа капиталистического способа производства. К. Маркс писал: «Мы вообще не найдем в древности в континентальной Италии повода для формальной аналогии,— которая к тому же во всех существенных пунктах представляется сплошь обманчивой для всякого, кто понял капиталистический способ производства... мы найдем ее, пожалуй, только в Сицилии, потому что последняя существовала как земледельческий данник Рима и потому земледелие в основ-

И если иные историки еще и теперь воспроизводят взгляды Моммсена, то трудно было бы не признать оправданной критику его «схемы». Конечно, условием всякой правильной критики является ее прочная обоснованность. А критика философско-исторической концепции именно с позиций марксизма требует, сверх того, полной ясности в самом противопоставлении буржуазных и марксистских концепций, четкого обозначения своей классовой позиции, что уже неотделимо и от той марксистско-ленинской партийности, которая вызывает весьма ободряющий нас гнев буржуазных ученых.

Жаль, что в трудах М. Е. Сергеенко подразумеваемое противопоставление марксистской концепции — обобщениям буржуазных историков не приобрело полной четкости.

Констатируя, что для характеристики поместья Средней Италии II в. до н. э. нет другого источника, кроме «Земледелия» Катона, М. Е. Сергеенко на первой же странице своего обобщающего труда признала: книга Катона не дает полной ясной картины тогдашнего сельского хозяйства в Средней Италии; в книге Катона нет указаний на соотношение культур, нет и описания сельскохозяйственных, агрономических приемов. «Мы не знаем и величины катоновских владений [25] ... не знаем ни тогдашних цен на землю, ни доходности отдельных отраслей» [26].

В данной связи, в интересах ясности изложения, автору «Очерков» следовало бы отметить, что когда взгляды, противопоставляемые «моммсенской схеме», уже излагались М. Е. Сергеенко, то книга Катона характеризовалась иначе, а именно, как источник, дающий будто бы ясное представление о том, чем было рабовладельческое хозяйство начала II в. до н. э. [27]

Исчисления доходности полевого хозяйства, произведенные самой М. Е. Сергеенко, как и многие другие ее наблюдения, выводы, очень интересны; но ведь для доказательства существования полевого хозяйства и его относительной доходности при Катоне достаточно обратиться к книге Катона: полевое хозяйство там нигде не исключено и даже нигде не поставлено на последнее место. Кроме того, заметим: к «логической схеме» только что представленной выше, не относилась идея абсолютного отказа от полевого хозяйства. Никаких гипотез, предположений и не требовалось поэтому для опровержения тезиса об исчезновении всякого значения хлебопашества, т. е. об абсолютном отказе землевладельцев времен Катона от полевого хозяйства [28].

ном было нацелено на экспорт. Здесь встречаются арендаторы в современном значении слова».— *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 349—350.

[25] *М. Е. Сергеенко*. Очерки..., стр. 3.

[26] Там же, стр. 17.

[27] *М. Е. Сергеенко*. Удобрение хлебных полей в Древней Италии.— «Архив истории науки и техники», т. IV. М.— Л., стр. 123.

[28] Ср., однако, стр. 18 в «Очерках» М. Е. Сергеенко и стр. 441 в вышеназванном критико-историографическом сборнике.

Обратим внимание и на другой факт. В течение многих лет М. Е. Сергеенко, говоря о хлебной культуре во времена Катона, несколько раз возвращалась к вопросу о значении пресловутой «шкалы доходности» (хотя не все историки именно этими словами обозначали принадлежащий Катону перечень доходных статей такого рабовладельческого имения, не крупного по размерам, которое представлено как пример хорошего хозяйства в хороших условиях). М. Е. Сергеенко старается доказать, что мнение, обязанное своим существованием, по-видимому, авторитету Моммсена, мнение, что крупные италийские землевладельцы отказывались от полевого хозяйства и переходили к виноградарству и маслиноводству, основано на полном непонимании этой «шкалы доходности». На этом критика «схемы Моммсена» не остановилась. М. Е. Сергеенко пишет, что аналогичное понимание перечня культур (как шкалы доходности) было свойственно и тем древним авторам, труды которых появились позднее, после смерти Катона. И так обстояло дело в течение веков: «от Плиния... до Моммсена, Дюрюи и русских дореволюционных историков древнего мира».

Позволим же себе немногие критические замечания, суровость которых, можно надеяться, будет извинительна.

1. Крупный, превосходно образованный ученый, М. Е. Сергеенко пользуется странными приемами полемики. На видное место, на страницы своего основного текста, она выдвигает «ошибающихся» дореволюционных историков, а в «примечаниях» к своим «Очеркам» в той же связи называет и имена советских историков-марксистов Н. А. Машкина [29] и С. И. Ковалева [30].

2. При ближайшем рассмотрении «криминала» обнаруживается, что формулировки, характеризуемые как ошибочные, не являются идентичными с теми суждениями, которые, например, из «дореволюционных» историков высказывал Д. М. Петрушевский, а из числа советских историков Н. А. Машкин.

Вот о чем писал Д. М. Петрушевский: цены на хлеб понизились в Риме со времени латинских завоеваний (еще на территории Италии) таких плодородных местностей, как Кампания и область р. По. Позднее же — «италийскому крестьянину» становилось все труднее, когда Рим соединил под своей властью «все страны на берегах Средиземного моря. С италийским хлебом начинает конкурировать заморский хлеб из Сицилии, затем из Африки» [31].

Утверждения, что хлебопашество превратилось в статью «вовсе невыгодную», мы не обнаруживаем на указанной странице книги Д. М. Петрушевского.

Обратимся к солидному труду Н. А. Машкина. Вот его слова: «Из рассуждения Катона о том, какие хозяйства выгоднее, и из

---

[29] *Н. А. Машкин*. История Древнего Рима. М., 1956.

[30] *С. И. Ковалев*. История Рима. Л., 1948.

[31] *Д. М. Петрушевский*. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1913, стр. 42.

различных его советов можно заметить, что с притоком в Италию дешевого заморского хлеба, хлебопашество становилось мало выгодным и это имело большое значение для римской социальной истории последующего периода»[32].

Утверждения, что хлебопашество превратилось в статью «вовсе невыгодную» мы не обнаруживаем и в труде Н. А. Машкина.

Только С. И. Ковалев писал менее осторожно и обнаруживал недостаточное знание вопросов истории древнеиталийского сельского хозяйства. Проф. Ковалев все-таки правильно противополагал «старую» Италию, характеризуемую преобладанием хлебопашества,— Италии «новой», в которой, по его выражению, разведение зерновых культур сокращалось. Но далее в этой же связи С. И. Ковалев писал, что посевы зерновых «стали невыгодными» и поэтому «стали преобладать» другие культуры, к которым он причислил «техническую» культуру — ивовые насаждения для плетения корзин!

Не ясно ли, что в своем полемическом увлечении М. Е. Сергеенко допустила неточности, в результате которых относительность незаметно превратилась в абсолютность и, сверх того, сам термин «Моммсенская схема» вобрал в себя взгляды и толкования, принадлежавшие не только тому или иному буржуазному ученому, но также и некоторым историкам-марксистам.

3. То, что сама М. Е. Сергеенко противопоставляет всем этим взглядам, основано в значительной мере на ее новом толковании одного места в труде Катона.

Перейдем к этому спорному тексту. Вот он в переводе самой М. Е. Сергеенко: «Если ты меня спросишь, какое имение будет лучшим, то я скажу так: сто югеров земли в самом лучшем месте со всякими участками: во-первых, с виноградником, если вино хорошее и если вина много; во-вторых, с поливным огородом; в-третьих, с ивняком; в-четвертых, с масличным садом; в-пятых, с лугом; в-шестых, с хлебной нивой; в-седьмых, с лесом, где можно резать листья на корм скоту; в-восьмых, с виноградником, где лозы вьются по деревьям; в-девятых, с лесом, дающим желуди»[33].

Опуская подробности, подчеркнем, что, как ни велика свобода, используемая М. Е. Сергиенко в области ее предположений, фактически даже и она оставляет виноградник там, где он обозначен «шкалой», т. е. на первом месте[34].

[32] *Н. А. Машкин.* Указ. соч., стр. 193.
[33] *М. Е. Сергеенко.* Очерки..., стр. 17—18.
[34] Там же, стр. 18. Это признание выражено, впрочем, удивительными словами: «Оставим за виноградником его место..., но у нас нет материала ни для того, чтобы оставить его на первом месте, ни для того, чтобы его оттуда сдвинуть». В примечаниях же к цитируемой книге мы читаем: «Югер пшеницы давал, по словам Колумеллы, 80 сестерций дохода, а югер винограда — 300» («Очерки», стр. 242—243). Конечно, времена Колумеллы пришли позднее. Но ведь и Катон подразумевал виноградник коммерческого значения, дающий, как указано, именно хорошее вино и в большом количестве.

«Живейшее недоумение» М. Е. Сергеенко вызывает место, занятое в перечне Катона поливным огородом. Ссылаясь на более позднее показание другого писателя, на Плиния, М. Е. Сергеенко называет овощи грошовой вещью. Но ведь в поливном огороде Катона были не только грошовые «овощи». Правда, Катон писал о посевах репы, редьки, чеснока; однако он же писал и о посевах мака; кроме того сама же М. Е. Сергеенко писала: «У него упоминаются разные острые травы: укроп, рута, мята, анис, тмин, кориандр»[35]. Торопливо обобщив весь этот ассортимент насмешливым выражением «не хитрая огородина» (?!), М. Е. Сергеенко уверенно выходит на широкие просторы своих вольных предположений. Она пишет: «Возможно ли представить себе, чтобы редька или укроп оказались доходнее, чем масличное дерево?»[36] Так применяется «запрещенный прием»: из большого перечня насаждений, приведенного выше, произвольно избираются только две «огородины»!

Между тем было необходимо обратить серьезное внимание еще и на тот факт, что некоторые овощи имели отнюдь не только кулинарное, но и медицинское, лечебное значение. Таковы были, например, капуста, кориандр, мята. Более того, некоторые огородные растения обладали ценным свойством эфирно-масличных культур.— «Добывание эфирного масла из плодов кориандра было известно еще в древние времена: так у Диоскорида имеется описание способов получения масла через прессование и кипячение с водой[37]. Отходы кориандра — хороший корм для скота: кориандр особенно богат белком и жиром.

Цветок руты тоже содержит эфирное масло; и в наше время рутой пользуются больше в медицине, чем в кулинарии.

Ценную эфирно-масличную культуру представляет упоминавшийся Катоном анис: в нем 25—30% жирного масла и он «...требует очень мелкой заделки»[38]. Эта культура вполне могла распространяться в условиях примитивной техники рабовладельческого хозяйства.

В заключение, несколько слов о культуре, которую уж никак не назовешь дешевой «огородиной», хотя она и не привлекла внимания М. Е. Сергеенко. Имеем в виду спаржу. Это именно выгодная хозяйственная статья. И не случайно Катон уделил ей в своем труде особую «главку».

Аргументация М. Е. Сергеенко частично опирается и на указание древних о практике обработки земли под оливковым садом: о разделении этой земли на два поля: одно — под пар, другое — для сеяных трав и бобовых. Ни в оливковой роще, ни даже в

[35] *М. Е. Сергеенко.* Очерки... стр. 19.
[36] «Что Катон имел в виду, когда писал свою книгу Среднюю Италию, это не подлежит сомнению».— *М. Е. Сергеенко.* Очерки..., стр. 4.
[37] *Е. А. Столетова.* Кориандр. М.— Л., 1931, стр. 49.
[38] *Д. Н. Прянишников* и *И. В. Якушкин.* Растения полевой культуры. 10-е издание. М., 1938, стр. 343—344.

фруктовом саду хозяину, писала М. Е. Сергеенко, незачем было отказываться от хлебных посевов: если на территории масличника в данном году сеяли бобовые, то это означало, что в следующем году на том же месте появлялась пшеница, полба или ячмень [39].

На наш взгляд, также и эти замечания о хлебных посевах в междурядьях маслин требуют уточнения. Несомненно, что в междурядьях молодых маслиновых насаждений могли широко практиковаться хлебные или иные посевы, но сомнительно, что и по истечении пяти-шести лет со времени посадки маслин, притом — всюду, т. е. в разных частях страны, хлебные посевы продолжали бы в течение веков практиковаться без вреда для маслин и для качества оливкового масла. Замечания Р. Бийара о преимуществах использования именно молодых садов для «промежуточных» культур и его указание на тот факт, что эта древняя практика сохранилась не повсеместно, заслуживали внимания, тем более что и в сочинениях древних, например у Колумеллы, по свидетельству самой же М. Е. Сергеенко, посевы «промежуточных» культур рекомендованы не для любого масличника, а лишь для тех садов, которые расположены на склонах, т. е. так чтобы получать продолжительное солнечное освещение.

* * *

Допустим теперь, что никакие исследования не устранят спорности освещения италийского сельского хозяйства времен Катона. Все же и в этом случае историк будет вправе сказать: гораздо более существенное значение имеет вопрос о развитии древнеиталийского земледелия в последующие времена. И поскольку М. Е. Сергеенко, критикуя Моммсена или его сторонников, выделяет не какой-либо частный вопрос или группу частных вопросов, но подразумевает концепцию, проблема развития италийского земледелия приобретает свою особенную остроту.

М. Е. Сергеенко писала: «Со времени Катона в италийском хозяйстве начинается сознательный и планомерный переход к комбинированным культурам» [40]. Конечно, словечко «планомерный» тут лишнее, и это — мелочь по сравнению с теми верными и чрезвычайно ценными чертами, которыми М. Е. Сергеенко в результате своего длительного и напряженного исследовательского труда смогла осветить различные стороны сельскохозяйственной жизни в древности, особенно же — древнеиталийской земледельческой техники. Но расцвет италийской аграрной экономики не был продолжительным. В I в. н. э. отчетливо обозначались различные признаки сельскохозяйственного упадка, т. е. например, такие явления, как кризис маслиноводства, сокращение территории под оливами, ухудшение масла, появление советов о сокращении мотыжения и

[39] *М. Е. Сергеенко.* Очерки..., стр. 5.
[40] Там же, стр. 9.

прополки. Подразумевая именно эти, признанные М. Е. Сергеенко факты, В. И. Кузищин писал: «В сущности эта концепция в целом не является новой, если не считать того, что М. Е. Сергеенко вполне справедливо видит начало кризиса италийского земледелия не в конце I в. н. э., а по крайней мере в середине I в. н. э.» [41]

В. Кузищин вплотную подошел к вопросу, имеющему в интересующей нас проблематике главное значение. О какой же концепции «не новой» идет речь? И в каком отношении находятся концепции («новая» и «не новая») к марксистскому учению о закономерностях рабовладельческого способа производства? На наш взгляд, можно было бы подробнее высказаться о тех недостатках, которые мешали М. Е. Сергеенко в построении теоретических обобщений («Очерки» не имеют общего заключения) и привели к тому, что концепция, представленная в ее трудах как антитеза так называемой моммсенской схеме, оказалась, к сожалению, и не такой «не новой», которая отличалась бы только уточнением начала кризиса древнеиталийского земледелия. В. Кузищин все же указал на некоторые недостатки: он отметил, например, что в «Очерках» нет даже слова латифундия,— упрек, достойный особенного внимания уже потому, что в другой (более поздней!) работе того же автора противоположение: латифундии — в деревне, люмпенпролетариат — в городе связано непосредственно и не без оттенка иронии с концепцией Моммсена.

Заметим же, что существование латифундий (разумеется, не в тех их размерах, которые мы обычно представляем, говоря, например, о русских или германских аграриях XIX — начала XX в.), равно как и формирование люмпенпролетариата в древнеиталийских городах, это — явление важное и характерное, значение которого было признано Марксом. Советские историки-античники постоянно обращали внимание на известные слова Маркса о борьбе между крупными и мелкими землевладельцами, а также и значении этой борьбы как главного явления внутренней истории Древнего Рима.

Однако, например, у проф. М. И. Бурского эти слова цитировались как-то изолированно от других указаний Маркса. То обстоятельство, что суть внутренней истории Рима Маркс все же не «сводил» исключительно к борьбе крупных и мелких землевладельцев, подтверждает обобщенная самим Марксом характеристика его высказываний по проблемам античного общества в «Капитале»: «В различных местах «Капитала» я упоминал о судьбе, постигшей плебеев Древнего Рима. Первоначально это были свободные крестьяне, обрабатывавшие... свои собственные мелкие участки. В ходе римской истории они были экспроприированы». Но что же произошло в Древнем Риме, в отличие от времен новой истории? — «Римские пролетарии стали не наемными рабочими, а праздной

[41] *В. И. Кузищин.* Земледелие и землевладение в Италии в II в. до н. э.— I в. н. э. (Автореферат докт. диссерт.). М., 1966.

черную... развился не капиталистический, а рабовладельческий способ производства»[42]. Динамика всего экономического и общественного развития Италии в подразумеваемый период определялась, следовательно, возникновением, утверждением рабовладельческого способа производства и его упадком. Именно этой концепции не было и не могло быть у буржуазного историка Моммсена.

Понятно, что, как бы ни были значительны иные факторы, рост городского населения требовал все более широкого развития промышленного и одновременно сельскохозяйственного производства.

С удовлетворением можно констатировать, что в различных работах М. Е. Сергеенко представлен большой фактический материал, подтверждающий подъем древнеиталийского земледелия, но обнаруживающий ту форму движения древней агрикультуры, которую можно было бы коротко определить словами: «развитие — вширь».

* * *

Но в Древнем Риме уже со времени последних лет республики мануфактура «стояла гораздо ниже среднего уровня развития в античном мире»[43]. И хотя торговля, купеческий и ростовщический капитал с определенного времени возрастали в своем объеме и общественном значении, все равно — результатом их развития в в античном обществе было рабовладельческое хозяйство[44].

Конечно, все цитируемые указания Маркса известны М. Е. Сергеенко. Однако они неупорядоченно просвечиваются в нижеследующих объяснениях упадка аграрной экономики Древнего Рима: «Есть ряд причин, которые объясняют этот упадок. Последний век республики был для Италии временем страшных потрясений: в Союзнической войне погибли десятки тысяч самого здорового и работящего населения; бездарная и развращающая политика сената последних десятилетий республики перетянула сельское население в Рим; гражданские войны довершили разорение хозяйства... деревня обезлюдела, а вести хозяйство с помощью одних рабов было невозможно. С установлением мира и утверждением империи оживают и крепнут провинции, Италии не под силу конкурировать с ними. Хозяин, захваченный общественными делами, политическими интригами и шумной жизнью столицы, все реже наезжает в имение» Хозяйство «идет под откос», и землевладелец «машет на него рукой»[45]. Лишь на следующих страницах к перечню причин экономического упадка присоединяется указание на незаинтересованность раба в развитии сельскохозяйственного производства, на пассивное сопротивление рабов всяким улучшениям, что, по выражению автора, «имело до известной степени решающее значение»[46]. Думается, что здесь следовало сказать: не «до известной степени», а — решающее значение в упадке аграрной древнеиталийской экономики имел именно рабовладельческий строй.

Подразумеваемые М. Е. Сергеенко захватнические войны были исторической закономерностью — продолжением политики рабовладельческого государства.

В различные времена развития человечества происходили захватнические войны, и в разных странах народ страдал от «развращающей» политики своих правительств; но социально-экономические кризисы, возникавшие в разные исторические времена, порождали вовсе неодинаковые формы и совсем иные результаты движения экономики и борьбы общественных классов.

Обращаясь к социально-экономическим порядкам, складывавшимся на древнеиталийской территории еще до того времени, когда «хозяин, захваченный общественными делами... и шумной жизнью столицы», стал все реже и реже посещать свое имение, мы видим, что уже и тогда возникали характерные для рабовладельческого способа производства пагубные противоречия. Но, к сожалению, в отличие от более поздних явлений, они представлены на страницах «Очерков» (и в других трудах того же автора) либо фрагментарно, либо с такой тенденцией к смягчению «резкостей», которая невольно внушает вопрос: с позиций каких общественных классов могут быть одобрены эти чередования недомолвок и оптимистических красок. Конечно, этот серьезный упрек требует обоснования; здесь мы пока ограничимся лишь несколькими замечаниями.

Говоря о временах Катона, М. Е. Сергеенко изображает условия хозяйственной жизни крестьян-издольщиков в светлых тонах. Но, как уже отметил В. Кузищин, в «Очерках» Марии Ефимовны Сергеенко без всяких оговорок комбинируются нормы выработки издольщика, сообщаемые Колумеллой с показателями урожайности, приводившимися Варроном. И «если принять для эпохи Катона несколько меньшие цифры урожайности, чем сам-десять, то это подорвет вывод М. Е. Сергеенко о высокой оплате труда издольщика (около 0,5—1 пуда за день) и ее соображение о довольно сносном положении среднеиталийского крестьянина этого времени»[47].

Сама же М. Е. Сергеенко указывала, что период от 200 до 149 гг. заполнен почти сплошь войнами[48]. И мы знаем, что еще до Союзнической войны, упомянутой выше, отличавшиеся римские воины награждались насильственно экспроприированными землями, отнятыми, разумеется, у мелких землевладельцев; среди по-

---

[42] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 121.
[43] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Соч., т. 25, ч. II, стр. 142.
[44] См. там же, ч. I, стр. 364—365.
[45] *М. Е. Сергеенко*. Очерки..., стр. 31.
[46] *М. Е. Сергеенко*. Очерки.., стр. 62. В. И. Кузищин почему-то без комментариев повторяет мысль о пассивном сопротивлении рабов, не отмечая значения активных форм.
[47] *В. И. Кузищин*. Указ. соч.
[48] *М. Е. Сергеенко*. Очерки.., стр. 201.

страдавших от этого грабежа был и Вергилий. Примечательно, что трагическое положение мелких земельных владений, «зажатых» латифундиями, отмечал и буржуазный историк Бийар; крестьянин-бедняк, по выражению Бийара, исчезал день за днем. Не может быть никаких сомнений в том, что для крестьян были посильны лишь немногие из тех земледельческих культур, которые перечислялись Катоном в его характеристике «хорошего» имения в 100 югеров, применявшего, в основном, труд рабов. Между тем с ростом коммерческих оборотов этого, среднеиталийского или подобного же ему иного имения, хозяином которого, скажем, был награжденный «всадник», условия труда раба не облегчались, а отягчались. Катон, как отмечает М. Е. Сергеенко, поил своих рабов — после уборки винограда — напитком, будто бы сходным с французским «пикетт». Все же и Катон советовал не выбрасывать опавшие оливы, но кормить ими рабов. Катону же принадлежал совет: покупать для рабов такие плащи, которые были бы сшиты из лоскутов, вырезанных из старой одежды.

Еще один штрих — издревле, еще «от Аристотеля» шла практика: не держать в имениях рабов, принадлежащих к одной и той же национальности, перемешивать их, лишая даже возможности поговорить о родине, о родных людях!

И напрасно было ограничиваться констатацией только пассивного сопротивления раба. Ведь ни восстания рабов, ни их бегство от поработителей никак нельзя назвать пассивным сопротивлением. Однако вопрос о значении массовых форм сопротивления даже и не поставлен на тех страницах «Очерков», которые освещают времена, близкие к периоду жизни Катона — Вергилия. Вспомним, что еще до рождения Вергилия, а именно в 71 г., погиб Спартак — один из самых выдающихся героев одного из самых крупных восстаний рабов.

Не что иное, как одну из форм возможного активного сопротивления рабов предусматривал Вергилий (поэт великий, но ведь — рабовладелец!). Различая, по движению луны, благоприятные и неблагоприятные для работы дни, Вергилий советовал помнить, что день полнолуния всего удобнее для рабов, задумавших бежать от своего господина.

Варрон называл животноводство «наукой», но в одной и той же части его «научного» животноводства были перечислены в одной шеренге: «мулы, собаки, пастухи».

Теперь войдем, наконец, в «цветущий сад» Колумеллы. Вот отрывок из тех его двадцати книг, которые увлекли, вслед за Либихом и нашего, советского исследователя, усмотревшего у Колумеллы даже и некое «озарение», излучаемое «победителем»!

Для рабов, которые ходят на свободе, лучше всего комнатки, которые смотрят на равноденственный юг; для закованных (!) — подвальное, как можно более здоровое (?) помещение, освещенное множеством узких окошек, проделанных так высоко, что до них «нельзя дотянуться рукой».

Итак, домашняя тюрьма и оковы для строптивых — вот «решение» главной производственной проблемы, проблемы труда. Но и это не исчерпывает политико-экономическую мудрость озаренного «победителя»: правитель имения, вилик, не должен быть грамотным: «Колумелла грамотного вилика боялся»[49]. Заметим еще, что и выражение «ходят на свободе» нельзя понимать в современном смысле. Надо учесть указание Созерны: никто из рабов не должен выходить из имения, кроме вилика, ключника и еще одного человека.

Колумелла советовал насаждать культуру «мидийской травы», т. е. люцерны; но ведь люцерна была уже известна грекам. Добавим в заключение: требовалось поистине какое-то загадочное «озарение», чтобы советовать практику посева ячменя на тощей почве; по мнению М. Е. Сергеенко, в этом совете были хозяйственные основания; посевы ячменя истощают почву, а поэтому и надо было «вверять» подразумеваемый посев либо самому жирному полю, либо — тощему, на котором ничего другого не сеют»[50].

* * *

В заключение — нижеследующие замечания:

1. Обратим внимание на тот факт, что вскользь, в своих примечаниях к книге Варрона, М. Е. Сергеенко констатирует: «Колумелла говорит о том, что многие считали луга и пастбища более выгодной статьей, чем виноградники»[51]. Какое же иное, если не третьестепенное, место заняла «хлебная нива», коль скоро даже и виноградно-фруктовый сад отступил перед скотоводческим хозяйством!

2. Вместо ожидаемого исследования судеб крестьянства в этих условиях, уже неоспоримо неблагоприятных, в частности, именно для развития хлебопашества, его способов и его технических средств мы обнаруживаем все то же преобладающее значение тезиса: хлеб на италийских полях сеять не переставали! «Варрон подметил, надо думать, правильно тягу... сельского населения к городу. Место это, конечно, было привлечено в качестве документального свидетельства того, что в Италии перестали сеять хлеб, который теперь шел из провинций... Мы имеем все основания признать этот взгляд установленным»[52].

---

[49] *М. Е. Сергеенко.* Очерки.., стр. 243—244.

[50] Вот удивляющая нас цитата из Колумеллы, а также и характерное примечание М. Е. Сергеенко: «Известно, что посевы его [ячменя] истощают ниву; поэтому его вверяют или самому жирному полю, чьи силы он истощить не может (?!), или тощему, на котором ничего другого не сеют». И тут М. Е. Сергеенко поясняет: «Кроме того, Колумелла сам мог еще руководствоваться своими соображениями об «единстве противоположностей»».— Там же, стр. 204

[51] *Варрон.* Указ. соч., стр. 164.

[52] Там же.

Но ведь основной вопрос в этой связи заключается в словах: обеспечивала ли «тяга» в город производственную занятость перемещавшейся из деревни производительной и — в социально-экономическом отношении — наиболее важной части населения? Участь люмпенпролетария (или для тех, кто был «свободен» и грамотен) или иная форма экономически бесперспективного паразитизма, жизнь унижаемого «клиента» — вот что ожидало даже и талантливого провинциала, переселяющегося в Рим [53].

3. Несколькими столетиями исчисляются времена, охватывающие первые фазы древнеиталийского земледелия, последующую стадию его обогащения в условиях расширения ассортимента культур и начало его явного упадка. Мы не видим, однако, более выразительной характеристики наивысшей производительности древнего хозяйства, основанного именно на рабском труде, чем та, которая была дана Сазерной: «Сазерна пишет, что обработать восемь югеров может один человек: он должен вскопать их за 45 дней. Югер можно, правда, обработать за 4 дня, но 13 дней он набавляет на болезни, непогоду, лень и небрежность [54]. И еще один пример: по Колумелле «для обработки имения в 200 югеров потребуется две пары волов, два пахаря и шесть работников, но только в том случае, если в имении нет древесных насаждений. При наличии же их такую же площадь, по словам Сазерны, можно очень хорошо обработать, добавив еще трех человек» [55].

Теперь пусть скажет свое слово о древней агрономии наш великий агрохимик академик Д. Н. Прянишников.

Эмпирически даже и древние агрономы установили полезное значение различных удобрений; «так, римлянам, например, известно было удобрительное действие... некоторых минеральных веществ, как зола, гипс, известь, мергель; различимость сортов мергеля... (соответственно и предпочитаемых в зависимости от данной почвы). «Они знали также, что при плодосмене можно получать с тем же самым количеством удобрения больше продуктов, чем при культуре однообразной. Известно было римлянам и употребление зеленого удобрения, причем для этого рекомендовались как раз те растения, которые усваивают свободный азот воздуха (как это сделалось известным из позднейших исследований), т. е. мотыльковые и преимущественно люпины».

На склонах Везувия получали хорошие урожаи, применяя в качестве удобрений только зеленые массы люпина: пепел Везувия и лава содержали вдесятеро больше фосфора и калия, чем обычно бывает в почве, и нужен был еще только азот, доставляемый люпином.

---

[53] С горечью писал о быте этой римской бедноты Марциал в своих «Эпиграммах».

[54] *М. Е. Сергеенко.* Очерки..., стр. 243—244. Такая «норма», поясняет автор, была принята в имении Сазерны.

[55] Там же, стр. 244.

«Но римляне не могли это расшифровать, не могли сделать никакого обобщения, и факт остался имеющим только узкое местное практическое значение» [56].

Смутные указания древних (на «жир» почвы) можно считать лишь зачатками гумусовой теории [57].

* * *

Куда бы ни повернулся исследователь Арктики, достигший полюса, каждый из первых его шагов будет обращен только на юг; но от рабовладельческой экономики не шаги, а весь путь был только в одну сторону — к гибели самого рабовладельческого способа производства. И когда думаешь о закономерностях аграрного развития античного общества, невольно вспоминаешь удивительное замечание Маркса о деньгах в античном обществе: деньги выступают сначала непосредственно в своих первых назначениях, как мера и средство обращения (в обоих назначениях «не очень развитыми»); далее, с ростом торговли и, как это было у римлян, еще и в связи с появлением массы денег, добытых в результате грабительских, завоевательных войн, деньги выступают и в их третьем назначении; но они «все более развиваются в этом назначении, как гибель этого общества» [58]. Великий урок марксистской диалектики!

Подведем итог. Римские крестьяне были ограблены и декласcированы; аграрная революция античного типа совершилась; совершился и переход от древнейших способов неразвитого, монокультурного земледелия к другим, соответствующим более широкой земледельческой жизни, средствам. Но в условиях рабовладельческого способа производства всякое новое движение, возможное как движение «вширь», закономерно приближало гибель рабовладельческого строя: крестьянство превращалось в люмпенпролетариат; даже виноделие и маслиноводство отступали перед скотоводством; рабовладельческая «научная» агрономия, равно как и экономические условия «победителей» — рабовладельцев, нигде, ни в Древней Греции, ни в Древнем Риме, не привели и не могли привести к земледельческой революции.

В интересующем нас плане история античного земледелия и приобретает свое особое познавательное значение потому, что теоретическая необходимость различения понятий «революция аграрная» и «революция земледельческая» подтверждается и широко иллюстрируется конкретным историческим материалом.

---

[56] Академик *Д. Н. Прянишников.* Избранные сочинения, т. I, стр. 57 и след.

[57] Там же, стр. 58.

[58] «Архив Маркса и Энгельса», т. IV, стр. 221.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Во многих главах, представленных выше, имеются свои заключительные замечания. Поэтому здесь мы остановимся лишь на тех выводах, которые неразрывно связаны с важнейшими и наиболее широкими обобщениями.

2. Полемика с буржуазными учеными заняла в книге значительное место; и во многих случаях наши полемические замечания были высказаны резко. Но автор далек от намерения причинять личные обиды. Исключая тех историков, которые сознательно искажали истину, здесь, в заключительном обращении к нашим противникам, хотелось бы повторить мудрые слова великого основоположника английского материализма Фрэнсиса Бэкона: «Честь старых, да и всех вообще авторов остается нерушимой, ибо производится сравнение не умственных способностей, а путей познания».

3. Конечно, у марксистов свои пути познания. Нет и не может быть идиллически-мирного сосуществования марксистско-ленинской методологии с теоретическими принципами и приемами буржуазной историографии.

Однако ни коренные методологические различия, ни даже противоположности наших классовых позиций и симпатий, вопреки бытующей за рубежом реакционной версии, вовсе не означают, что марксисты глобально и «с порога» отвергают всю буржуазную историческую литературу, якобы не усматривая в трудах буржуазных ученых абсолютно никакой ценности. Беспочвенность этой версии доказывают многие работы советских историков, и к ним присоединяется автор, видевший одну из своих задач в правильной оценке произведений противников марксизма, в частности — в должном разграничении работ, интересных не только фактическими данными, но и теоретическим содержанием (пример — труды Эрнеста Лабрусса, Марка Блока, Даниэля Фоше) и иных работ, тоже крупных, но почти исключительно факториальных, иногда отстраняющих теоретические вопросы преднамеренно (такие труды, как исследования Шарля Балло и Октава Фести во Франции, «манчестерцев» в Англии, «деловых» историков — в Англии и в США, короче сказать, труды Эштона и его разветвленной школы).

4. Обобщая на основе многостороннего документального материала все ранее высказанные историографические замечания, теперь можно с удовлетворением констатировать, что даже и наиболее ревностные приверженцы «чистой» фактографии, которые, подобно слепцам Дюрренматта, почти восторженно смиряются со своей участью, удовлетворяясь «ползучим эмпиризмом», приносили науке полезную дань: работая «вслепую», они извлекали на-гора бесспорно значительные, но ранее мало известные и вовсе неизвестные факты.

5. Мы убедились, что эти факты, вопреки намерениям самих эмпириков, всегда подтверждали правильность марксистско-ленинской теории, в частности — правильность марксистского учения о мануфактурной стадии развития капитализма. Эмпирики подтвердили оставшиеся для них неизвестными указания Маркса на большую давность спорадического применения машин, в ряде случаев — более, чем на полстолетие до промышленного переворота. Поэтому, отнюдь не «поправкой» к Марксу является подтверждение значительной напряженности опытов механизации производства в Англии и во Франции в XVIII в. Эта напряженность, мало изучавшаяся ранее, теперь широко иллюстрирует марксистское учение о прогрессивности технико-индустриального развития в условиях капиталистической мануфактуры по сравнению с различными докапиталистическими общественными порядками.

6. Но появление в мануфактурные времена технико-индустриальных новинок (по большей части несовершенных и лишь возвещавших о приближении промышленного переворота) представляет только один из аспектов экономики, характерной для последних, переходных времен мануфактуры.

В условиях утверждения и — еще более — в условиях высшего развития мануфактуры стали распространяться также и новшества земледельческие, научные и, главное, беспрецедентные новшества социально-политической жизни. Экономическая история Франции XVIII в., как и мануфактурное развитие Англии в XVI, XVII и, частью, в XVIII вв., обнаруживает, что именно в границах мануфактурной стадии оказалось возможным и даже необходимым появление таких характерных и значительных примет начала земледельческой трансформации, как научная плодосменная система, плуг (вместо древнего рала), соответствующее улучшение вспашки и существенный рост продукции в области сельскохозяйственного производства.

Имеющееся в одной из ранних работ Энгельса указание на правильный плодосмен как на один из признаков земледельческих преобразований времен промышленной революции не должно нас смущать. Факты, рассмотренные выше, убеждают в том, что вопрос о распространении четырехпольной системы в период промышленной революции вовсе не снимает вопроса о возможности появления и развития плодосмена в более ранние времена. Повторим: «норфольк» появился сначала в мануфактурной Голландии, а затем, как объективная закономерность, и в мануфактурной Англии.

Уместно сказать и о Германии. Сам Энгельс определил начало

промышленного переворота в Германии, указав на поворотное значение революции 1848 г. Следовательно, говоря образно, «весь Тэер» — известный немецкий агроном конца XVIII и первых десятилетий XIX в., ученый, организатор, пропагандист и воспитатель большой школы энтузиастов строгого чередования истощающих и обогащающих сельскохозяйственных культур, весь он, Альберт Тэер, и его школа «вписываются» в экономику последнего, высшего этапа мануфактуры.

7. Франция XVIII в. не была и не могла быть исключена из круга аналогичных объективных закономерностей; со времен «настоящей экспериментальной станции» великого французского ученого Дюамеля вплоть до конца мануфактурного периода не прекращалась практика использования различных сеяных трав и посадочных обогащающих культур, что и вело постепенно к более высокой ступени — к правильному севообороту.

В XIX в., во времена фабрик и железных дорог, многие капиталисты, агрономы и инженеры ездили учиться в Англию; их предшественники, люди времен мануфактурных, в том числе французские агрономические писатели и практики, ездили, как это и было показано выше, в Голландию, Англию и в некоторые итальянские государства.

8. Изучая земледельческую трансформацию, совершившуюся во Франции в мануфактурный период, мы видим, что развитие связи между промышленной и сельскохозяйственной экономикой воспроизводит еще более отчетливо, чем аналогичный английский прецедент, ту закономерную особенность последнего этапа мануфактуры, которая выражалась в относительном усилении социально-экономической роли несоединенной органической мануфактуры, консервативно устойчивой, тормозившей формирование промышленного пролетариата (в большей мере во Франции, чем в Англии), но также и прогрессивной. Более чем другая разновидность органической мануфактуры она воздействовала на развитие земледелия и транспорта.

9. Наши расхождения с буржуазными учеными в вопросе о связи индустриальных и земледельческих трансформаций заключаются, как видим, не в том, что — в противовес их простому, ничем не обоснованному отрицанию этой связи, мы как бы тоже «просто» высказываем противоположное мнение. Суть расхождения — в методологии, в том, что подразумеваемая связь изучается нами как постоянное закономерное взаимодействие, которое отлично выражают слова: земледелие — это промышленность; промышленность — это земледелие.

10. Здесь и уместны заключительные терминологические замечания.

Последовательно применяемая дифференциация понятий: революция аграрная и революция земледельческая представляется, в свете всего сказанного выше, оправданной и необходимой. Характерное для античного общества соотношение промышленности и земледелия не открывало и не могло при рабстве открыть путь к революции земледельческой, хотя аграрный переворот совершался. Античный улучшенный севооборот, практикуемый рабами, пахавшими ралом, был только эмбрионом и только одним из тех факторов, которые позднее, в другой исторической среде, создали «норфольк». Возникший в рабовладельческом обществе экономический ублюдок, конечно заслуживает внимания, но более всего именно потому, что он подтверждает ограниченность развития производительных сил при рабстве, равно как подкрепляет и вывод Маркса, усмотревшего главное в истории античности: превращение ранее свободных крестьян и ремесленников не в земледельческий и не в индустриальный пролетариат, а в люмпенпролетариат. Все вместе — рабовладельческое поместье и рабовладельческий город вели античное общество к упадку.

11. Совсем другой путь развития был пройден различными странами мира уже в мануфактурные времена.

Столь часто отмечаемое появление улучшенного овцеводства в Англии само по себе еще отнюдь не создавало той трансформации земледелия, которая могла быть названа révolution agricole. Ввозимые в Англию тонкорунные мериносы разводились и в экономически отсталой Испании, в стране длительного господства феодально-абсолютистских порядков.

В рассматриваемой связи для нас и становится более понятным упорное сохранение в «Капитале», во всех его немецких и переводных изданиях, кроме одного из русских переводов,— сохранение именно термина земледельческая революция, поскольку в Англии в XVI—XVIII вв. возникли действительно крупные земледельческие преобразования, не ограниченные введением улучшенного овцеводства.

Но бесспорно заслуживает внимания стремление к такому смысловому переводу, который с наибольшей резкостью выражал бы главное явление переворота: экспроприацию и пролетаризацию английского крестьянства в XVI—XVII вв. И, может быть, все установленное выше дает нам право сказать: наиболее точный смысловой перевод в данном случае требует соединения понятий, соединения, выраженного словами: аграрно-земледельческий переворот.

12. Аналогичное соединение, приобретающее значение особого термина, оправдывают и другие исторические примеры. Ведь не подлежит сомнению, что каждая великая земледельческая трансформация, совершается ли она в условиях мануфактурной стадии или позднее, производит чрезвычайно важные социальные преобразования, значение которых выходит далеко за околицу деревни. Поскольку мы здесь рассматриваем, в основном, изменения, вносимые в общественную жизнь промышленной революцией, ничто не мешает нам, учитывая именно ее ленинское, строго научное определение, сказать: одновременно с утверждением во Франции

фабричной системы и завершением промышленной революции в крупных чертах, утверждалось, хотя и в меньшей степени, чем в Англии, капиталистическое, технически развитое, т. е. машинизированное, земледелие, что в общем при непосредственном воздействии индустриального переворота на крестьянские промыслы вовлекало и французскую деревню в водоворот аграрно-земледельческой революции.

13. Все же и в истории капиталистических стран не менее явственно, чем в древней истории, обнаруживается необходимость обособленного применения понятия: аграрная революция (révolution agraire) для обозначения таких переворотов, в хронологических рамках которых еще не совершается крупных технико-земледельческих преобразований. О таких переворотах писала «Новая Рейнская газета», указывая на необходимость аграрной революции для земледельческих стран, расположенных между Балтийским и Черным морями,— аграрной революции, вполне аналогичной с революцией 1789 г. во французской деревне[1]. В. И. Ленин характеризовал преобразования французской деревни в годы Великой революции XVIII в. как перерождение и обновление основ экономического строя, что и обусловило «переход всей страны... к свободному крестьянскому землевладению»[2].

14. Не менее значительны, особенно для истории Франции, также и другие указания Ленина. Великая буржуазная революция конца XVIII в. завершилась тогда, к середине 1794 г., лишь в узком смысле слова[3]; в широком значении завершение произошло позднее. Новые общедемократические натиски, бесспорно, выполнили свою роль локомотивов истории. Но тип развития капитализма в земледелии «по пути α» так и не сложился во Франции полностью. Национализированы были только те земли, которые принадлежали церкви и эмигрантам. После термидорианской и бонапартистской контрреволюции многие эмигранты стали возвращаться. Некая часть дворянства восстановила свое положение крупных землевладельцев. В этом плане имеет свое значение и вопрос о пресловутом эмигрантском миллиарде.

Суть аграрного вопроса, пояснял В. И. Ленин, состоит в том, какому классу принадлежит власть и какими методами проводится устранение помех поднятию агрикультуры. Но общеизвестно, что во Франции еще до установления монархии «легитимной» и еще раньше монархии бонапартистской были подавлены силы таких убежденных и смелых преобразователей условий земледелия «по типу α».

Многие люди, решительно выступавшие при абсолютизме в пользу усовершенствования французского земледелия, приобрели в 1789—1794 гг. «обратный знак» отношения к прогрессу, поскольку они пошли не за народом, а против народа, независимо от того, выступали ли они открыто и активно или, подобно актиниям, почти незримо приспособлялись к временному прибою. Таким моллюском был Дюбуа, напрасно прославленный Октавом Фести в качестве творца программы «нового земледелия».

* * *

Империя, Реставрация, Июльская монархия... У каждой из этих монархий свое лицо; но у всех и общие черты:

— терпимость к спекулянтам, продолжавшим скупать и дробить земельные владения, т. е. все более и более ограничивать возможности их производительного развития;

— терпимость к рецидивам феодальных поборов и отработок;

— терпимость к ростовщическому разбою, проявлявшемуся двояко: в сохранении вечной крестьянской зависимости от частных кредиторов-ростовщиков, а также и в фактическом покровительстве той форме землепользования, которая была формой ростовщичества.

Общий итог: равнодушие всех трех буржуазных монархий к нуждам земледельческого прогресса.

В таких исторических условиях различные аграрно-земледельческие явления, одни — типичные для пути «американского», другие — для «прусского», во Франции действовали на крестьянство смешанно, соединенно. Определенная часть территории обрабатывалась освободившимся зажиточным крестьянством лучше, чем в XVIII в., до революции. В то же время помещичье землевладение сохранялось; и общинные владения крестьян подвергались разграблению как со стороны помещиков, так и со стороны зажиточных крестьян, использовавших кабаки для мошеннических способов обездоливания своего брата — мужика, пропивавшего общину.

15. Тем временем фабричная система утверждалась, и соответствующая этому перевороту земледельческая революция, несмотря на множество неблагоприятных условий, все-таки совершалась. Все то, что было порождено в земледелии еще раньше, до промышленного переворота, продолжало расти, распространяться территориально; но сверх того, и во Франции, подобно тому, как это было в Англии, появлялись различные сельскохозяйственные машины и прочие нововведения, характерные для более высокой степени развития земледелия. С особенной силой это обнаружилось в годы Второй империи. У власти снова стоял монарх, но монарх, который malgré lui был «душеприказчиком» революции 1848 г.

16. Только недостаточным знанием марксизма-ленинизма объясняется то обстоятельство, что наши противники склонны приписывать именно себе (притом с позиций критики марксизма!)

---

[1] См. «Ленинский сборник, XIX», стр. 303.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 34, стр. 195.

[3] В. И. Ленин писал: «Революция 1789 года во Франции была «завершена», скажем, в 1794 году, нисколько не устранив этим почвы для революций 1830, 1848 годов».— *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 247.

понимание периодизации как условного логического построения. Конечно же, все устанавливаемые историками грани условны. Но было бы нелепостью «упразднять» периодизацию, равно как и допускать любое, ничем не обоснованное подразделение рассмотренных явлений, связь которых обнаружена и представлена как чередование возникновения, зрелости, упадка. Это — этапы, уже рассматривавшиеся выше, при изложении вопроса о развитии мануфактуры или, иначе говоря, мануфактурного периода, который в целом, при обобщении содержания всех трех этапов, составляет историческую эпоху. Существо и научное значение этого термина, т. е. термина «эпоха», освещены в очерке академика Е. М. Жукова, и нам можно ограничиться ссылкой на эту работу[4]. Хочется думать, что и понятия: «этап», «период» приобретут должные уточнения. Пока же сохраним существующую практику смешанного порядка условно равноправных дефиниций.

Теперь присмотримся внимательнее к проблеме периодизации самой промышленной революции.

Подобно тому как Энгельс (лично видевший первые германские фабрики конца 30-х и 40-х годов) датировал начало промышленного переворота в Германии революцией 1848—1849 гг., историк Франции, основываясь, разумеется, на документальных материалах, а не на «букве» марксизма, должен сказать: до революции 1789 г. во Франции были только опыты механизации некоторых отраслей текстильной промышленности. Индустриальный переворот во Франции начался лишь со времени Великой буржуазно-демократической революции 1789—1794 гг.

И первым периодом (или, иначе говоря, первым этапом) промышленного переворота во Франции были те времена, когда фабричная система впервые приобрела свою испытанную жизнеспособность в значительных, хотя еще и немногочисленных отраслях промышленного производства в этой стране.

Не лишне повторить, что в этот первый период (1789—1830) появилась рассмотренная выше хлопкопрядильная фабрика Урскан, технически и экономически не уступавшая английским, что и свидетельствовало о крупном успехе технической революции в отраслях французского хлопкопрядильного и шерстопрядильного производства.

Но предприятие Урскан не решало проблемы фабричного устройства в тонком льнопрядильном производстве. Между тем именно в тонком льнопрядении были заняты весьма многочисленные сельские работники — ремесленники и крестьяне.

Второй этап — с 1830 г. до установления Второй империи.

Этот этап характеризуется утверждением (победой!) фабричной системы производства почти во всех главных отраслях легкой промышленности. Уже одно это означало появление нового фактора массовой пауперизации и пролетаризации сельского, пригородного и городского трудящегося люда. И в то же время усилилось разоряющее воздействие ростовщических форм землепользования и характерной для Июльской монархии налоговой политики.

Поэтому и не удивительно, что второй этап ознаменовался особенно широким и бурным развитием социально-политической борьбы трудящихся масс. Происходившее тогда более быстрое формирование крупнопромышленного и сельскохозяйственного пролетариата («prolétariat foncier») сопровождалось и в данных условиях не могло не сопровождаться различными рабочими и крестьянскими волнениями: вооруженными восстаниями 1831, 1832, 1834, 1839 гг., имевшими в общем великое историческое значение, множеством стачек, отличившихся небывалыми признаками начавшегося перехода от стихийности к классово-политической сознательности, от идейной неразборчивости «луддизма» и «ксенофобии» — к решительному предпочтению коммунизма.

Свои характерные черты приобретали в этот второй этап и крестьянские выступления, что обнаруживалось уже в таких движениях, которые, начавшись в годы Реставрации, завершались — с приобретением боевого и, главное, нового политического опыта — в годы Июльской монархии. Пример: война демуазелей и прочие «лесные» волнения конца 20-х — начала 30-х годов. Еще примеры — выступление арбуаских крестьян с красным знаменем и присоединение крестьян к рабочим в различных и многочисленных волнениях городского люда в 40-х годах. К сожалению, все еще не исследованы в должной мере крестьянские выступления в 1849—1851 гг.; но уже все то, что характеризует крестьянские движения в период Июльской монархии, убедительно доказывает возможность и необходимость строгой дифференциации «Вандеи» и «Севенн» времен промышленного переворота.

Третий этап (1852—1870) — это завершение промышленной революции в ее основных чертах. Развитое машинное производство самих машин и связанные с этим новым явлением технико-экономические новшества в металлургическом производстве. Рост производства на основе нового оборудования в отраслях добывающей промышленности. Появление фабричного способа в тех, все еще многочисленных и распространенных отраслях легкой промышленности, которые ранее были механизированы только частично.

Новизна экономических условий в организации транспорта, рост железнодорожной сети, а также и разветвления водного транспорта. Соответственное, ранее небывалое ускорение кругооборота капитала.

Явные признаки наступления финального этапа земледельческой революции (révolution agricole) и — в целом — того аграрно-земледельческого переворота, который представляет одно из основных явлений промышленной революции.

Однако здесь уместно и нижеследующее замечание. Мы видим, что даже в социально-политической истории имеется достаточно

---

[4] *Е. М. Жуков.* В. И. Ленин и понятие «эпохи» в мировой истории.— «Новая и новейшая история», 1965, № 5.

много примеров революций не вполне завершенных или, другими словами, завершенных лишь в узком смысле слова. Подобная же незавершенность существует в становлении ранее небывалых экономических основ общественно-политической жизни. И тем не менее не только историки-марксисты, но и буржуазные ученые называют, например, события 1789—1794 гг. во Франции революцией, присоединяя еще и вполне достойный эпитет: великая революция конца XVIII в.

Особенности развития Франции привели к тому, что в те времена, когда промышленная революция уже завершилась в ее основных чертах, соответствующая земледельческая революция тоже вступила в свой заключительный этап, но этот этап, продлившись еще несколько лет, формально не совпал с хронологическими границами третьего периода.

Дискуссионность частностей этой периодизации возможна. Но вряд ли могут быть отвергнуты нижеследующие соображения, относящиеся к ее существу в целом:

а) различия наиболее существенных объективных закономерностей — экономических, социальных и политических — выступают на всех трех хронологических полотнах достаточно ясно;

б) обобщая в предлагаемом порядке, этап за этапом, многочисленные и многосторонние явления, мы видим, что все те сомнения, которые даже и лучшие представители буржуазной историографии высказывали по теоретическим вопросам революций земледельческих и индустриальных, становятся беспредметными, отпадают;

в) в отличие от Марка Блока и Даниэля Фоше мы вводим понятие révolution agricole в соответствующие, гораздо более узкие хронологические границы, границы разных времен, охватывающих и разное историческое содержание. Одно дело — установление границ, относящихся ко временам и событиям мануфактурной стадии развития капитализма, совсем другое — границы, фиксирующие земледельческий переворот периода промышленной революции, периода, рассматриваемого в целом и по этапам, как и развитие мануфактуры, в которой — нелишне это повторить — тоже различались времена возникновения, утверждения и полного развития в главных чертах.

17. С этих позиций и можно дать ответ Марку Блоку: конечно же не «столетия недвижимости» противостоят неслыханному потрясению — промышленной и аграрно-земледельческой революциям; но действительно противостоят 26 десятков лет вялых темпов мануфактуры — каким-нибудь восьми десятилетиям глубокого революционного преобразования экономики, техники и общественных отношений (во Франции — с 1789 по 1871 г.).

Но следует добавить: при изучении данной экономической революции по этапам, высвечивается еще и тот немаловажный для нашей полемики с «эволюционистами» факт, что и в границах самой промышленной революции историческая жизнь протекает неровно: она проходит свой путь не равномерно, не плавными темпами, а бурными рывками, резко воздействующими на так называемый рабочий период.

18. Наши полемические задачи требуют еще некоторых замечаний.

В распространении водяных двигателей в период промышленного переворота в Англии проф. Эштон усмотрел как бы новый факт, позволяющий внести оптимистический корректив в прежнюю, написанную сплошь мрачными красками картину условий детского труда. Конечно, Эштон имел в виду то обстоятельство, что рабочий день на предприятиях, пользующихся водяным двигателем, был менее продолжительным, чем на фабриках, применявших паровые двигатели, не останавливаемые ни днем, ни ночью. Взглядам Эштона несокрушимо противостоят документальные материалы, использованные выше при освещении условий труда на французских фабриках. Фактическая суточная продолжительность пользования водяными двигателями, как мы убедились, не соответствовала формальным условиям аренды водяных двигателей и поэтому не было существенных различий в продолжительности труда детей: убийственная эксплуатация практиковалась повсеместно, т. е. независимо от различий в двигательной силе.

Другой пример — работа детей и подростков в шахтах. Можно надеяться, что ложь о «восьмичасовом» рабочем дне в копях окончательно разоблачена. Кстати будет отметить, что контраст обогащения и нищеты в реальной истории французских угольных копей был резче, чем под пером Золя.

Короче говоря, возникшее в период промышленного переворота особенно широкое и именно хищническое использование труда детей, подростков и женщин приобрело во Франции почти совсем такое же значение, как в Англии (разница была, преимущественно лишь в большей или меньшей распространенности мучительных условий, о которых идет речь, поскольку во Франции дольше сохранялись открытые способы добычи угля).

Как бы то ни было, главное значение при сравнении условий детского труда в Англии и во Франции в период промышленного переворота состоит не в тех или иных временных отличиях, но, напротив, именно в длительности применения жестоких форм эксплуатации, а также и в том, что практиковались они в самые важные времена промышленной революции — в течение ее второго и третьего периодов. Поэтому-то и невозможно, не изменяя требованиям правдивости, утверждать, что хищническое отношение предпринимателей к рабочим, особенно — несовершеннолетним, представляло лишь как бы болезненное отклонение, скорее лишь «патологию», по выражению Эштона; напротив, это хищничество и было в эпоху промышленного переворота «нормой» капиталистического способа производства, его «физиологией»!

Гневно освещая социальные бедствия, мы не сбиваемся на путь, ведущий к сисмондизму, к идеологическому «луддизму».

Даже и в страшной истории каменноугольной промышленности мы видим не движение назад, а движение вперед! Переход от древесного топлива к каменному углю был явлением прогрессивного значения. С точки зрения общественных отношений производства лесопромышленность относилась к каменноугольной промышленности приблизительно так, как капиталистическая мануфактура относится к крупной машинной индустрии. Лесопромышленность оставляла производителя крестьянином, каменноугольная промышленность превращает его в фабричного рабочего.

Французский документальный материал, характеризующий движения углекопов, широко осветил указанную прогрессивность: вспомним об особенностях шахтерской стачки в Рив-де-Жье или, например, о выступлениях шахтеров бассейна Луары во время революции 1848 г.

И еще одно замечание: только с учетом отмеченного исторического различия лесной и каменноугольной промышленности можно правильно и в полной мере оценить значение войны демуазелей и других аналогичных крестьянских волнений на Юге Франции. Если бы война демуазелей ограничивалась борьбой за сохранение древних общинных прав, определение отношения этой борьбы к историческому прогрессу было бы неполноценным. Ведь без развития металлургии был бы невозможен общий экономический рост страны. Но мы теперь знаем, что классовые и политические противники демуазелей были владельцами заводов, работавших на древесном топливе.

19. Особое место принадлежит двум вопросам: о повторяемости исторических явлений и об историческом континюитете. Оба вопроса имеют, конечно, самостоятельное и очень широкое философско-историческое значение, далеко выходящее из круга той проблематики, которая рассмотрена выше. Однако указываемые вопросы привлекли пристальное внимание некоторых наших противников, буржуазных ученых, в том числе и крупных историков промышленного переворота, освещение которого и было использовано для антимарксистских формулировок.

Принимая «вызов», следует прежде всего сказать: промышленные и земледельческие революции, как и социально-политические перевороты, пожалуй, с наибольшей яркостью характеризуют повторяемость исторических явлений в разных странах. Но, разумеется, «повторение истории» (факт капитального значения в самом становлении и развитии истории как науки) совершается по-разному, т. е. не абсолютно идентично. Множество примеров подразумеваемой повторяемости представлено выше. Повторились все этапы мануфактурной стадии, и в частности, обнаружились поразительные черты сходства многих условий перехода к фабричной системе, развитие которой и во Франции, в своей политико-географической среде, воспроизвело все то главное, что свершила английская промышленная революция. И вместе с тем весьма важные условия перехода от мануфактуры к фабричному производству были отнюдь не тождественны. В одних странах, где уже раньше, задолго до промышленного переворота, свершились буржуазные революции (Нидерланды, Англия) переход к фабричному производству не потребовал новых социально-политических революций, и в этом смысле он не привел к разрыву политического континюитета. Но в других государствах Западной Европы (пример: Франция, Германия) именно разрыв континюитета оказался необходимым для возникновения устойчивой фабричной системы. Во Франции, в годы высшего этапа мануфактурной стадии, сложился общий кризис феодально-абсолютистского строя, возник беспрецедентный и именно мануфактурный кризис, содействовавший первоначально появлению всех признаков революционной ситуации, а затем и Великой буржуазно-демократической революции, прервавшей не только континюитет абсолютизма, но и континюитет личной жизни французского монарха.

Как видим, исследователю промышленной революции в Англии, французскому ученому Манту достаточно было обратиться к истории своей родной страны, чтобы убедиться в ошибочности своих суждений о континюитете. Досадно, что крупный ученый, когда-то имевший смелость открыто признавать закономерность революции 1848 г., унизился до уровня софиста, искусственно сплотив столь разные понятия: «подготовлено», «возвещено», «начато». Бесспорно, что все великие исторические события подготовлялись предшествующим развитием и в этом смысле промышленная революция не была (не могла быть!) исключением. В определенной мере подготовлены были историческими условиями XVIII в. последующие бурные выступления рабочих. Свою роль в этом плане приобрели и замечательные стачки в Лионе мануфактурных времен. Но за исключением заговора Бабефа, не было в мануфактурной Франции сколько-нибудь значительного рабочего движения, соединенного с идеей пролетарской революции, совершаемой впервые и в противовес уже совершенной революции буржуазной. И не могли быть «начаты» в мануфактурный период такие пролетарские выступления, как июньское восстание 1848 г. в Париже и Парижская коммуна 1871 г. Не только не были «начаты», но даже не были и возвещены стачки работниц и интернациональные связи рабочих-стачечников; ничто не возвещало и о совершенно новых — фабричных — формах профессиональных рабочих организаций.

* * *

50-летие Октябрьской социалистической революции и величие отмечавшихся в 1970 г. юбилеев жизни и творчества Ф. Энгельса и В. И. Ленина невольно приводят к сопоставлению итогов нашей длительной идеологической борьбы. Безрадостны эти итоги для наших противников. Их антимарксизм означает идеологическое банкротство — теоретическое ограничение истории, ее низведение в унизительный ранг уцененных научных дисциплин.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивные материалы

Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия:
1831 г., № 18 Autriche; № 46 Berlin; № 48 Bern; № 60 Carlsrhue; № 101—102 Florence; № 104 Francfort; № 197 Paris; № 200 Paris; № 201 Paris; № 202 Paris; № 271 Turin.
1832 г., № 212—213 Paris.
1833 г., № 161 Paris.
1834 г., № 19 Berlin, № 20 Berlin; № 22 Bern; № 23 Bern; № 144 Paris, № 182 Rome.
1840 г., № 138.
1841 г., № 150.

Центральный Государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 440, д. 127

Les Archives Nationales (Paris).
1. F^2 «Administration départementale»:
$F^2$1 904. Ardéche. Rapport du préfet au ministre de l'Intérieur. 25.VIII.1807.
$F^2$1 1308. Mémoire présenté par les maires de Carbon-Blanc, département de la Gironde.
$F^2$1 1308. Dossier Dordogne.
$F^2$1 1308. Dossier: Haute Saône. 1.VIII.1809.
$F^2$1. 1308. Dossier: «Usure». 1808. Cahors.
$F^2$1 1308. Dossier: «Usure». Rapport sur la situation du département des Vosges. Juillet 1819.
$F^2$1 1308. Dossier: Fixation de la journée de travail. An XIII — 1840.
2. F^7 —«Police générale»:
F^7 3755.
F^7 3756.
F^7 3757.
F^7 3793. Bulletins de Police. 1820.
F^7 3796. Bulletins de Police. 1824—1825.
F^7 3797. Bulletins de Police. 1826.
F^7 3798. Bulletins de Police. 1828—1829.
3. F^{11} —«Subsistances»:
F^{11} 1792*. 1825.
F^{11} 1838. Mercuriales de marchés. 1829.
F^{11} 1850. Mercuriales des marchés. 1830.
F^{11} 1862. Mercuriales des marchés. 1831.
F^{11} 1912*. 1835.
F^{11} 2055*. 1847.
F^{11} 2127*. 1853 et 1855.
F^{11} 2150*. 1855.
F^{11} 3798. Bulletins.
4. F^{12} —«Commerce et industrie»:

F12 869. Dossier: Oise.
F12 1432a. Mémoire sur le commerce de la soie en France.
F12 1432a. Soieries: documents généraux. 1670—1788.
F12 1432b. Etat des prix de la soie de Nankin aux ventes de Lorient.
F12 1453. Réflexions...
F12 1453A.
F12 1453B. Mémoire sur le nouveau métier de M. Vaucanson.
F12 2199. Métiers Jacquart. 1811—1866 — Machines à travailler la soie. An III—1865.— Permis à l'inventeur Lassale. 1795—1815.
F12 2201. Rapport sur les différentes inventions de M. Rivey, 31.V.1811.
F12 2293. Brière Vallée.
F12 2293. «Chambre de Commerce de Tours», 1824.
F12 2293. K. Morel.
F12 2293. Soie. Culture du mûrier, fabrication de la soie. 1747—1843.
F12 2298. Soie. An XI — 1847.
F12 2390. Filature de la soie. An X — 1865.
F12 2500. Lettres, pétitions, mémoires des particuliers et des collectivités.
F12 4467b. Haut-Rhin. Rapport secret du préfet au ministre du commerce. 8 mars 1853.
F12 4476b. Bas-Rhin. Rapport du préfet au ministre du commerce du 8 février 1844.
F12 4471c. Etablissements industriels du dép. de la Seine-Inférieure.
F12 4476b. Nord.
F12 4476B. Situation commerciale, 1 janvier 1841.
F12 4476c. Bas-Rhin. Rapport. 1846.
F12 4476 . Saint-Quentin. Chambre consultative des métiers et manufactures — au Préfet, 1841.
F12 4612. Orne. 1849. Etat des établissements industriels.
F12 4617. Rapport au ministre du commerce. 1847.
F12 4704. Pétitions, voeux, propositions. 1837—1840.
F12 4708. Calvados, 1841. Etat des établissements industriels au commencement des annés 1840.
F12 4708. Basses-Alpes. Tableau. 1841.
F12 4708. Calvados. Tableau des établissements de 1841.
F12 4708. Ardennes. Tableau supplémentaire (1842—1843).
F12 4708. Aube. Tableau. 1842.
F12 4708. Rapport. 1853.
F12 4709. Aisne. Rapport. 1843.
F12 4709. Aube. 1844.
F12 4709. Rapport du préfet au ministre. 1844.
F12 4709. Aube. Rapport de préfet au ministre. 1845.
F12 4709. Calvados. Rapport du préfet au ministre. 12.X.1846.
F12 4709. Basses-Alpes. Rapport du préfet au ministre. 1846.
F12 4709. Ardennes. Rapport de l'inspecteur au ministre. 1846.
F12 4709. Allier. Copie du rapport de l'inspecteur. 1848.
F12 4709. Aube. Résultat sommaire de la I-ère inspection générale... 1854.
F12 4710. Finistère. Rapport... 1842.
F12 4710. Eure. Tableau du 8 Janvier 1843.
F12 4710. Eure. Tableau. Etat des établissements, janvier 1843.
F12 4711. Indre-et-Loire. Rapport du préfet au ministre. 1842 et 1844.
F12 4711. Loire-Inférieure. Rapport consernant la juornée de travail dans les mines du préfet au ministre. 1843.
F12 4711. Mayenne. Rapport du préfet au ministre. 1843.
F12 4711. Loir-et-Cher. Rapport. 1846.
F12 4711. Maine-et-Loire. Rapport. 1846.
F12 4711. Ille-et-Vilaine. Extrait. 1847.
F12 4711. Marne. Statistique. 1847.
F12 4712. Meuse. Tableau des établissements. 1841.
F12 4712. Meurthe. Rapport de préfet au ministre. 1842.
F12 4712. Nord. Rapport du préfet au ministre. 1842.
F12 4712. Bouches du Rhône. Rapport du préfet au ministre. 1843.
F12 4712. Orne. Rapport... 1844.
F12 4712. Bar-le-Duc. Rapport de l'inspecteur controleur des Poids et Mesures. 1845.
F12 4712. Orne. Tableau des établissements de 1849.
F12 4712. Meuse. Rapports. 1858—1862.
F12 4712. Rapport du vice-Président de la commission d'inspection de Lille au Préfet. 1850.
F12 4713. Deux-Sèvres. Rapport du préfet au ministre. 1842.
F12 4713. Rapport du préfet au ministre. 30 avril 1843.
F12 4713. Rapport sommaire du préfet au ministre. 1843.
F12 4713. Seine-Inférieure. Rapport de la commission d'inspection. 1843.
F12 4713. Seine-et-Oise. Tableau. 1843.
F12 4713. Haute-Saône. Rapport du préfet au ministre. 17 février 1845.
F12 4713. Rapport de Denoirouse au préfet de police du 18 mai 1846.
F12 4713. Rapport du commerçant Maest au ministre. Paris 1846.
F12 4713. Rapport du préfet au ministre. 1846.
F12 4713. Rapport du préfet au ministre. 8 mars 1847.
F12 4713. Seine. Rapport du préfet au ministre. 8 mars 1847.
F12 4713. Seine-Inférieure. Rapport du préfet au ministre. 1849.
F12 4713. Somme. 24.VIII.1846, 28.XII.1852.
F12 4713. Sarthe.
F12 4714. Rapport de l'inspecteur au sous-préfet. 1842.
F12 4714. Rapport de M. le maire au sous-préfet. 1843.
F12 4714. Tarn. Rapport au sous-préfet de Castres. 1843.
F12 4714. Vosges. Rapport... 1846.
F12 4714. Vosges. Tableau présenté par le controler des Poids et Mesures.
F12 4714. Vendée. Rapport du 24.VI.1865.

5. F15 —«Hospices et secours»:
F15 2626.} Organisation, personnel, situation et mouvements
F15 2627.} du Mont-de-piété de Lyon. An XIII — 1832.
F15 3622. Correspondance et projets de réglement relatifs à la comptabilité des hospices. 1811—1812.— Enfants trouvés. Rapports. 1838.
F15 3897. Rapport du 26 août 1845.
F15 3906. Jura — 4.XII.1840.
F15 3916. Charente-Inférieure. Extrait... 25.VIII.1845.
F15 3916. Maine-et-Loire. 3.IX.1845.
F15 3916. Rapport du préfet de la Loire au conseil général, Session 1887.
F15 3961—3962. Extrait du procès-verbal du Conseil général de la Haute-Vienne. 1840.
F15 3961—3962. Jura. 4.XII.1840.
F15 3961—3962. Nord. Du paupérisme... 1840.
F15 3961—3962. Rhône. Rapport. 1840.
F15 3961—3962. Vosges. Rapport, f°, du 26.VIII 1840.
F 131273; F 131333.

Bibliothèque Nationale Lb51 1074, 1075, 1076, 1077, 1080, 1081, 1090, 2185.

Пресса

«La Gazette de France», 1840.
«La Gazette de Tribunaux» 1828—1854.
«Journal de l'industriel et du capitaliste» 1836—1838.
«Journal des Tissus», 1833—1834, 1835.
«Magasin pitoresque», 1834.
«Mémoires d'agriculture», 1808—1839.
«Le Moniteur universel», 1848.
«L'Observateur lyonnais», 1831.
«Журнал мануфактур и торговли», 1828, 1832.
«Земледельческая газета» 1835, 1837.

Опубликованные источники

Almanach-Bottin. Les années 1825, 1840, 1846.
Amé. Etudes économiques... Paris, 1859.
«Annales de l'agriculture française», 1828.
«Annales de la Charité», t. III.
«Annuaire statistique du département de la Seine-Inférieure» pour 1823, vol. I.
Archenholz. Tableau de l'Angleterre et de l'Italie. Gotha, 1788.
«Archives de la Chambre du Commerce de Lille», t. I, II, III, IV, V.
«Archives des découvertes», vol, 1, 1808.
«Archives Philantropique», t. I.
Balzac H. La Comédie humaine. Etudes de moeurs: scènes de la vie de campagne Les Paysans.— Bibliothèque de la Pléiade, vol. 39.
Beauquis. Histoire économique de la soie. Grénoble, 1910.
Beucke M.-L. Visite au pays de canuts.— «La vie heureuse», 17.IV.1946, № 17.
«Biographie moderne ou galerie historique, civile, militaire, politique et judiciaire». Paris, 1815.
Blanc Le. Nouveau système complet de filature de coton usité en Angleterre et importé en France par la compagnie établie à Ourscamp, près Compiegne. Précédé d'un texte descriptif, par M. Molard jeune. Paris, 1828.
Blanc L. Histoire de 10 ans, t. III. Paris, 1846.
Blanc M. J. F. Ingénieur civil. Manuel — Roret. L'exploitation des Mines. Paris, 1844.
Blanqui A. Des classes ouvrières en France pendant l'année 1848. Paris, 1849.
Boiteau. Etat de la France en 1789.
Bonnard (De). Notice nécrologue sur M. de Gallois, ingénieur en chef au Corps Royal des mines.— «Annales des mines», t. XIII, 1826.
Bonassieur. La question de grèves sous l'ancien régime. La grève de Lyon en 1744. Paris, 1882.
Boussinesq G. Reims à la fin de la Monarchie de Juillet et pendant la période révolutionnaire de 1848. Décembre 1921—1923.
Brame J. Député du Nord. De l'émigration des campagnes. Paris, 1859.
Braun P. Le département de la Meurthe à la fin de la Monarchie de Juillet.— «La Révolution de 1848», février 1920, N 82.
Breillout (capitaine). La Révolution de 1848 en Corrèze.— «La Révolution de 1848», décembre 1920 — janvier, février 1921, № 86.
«Bulletin de la Société Industrielle de Mulhouse», vol. I, 1828.
Burat A. De la houille. Paris, 1851.
Caird J. English Agriculture.
Chaptal. De l'industrie françoise. Paris, 1819.
Charoste (De). Vues générales sur l'organisation de l'instruction rurale. Paris, 1795.
Chevalier M. La vallée de l'ariège et de la République d'Andorre.— «Revue des deux Mondes», t. XII, Octobre, 1837.
Cochard. Guide du voyageur de Lyon, ou description historique des monuments, curiosités, etc., etc. Lyon, 1829.
«Conseils Généraux de l'Agriculture, des Manufactures et du Commerce. Procès-verbaux. 1845—1846», t. second. Paris, 1846.
Courier P. L. Collection complète des Pamphlets politiques et Opuscules littéraires. Bruxelles, 1827.
Cretté de Palluel (de la Societi Royale d'Agriculture). Mémoire sur le dessechement des marais, et l'utilité qu'on peut tirer des marais desséchés, en général, et particulièrement de ceux du Lyonnais. A. Paris, MDCCLXXXIX.
Creuzé-Latouche J.-A. Réflexions sur la vie champêtre.— «Mémoires d'agriculture», an X, t. IV.
Creuzé-Latouche J.-A. Journal des Etats Généraux. Paris, 1946. Introduction de Jean Marchand, p. XII.
Curel. Parti à prendre sur la question des enfants trouvés. Paris, 1845.
«Dictionnaire d'agriculture politique», vol. I, Paris, 1928.
«Dictionnaire Encyclopédique du Commerce», t. 1. Paris, MDCCLXXXIX.
Dino (duchesse de). Chronique, t. II. Paris, 1809.
«Despathes from Paris», vol. II. Dorset to the Duke of Leeds. 30 April (1789).
Devilliers. Nouveau manuel complet de la soierie. Paris, 1839.
Doublat M. De la fabrication de la fonte en Champagne.— «Journal de l'industriel et du capitaliste», juillet 1836.
Diclos J. De l'extention de la mendicité dans la Nièvre. 1843.
Diférnoy et *de Beaumont.* Voyage métallurgique... Paris, 1827.
Dutoquet H. De la condition des classes pauvres à la campagne. Paris, 1846.
«Essai sur la mendicité dans les campagnes». Par un ancien maire du département de Seine-et-Marne.— Bibl. N. Rp. 1580, p. 8, 15.
Flachat E. De l'industrie du fer en France.— «Journal de l'industriel et du capitaliste», janvier 1836.
Flachat E., Berault A. et *Petiet J.* Traité de la fabrication de la fonte et du fer. Bruxelles, 1851.
Flachat E., Berault A. et *Petiet J.* Traité..., deuxiéme partie. Liége, 1852.
Flachat J.-C. Observation sur le commerce et sur les arts d'une partie de l'Europe, de l'Asie, de l'Afrique et même des Indes-Orientales. 2 vols. Paris, 1866.
Fortis (comte de) Eloge historique de Jasquard. Paris, 1840.
«Forges et fonderies de Fourchambaults».— «L'Illustration», t. V, août 1845, «L'Illustration», t. VII, 1846, mars — août, p. 23 et suiv.
«La Gazette de France», 14, 27, II; 29.III; 18.IV. 1840.
Gerspach J. Considérations sur l'influence des filatures de coton et des tissages sur la santé des ouvriers. Thèse. Paris, 1827.
Gigaud. Etudes sur les effets du paupérisme à la campagne. Landerneau, 1841.
Gillet. Quelques réflexions sur l'emploi des enfants dans les fabriques et sur les moyens d'en prévenir les abus. Paris, 1837.
Godard J. L'ouvrier en soie. Lyon, 1899.
Gossez A. M. Le département du Nord sous la deuxième République. 1848—1852. Lille, 1904.
Gréau Ainé. Statistique de la production de l'arrondissement industriel de la ville de Troyes pour l'année 1848. Troyes, 1848.
Grognier. Notice sur Jacquard. Lyon.— Bibl. Nat., Ln[27] 10125.
Guereau. De la mendicité et des moyens d'y remédier, notamment dans Eure-et-Loir. Chartres, 1840.
Hassenfratz J. H. La sidérotechnie ou l'art de traiter les minerais de fer, t. III. Paris, 1812.
Hedde I. Etude séritechnique sur Vaucanson. Lyon, 1876.
Ph. Hedde. Des hommes providentiels considérés sous le point de vue industriel et manufacturier ou Parallèle... etc. Mémoires de l'Académie du Gard, 1850—1852.
Hedde Ph. Introduction ou Parallèle de Vaucanson, de Paulet et de Jacquard. 1851.
Heilmann Auguste. Les paysans d'Alsace. Strasbourg — Paris, 1853.
Heurtault de Lamerville. Observations sur les bêtes de laine dans le Berry. Paris, 1786.
Heurtault de Lamerville. Opinion sur le partage des biens communaux. Paris, 1800.
«Histoire documentaire de Mulhouse», t. I—II.
De la Hodde L. Histoire des Sociétés secrètes... Bruxelles, 1850.
«L'Illustration», 1845.
«L'Indicateur du commerce et de l'industrie», 1828.
«L'Industrie», 1826.
[*Festy, O.*]. L'insurrection de Lyon en 1831 d'après des documents inédits.— «Annales des sciences politiques», 1910.
«Insurrection lyonnaise des 9, 10, 11, 12, 13 et 14 avril 1834». Lyon, [s. d.]
Isoré. Traité de la grande culture, t. II, 1802.
«La Jeune Propriété» ou «L'Art de vivre à la Campagne», par m^me^ Alida de Savignac. Paris, 1838.
Les Jeunes Voyageurs en France, ou Lettres sur les Départements, par M. G.-B. Depping, t. I—II. Paris, 1830.
«Journal des économistes», 1843, t. IV. Bulletin. Industrie métallurgique en France, t. XV.
«Journal du maréchal de Castellane», 1804—1822, vols. II et III. Paris, 1895.
«Journal du comte R. d'Apponyi», 25 ans à Paris, (1825—1852). Paris, 1926.

Jullien C. E. et *Lorentz E.* Nouveau manuel complet du filateur. Paris, 1843.
Kauffmann. Les bords de la Saône. Paris — Lyon, MDCCCLI.
Lamelière (de). Les trois jours de Lyon... 21, 22 et 23 novembre 1831 par un témoin oculaire. Lyon, 1831.
Leclerc-Thouin. L'agriculture de l'Ouest de la France... département de Maine-et-Loire. 1843.
Lettres du maréchall de Saint-Arnaud. Paris.
Lettre d'un industriel des montagnes des Vosges à M. M. Gros. Odier, Roman et Cie à Wesserling. Strasbourg, 1839.
Lettres et mémoires d'Etigny-intendant... Auch, 1885.
Lewin H. Early British Railways.
Lions J. Précis historique, statistique et géographique de Lyon ancien et Lyon moderne, jusqu'à ce jour, suivi des événements des 21, 22, 23 novembre 1831, etc. Lyon, 1832.
Liszt F. Gesammelte Schriften, herausgegeben von Ramann. Leipzig, 1881; Zweiter Band, Essays und Reisebriefe eines Baccalaureus der Tonkunst.
Lowe J. The Present State of England in Regard to Agriculture, Trade and Finance... England and France. London, 1823.
Lyon vu de Fourvières. Lyon, [s. d.].
«Manuel du voyageur sur les bords du Rhin», par Richard, ingénieur-géographe. Paris, 1840.
Marion M. Un révolutionnaire très conservateur: Creuzé-Latouche. — «Revue d'histoire moderne», mars — avril, 1936.
Mayet. Des manufectures de soie et du mûrier. Paris, 1810.
«Mémorial de Rouen», 1843.
«Mémorial du commerce et de l'industrie»», 1839, IV; 1841.
Metzger P. Etude historique et juridique sur le piquage d'once à Lyon au XVIII-e siècle.— «Revue d'histoire de Lyon», 1912.
Monfalcon J. B. Histoires des insurrections de Lyon en 1831 et en 1834, d'après des documents authentiques, etc. Lyon, 1834.
Monfalcon J. B. Code moral des ouvriers. Paris — Lyon, 1835.
Monfalcon J. B. Histoire monumentale de Lyon, t. III. Paris, 1864.
Moreau-Saint-Méry. Notice... sur le C. Le Blanc.— «Mémoires d'agriculture», an X, t. III.
Morère Ph. L'Arriège avant le régime démocratique.— «La Révolution de 1848», onzième année.
Moret. Misère des classes laborieuses... Saint-Quentin, 1840.
Mornand M. Une semaine de révolution ou Lyon en 1830. Lyon, 1831.
Naudaud M. Mémoires de Léonard, ancien garçon maçon. Bourganeuf, 1895.
François de Neuchâteau. Paméla ou la Vertu récompensée, comédie... en vers; représentée pour la première fois par les Comédiens Français, le 1 août 1793... et remise au théâtre... le 1 thermidor, l'an troisième.
[*Jeanjean*]. Nouveaux documents inédits. L'insurrection de Lyon.— «La Révolution de 1848», 1915, № 61.
La Nouvelle Maison Rustique ou Economie Rurale, pratique et générale de tous les biens de la campagne; donnée ci-devant au Public par le Sieur Liger, t. 1. Paris, MDCCXC. Libraires associés, t. 2, Paris, MDCCXC.
«L'Observateur lyonnais», 1831.
Oger. Traité élémentaire de la filature de coton. Mulhouse, 1839.
Onslow M. Cause des troubles de Lyon. Clermont-Ferrand, 1831.
Ovière Louis. Accidents causés par les machines. Rouen, 1884.
Le Parquier. Une enquête sur le paupérisme et la crise industrielle dans la région rouennaise en 1788. Rouen, 1936.
Patissier. Traité des maladies des artisans et de celles qui résultent des diverses professions, d'après Ramazzini. Paris, 1822.
Paulet. L'art du fabricant d'étoffes de soie. Première et seconde sections, MDCCLXXIII. Introduction.
«Le Pauvre Jacques lyonnais», 1830—1831.
Pepin A. Deux ans de règne 1830—1832. Paris, 1833.
Perreux G. Situation exacte actuelle des partis et notamment du communisme dans le Midi.— «La Révolution de 1848», janvier — février 1924.
«Physiocratie ou Constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain». Recueil... par Du Pont, 1767,
Procès de la Glaneuse. Lyon, 1833.
«Promenades Alsaciennes», Par P. M. Paris, 1824.
Recueil de discours prononcés au parlement d'Angleterre par J.-C. Fox et Pitt, t. V. Paris, 1819. Exposé du discours de Wilberforce.
Recueil de documents relatifs à l'exploitation des mines métallifères du département de l'Aveyron. Paris, 1847.
Reboul-Deneyrol L.-J. Paupérisme et bienfaisance. Paris — Strasbourg, 1858.
Résumé des mémoires qui ont concouru pour le prix accordé en l'année 1777. Châlons-sur-Marne, MDCCIXXIX.
Richard Th. Etudes sur l'art d'extraire immédiatement le fer de ses minerais sans convertir le métal en fonte. Paris, 1838.
Silvestre A. F. Observations sur l'état de l'agriculture en France. Paris, 1793.
Silvestre A. F. Rapport sur les travaux de la Société Impériale d'agriculture. Paris, 1805.
Silvestre A. F. Notice... sur Béthune-Charost.— «Mémoires d'agriculture», an X, t. III.
Simond L. Voyage en Suisse, fait dans les années 1817, 1818 et 1819, t. 1—2. Paris, 1822.
«Soie. Objet d'un intérêt général pour cette industrie. Seine». M. Boucher. Paris, 1831 à 34.
«Statistique agricole (La) de 1814» (ministère de l'instruction publique et des Beaux-Arts. Comité des Travaux historiques et scientifiques. Section d'histoire moderne. Notices, inventaires et documents. t. II). Paris, 1914.
«Statistique agricole». Haute-Pyrénées, arrond. de Tarbes, 1812.
«Statistique agricole». Seine-et-Oise, arrond. de Rambouillet, 1812.
«Statistique agricole». Deux Sèvres, arrond. de Melle, 1814.
«Statistique agricole». Maine-et-Loire, 1814.
«Statistique agricole». Tarn, 1814.
«Statistique agricole». Bases-Alpes, arrond. de Barcelonnette, 1815.
«Statistique agricole». Rhône, 1816.
Stendhal. Mémoire d'un touriste, t. I.
«Tableau décennal du Commerce de la France avec ses colonies et les puissances étrangères», publié par l'administration des Douanes. 1827—1836.
«Tableau historique des événements de Lyon, par une des victimes». Lyon, 1831.
Tapiès (de). La France et l'Angleterre ou statistique morale et physique de la France comparée à celle de l'Angleterre. Paris, 1845.
Teste L. de. Du Commerce des soies et soieries. Avignon, 1830.
Thackrach. The Effects of Arts, Trades and Professions, etc. London, 1832.
Tour-Saint-Ybars (La). La question forestière de l'Ariège. 1840.
Trolliet. Lettres historiques sur la révolution de Lyon. Lyon, 1832.
Ure A. A Dictionary of Arts. Manufactures and Mines..., vol. I. New York, MDCCCXLV.
Ure A. Philosophie des manufactures, 2 vols. Paris, 1836.
Ure A. Philosophie des manufactures, vol. II. Additions faites par l'auteur.
Villefosse A. M. H. (de) Mémoire sur l'état actuel des usines à fer de la France considérées au commencement de l'année 1826.— «Annales des mines», t. XIII. Paris, 1826.
Villermé. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers, 2 vols. Paris, 1840.

Литература

Alazard J. Les causes de l'insurrection lyonnaise en novembre 1831.— «Revue historique», t. CXI, 1912.
Alcan M. Traité complet de la filature du coton. Paris, 1865.
Algoud H. Le décor des soieries françaises de l'origine à 1815. Paris, 1931.

Ashton Th. Iron and Steel in the Industrial Revolution. Manchester — London etc., 1924.
Augé-Laribé M. La révolution agricole. Paris, 1955.
Bahu E. Les paysans de la région de Clermont de l'Oise à la fin de l'Ancien Régime.— «Ann. historique de la Révolution française», 1937, № 81.
Ballot Ch. L'introduction du machinisme dans l'industrie en France de 1789 à 1870. Paris, 1904.
Ballot Ch. L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Paris — Lille, 1923.
Beauquis. Histoire économique de la soie en France. Grénoble, 1911.
Beck L. Die Geschichte des Eisens in technischer und kulturgeschichtlicher Beziehung. Braunschweig, 1899.
Bandrillart. Vie de Jacquard. Paris, 1866.
Bezancon A. The Early Use of the Term Industrial Revolution.— «The Quarterly Journal of Economics», 1921—1922.
Bézard Y. La vie rurale dans le sud de la région parisienne de 1450 à 1560. Paris, 1929.
Beyssac. La sédition ouvrière de 1786. Lyon, 1907.
Blanchard M. La campagne et ses habitants dans l'oeuvre de Honoré de Balzac. Thèse. Paris, 1931.
Bleton. L'ancienne fabrique de soierie. Lyon, 1897.
Bloch C. Etudes sur l'Histoire économique de la France (1760—1789). Paris, 1901.
Bloch M. Les caractères originaux... Paris, 1939.
Bloch M. Les caractères originaux... Nouvelle édition. Avertissement de L.Fèbvre. Paris, 1952.
Block M. Statistique de la France comparée avec les divers pays de l'Europe. Paris, 1874.
Bodemer H. Die industrielle Revolution mit besonderer Berücksichtigung auf die erzgebirgischen Erwerbeverhältnisse. Dresden, 1856.
Les Bouches-du-Rhône. Encyclopédie, t. VII. l'Agriculture. Paris — Marseille, 1928.
Bourde A. J. Duhamel du Monceau et l'agronomie en France au XVIII siècle. In: «Riassunti delle communicazioni. Comitato di Scienze Storiche. X. Congresso...», vol. VII.
Bourgeois E. Manuel historique de politique étrangère, t. III (1830—1878). Le temps présent. Paris, 1905.
Bourgin G. Préface au livre de Dunham, p. 12—13.
Bourgin G. L'agriculture... et la Révolution française.— «R. H. E. S.». Paris, 1911.
Bourgin H. et *G.* L'industrie sidérurgique en France au début de la Révolution. Paris, 1920.
Brentano L. Eine Geschichte wirtschaftlicher Entwicklung. England.
Brette A. Les Constituants. Liste des députés... élus à l'Assemblée Constituante. Paris, 1897.
Bruhat J. Histoire du mouvement ouvrier français. Paris, 1952.
Buffenoir. Le «Précurseur» et la Révolution de Juillet.— «Revue d'histoire de Lyon», 1907.
Carrier. Notes sur la condition des travailleurs de terre dans la région Millau au XVII-e et XVIII-e siècles.— «Annales historique de la Révolution française», 1939, № 92.
Champion E. La France d'après les cahiers de 1789. Paris, 1897.
Charléty S. Histoire de Lyon. Lyon, 1903.
Charléty S. Bibliographie d'histoire de Lyon, 2-ème partie. Lyon — Paris, 1903.
Charléty S. Une conspiration en 1817 à Lyon.— «La Revue de Paris», 1904.
Charléty S. La monarchie de Juillet.— Ernest Lavisse. Histoire de France contemporaine depuis la Révolution jusqu'à la Paix, t. V, Paris, [s. d.].
Charléty S. La vie économique de Lyon sous Napoléon.— «Vierteljahrschrift für Sozial- und Wissenschaftsgeschichte», IV, 1906.
Chevalier J. Le Creusot. Paris, 1946.
Cheyney E. P. Social Changes in England in the Sixteenth Century as Reflected in Contemporary Literature, vol. IV, № 2. Boston, 1895.
Clapham J.-H. Economic History of Modern Britain. London, 1926.
Clouzot H. Le métier de la Soie en France (1466—1815). Paris, [s. a.].— Bibl. Nat. Res. g. V (134).
Colomès A. Les ouvriers du textile dans la Champagne troyenne. 1730—1852. Paris, 1942.
Côte L. Note sur la mécanique Jacquard. Compte rendu des travaux de la Chambre de Commerce de Lyon, 1876.
Côte L. L'industrie gantière et l'ouvrier gantier à Grenoble. Préface de Jean Jaurès. Paris — Grenoble, 1903.
Demolon A. L'évolution scientifique et l'agriculture. Paris, 1946.
«Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues, publiés par George Lefèbvre». t. I. Lille, 1904.
Dolléans E. Introduction au livre de B. Gille.
Dolléans E. Histoire du mouvement ouvrier, 1830—1871. Paris, 1947.
Douaire F. Le Jura agricole. 1925.
Dubéda. Procès des Demoiselles.— «Bulletin périodique de la Société Ariégeoise des Sciences et Arts de la Société des Etudes du Couserans», vol. VII, 1899—1900. Foix, 1900.
Dunham A. J. La révolution industrielle en France (1815—1848). Paris, 1953.
Dupont R. Les forêts du Saint-Gironnais avant la guerre des Demoiselles (1829—1831).— «Revue géographique des Pyrénées et du Sud-Ouest», 1932, t. III.
Dupont R. La guerre des Demoiselles dans les forêts de l'Ariège (1829—1831). Diplôme d'Etudes Supérieures, 1933.
Dutacq. Les journées lyonnaises de novembre 1831.— «La Révolution de 1848», № 141, 1932.
Duveau G. La vie ourvière en France sous le Second Empire. Paris, 1946.
«Encyclopaedia of the Social Sciences», vol. VIII. New York, 1932.
Estaintot (viconte R. D'). Recherche sur l'introduction de la filature mécanique du coton dans la Haute-Normandie. Rouen, 1865.
Febvre L. Marc Bloch, historien.
Festy O. Des délits ruraux et leur repression sous la Révolution et sous le Consulat. Paris.
Festy O. L'agriculture française sous le Consulat. Ouvrage publié avec le concours du Centre national pour la recherche scientifique. L'Académie Napoléon, publication exceptionnelle all.: ouvrage A. Gavoty sur Napoléon.
Festy O. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet (1830—1834). Paris, 1908.
Festy O. Le mouvement ouvrier à Paris en 1840.— «Revue des sciences politiques», juillet — août 1913.
Festy O. L'agriculture pendant la Révolution française. Les conditions de production... des céréales. Etude d'histoire économique (1789—1795). Paris, 1947.
Festy O. L'agriculture pendant la Révolution française. Les journaux d'agriculture et le progrès agricole (1789 — an VIII).— «Revue d'histoire économique et sociale», 1950.
Festy O. L'agriculture pendant la Révolution française. L'utilisation du jachères (1789—1795). Etude d'histoire économique. Paris, 1950.
Festy O. Les progrès de l'agriculture française durant le Premier Empire.— «Revue d'histoire économique et sociale», 1957, № 3.
«La France immortelle» (publié sous la direction de Louis Madelin). Paris, 1946.
Froment P. L'insurrection ouvrière de Lyon de 1831. Paris, 1931.
Gain. La Restauration et les Biens des Emigrés, 2 vols. Nancy, 1929.
Garmy R. La «Mine aux mineurs» de Rancié. Paris, 1943.
George P. Géographie économique et sociale de la France. Paris, 1946.
Gille B. Les origines de la grande industrie métallurgique en France. Paris, 1947.
G. L. «François de Neufchâteau et la famille de Basire».— «Ann. hist. de la Révolution française», t. II. Reims, 1925.
Godart J. L'ouvrier en soie. Monographie du tisseur lyonnais. Première partie, 1460—1791. Lyon — Paris, 1899.
Godart J. La Révolution de 1830 à Lyon. Paris, 1930.
Godart J. Les événements de novembre 1831 à Lyon.— «La Révolution de 1848», № 143, 1933.

Godart J. Les journées d'avril 1934 à Lyon.— «La Révolution de 1848», № 150, 1934.
Gonnart Ph. Les passementiers de Saint-Etienne en 1833.— «Revue d'histoire de Lyon», 1907.
Gourvitch A. Le mouvement pour la réforme électorale (1838—1841).— «La Révolution de 1848», mai — juin 1914.
Grass L. Histoire de la rubanerie et des industries de la soie à Saint-Etienne et dans la région Stéphanoise suivie d'un historique de la fabrique de lacets de Saint-Chamond. Saint-Etienne, 1906.
Gréveuil G. La condition ouvrière et la crise en 1847 à Nantes.— «1848 et les Révolutions du XIX siècle», juin 1848, № 180.
Gueneau L. La législation restrictive du travail des enfants.— «Revue d'histoire économique et sociale», Paris, 1927.
Guilffrey Jules. Les Conventionnels. Listes... des députés... d'après les documents originaux... Paris, 1889.
Hammonds B. The Village Labourer, which Appeared in the Same Year. 1912.
Heaton H. Industrial Revolution. In: Enc. of the Social Science, vol. VIII. New York, 1932.
«Histoire socialiste». Sous la direction de Jean Jaurès, vol. 7. *E. Fournière.* Le règne de Louis-Philippe. Paris, 1906.
Hoskins W. G. English Agriculture 1540—1750.— «Comitato Internazionali di Scienzi Storiche». X Congresso... Relazioni, vol. IV.
Kinzer H. Technologie der Handweberei, 1907.
Kuczynski J. Les députés à l'Assemblée législative de 1791. Listes par départements... avec nombreux détails biographiques inédits. Paris, 1900.
Kuczynski J. Dictionnaire des Conventionnels. Paris, 1919.
Labrousse C. E. Esquisse du mouvement des prix et des revenus en France au XVIII siècle, 2 vols. Paris, 1933.
Labrousse C. E. La crise de l'économie française à la fin de l'ancien régime et au début de la révolution, vol. I. Paris, 1944.
Lasserre A. La situation des ouvriers de l'industrie textile dans la région lilloise sous la Monarchie de Juillet. Introduction. Lausanne, 1952.
Lefebvre G. La grande Peur.
Lefebvre G. La Monarchie de Juillet.— «Les Cours de Sorbonne», Paris, [s. a.].
Lefebvre G. Les paysans du Nord..., vol. I. Paris, 1924.
Lefebvre G. Le mouvement des prix et les origines de la Révolution française.— «Annales de l'histoire économique...», mars 1937.
Lefebvre Th. Les modes de vie dans les Pyrénées atlantiques. Paris, 1933.
Lefèvre P. Le commerce des grains et la question du pain à Lille de 1713 à 1789. Lille, 1925.
Leroudier J. La décadence de la fabrique lyonnaise à la fin du XVIII-e siècle.— «Revue d'histoire de Lyon», t. X, 1911.
Leroudier J. La décoration des étoffes de soies à Lyon pendant le Premier Empire.— «Revue d'histoire de Lyon», t. X, 1911.
Levanville J. Rouen, étude d'une agglomération urbaîne. Paris, 1913.
Levasseur E. Des progrès de l'agriculture française... Seances de l'Académie des sciences morale et politiques. Paris, 1898.
Levasseur E. Histoire de classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870. 2-e éd., vol. I. Paris, 1903.
Levasseur E. Salariat et les salaires. Paris, 1904.
Lévy H. Histoire économique de l'industrie cotonnière en Alsace. Paris, 1912.
Lucas-Dubreton. La Restauration et la Monarchie de Juillet. Paris, 1926.
Mantoux P. La révolution industrielle au XVIII siècle. Préface de T. S. Ashton. Paris, 1959.
Marion M. L'impôt sur le revenue au XVIII-e siècle. 1901.
May L. Ph. L'ancien régime devant le mur d'argent. Paris, 1935.
Menton Francois (de). A la mémoire de Marc Bloch.— «Les cahiers politiques», mars 1945.
Metzger P. Etude historique et juridique sur le piquage d'once à Lyon au XVIII siècle.— «Revue d'histoire de Lyon», 1812.
Moissonier M. La Révolte des Canuts. Paris, 1959.
Morange G. Les idées communistes dans les Sociétés secrètes et dans la presse sous la Monarchie de Juillet. Paris, 1905.
Morère Ph. Note sur l'Ariège avant le régime démocratique. Le Paysan.— «La Révolution de 1848». Paris, 1911—1912.
Morère Ph. Un disciple de Proudhon et de Blanqui. Victor Pilhes (1924).
Netzger A. Lyon à la veille de la Révolution. Notes et documents. Lyon, 1888.
Nicolas. L'organisation sociale de l'industrie lyonnaise du tissage de la soie. Thèse. Paris, 1923.
Pariset E. Histoire de la fabrique lyonnaise.
Pellisier-Guys L. Le mouvement social. Les Bouches-du-Rhône. Encyclopédie départementale, t. X, 1923.
Perreux G. L'esprit public dans les départements au lendemain de la Révolution de 1830.— «La Révolution de 1848», № 100, septembre — octobre 1923; № 103, mars — avril, 1924. (suite et fin).
Perreux G. Au temps des sociétés secrètes. La propagande républicaine au début de la Monarchie de Juillet (1830—1835). Paris, 1931.
Perreux G. Trois dates de l'histoire d'Arbois: 1830—1848—1851.— «La Révolution de 1848», t. 28, № 139.
Picard H. Les cahiers de 1789 et les classes ouvrières. Paris, 1910.
Poidebard A. et *Chatel.* Camille Pernon. Fabricant de soieries à Lyon sous Louis XVI et Napoléon I. Lyon, 1912.
Ponteil F. L'agitation ouvrière dans la Haute-Rhin en juin — juillet 1847.— «La Révolution de 1848», septembre — novembre 1931.
Ponteil F. L'opposition politique à Strasbourg sous la Monarchie de Juillet. [Noyen-le-Rotrou], 1932.
Prat (De). Traité de tissage au Jacquard, précédé d'une notice historique sur l'invention de Jacquard. Paris — Liège, 1921.
Rappard. La révolution industrielle en Suisse. Bern, 1914.
Regnault E. Histoire de huit ans. Paris, 1882.
Remond A. John Holker, manufacturier et grand fonctionnaire en France au XVIII siècle. Paris, 1948.
«La Révolution de 1848», 1914.
«Revue d'histoire de Lyon», 1912.
«Revue historique», 1912.
Reybaud L. Le fer et la houille. Paris, 1874.
Reybaud L. Etudes sur le régime des manufactures. Conditions des ouvriers en soie. Paris, 1959.
Reynier. La soie en Vivarais. Largentière, 1921.
Riffaterre. La fabrique lyonnaise en 1810—1811.— «Revue d'histoire de Lyon», 1908.
Rittiez F. Histoire du règne de Louis-Philippe 1-er (1830 à 1848). Paris, 1855.
Rocal G. 1848 en Dordogne. Paris, 1934, 2-éme éd., s. a., t. I.
Rochet W. Ceux de la terre. Paris, 1963.
Roepke H. G. Movements of the British Iron and Steel Industry. Urbana, 1956.
Romeuf L. (de). La crise agricole sous la restauration. Thèse de doctorat. Paris, 1902.
Romieu M. (Madame Romieu Marie-Sincére). Des paysans et de l'agriculture en France au XIX siècle... Paris, 1865.
Rouff M. Le personnel des premières émeutes de 1789.— «La Révolution française», 1909, t. 57.
Rouff M. Les mines de charbon en France au XVIII siècle. Paris, 1922.
Roy E. (le). Jacquou le Croquant. Paris, [s. a.].
Schmidt Ch. La crise industrielle de 1788 en France.— «Revue historique», 1908, t. 97.
Schmidt Ch. Les débuts de l'industrie cotonnière en France (1760—1806).— «Revue d'histoire économique et sociale», Paris, 1913—1914.
Schommer P. Notes sur un chapitre de l'histoire de Saint-Denis. Revue des questions historiques», 1935.
Ség H. La population et la vie économique de Rennes vers le milieu du XVIII siècle

d'après les rôles de la capitation. In: «Mémoires de la Société d'histoire d'archéologique de Brétagne», 1923.
Sée H. La vie économique de la France sous la monarchie censitaire. Paris, 1927.
Sée H. L'agriculture en Anjou dans la première moitié du XIX-e siècle. «Revue d'histoire économique et sociale», 1927.
Sée H. Documents sur les forges de l'évêché de Nantes au début du XVIII s.— «Annales de Bretagne», 1928, № 1.
Sée H. Les origines économiques et sociales de la Révolution française.— «Revue d'histoire économique et sociale», 1934—1935, № 2, 3, 4.
Seré-Depoin. Trois catastrophes à Pontoise en 1788—1789. La grêle, le grand hiver, la disette. Pontoise, 1880.
Simiand D. Essai sur le prix du charbon. «Année sociologique». Cinquième année. 1900—1901. Paris, 1902.
Simond F. Le Salaire, l'évolution sociale et la monnaie. 3 vls. Paris, 1932.
Slicher von Bath B. H. Agriculture in the Law Countries (c. a. 1600—1800).— X. Congresso Internazionale di Scienza Storiche. Relazioni, 1955, vol. IV.
Soboul A. Quarante huit. Paris, [s. a.].
Soboul A. La Révolution française. 1789—1799. Paris, 1948.
Sol (L'abbée E.) La culture et le prix du bié en Quercy avant 1789. «La Révolution française», 1918, № 16.
Soreau E. Ouvriers et paysans de 1789—1792. Paris, 1936.
Soulgé. Le régime féodal...
Tarlé E. L'Industrie dans les Campagnes en France à la fin de l'Ancien Régime. Paris, 1910.
Thureau-Dangin P. Histoire de la Monarchie de Juillet. Paris, 1892.
Towney R. H. The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. London — New York — Bombay — Calcutta, 1912.
Toynbee A. Lectures on the Industrial Revolution in England. London, 1887.
Truchon P. La vie ouvrière à Lyon sous la Restauration.— «Revue d'histoire de Lyon», 1912.
Truchon P. La vie intérieure de la fabrique lyonnaise sous la Restauration.— «Revue d'histoire de Lyon», 1910.
Uzureau (Chanoine). La Vendée angévine en 1832.— «La Révolution de 1848», № 137, 1931.
Vacher. Histoire de l'acquisition des terres nobles par les roturiers... en Lyonnais Forez... 1841.
Valleroux H. La charité avant et depuis 1789 dans les campagnes de France. Paris, 1890.
Varenne de Fenille, Ph. Oeuvres agricultures. 3 vols, 1807.
Varille M. Les journées d'avril 1834 à Lyon. Lyon, 1923.
Vaulabelle A. Histoire des deux restaurations jusqu'à la chute de Charles X, deuxième édition, t. II. Paris, 1847.
Vauthier G. La misère des ouvriers en 1831.— «La Révolution de 1848», № 412, 1925.
Vauthier G. «François de Neufchâteau — agriculteur».— «Ann. hist. de la Révolution française». Reims, 1925, n. s., t. II.
Vidalenc J. Le département de l'Eure sous la monarchie constitutionelle. 1814—1848. Paris, 1952.
Villefosse H. (de). Suplément au Mémoire sur les usines à fer de la France, ajouté dans le mois de Décembre 1826 présentant un aperçu des Mines de Houille de la France, et des usines de fer de Grande-Bretagne.— «Annales des mines», t. XIII, 1926.
Weill D. Histoire du parti républicain en France (1814—1870). Nouvelle édition complétement refondue. Paris, 1928.
Weiss R. Un précurseur de la législation internationale du travail. Daniel Le Grand. Son oeuvre social et international. Paris, 1926.
Wolters F. Studien über Agrarzustände und Agrarproblem in Frankreich. Leipzig, 1905.
Zevaès A. L'émeute des Quatre Sous à Anzin. «La Révolution de 1848», décembre 1937 — janvier — février 1938.
Young A. Voyages en France (éd. H. Sée, avec notes). 3 vols. Paris, 1930.
Арнольд Ф. К. История лесоводства в России, Франции и Германии. СПб., 1895.
Адо В. Крестьянские восстания в начале Французской революции в 1789 г. Сборник в память академика Е. В. Тарле. М., 1957.
Архангельский С. И. Аграрное законодательство великой английской революции, ч. 1. М.— Л., 1935.
Варрон. Перев. М. Е. Сергеенко.
Васютинский В. А. Разрушители машин в Англии. М.— Л., 1929.
Державин А. Н. Из истории великих изобретений. Механизация узорчатого тканья. М., 1899.
Бендрикова Л. А. Экономический кризис и рабочее движение накануне февральской революции во Франции.— Сб. «К столетию революции 1848 г.» М., 1948.
Ковалев С. И. История Древнего Рима. Л., 1948.
Ковалевский М. М. Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства, т. 1. М., 1898.
Кареев Н. И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.
Косминский Е. А. Английский рабочий в эпоху промышленного переворота.— «Архив К. Маркса и Ф. Энгельса». Книга третья. М., 1927.
Кон И. С., Люблинская А. Д. Труды французского историка Марка Блока.— «Вопросы истории», август 1955.
Лавровский В. М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии. М., 1958.
Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1966.
Манфред А. З. Марат. М., 1962.
Молок А. М. Революция 1830 г. во Франции. Неопубликованная докторская диссертация; хранится в архиве Института истории АН СССР. Москва.
Петрушевский Д. М. Очерки из истории средневекового общества и государства. М., 1913.
Прянишников Д. Н. и *Якушкин И. В.* Растения полевой культуры. М., 1938.
Путяга Александр. Опытный помещик или вернейший руководитель гг. владельцев... СПб., 1836.
Самарин Д. Ф. Родословная полевого травосеяния на общинных землях. 1819—1897 гг. М., 1897.
Семенов В. Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии в XVI в.— «Ученые записки Московского педагогического института имени В. И. Ленина», № 275. М., 1967.
Сергеенко М. Е. Полевое хозяйство у Катона.— «Вестник древней истории», № 4, М.— Л., 1948.
Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.— Л., 1958.
Сергеенко М. Е. Удобрение хлебных полей в древней Италии. «Архив истории науки и техники», т. IV. М.— Л.
Сказкин С. Д. Очерки по истории западноевропейского крестьянства. М., 1968.
Столетова Е. А. Кориандр. М.— Л., 1931.
Тарле Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М., 1928.
Черняк Е. Б. Массовое движение в Англии и Ирландии в конце XVIII — начале XIX в. М., 1962.
Шавров Н. Н. Труды Кавказской шелководственной станции. Тифлис, 1902.